ДЖЕК ЛОНДОН

ДОЧЬ СНЕГОВ

*

СИЛА СИЛЬНЫХ



Дочь снегов. Сила сильных
Джек Лондон

Аннотация
Джек Лондон
ДОЧЬ СНЕГОВ
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX

Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII
Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
СИЛА СИЛЬНЫХ
Сила сильных
По ту сторону черты
Неслыханное нашествие
Враг всего мира
Морской фермер
КОММЕНТАРИИ

Аннотация

Роман «Дочь снегов», открывающий очередной том собрания сочинений Дж. Лондона, повествует о приключениях молодой эмансипированной американки на Клондайке во времена «золотой лихорадки». Рассказы разных лет, также вошедшие в книгу, объединяет общая тема — внутренние противоречия в характере и судьбе сильных личностей.

Джек Лондон

ДОЧЬ СНЕГОВ



Глава I

— Все готово, мисс Уэлз, но, к сожалению, мы никак не можем предоставить вам шлюпку.

Фрона Уэлз с живостью поднялась с места и подошла к старшему офицеру.

— У нас дела выше головы, — объяснил тот, — и к тому же золотоискатели такой скоропортящийся груз… По крайней мере…

— Понимаю, — перебила она, — и я веду себя не лучше их. Простите за беспокойство, но, но… — Она, быстро повернувшись, указала на берег. — Видите тот большой бревенчатый дом? Между группой сосен и рекой? Я родилась там.

— На вашем месте я и сам, пожалуй, торопился бы, — сочувственно пробормотал офицер, провожая ее по запруженной людьми палубе.

Все толкались и мешали друг другу, громко переругиваясь между собой. Несколько сот золотоискателей требовали, чтобы их снаряжение немедленно выгрузили на берег. Все люки были широко раскрыты, и краны со скрипом поднимали кверху из глубины трюмов разрозненный багаж пассажиров. Ряды плоскодонок, теснившихся вдоль обоих бортов парохода, принимали

груз, который им опускали сверху. На каждой из них теснилась группа мужчин. Обливаясь потом, они набрасывались на спускающиеся канаты и с горячечной поспешностью осматривали тюки и ящики. Стоящие на палубе размахивали багажными квитанциями и громко переговаривались с другими через борт. Подчас двое или трое одновременно заявляли права на одно и то же место багажа, и тогда разгоралась настоящая война. Различные клейма — два кружка и кружок с точкой — вызывали бесконечные споры, и на каждую пилу находилось не меньше десятка претендентов.

— Комиссар говорит, что сойдет с ума, — сказал старший офицер, помогая Фроне пробраться к сходням, — а багажные конторщики вышвырнули весь груз пассажирам и не желают больше палец о палец ударить. Однако мы все же оказались счастливее «Вифлеемской звезды», — продолжал он, указывая на пароход, стоявший на якоре в четверти мили от них. — Одна половина ее пассажиров привезла с собой вьючных лошадей для переправы через Скагуэй и Белый перевал, а другая оказалась вынужденной отправиться на Чилькут. Все они взбунтовались, передрались между собою, и теперь там полная забастовка.

— Эй! — окликнул он лодку, осторожно пробиравшуюся в стороне от этой суматохи.

Какой-то маленький баркас, геройски таща за собой большую буксирную баржу, попытался пройти между флотилией плоскодонок и лодкой. Лодочник попробовал было срезать ему нос, но маневр, к несчастью, не удался. Лодка повернулась кругом и затормозила на месте.

— Берегись! — крикнул старший офицер.

Две семидесятифутовых пироги, нагруженные снаряжением золотоискателей и индейцами, под полными парусами неслись с противоположной стороны. Одна из них круто повернула к сходням, но вторая прижала лодку к барже. Лодочник успел вовремя поднять весла, но его маленькое суденышко под натиском пироги затрещало и заскрипело, грозя перевернуться. Он поднялся на ноги и в кратких, но чрезвычайно сильных выражениях предал всех лодочников и рулевых всего мира вечному проклятию. Какой-то человек, перегнувшись через борт баржи, покрыл его отборнейшей трескучей руганью, на которую индейцы и белые, находившиеся в пироге, ответили презрительным смехом.

— Эй ты, растяпа, — крикнул один из них, — научился бы раньше грести!

Кулак лодочника опустился на скулу злополучного критика, и тот, оглушенный, свалился на беспорядочно сваленный груз. Не довольствуясь этой расправой, оскорбленный лодочник снова занес руку, а ближайший к нему золотоискатель схватился за револьвер, к счастью, плотно застрявший в светлой кожаной кобуре. Его товарищи-аргонавты, покатываясь со смеху, ожидали, чем кончится дело. Но пирога снова двинулась, и индеец-рулевой, ткнув концом своего весла лодочника в грудь, сшиб его с ног.

Когда поток ругательств и проклятий достиг полной мощи, а кровопролитная стычка казалась неминуемой, старший офицер бросил украдкой взгляд на девушку, стоявшую рядом с ним. Он ожидал увидеть испуганное и смущенное девичье лицо, но, к великому удивлению, встретил разгоряченный и глубоко заинтересованный взгляд.

— Мне, право, очень неприятно… — начал он.

Но она не дала ему докончить.

— Какие пустяки. Напротив, все это мне страшно нравится. Впрочем, я очень рада, что револьвер застрял в кобуре, иначе…

— Нам не скоро пришлось бы высадиться на берег, — с улыбкой тактично вставил офицер. —

Этот малый настоящий разбойник, — продолжал он, указывая на лодочника, который плыл теперь вдоль борта парохода. — Он запросил ни больше ни меньше как двадцать долларов за то, чтобы доставить вас на берег. И при этом добавил, что с мужчины он ни за что не взял бы меньше двадцати пяти. Говорю вам, что это сущий пират и виселица давно уже плачет по нем. Двадцать долларов за полчаса работы. Ну, не безобразие ли это!

— Эй, вы там, полегче на повороте, — предостерег его лодочник; он неуклюже причалил к пароходу и перекинул одно весло через борт. — Не ваше это дело выражаться здесь разными словами, — прибавил он, вызывающе стряхивая с рукава воду, набежавшую с весла.

— У вас неплохой слух, милейший, — заметил старший офицер.

— И верный кулак, — выпалил тот.

— И язык без костей.

— Да, уж иначе в нашем деле никак нельзя. Вам, морским акулам, только попадись, — живо слопаете. Это я-то разбойник? А вы кто же будете? Тоже, подумаешь, честные люди нашлись! Напихают в свое корыто тысячу пассажиров, ровно сельдей в бочку, пичкают их тухлятиной, обра-

щаются с ними хуже, чем со свиньями, а дерут за это вдвое дороже, чем за первый класс. Это я-то разбойник, я?

Над перилами показалась вдруг чья-то красная физиономия, и раздраженный голос заорал:

— Да выгрузите ли вы когда-нибудь мой багаж? Слышите, мистер Терстон? Сейчас же выложите мне его! Немедленно! На вашей паршивой скорлупе застряло пятьдесят мест моего багажа, и если вы не выгрузите их в два счета, плохо будет. Каждый день задержки обходится мне в тысячу долларов. Я не потерплю этого. Слышите вы? Вы принялись очищать мои карманы с той минуты, как мы вышли из Сиэтла. Будет, хватит с меня! Клянусь всеми чертями, что я разнесу вашу компанию, не будь я Тэд Фергюсон. Слышите, что я говорю? Я — Тэд Фергюсон, и если вы дорожите своей шкурой, пошевеливайтесь. Слышали?

— Разбойник! — продолжал возмущаться лодочник. — Это кто же разбойник, я?

Мистер Терстон умиротворяюще махнул рукой краснолицему и повернулся к девушке:

— Я охотно проводил бы вас до самого дома, но вы видите, как мы завалены работой. До свиданья и счастливого пути. Я сейчас же прикажу людям спустить ваш багаж, а не позже завтрашнего утра

он будет в лавке.

Она слегка пожала ему руку и опустилась в лодку. Под тяжестью ее тела утлая посудина накренилась и сильно зачерпнула, так что ноги Фроны оказались по щиколотку в воде. Однако она отнеслась к этому совершенно спокойно и уселась на корме, подобрав под себя ноги.

— Стой! — крикнул офицер. — Так не годится, мисс Уэлз. Вернитесь обратно, и я постараюсь при первой возможности добыть для вас одну из наших шлюпок.

— Скорее я увижу вас на том свете, — возразил лодочник, отталкиваясь от борта. — Эй, пустите, — угрожающе крикнул он.

Мистер Терстон еще крепче ухватился за шкафут и в награду за свое рыцарство получил сильный удар лопаткой весла по пальцам. Тут он вышел из себя и, забыв обо всем на свете, не исключая и мисс Уэлз, стал яростно ругаться.

— Наше прощание, пожалуй, могло бы выйти более трогательным, — крикнула ему девушка, и смех ее разнесся по воде.

— Черт! — пробормотал он, галантно снимая фуражку. — Вот это женщина! — и в нем проснулось вдруг страстное желание вечно видеть свое отражение в серых глазах Фроны Уэлз. Он не лю-

бил копаться в собственной душе, но чувствовал, что с этой девушкой охотно отправился бы на край света. Мистеру Терстону вдруг опротивела его профессия, и им овладело искушение бросить все и двинуться в Клондайк, куда направлялась она. Но тут он взглянул на облепленный людьми борт парохода, увидел красную физиономию Тэда Фергюсона и сразу позабыл о прекрасном сне, который пригрезился ему за минуту перед тем.

Шлеп, дзз! Пригоршня воды с весла усердного лодочника плеснула прямо в лицо Фроне.

— Надеюсь, вы не сердитесь, мисс? — виноватым голосом спросил лодочник. — Я стараюсь как могу, а толку вот мало.

— Да, пожалуй, — добродушно ответила она.

— Не скажу вам, чтобы я слишком любил море, — с горечью продолжал он, — но нужно же человеку как-нибудь честно заработать свои несколько долларов? А это верный хлеб. Эх, был бы я теперь в Клондайке, если бы не мое проклятое невезение. Уж расскажу вам, как было дело. Все мое снаряжение погибло в Рукаве Ветров, после того как я благополучно перетащил его через Перевал…

Шлеп, дзз! Она смахнула с век воду, снова залившую ей лицо, и заерзала от холодных струек,

которые скатывались по ее теплой спине.

— За вас-то бояться нечего, — подбодрял он ее. — Вы, прямо сказать, созданы для этих мест. Отправляйтесь смело, у вас получится.

Она весело кивнула.

— Да, вы справитесь, что и говорить. Так вот, потеряв свое снаряжение, я вернулся к берегу, чтобы заработать себе на другое. Вот почему я и беру такие деньги с пассажиров. Надеюсь, мисс, вы не в претензии на меня, что я столько запросил с вас? Право, я не хуже других, мисс. С меня содрали целую сотнягу за эту старую калошу, а в Штатах за нее никто и десяти бы не дал. Здесь всюду такие цены. Там, на Скагуэе, гвозди для подков стоят ни больше ни меньше как по четверти доллара за штуку. Человек подходит к стойке и спрашивает виски, а виски — это полдоллара. Ладно, опрокидывает он свое виски, кладет за него два подковных гвоздя — и квит. Никому и в голову не придет отбрыкнуться от гвоздей, они ходят в тех местах за монету.

— А вы, должно быть, с характером человек, если собираетесь снова отправиться в эту страну после такого печального опыта. Как вас зовут? Мы, может быть, еще встретимся там.

— Кого? Меня? Меня зовут Дэл Бишоп, золотоис-

катель; и если мы когда-нибудь свидимся с вами, помните, что я охотно сниму для вас последнюю рубашку, то есть я хочу сказать, что с радостью отдам вам последний кусок.

— Спасибо, — ответила она с ласковой улыбкой, ибо Фрона Уэлз была женщиной и любила все, что идет прямо от сердца.

Он перестал грести и довольно долго возился, стараясь выудить из воды, покрывавшей дно лодки, старую жестянку из-под солонины.

— Вот займитесь-ка вычерпыванием, — распорядился он, перебрасывая ей жестянку. — После этого столкновения лодка стала протекать еще больше прежнего.

Фрона мысленно улыбнулась, подобрала свои юбки и принялась за работу. Каждый раз, когда она нагибалась, скованные льдом горы, точно огромные валы, то поднимались, то опускались на горизонте. Время от времени девушка откидывалась назад и вглядывалась в цветущий берег, к которому направлялась их лодка, затем снова переводила взор на зажатый сушей рукав моря, где стояло на якоре около двух десятков больших пароходов. От каждого из них к берегу и обратно устремлялся беспрерывный поток плоскодонок, баркасов, пирог и всевозможных

мелких лодчонок. «Так человек, этот великий труженик, преодолевает враждебную ему среду», — подумала она, вызывая в памяти имена учителей, мудрость которых она впитывала в себя в библиотеках в часы полуночных занятий. Фрона Уэлз — зрелый плод своего века — была прекрасно знакома с миром физических явлений и законами, которые управляют им. И она любила и глубоко почитала Вселенную.

Некоторое время Дэл Бишоп лишь подчеркивал царившее молчание всплесками своих весел. Но вдруг его поразила одна мысль.

— Вы не сказали мне, как вас зовут, — заметил он вежливо.

— Меня зовут Уэлз, — ответила девушка, — Фрона Уэлз.

На лице его отразилось великое почтение, которое все усиливалось, пока не перешло, наконец, в нечто вроде благоговения.

— Вы… Фрона… Уэлз? — медленно произнес он. — А Джекоб Уэлз, значит, приходится вам батюшкой?

— Да, я дочь Джекоба Уэлза, к вашим услугам.

Он собрал губы, издал протяжный тихий свист в знак того, что понял, наконец, в чем дело, и перестал грести. — Перебирайтесь-ка опять на

корму и не мочите больше ног, — скомандовал он, — а жестянку дайте мне.

— Разве я плохо работаю? — с негодованием спросила Фрона.

— Нет, работаете вы как следует, но… но вы…

— Та самая, какой я была прежде, чем вы узнали мою фамилию. Ну, беритесь-ка за весла — это ваше дело, а я займусь своим.

— О, вы-то справитесь! — пробормотал он в восхищении, снова нагибаясь над веслами. — Так, так, значит, Джекоб Уэлз приходится вам отцом. И как это я сразу не догадался!

Когда они добрались до кишащей людьми песчаной отмели, заваленной грудами самого разнообразного багажа, Фрона Уэлз задержалась на некоторое время, чтобы пожать руку своему перевозчику. И хотя пассажирки, с которыми Дэлу Бишопу приходилось до тех пор иметь дело, никогда не делали ничего подобного, он нашел такой поступок вполне естественным для дочери Джекоба Уэлза.

— Помните, что мой последний кусок будет всегда к вашим услугам, — сказал он, не выпуская ее руки.

— И последняя рубашка тоже, не забудьте, пожалуйста.

— Вы… вы прямо молодчага! — воскликнул он, в последний раз пожимая ей руку. — Право!

Короткая юбка не сковывала свободных движений, и она с удовольствием заметила, что избавилась от мелкой семенящей походки, к которой приучили ее городские тротуары. Теперь она шла свободным легким шагом, который вырабатывается на тропе и усваивается ценой долгих странствий и испытаний. Не один золотоискатель, жадно поглядывая на ее ноги, затянутые в серые гетры, разделял восхищение Дэла Бишопа. И не один из них, заглянув ей в лицо, старался сделать это еще раз, ибо это открытое лицо дышало искренней дружеской приветливостью, а глаза всегда светились улыбкой, готовой расцвести в любую минуту. И стоило заглянувшему улыбнуться, как глаза Фроны тотчас же отвечали ему смеющимся сиянием. Этот ласкающий свет отражал всю гамму настроений — он говорил о веселье, сочувствии, радости жизни, юморе и дополнял собою то, что зажигало его. Иногда он разливался по всему лицу, точно заря, предвещающая радостный восход, пока улыбка не начинала искриться на нем. Весь облик девушки дышал неизменным дружелюбием и искренностью.

Многое вызывало ее улыбку, когда она торопливо пробиралась сквозь толпу, сначала по песчаной отмели, а потом по плоскому берегу, направляясь к бревенчатому строению, на которое она указывала мистеру Терстону. Время, как ей казалось, повернуло вспять, и способы передвижения и перевозки снова вернулись к самому примитивному состоянию. Люди, всю свою жизнь не носившие ничего, кроме небольших пакетов, теперь превратились в носильщиков и грузчиков. Они больше не держались прямо, а подавались всем туловищем вперед и пригибали голову к земле. Спины превратились в седла для груза, и ссадины от ремней уже давали себя чувствовать. Люди пошатывались под непосильной ношей, и ноги их от усталости дрожали и выписывали мыслете,[1] словно все они были пьяны. И так продолжалось до наступления сумерек, когда носильщики вместе с грузом без сил падали тут же у дороги. Другие, торжествуя в душе, наваливали свое добро на двухколесные тележки и бодро подталкивали их вперед, пока на пути не вырастал первый огромный круглый валун — один из тех, которыми была усеяна до-

[1] notes: 1

Мысле́те — название буквы «м» в кириллице. Здесь: выписывать мыслете — идти зигзагами, заплетаясь.

рога. Столкнувшись с этим препятствием, они устанавливали новые принципы путешествия по Аляске и, покончив с философской стороной вопроса, разгружали тележку или возвращались с ней обратно на берег, чтобы продать ее там за баснословную цену последнему высадившемуся с парохода. Новички, увешенные десятифунтовыми револьверами, патронами и охотничьими ножами, бодро пускались в путь по тропе и медленно сползали обратно, в отчаянии отбрасывая револьверы, патроны и ножи, так и сыпавшиеся дождем на землю. И так, задыхаясь и обливаясь потом, сыны Адама искупали первородный грех своего прародителя.

Этот бурно пульсирующий поток опьяненных жаждой золота людей слегка ошеломил Фрону, и толпы мятущихся чужаков на время как бы затмили родную картину и связанные с ней воспоминания. Даже давно знакомые особенности любимых мест показались ей вдруг странно чужими. Ничего как будто не изменилось, а между тем все стало новым. Здесь, по зеленой равнине, где она играла ребенком, пугаясь собственного голоса, который отражало эхо в ледниках, теперь беспрерывно проходили взад и вперед десятки тысяч людей. Они втаптывали в землю нежную

зелень травы и бросали дерзкий вызов безмолвию скал. Там, впереди, шли десятки тысяч других алчущих золота людей, и по ту сторону Чилькута двигались еще и еще десятки тысяч. А позади, вдоль усеянного островками берега Аляски, вплоть до мыса Горн, спешили по волнам десятки тысяч оседлавших ветер и пар искателей счастья, стекавшихся сюда со всех концов земли. Река Дайя, как и прежде, бурно катила к морю свои воды, но девственные берега ее были осквернены грубой ногой человека. Волнующаяся цепь тянула намокшую бечеву и медленно поднимала ее вверх, таща за собою осевшие под тяжестью груза лодки. Воля человека боролась с волей реки, и люди смеялись над старой Дайей и вытаптывали ее берега, подготовляя путь для тех, кто следовал за ними.

Порог лавки был забит шумной толпой людей. Как часто Фрона перебегала через него когда-то и, прижавшись к притолке, с трепетом разглядывала незнакомую фигуру какого-нибудь случайно забредшего охотника или скупщика мехов. Там, где в прежние времена одно письмо, дожидавшееся адресата, считалось чуть ли не чудом, теперь — как она увидела, заглянув через окошко, — поднимались с пола до потолка целые груды писем. И

все эти люди, толкавшиеся и шумевшие у дверей, являлись сюда за своей корреспонденцией. Перед складом у весов теснилась другая толпа. Индеец сбросил свою ношу на весы, белый владелец груза отметил вес в записной книжке, и на весы опустили следующий тюк. Весь багаж был увязан ремнями, так что носильщикам оставалось только взвалить его на спину и пуститься в тяжелый путь через Чилькут. Фрона подошла ближе. Ее заинтересовали нынешние цены за переноску груза. Она хорошо помнила, что во времена ее детства редкие золотоискатели и торговцы платили по шести сентов за фунт, что составляет сто двадцать долларов за тонну.

Новичок, груз которого взвешивали в этот момент, заглянул в свой путеводитель.

— Восемь сентов, — сказал он индейцу. В ответ раздался презрительный смех, и все индейцы закричали хором:

— Сорок сентов!

На лице новичка отразилось отчаяние, и он с тревогой стал оглядываться по сторонам. Заметив отблеск сочувствия в глазах Фроны, он тупо уставился на нее, поспешно подсчитывая в уме, сколько ему придется заплатить за переноску своего снаряжения, в три тонны весом, при цене

сорок долларов за центнер.

— Две тысячи четыреста долларов за тридцать миль! — воскликнул он. — Что же мне делать?

Фрона пожала плечами.

— Соглашайтесь лучше на сорок сентов, — посоветовала она, — иначе они снимут свои ремни.

Он поблагодарил ее, но вместо того, чтобы последовать мудрому совету, начал торговаться. Один из индейцев, не долго думая, подошел к грузу и стал развязывать ремни. Новичок заколебался, но в тот момент, когда он готов был уже сдаться, носильщики подняли цену, требуя по сорок пять сентов за фунт.

По лицу бедняги расползлась жалкая улыбка, и он кивнул им в знак того, что соглашается. Но тут к группе подошел другой индеец и начал возбужденно шептаться с товарищами. Раздались крики ликования, и прежде чем новичок успел сообразить, в чем дело, индейцы поснимали свои ремни и ушли, распространяя по дороге радостную весть, что цена за переноску груза к озеру Линдерман поднялась до пятидесяти сентов.

Толпа перед лавкой вдруг заметно заволновалась. Люди возбужденно зашептались, и все глаза устремились на трех человек, спускавшихся к берегу по тропе. Эта троица с виду ничем не от-

личалась от прочих смертных, мужчины были плохо одеты, даже оборваны. В более культурной местности их подозрительный вид несомненно привлек бы внимание полицейского, который не колеблясь задержал бы их как бродяг.

— Француз Луи, — шептали новички, и имя это переходило из уст в уста.

— У него три заявки кряду в Эльдорадо! — объяснил Фроне ее сосед. — Цена им, по меньшей мере, десять миллионов.

Глядя на француза Луи, шедшего несколько впереди своих спутников, трудно было этому поверить. Он распрощался где-то по дороге со своей шляпой, и голова его была небрежно обвязана потертым шелковым платком. Несмотря на свое десятимиллионное состояние, он сам тащил дорожный мешок на собственных широких плечах.

— А вон тот с бородой — Билль Стремнина, тоже один из эльдорадских королей.

— Откуда вы это знаете? — недоверчиво спросила Фрона.

— Как же мне не знать! — воскликнул ее собеседник. — Знаю! Вот уж полтора месяца, как все газеты полны его портретами. Вот посмотрите! — Он развернул номер газеты. — Здорово

похоже, не правда ли? Я так насмотрелся на его физиономию, что узнал бы ее в тысячной толпе.

— А кто же третий? — спросила девушка, молчаливо признавая авторитетность его сведений.

Собеседник ее поднялся на цыпочках, чтобы лучше разглядеть.

— Не знаю, — с грустью сознался он и похлопал по плечу своего соседа. — Кто этот тощий, бритый? Вон тот, в синей рубахе, с заплатой на колене?

Но в этот миг Фрона радостно вскрикнула и бросилась вперед.

— Мэт! — крикнула она, — Мэт Маккарти!

Человек с заплаткой горячо пожал ей руку, хотя по всему было видно, что он не узнает девушку: глаза его выражали полную растерянность.

— Да неужели вы забыли меня? — оживленно болтала она. — И боитесь сознаться в этом? Если бы тут не было так много народа, я расцеловала бы вас, старый медведь! Итак, Большой Медведь вернулся к своим медвежатам, — продолжала она торжественно. — А медвежата были голодные-преголодные. И Большой Медведь сказал: «А угадайте-ка, детки, что я вам принес?» Один из медвежат ответил: «ягод», другой: «рыбку», а третий: «дикобраза». Но Большой Медведь

рассмеялся: «Уф, уф! Нет, нет, детки. Вкусного, большого, жирного человека!».

Маккарти слушал, и по его лицу скользили отблески воспоминаний. Когда она умолкла, глаза Мэта сощурились, и он засмеялся странным, беззвучным смехом.

— Разумеется, я вас знаю, — заявил он, — но, чтоб мне провалиться, если… Кто вы такая?

Она указала ему на лавку, напряженно следя за выражением его лица.

— Есть! — Он отступил назад и осмотрел ее с ног до головы. На лице его снова отразилось разочарование. — Нет, не может быть, я ошибся. Вы не могли жить в этой лачуге, — сказал он, указывая пальцем в сторону лавки.

Фрона энергично кивнула головой.

— Значит, это в самом деле вы? Маленькая сиротка с золотыми волосиками, которые я столько раз расчесывал и распутывал? Маленький чертенок, который бегал повсюду босиком и без штанишек?

— Да, да, — весело подтвердила она.

— Тот самый маленький бесенок, который в самый лютый мороз выкрал упряжку собак и отправился через Перевал, чтобы посмотреть, там ли конец света, потому что старый Маккарти

рассказывал ей глупые сказки.

— О Мэт, милый старый Мэт! А помните, как я отправилась купаться с сивашскими девушками из индейского поселка?

— И я вытащил вас за волосы.

— И потеряли при этом один непромокаемый сапог, совсем новый!

— Как не помнить. Ну и история была! Просто срам один. А ведь за сапоги-то я выложил вашему отцу десять долларов чистоганом.

— А потом вы отправились через Перевал в глубь страны. И мы больше не слыхали о вас ни звука. Все думали, что вы погибли.

— Я как сейчас помню этот день. Вы плакали у меня на руках и ни за что не желали поцеловать на прощание своего старого Мэта. Но под конец вы все же сделали это, — воскликнул он с торжеством, — когда увидели, что я в самом деле ухожу от вас. Какая вы были тогда крохотная!

— Мне было всего восемь лет.

— Да, с тех пор прошло двенадцать лет. Двенадцать лет я провел в глубине страны и ни разу не высовывал оттуда носа. Значит, вам теперь должно быть двадцать лет.

— И я почти одного роста с вами, — подтвердила Фрона.

— Славная девушка вышла из вас, высокая, статная и все такое… — Он окинул ее критическим взором. — Вот только мяса, мне кажется, не мешало бы нагулять немножко…

— Нет, нет, — возразила она. — Не в двадцать лет, Мэт, — позднее. Пощупайте-ка мои мускулы, вы увидите. — Она согнула руку и напрягла бицепс.

— Ну и мускулы, — одобрил он с восхищением, нащупав вздувшийся узел. — Можно подумать, что вы в поте лица добывали себе хлеб.

— О, я умею драться дубинками, боксировать и фехтовать, — воскликнула она, поочередно принимая соответствующие позы, — и плавать, и нырять, и бегать взапуски и… ходить на руках. Вот!

— И это все, чем вы занимались там? А я думал, что вы поехали учиться! — строго заметил Маккарти.

— Но теперь учат по-иному, Мэт, и не набивают больше голову всякой ерундой.

— Что говорить, — если ноги в ход пойдут, тут уж не до головы. Ну, ладно, я вам прощаю ваши мускулы.

— А вы-то сами что поделываете, Мэт? — спросила Фрона. — Как вам жилось эти двенадцать

лет?

— Как? Смотрите же! — Он расставил ноги, откинул голову назад и выпятил грудь. — Вы видите перед собою мистера Маккарти, короля из благородной династии Эльдорадо, милостью своей собственной правой руки. Мои владения не имеют границ. За одну минуту я получаю больше золота, чем видел за всю свою прежнюю жизнь. Теперь я отправляюсь в Штаты повидаться с предками. Я твердо убежден, что они несомненно существовали когда-то. В Клондайке вы можете найти сколько угодно самородков, но хорошего виски там нет. Вот мне и захотелось перед смертью выпить еще настоящей водочки. А после этого я имею твердое намерение вернуться снова в свои клондайкские владения. Так вот, значит, я король Эльдорадо; и если вам понадобится славный участок, я, так и быть, устрою вам это дело.

— Все тот же старый Мэт, тот же старый младенец, — засмеялась Фрона.

— А вы настоящая Уэлз, несмотря на ваши мускулы чемпиона и философские мозги. Ну, войдемте в лавку за Луи и Стремниной. Я слышал, что в ней по-прежнему хозяйничает Энди, и мы увидим сейчас, сохранился ли я на страницах его памяти.

— И я тоже, — сказала Фрона, схватив его за руку. (У нее была дурная привычка хватать за руку людей, которых она любила.) — Ведь целых десять лет прошло с тех пор, как я уехала отсюда.

Ирландец проложил себе дорогу через толпу, работая точно ломовой, и Фрона легко и спокойно двигалась сзади, под прикрытием его широкой спины. Новички с глубоким почтением провожали взглядом королей Эльдорадо, ибо для них это были божества Севера. Когда они скрылись в лавке, в толпе снова послышались взволнованные голоса.

— Кто эта девушка? — спросил кто-то.

И Фрона, переступая через порог, услышала ответ:

— Дочка Джекоба Уэлза. Не слыхали о Джекобе Уэлзе? Где же вы были до сих пор?

Глава II

Она вышла из чащи серебристых берез и легко побежала по обрызганному росой лугу. Первые лучи солнца золотили ее распущенные волосы. Рыхлая от влаги земля мягко поддавалась под ее ногами, сырая трава била ее по коленям и обдавала сверкающими брызгами жидких алмазов. Утренняя заря румянила ей щеки, зажигала искры в глазах, и вся она сияла юностью и любовью. Фрона выросла на лоне природы, заменившей ей мать, и питала страстную любовь к старым деревьям и зеленым побегам, стелющимся по земле. Смутный шорох пробуждающейся жизни радовал ее слух, а влажные запахи земли ласкали обоняние.

Там, где верхний край луга тонул в темной и узкой полосе леса, среди прозрачных одуванчиков и ярких лютиков, она наткнулась на целую полянку крупных аляскинских фиалок. Бросившись на землю, девушка зарыла лицо в благовонную прохладу пурпурных цветов и, обхватив руками нежные головки, окружила великолепным венком свою голову. Фрона нисколько не стыдилась в эту минуту своей восторженности. Она нема-

ло пространствовала по свету, пожила сложной жизнью, сталкиваясь с грязью и непогодой, и вернулась на родину такой же простой, чистой и здоровой, как и уехала. И, лежа здесь на земле, она радовалась этому и вспоминала прежние дни, когда вся Вселенная начиналась и кончалась для нее у горизонта и когда она совершила путешествие через перевал, чтобы увидеть бездну, которой, по ее мнению, завершалась земля.

В детстве она жила вполне примитивной жизнью, чуждой всяких условностей, за исключением немногих строго соблюдавшихся правил. Эти правила можно было выразить словами, которые она где-то вычитала позднее: «вера в пищу и сон». Этой веры всегда придерживался отец, размышляла девушка, вспоминая, с каким уважением люди произносили его имя. Этой вере он научил ее, Фрону, и она перенесла ее через пропасть в тот мир, где люди давно забыли о старых истинах и заменили их эгоистическими догмами и тончайшей казуистикой. Эту веру она привезла с собой обратно такой же свежей, юной и радостной, как и увезла. Ведь это так просто и ясно, рассуждала она, почему же людям не разделять ее веру — *веру в пищу и сон?* веру в тропу и охотничий лагерь? Веру, которая помогала

сильным, чистым людям бесстрашно встречать грудью внезапную опасность и неожиданную смерть в бою и в волнах. Почему бы нет? Ведь это вера Джекоба Уэлза! Вера Мэта Маккарти! Вера индейских мальчиков, с которыми она играла в детстве! Вера девушек-индианок, которыми она предводительствовала в походе амазонок! Наконец, такова была и вера волкодавов, напрягавших в упряжи свои мускулистые члены и мчавшихся с ней по снегу! Это здоровая, реальная, хорошая вера, думала она, и волна счастья заливала ее душу.

Громкие трели реполова приветствовали ее из чащи берез, напоминая о том, что день уже наступил. Далеко в лесу с шумом вспорхнула куропатка, и белка точным движением перепрыгнула над ее головой и понеслась дальше с ветки на ветку, с дерева на дерево. С реки, скрытой за рядами деревьев, доносились голоса работающих искателей счастья. Заря оторвала их от сладкого сна и заставила снова взяться за тяжелый труд.

Фрона встала, откинула назад волосы и бессознательно направилась по старой тропинке, которая вела к селению вождя Георга и индейцев племени Дайи. По дороге ей попался мальчик, в одних штанах, босой, похожий на бронзового

божка. Он собирал хворост и бросил на Фрону быстрый взгляд через бронзовое плечо. Она весело поздоровалась с ним на местном наречии; но мальчик покачал головой, дерзко рассмеялся и прервал свою работу, чтобы послать ей вдогонку неприличную брань. Фрону страшно удивила эта грубость: она прекрасно помнила, что ничего подобного раньше не бывало, и, проходя мимо рослого, хмурого индейца из племени Ситка, решила на всякий случай придержать язык за зубами.

На опушке леса перед ней открылось селение индейцев. Она остановилась пораженная. Это был уже не прежний поселок — десяток-другой лачуг, лепившихся на открытой поляне, словно ища друг у друга защиты. Перед ней лежало настоящее большое селение. Оно начиналось у самого леса и тянулось во все стороны по равнине, между разбросанными группами деревьев, спускаясь и поднимаясь по берегу реки, где стояли в десять-двенадцать рядов длинные пироги. В нем, по-видимому, слились несколько племен, рассеянных до того на тысячу миль по берегу. Ничего подобного Фроне не приходилось видеть прежде. Население почти целиком состояло из пришлых индейцев, перебравшихся сюда со сво-

ими женами, скарбом и собаками. Ей попадались индейцы из племен Юно и Врангель, ее толкали стиксы со свирепыми глазами, пришедшие из-за перевала, дикие чилькуты и индейцы с островов Королевы Шарлотты, и все они бросали на нее злобные, хмурые взгляды. Правда, изредка попадались исключения — еще более неприятные — в лице местных весельчаков, которые покровительственно подмигивали ей и бросали в лицо неповторяемые гнусности.

Это нахальство скорее раздражало, чем пугало Фрону, оскорбляя и нарушая радость свидания с родными местами. Однако она быстро сообразила, в чем кроется причина этой перемены: старый патриархальный строй времен ее отца отошел в область преданий, и цивилизация палящим вихрем пронеслась над этими полуварварскими племенами. Заглянув через поднятую полу одной из палаток, она увидела на земле группу мужчин с разгоряченными лицами и безумными глазами, сидевших кружком на корточках. Груда бутылок, валявшихся у входа, красноречиво свидетельствовала о бурно проведенной ночи. Какой-то белый, с хитрым и порочным лицом, сдавал карты, а на краю одеяла блестели кучки серебряных и золотых монет. В нескольких

шагах от играющих жужжало колесо лотереи, и индейцы — мужчины и женщины — с жадными лицами протягивали заработанные в поте лица деньги в надежде получить жалкие выигрыши. Со всех сторон неслись визгливые нестройные звуки дешевых *music boxes.*

Какая-то старая индианка грелась на пороге хижины, обдирая кору с ивового прута. Вдруг она подняла голову и издала резкий крик.

— Хи-Хи! Тенас Хи-Хи! — восторженно бормотала она своими беззубыми деснами.

Фрона вся затрепетала: Тенас Хи-Хи. Маленькая Хохотушка! Так прозвали ее когда-то в далекие времена местные индейцы. Она повернулась и подошла к старухе.

— Как ты скоро забыла нас, Тенас Хи-Хи! — забормотала та. — А ведь глаза твои так зорки и молоды. Нет, старая Нипуза помнит дольше твоего.

— Так ты Нипуза? — воскликнула Фрона, слегка запинаясь, так как давно уже не говорила на этом языке.

— Да, да, Нипуза, — ответила старуха, увлекая ее за собою внутрь шатра. Она тотчас же отправила с каким-то спешным поручением босоногого мальчика, затем усадила гостью на полу

и принялась любовно поглаживать руку Фроны, заглядывая своими гноящимися, тусклыми глазами в ее лицо.

— Да, да, Нипуза, которая быстро состарилась, как старятся все наши женщины. Та самая Нипуза, которая нянчила тебя на руках, когда ты была совсем крошкой; Нипуза, которая прозвала тебя Маленькой Хохотушкой; Нипуза, которая боролась за тебя со смертью, когда ты захворала, и собирала корни в лесу и травы в поле и настаивала из них чай и поила тебя им. Но ты мало изменилась с тех пор, и я сразу узнала тебя. Твоя тень на земле заставила меня поднять голову. Хотя немножко-то ты, пожалуй, все-таки переменилась: высокая стала и гибкая, точно стройная ива, и солнце с годами оживило поцелуями твои щеки; но волосы у тебя все те же, так же свободно развеваются и цветом напоминают темные морские водоросли, всплывающие во время прилива, а рот по-прежнему светло улыбается и не знает рыданий. А глаза твои так же ясны и правдивы, как в те дни, когда Нипуза бранила тебя за шалости и ты не оскверняла языка своего ложью. Ай! Ай! Женщины, которые приходят теперь в эту страну, совсем не такие.

— А почему у вас перестали уважать белых

женщин? — спросила Фрона. — Ваши мужчины говорили мне в поселке скверные вещи, а когда я проходила по лесу, какой-то мальчик сделал то же самое. Такого безобразия не бывало в те времена, когда я играла здесь с вашими ребятишками.

— Ай! Ай! — ответила Нипуза. — Верно, верно. Но ты их не вини. Не изливай своего гнева на их головы. Потому что вина за это лежит на белых женщинах, которые приходят теперь в нашу страну. Они не могут сказать про одного какого-нибудь мужчину: «Это мой муж». А это очень скверно, когда женщина так ведет себя. Они смотрят на всех мужчин дерзкими, бесстыдными глазами, язык их нечист, а сердца испорчены. Вот почему твоих женщин больше не уважают у нас. На мальчишек не стоит обращать внимания: ведь это дети. А мужчины… почем они знают, что ты не такая?

Полы палатки раздвинулись, и на пороге показался старый индеец. Он что-то проворчал в сторону Фроны и уселся. Только некоторое оживление во взгляде указывало на то, что он очень рад видеть Фрону.

— Значит, Маленькая Хохотушка снова вернулась к нам в эти скверные времена, — произнес он резким, дребезжащим голосом.

— А почему же ты называешь эти времена скверными, Мэским? — спросила Фрона. — Разве женские наряды не стали ярче и красивее? Разве вы не живете сытнее прежнего, разве вы не едите теперь больше муки, свинины и прочей пищи белых людей? Разве молодежь ваша не богатеет, перетаскивая на своих ремнях багаж белых? И разве ты не получаешь, как в прежние дни, приношений из мяса, рыбы и тканей? Почему «скверные времена», Мэским?

— Воистину все это так, — ответил он своим красивым образным языком жреца, и в глазах его зажегся отблеск прежнего огня. — Все это так. Женщины носят более яркие наряды. Но они испытали на себе благосклонность белых мужчин и не желают больше смотреть на юношей своей крови. Вот почему племя перестало размножаться, и маленькие дети больше не ползают у нас под ногами. Все это так. Мы сытнее наедаемся пищей белого человека, но зато мы пьем больше скверного виски, который они привозят нам. Правда и то, что молодые люди зарабатывают теперь большие деньги. Но они просиживают ночи за картами и проигрывают их. Они научились грязно браниться, часто дерутся и проливают кровь. А старый Мэским получает гораздо мень-

ше приношений мясом, рыбой и тканями. Ибо молодые женщины отвернулись от истинной стези, а молодежь не почитает больше старых тотемов и старых богов. Вот почему я назвал эти времена скверными, Тенас Хи-Хи, вот почему старый Мэским сойдет в могилу с горечью в сердце.

— Ай, ай! Все это правда, — заскулила Нипуза.

— Безумие твоего народа передалось нашим племенам, — продолжал Мэским. — Твои родичи приходят к нам из-за Соленой Воды, точно волны морские, и идут все дальше, дальше! Кто знает, куда?

— Ах! Кто знает, куда? — причитала Нипуза, медленно раскачиваясь из стороны в сторону.

— Они идут в страну морозов и льдов, и вслед за ними приходят все новые и новые люди, волна за волной.

— Ай, ай! В страну морозов и льдов! А путь туда долгий, холодный и мрачный! — Она задрожала и положила вдруг руку на руку Фроны. — И ты пойдешь туда?

Фрона кивнула.

— И Тенас Хи-Хи пойдет! Ай, ай, ай!

Пола палатки поднялась, и Мэт Маккарти заглянул внутрь.

— Так вот где вы пропадаете, сударыня? Зав-

трак уже полчаса дожидается вас, и старый Энди жарит и варит, точно настоящая баба-стряпуха. С добрым утром, Нипуза, — обратился он к собеседнице Фроны, — и тебя также, Мэским, хотя вы, кажется, успели позабыть меня.

Старики ответили на приветствие и замкнулись в тупом молчании.

— Ну, поторапливайтесь, барышня, — снова обратился он к Фроне. — Мой пароход уходит в полдень, и мне совсем недолго осталось любоваться вами. Да к тому же вас дожидаются Энди и его завтрак, оба с пылу горячие.

Глава III

Фрона махнула Энди на прощание рукой и вышла на дорогу. За спиной у нее висел плотно увязанный фотографический аппарат и маленький дорожный мешок. Вместо альпенштока она держала в руках ивовую палку, с которой Нипуза содрала накануне кору. На девушке был скромный серый костюм, приспособленный для ходьбы по горам. Короткая юбка и отсутствие лишних складок и отделки давали полную свободу движениям.

Человек десять индейцев, несших на себе ее снаряжение, двинулись в путь под присмотром Дэла Бишопа за несколько часов до нее. Накануне, вернувшись с Мэтом Маккарти из сивашского селения, она застала у дверей лавки Дэла Бишопа, поджидавшего ее. Они живо поладили, ибо предложение его оказалось очень дельным и пришлось весьма кстати. Она отправлялась в глубь страны. Он также собирался туда. Ей несомненно понадобится помощь. Если она еще ни с кем не сговорилась, то он предлагает ей свои услуги. Он забыл сказать ей, когда вез ее на берег, что много лет назад он бывал в этих местах и знает их, как

свои пять пальцев. Правда, он недолюбливает воду, а путь им предстоит главным образом по воде, но это не пугает его. Он вообще ничего не боится, а за нее готов пожертвовать последней каплей крови. Что же касается вознаграждения, то он будет вполне счастлив, если она, по приезде в Даусон, замолвит о нем словечко Джекобу Уэлзу и обеспечит его на год продовольствием. Нет, нет, она может быть совершенно спокойна, речь идет о простом одолжении. За все полученное он заплатит впоследствии, когда в его мешочке заведется немного золота. Ну, что же она думает об его предложении? Фрона, поразмыслив, выразила свое согласие, и, прежде чем она успела позавтракать, Дэл Бишоп уже собирал носильщиков.

Фрона очень скоро убедилась, что двигается много быстрее большинства своих попутчиков. Все они были обременены тяжелым грузом и через каждые несколько сот ярдов останавливались, чтобы передохнуть. Тем не менее, ей пришлось напрячь все силы, чтобы не отстать от группы скандинавов, шедших впереди. Это были статные белокурые гиганты; каждый из них нес на спине добрую сотню фунтов, и все пятеро, кроме того, общими силами тащили за собою тележку, на которую было нагружено не

менее шестисот фунтов. Их лица сияли солнечным смехом и жизнерадостностью. Тяжелый труд, казалось, был для них детской забавой, и они совсем не замечали его. Они перекидывались шутками друг с другом и с прохожими на непонятном языке, и их мощные груди трепетали от раскатов смеха. Люди уступали им дорогу и провожали их завистливыми взглядами, ибо они шутя взбегали на подъемы тропы и легко спускались вниз, грохоча по скалам окованными железом колесами. Потонув в темной полосе леса, они вышли на берег реки у самого брода. На песчаной отмели лежал лицом вверх утопленник; его остановившиеся немигающие глаза были устремлены прямо на солнце. Какой-то человек, не переставая, задавал раздраженным голосом один и тот же вопрос: «Где его товарищи?» Двое других, сняв свои тюки, самым хладнокровным образом составляли инвентарь имущества покойного. Один громко называл предметы, а другой записывал их на клочке грязной оберточной бумаги. Мокрые, разбухшие письма и расписки валялись кругом на песке. Несколько золотых монет были небрежно брошены на белый платок. Другие золотоискатели, сновавшие взад и вперед по реке в челнах и яликах, не обращали никакого

внимания на то, что происходило на берегу.

При виде этого зрелища лица скандинавов на мгновение омрачились. «Где его товарищ? Неужели у него нет товарища?» — спросил их сердитый человек. Все трое покачали головами. Они не понимали по-английски. Они вошли в воду и двинулись вперед, расплескивая ее вокруг себя. Кто-то предостерегающе закричал им с противоположного берега; они остановились и посовещались между собой. Затем снова двинулись дальше. Те двое, что составляли инвентарь, повернулись к реке и стали смотреть им вслед. Вода не доходила великанам до бедер, но быстрое течение заставляло их пошатываться, а тележка то и дело поддавалась в сторону. Однако худшее было уже пройдено, и Фрона невольно вздохнула свободнее. Тем двум, которые шли впереди, вода доходила теперь только до колен, как вдруг у ближайшего к тележке лопнул на плече ремень. Тюк, который он нес на спине, сразу сполз на сторону, нарушая его равновесие. В тот же момент его товарищ поскользнулся, и они сбили друг друга с ног. Двое других, шедших позади, тоже упали, тележка опрокинулась, и течение увлекло ее от брода в глубокое место. Первые двое, которым удалось было выбраться из воды, бросились назад

и ухватились за ремни. Усилие было героическое, но, несмотря на всю богатырскую мощь этих людей, задача оказалась им не по плечу, и течение дюйм за дюймом стало увлекать их вниз.

Тяжелые тюки тянули их ко дну. Только одному из них — тому, у которого лопнул ремень, — удалось снова подняться на поверхность, но он поплыл не к берегу, а вниз по реке, стараясь держаться вместе с товарищами. В нескольких сотнях футов ниже по течению поток разбивался о зубчатый скалистый риф, и там через минуту всплыли несчастные. Первой показалась тележка, по-прежнему нагруженная своей тяжелой поклажей. От толчка одно колесо ее разлетелось в щепы. Она несколько раз перевернулась и снова исчезла под водой. Люди в самом беспомощном состоянии последовали за ней. Они разбились о подводную скалу и пошли ко дну все, кроме одного. Фрона, сидя в пироге (около десятка лодок уже спешило на помощь погибающим), видела, как он хватался за скалу окровавленными пальцами. Она видела его мертвенно-бледное лицо, на котором отражались муки последнего отчаянного усилия. Но силы изменили ему, и его отбросило в сторону как раз в тот момент, когда освободившийся от поклажи товарищ, плывя изо

всех сил, уже добирался до него. Скрывшись из виду, они глубоко нырнули и снова показались на минуту, все еще продолжая бороться в мелком месте потока.

Пирога подобрала единственного удержавшегося на воде, а все остальное бесследно исчезло в длинной ленте глубокого и быстрого течения.

Добрых четверть часа лодки тщетно шныряли вокруг, пока не нашли, наконец, их тела в одном из водоворотов. С проходившей мимо лодки взяли буксирный канат, и пара лошадей, выпряженных из обоза на берегу, вытащила на отмель ужасный улов. Фрона посмотрела на пятерых юных богатырей, лежавших в иле с переломанными костями, разбитых и истерзанных. Они все еще были запряжены в тележку, и жалкие, уже никому ненужные тюки по-прежнему держались у них за спиной. Шестой сидел около них, совершенно оглушенный, с сухими глазами. А в двадцати шагах от этой группы по-прежнему беспрерывной волной катился живой поток, и Фрона, слившись с ним, снова двинулась в путь.

Темные, поросшие хвоей горы тесно смыкались в ущелье Дайи, и ноги людей месили сырую, не согретую солнцем почву, оставляя за собою топкое, грязное болото. Каждая следующая партия

прокладывала новые тропинки, и множество их переплеталось густой сетью, разбегаясь по всем направлениям. Пустившись по одной из таких тропинок, Фрона наткнулась на человека, небрежно растянувшегося в грязи. Он лежал на боку, раскинув ноги; одна рука, придавленная большим тюком, была подвернута под туловище. Щека его безмятежно покоилась в грязи, и на лице отражалось полнейшее довольство. Увидев ее, он осклабился, и глаза его весело заблестели.

— Как раз вовремя вы подоспели, — приветствовал он ее, — я уже добрый час поджидаю вас здесь. Вот-вот, — продолжал он, когда Фрона нагнулась над ним, — развяжите-ка только этот ремень. Подлая штука! Я никак не мог добраться до него.

— Вы ушиблись? — спросила она.

Он освободился от ремней, встряхнулся и ощупал подвернувшуюся руку.

— Все в порядке. Прочна, как доллар. Благодарю вас. Даже синяка не найдется.

Он потянулся и вытер свои грязные руки о нижние ветки сосны.

— Не повезло мне! Хотя, признаться, я славно отдохнул, так что и огорчаться-то, выходит, не из-за чего. Зацепился об этот корень и поскольз-

нулся. Шлеп! Шлеп! И бац — полетел в грязь, да упал так неловко, что никак не мог достать рукой пряжку ремня. Вот и пролежал здесь битый час, потому что все идут нижней тропой.

— Но почему вы не позвали кого-нибудь на помощь?

— Чтобы заставить людей карабкаться ко мне наверх, когда они и так из сил выбиваются? Ни за какие коврижки! Дело-то пустячное. Если бы кто-нибудь заставил меня лезть в гору только потому, что он поскользнулся, я бы помог ему, как полагается, выбраться из грязи, ну а потом дал бы ему такого подзатыльника, что он снова окунулся бы в нее. К тому же я был уверен, что кто-нибудь обязательно изберет мой путь.

— О, вы справитесь, — воскликнула она, повторяя любимое выражение Дэла Бишопа. — Вы справитесь в этой стране!

— Черт возьми! — отозвался он, взваливая на спину свой тюк и снова пускаясь бодрым шагом в путь. — По крайней мере, отдохнул хорошенько.

Тропинка спускалась по крутому болотистому склону к берегу реки. Тощая сосенка была перекинута над кипящей пеной и, изгибаясь посредине, касалась воды. Течение ударялось о суживающийся к верхушке ствол и ритмически

раскачивало его; ноги нагруженных пешеходов содрали с дерева кору, а вода окончательно отполировала его. Этот шаткий мост тянулся на восемьдесят футов, на каждом шагу угрожая гибелью переправлявшимся золотоискателям. Фрона ступила на него, почувствовала, как он колеблется под ее ногами, услышала рев воды, увидела бешеное течение и отшатнулась. Она развязала шнурки ботинок и стала с преувеличенным старанием завязывать их. В это время из лесу показалась толпа индейцев, направлявшихся по болотистой полосе к реке. Трое или четверо мужчин шли впереди, за ними следовало много женщин, сгибавшихся под тяжестью объемистых тюков, а сзади тащились дети, нагруженные сообразно своему возрасту, и с полдюжины собак, с трудом тянувших, высунув язык, свою поклажу.

Мужчины искоса посмотрели на нее, и один из них сказал что-то вполголоса. Фрона не расслышала что именно, но хихиканье, раздавшееся вслед за этим, заставило ее покраснеть до корней волос и сказало ей гораздо больше, чем сделали бы это слова. Лицо ее горело, она чувствовала себя униженной в собственных глазах, но продолжала делать вид, будто ничего не замечает. Вожак группы отступил в сторону, а все осталь-

ные, поодиночке, строго соблюдая очередь, стали переправляться на другой берег.

На середине сосны, там, где ствол касался воды, тяжесть их тел и тюков пригибала его еще ниже, и ноги людей по самую щиколотку погружались в холодный быстрый поток. Но даже маленькие дети без малейшего колебания прошли по стволу, а за ними то же самое проделали упиравшиеся и визжавшие собаки, которых понукал индеец, замыкавший шествие. Когда последнее животное очутилось на другом берегу, он обернулся к Фроне.

— Там проезжий дорога, — сказал он, указывая в сторону горы, — твой лучше ходил проезжий дорога. Много дальше, много лучше.

Но она отрицательно покачала головой и подождала, пока он не переправится на другой берег. Ибо она чувствовала, что тут задета не только ее личная гордость, но и гордость всей ее расы, и эта последняя говорила в ней настолько сильнее страха, насколько сама раса значила больше, чем ее личность. Итак, она поставила ногу на ствол и под взглядами людей чужой расы прошла через белую клокочущую пену.

На краю тропы Фрона увидела человека, который сидел и плакал. Его нескладно увязанный

тюк валялся на земле. Одна нога была раздута и девушка заметила, что она окровавлена и сильно распухла.

— В чем дело? — спросила она, останавливаясь перед ним.

Он взглянул сперва на нее, затем вниз, в мрачное ущелье, где река Дайя серебряной лентой прорезала суровую мглу. Слезы все еще застилали его глаза, он всхлипывал.

— Ну, в чем же дело? — повторила она. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Нет, — ответил он, — чем же? Ноги мои изранены, спина отказывается служить, и сам я окончательно выбился из сил. Чем же вы можете тут помочь?

— Ну, — рассудительно ответила Фрона, — уверяю вас, что дело могло бы обстоять хуже. Подумайте о тех, кто только что высадился на берег. Им придется затратить десять дней, а то и две недели, чтобы дотащить свой багаж до того места, где мы находимся сейчас.

— Но мои товарищи бросили меня и ушли, — простонал он, как бы взывая к ее сочувствию. — Я остался один и чувствую, что не способен сделать ни одного шага дальше. Подумайте только! Ведь у меня жена и дети. Я оставил их там, в Штатах.

О, если бы они увидели меня в этом состоянии. Я не могу вернуться к ним, я не в силах двинуться дальше. Это безнадежно! Я не вынесу такой каторжной жизни. Для нее надо родиться битюгом, а не человеком. Я умру, наверное умру, если стану так надрываться. О, что мне делать, что мне делать?

— Почему же ваши товарищи бросили вас?

— Потому что я оказался слабее их, потому что я не мог переносить таких тяжестей и делать такие переходы, как они. Они высмеяли меня и бросили здесь.

— Вам никогда не приходилось делать подобных вещей раньше?

— Н-нет.

— Вы выглядите здоровым и крепким. Сколько в вас весу, сто шестьдесят пять фунтов, должно быть?

— Сто семьдесят, — уточнил он.

— С виду не скажешь, чтобы вы когда-нибудь сильно хворали. Надеюсь, вы не страдаете каким-нибудь физическим недостатком?

— Н-нет.

— А кто ваши товарищи? Старатели?

— Никогда в жизни не занимались этим делом. Я служил с ними на одном предприятии. Вот по-

тому-то мне так и обидно, понимаете ли. Столько лет мы знаем друг друга, и так бросить меня и уйти, потому что я оказался слабее их!

— Друг мой, — Фрона сознавала, что говорит во имя достоинства своей расы, — вы ничуть не слабее их. Вы можете работать и переносить такие же тяжести, как они. Но вы слабы духом. Вы не можете работать, как лошадь, потому что вы не хотите этого. Такие люди не нужны Северу. Он требует сильных мужей, сильных не телом, а духом. Физическая сила в счет не идет. Возвращайтесь домой, в Штаты. Нам вы не нужны. Здесь вы погибнете, и что станется тогда с вашей женой и малютками? Вот вам мой совет: продайте свое снаряжение и возвращайтесь обратно. Через три недели вы будете уже дома. Прощайте.

Она прошла через Овечью стоянку. Где-то в горах давление подземных вод сдвинуло мощный ледник. Он сполз вниз, наполнив скалистое ущелье тысячами тонн льда и воды. Залитая этим потоком тропа покрылась скользкой корой. Люди в полном унынии рылись среди опрокинутых палаток и в ямах для сохранения провизии. Но в некоторых местах они работали с лихорадочной поспешностью, и их напряженные сильные фигуры, вырисовывавшиеся у края дороги, молчаливо

свидетельствовали о том, как горячо кипит работа. Ледяной поток продолжал катиться беспрерывной струей. Люди опускали свои тюки на выступы камней, проворно уклонялись от него, стараясь перевести дух, и снова принимались за тяжелый труд.

Полуденное солнце заливало светом каменную вершину Весов. Лесная сень отказалась от борьбы, и голые скалы дышали головокружительным зноем. По обеим сторонам выступали обледенелые, голые ребра земли, суровые в своей наготе. А над всем этим поднималась громада обветренного бурями Чилькута. По его суровым, изодранным склонам тянулась тонкая струйка людей. Но струйке этой не было конца. Она вытекала из крайних групп низкорослого кустарника, внизу перерезала темной чертой ослепительную полосу льда и извивалась мимо Фроны, которая завтракала у края дороги. Затем она поднималась по крутизне, становясь все тоньше и незаметнее, кружась и изгибаясь, точно колонна муравьев, и наконец бесследно исчезала за хребтом перевала. Пока Фрона наблюдала движение этой живой реки, Чилькут окутался крутящимся туманом, быстрыми облаками, и на выбивающихся из сил пигмеев налетела снежная вьюга. Дневной свет

померк, и на землю спустился глубокий мрак. Но Фрона знала, что где-то там беспрерывная лента муравьев, карабкаясь и цепляясь руками и ногами, по-прежнему пробивает себе путь к вершине.

Эта мысль заставляла ее трепетать от восторга, гордиться этим извечным стремлением человека к господству. И она решительно вступила в вереницу людей, которые выходили из клубов вихря внизу и тонули в снежном смерче наверху.

Подгоняемая вьюгой, она проникла в ущелье, сдирая кожу с рук, спустилась по вулканическим обломкам могучего прародителя Чилькута и вышла на суровый берег озера, которое образовалось в выемке кратера. Озеро злобно бурлило и выбрасывало белые шапки пены. Сотни людей стремились переправиться на другой берег, но лодок нигде не было видно. Рахитичный скелет из палок, обтянутый просмоленной парусиной, покоился на скалах. Фрона разыскала владельца этого сооружения, добродушного молодого парня, с живыми черными глазами и выдающимися скулами. Да, он и есть перевозчик, но на сегодня он покончил с работой. Слишком бурно для переправы. Обычно он берет по двадцати пяти долларов с пассажира, но сегодня он вообще не намерен

никого перевозить. Разве она не расслышала? Сегодня слишком бурно. Да, вот именно поэтому.

— Но ведь мне вы не откажете? — спросила она.

Он покачал головою и бросил взгляд на озеро.

— Там дальше еще неспокойнее, чем здесь у берега. Даже большие деревянные лодки не справятся в такую непогоду. Последнюю, которая пыталась перебраться на ту сторону с партией носильщиков, прибило к западному берегу. Это произошло на наших глазах, и так как оттуда нет дороги по берегу озера, то им придется торчать там, пока буря не утихнет.

— Но этим людям все-таки лучше, чем мне. Мое снаряжение находится в Счастливом лагере, а здесь мне, пожалуй, будет не совсем удобно ночевать. — Фрона очаровательно улыбнулась. Но в улыбке этой не было и намека на женскую беспомощность, взывающую к силе и великодушию мужчины. — Подумайте и перевезите меня.

— Нет.

— Я заплачу вам пятьдесят долларов.

— Говорю вам — нет.

— Но, право, я нисколько не боюсь.

Глаза парня сердито засверкали. Он резко обернулся к ней, но внезапно промелькнувшая

мысль помешала ему произнести слова, готовые сорваться с языка. Фрона поняла вдруг, что задела неосторожным намеком самолюбие юноши, и открыла рот, чтобы объясниться. Но сообразив, что это, пожалуй, единственный способ добиться желанной цели, она вовремя спохватилась и промолчала. Они стояли, подавшись всем телом в сторону ветра, как делают это моряки на палубе во время качки, и твердо смотрели друг другу в глаза. Волосы его мокрыми завитками прилипли ко лбу, Фронины же развевались длинными прядями и яростно хлестали ее по лицу.

— Ну, так едем! — Он сердитым движением спустил лодку на воду и всунул весла в уключины. — Влезайте! Я перевезу вас, но совсем не ради ваших пятидесяти долларов. Вы заплатите обычную цену, и дело с концом.

Порыв ветра подхватил легкую скорлупу и отбросил ее на несколько десятков футов лагом. Пена залила лодку колючим дождем, и Фрона сразу же принялась работать черпаком.

— Нас, кажется, относит к берегу, — прокричал он, берясь за весла. — Это будет неприятно… для вас. — Он сердито посмотрел на нее.

— Нет, — поправила она, — это будет очень неприятно для нас обоих. Провести ночь без па-

латки, без одеял, без огня, брр… Но я уверена, что нас не прибьет к берегу.

Она вышла из лодки на мокрые камни и помогла ему вытащить брезентовое суденышко и вылить из него воду. С обеих сторон поднимались лишь голые скалы. Мягкий снег крупными хлопьями покрывал все вокруг, и в сгущающейся темноте можно было с трудом разглядеть несколько залитых водою ям для хранения припасов.

— Вы хорошо сделаете, если поторопитесь, — посоветовал он девушке, благодаря ее за помощь и снова спуская лодку на воду. — Отсюда до Счастливого лагеря две мили по тяжелой дороге. До самого места не наберешь и охапки хвороста. Поторапливайтесь. До свиданья.

Фрона пожала ему руку.

— Вы славный малый, — сказала она.

— О, пустяки, — ответил он, с лихвой возвращая ей рукопожатие. Лицо его выражало искреннее восхищение.

Десяток палаток мрачно держались на своих колышках у опушки строевого леса, перед Счастливым лагерем. Утомленная за день, Фрона переходила от палатки к палатке. Мокрое платье тяжело облегало ее усталое тело, а ветер жесто-

ко хлестал ее, налетая то с одной, то с другой стороны. Проходя мимо одной из палаток, она услышала вдруг изощренную ругань и решила, что так браниться может только Дэл Бишоп. Но, заглянув внутрь, Фрона убедилась, что ошиблась, и пошла дальше. Пространствовав таким образом довольно долгое время, она дошла до последней палатки. Бишопа нигде не было. Девушка отвязала полу и заглянула внутрь. Трескучая свеча освещала единственного обитателя, который, стоя на коленях, усердно раздувал огонь в маленькой дымящей юконской печурке.

Глава IV

Фрона развязала завязки, соединявшие внизу полы палатки, и вошла внутрь. Человек продолжал раздувать огонь, не замечая ее присутствия. Фрона кашлянула, и он поднял на нее покрасневшие от дыма глаза.

— Ладно, — произнес он довольно небрежным тоном. — Закрепите полы и устраивайтесь поудобнее. — Затем снова вернулся к своей нелегкой задаче.

«Нечего сказать, гостеприимно», — заметила она про себя, подчиняясь его приказанию и подходя к печке.

У огня лежала груда карликовых сосен, узловатых, сырых и распиленных сообразно размерам печурки. Фрона хорошо знала эту породу, которая ползет, извивается между скал, закрепляясь корнями в скудной почве отложений аллювиального периода, и, не в пример своему древесному прототипу, редко поднимается больше фута над землей. Фрона заглянула в печку, увидела, что там пусто, и набила ее мокрыми сучьями. Хозяин палатки поднялся на ноги, откашливаясь от дыма, который забрался ему в легкие, и одобри-

тельно кивнул ей. Отдышавшись, он сказал:

— Сядьте и посушите свое платье. Я займусь ужином.

Он поставил на передний выступ печки кофейник, вылил в него всю воду из ведра и вышел из палатки, чтобы принести еще. Лишь только фигура его скрылась, Фрона взялась за свой дорожный мешок, и, когда он снова вошел в палатку, она была уже в сухой юбке и выжимала только что снятую мокрую одежду. Пока он рылся в ящике для провизии, доставая оттуда тарелки, вилки и ножи, она натянула кусок веревки между шестами палатки и повесила свою юбку сушиться. Тарелки оказались грязными, и он наклонился, чтобы перемыть их, а она тем временем, повернувшись к нему спиной, быстро переменила обувь. Она еще с детства помнила, как важно, чтобы ноги во время пути были в хорошем состоянии. Фрона поставила свои мокрые ботинки на груду дров за печкой и надела вместо них пару мягких, изящных мокасин индейской работы. Огонь в печке разгорелся, и она с удовольствием почувствовала, как белье начинает высыхать и согреваться на ее теле.

Все это время никто из них не произносил ни слова. Владелец палатки не только молчал сам,

он был, по-видимому, так сильно поглощен своим делом, что слова объяснения замирали на устах у Фроны. Ей казалось, что он просто не расслышит их. По тому, как он держал себя, можно было подумать, что появление одинокой молодой женщины, просящей гостеприимства в бурную ночь, для него вполне обычное явление. С одной стороны, это нравилось ей, но с другой — немного беспокоило, потому что она не знала, чем объяснить такое отношение. Она чувствовала в этом какую-то предвзятость и не могла понять, в чем она. Несколько раз Фрона открывала рот, чтобы заговорить, но он, казалось, был так далек от мысли о ней, что она тотчас же отказывалась от своего намерения.

Вскрыв топором жестянку солонины, он поджарил несколько толстых ломтей мяса, затем отставил сковородку и вскипятил кофе. Из ящика для провизии он извлек половину холодного зачерствелого яблочного пирога, неодобрительно посмотрел на него, бросил быстрый взгляд на Фрону и решительным движением вышвырнул испорченный пирог за дверь. Затем высыпал из мешка на походную скатерть сломанные, искрошившиеся морские сухари, обильно пропитанные дождем и превратившиеся в мягкую,

рыхлую массу грязновато-белого цвета.

— Вот все, что у меня есть в смысле хлеба, — пробормотал он, — но все-таки усаживайтесь и давайте насыщаться.

— Одну минуту… — и прежде чем он успел что-нибудь возразить, Фрона высыпала морские сухари на сковородку, поверх сала и свинины. Затем она подлила туда немного воды и поставила все это на огонь. Когда кушанье закипело и задымилось, она нарезала кусочками солонину и смешала ее с соусом, затем густо посолила и поперчила варево, от которого поднимался аппетитный запах.

— Должен сознаться, что это превкусная штука, — сказал он, держа тарелку на коленях и с жадностью уплетая произведение Фроны. — Как называется это блюдо?

— Сломгеллион, — коротко ответила она, и трапеза продолжалась в молчании.

Фрона помогла ему заварить кофе, внимательно изучая в то же время его внешность. Лицо его отнюдь нельзя было назвать неприятным, напротив, оно говорило о силе, силе скорее потенциальной, чем активной, мысленно добавила она. Наверное, студент, продолжала свои наблюдения Фрона. Она встречала немало студентов

в Штатах и приучилась различать в их глазах следы утомления, вызванного ночными занятиями при свете керосиновой лампы. Эти следы усталости она подметила теперь и в глазах своего хозяина. Карие глаза, решила она, и красивые мужественной красотой. Но, накладывая себе снова на тарелку сломгеллиона, она с удивлением заметила, что глаза у него не карие, а скорее орехового цвета. И тут же подумала, что при дневном свете, когда глаза эти не утомлены, они должны казаться серыми или даже серо-голубыми. Она хорошо знала этот оттенок: такие же точно глаза были у одной ее товарки и самой близкой подруги.

Волосы у него были каштановые. Они отливали при свете свечи золотом и чуть-чуть завивались, точно так же, как и рыжеватые усы. Гладко выбритое лицо его было прекрасно очерчено и дышало мужеством. Сначала ей показалось, что его немного портят слегка ввалившиеся щеки, но, окинув взглядом хорошо сложенную, гибкую, мускулистую фигуру с сильной грудью и широкими плечами, она легко примирилась с этим недостатком. Во всяком случае, эти впадины не свидетельствовали об истощении — вся его фигура служила этому живым опровержением, — а скорее указывали на то, что он не подвержен

греху чревоугодия. Рост — пять футов девять дюймов, определила она по гимнастическому опыту, а возраст — между двадцатью пятью и тридцатью, хотя, вернее, ближе к первой цифре.

— Одеял у меня мало, — отрывисто произнес он, высушивая свою чашку и ставя ее на ящик с провизией. — Я жду своих индейцев с озера Линдерман не раньше завтрашнего утра, а эти молодцы забрали все мои вещи, кроме нескольких мешков муки и лагерного снаряжения. Впрочем, у меня есть пара толстых ульстеров, которые прекрасно заменят нам одеяла.

Он повернулся к ней спиной, словно не ожидал ответа, и развязал завернутый в клеенку сверток одеял. Затем вытащил из бельевого мешка два ульстера и бросил их на одеяло.

— Вы, должно быть, опереточная актриса?

Он задал этот вопрос, по-видимому, без всякого интереса, как бы для того, чтобы поддержать разговор, и с таким видом, точно заранее знал, каков будет стереотипный ответ. Но для Фроны эти слова прозвучали как пощечина. Она вспомнила филиппику Нипузы против белых женщин, которые являлись в эту страну, и только тут поняла всю двусмысленность своего положения и причину его небрежного обращения.

Но он, не дожидаясь ее ответа, заговорил снова.

— Прошлой ночью у меня ночевали две опереточные звезды, а третьего дня — целых три. Правда, тогда у меня было больше постельных принадлежностей. К несчастью, эти дамы обладают удивительной способностью терять свои вещи, хотя должен сказать, что мне еще ни разу не удавалось найти на дороге потерянный кем-либо багаж. И все они — звезды первой величины, я еще ни разу не встречал между ними ни одной дублерши или хористки — нет, нет, ни одной. Вы, должно быть, тоже звезда?

Чересчур горячая кровь залила щеки Фроны, и это заставило ее еще больше разозлиться на него. Она была уверена в том, что умеет владеть собой, но все же боялась, чтобы эта краска не внушила ему мысль о смущении, которого она не испытывала на самом деле.

— Нет, — ответила она холодно, — я не опереточная актриса.

Он молча сложил по одну сторону печки несколько мешков муки, сделав из них основание постели. Затем проделал то же самое с остальными мешками, сложив их по другую сторону печки.

— Но вы все же из актрис, — настойчиво повторил он, с нескрываемым презрением произнося слово «актриса».

— К сожалению, я совсем не актриса.

Он выронил одеяло, которое складывал в этот момент, и выпрямился. До этой минуты он лишь мимоходом скользил по ней взглядом, но, услышав этот ответ, внимательно осмотрел девушку с головы до ног и с ног до головы, не упуская ни одного дюйма, ни единой подробности ее платья и прически. Он проделал это обстоятельно, без всякой торопливости.

— О, прошу прощения, — резюмировал он результаты своего осмотра и снова уставился на нее. — В таком случае вы очень безрассудная женщина, мечтающая о богатстве и закрывающая глаза на опасности, которыми грозит вам это путешествие. Только два сорта женщин встречаются в этих краях. Одни пользуются уважением в качестве жен и дочерей, а другие совсем не пользуются уважением. Ради приличий они называют себя кафешантанными певицами, опереточными звездами, а мы из вежливости делаем вид, что верим этому. Да, да, это так. Не забывайте, что женщины, попадающие сюда, в результате обязательно примыкают к первым или вторым,

середины не бывает, и те, кто думает удержаться на ней, обречены на неудачу. Вот потому-то я и сказал, что вы очень, очень безрассудная девушка и вам лучше всего вернуться обратно, пока еще не поздно. Если вы согласитесь принять услугу от незнакомого человека, я готов ссудить вас деньгами на обратный переезд в Штаты и дать вам проводника-индейца до Дайи.

Фрона раза два пыталась перебить его, но он всякий раз повелительным жестом заставлял ее молчать.

— Благодарю вас, — заговорила она наконец, но он снова перебил ее.

— О, не за что, не за что.

— Благодарю вас, — повторила она, — но дело в том, что вы немного… ошиблись. Я пришла сюда прямо с Дайи и рассчитывала найти в Счастливом лагере носильщиков со своим багажом. Они вышли на несколько часов раньше меня, и я понять не могу, каким образом мне удалось опередить их. А впрочем, нет, догадываюсь. Сегодня днем буря прибила одну лодку к западному берегу озера Кратер, должно быть, они-то как раз и были в ней. Вот почему мы разошлись. Что касается моего возвращения в Штаты, то я, конечно, очень благодарна вам за любезное предложение, но в

Даусоне живет мой отец, которого я не видела уже три года. Кроме того, я прошла за сегодняшний день весь путь от Дайи, очень устала и хотела бы немного отдохнуть. Поэтому, если вы не откажете мне в дальнейшем гостеприимстве, я лягу.

— Но это немыслимо! — Он оттолкнул ногой одеяло, опустился на мешки с мукой и в полном смущении уставился на девушку.

— Нет ли… нет ли в других палатках женщин? — нерешительно спросила она. — Мне не попалось ни одной, но, быть может, я проглядела.

— Здесь были муж с женой, но они двинулись дальше сегодня утром. Нет. Других женщин вы не найдете, если… если не считать двух или трех в одной палатке, но… но это вас все равно не устроит.

— Неужели вы думаете, что я побоюсь воспользоваться их гостеприимством? — горячо спросила она. — Ведь вы сказали, что это женщины.

— Но, говорю вам, что это не подойдет, — рассеянно ответил он, устремив взгляд на натянутую парусину палатки и прислушиваясь к реву бури. — В такую ночь невесело остаться под открытым небом. А все другие палатки битком набиты, — продолжал он рассуждать вслух. — Я

случайно знаю это. Они забрали внутрь все припасы, хранившиеся в ямах, чтобы уберечь их от дождя, и теперь там негде повернуться. К тому же им пришлось приютить с десяток других путников, которых буря застигла по дороге. Двое или трое просили меня укрыть их на ночь, если им не удастся устроиться в другом месте. Очевидно, они устроились, потому что я больше не видел их. Но это совсем не значит, что вы найдете еще где-нибудь свободный угол. И, во всяком случае…

Он беспомощно умолк. Положение становилось все более тягостным.

— Смогу ли я добраться сегодня ночью до Глубокого озера? — спросила Фрона, забыв посочувствовать ему, и тут же, заметив свою оплошность, расхохоталась.

— Но не можете же вы переправиться через реку в темноте, — сказал он. Ее веселый смех заставил его нахмуриться. — А по дороге нет ни одной стоянки.

— Вы боитесь? — спросила она с легкой насмешкой.

— Не за себя.

— Ну, в таком случае, я могу ложиться.

— А я, пожалуй, посижу и буду поддерживать огонь, — предложил он после маленькой паузы.

— Вздор! — воскликнула она. — Как будто это спасет ваш дурацкий жалкий кодекс приличий. Мы находимся за пределами цивилизации. Это путь к полюсу. Ложитесь спать.

Он пожал плечами в знак того, что сдается.

— Ладно. Что же мне теперь делать?

— Прежде всего помогите мне приготовить постель. Вы положили мешки поперек. Благодарю вас, сэр, но мои кости и мускулы еще не совсем утратили чувствительность. Так… Поверните-ка их вот сюда.

Подчиняясь ее указаниям, он уложил мешки в длину двумя рядами. В середине образовалась неудобная выемка, из которой торчали узлы мешков, но она примяла их несколькими ударами обуха топора и таким же манером сгладила края выемки. Затем, сложив втрое одно из одеял, она закрыла им длинную щель.

— Гм, — заметил он, — теперь я понимаю, почему мне так плохо спалось до сих пор. Вот это другое дело. — И он проворно проделал ту же процедуру со своими мешками.

— Видно, что вы не привыкли странствовать в этих краях, — заявила ему Фрона, расстилая верхнее одеяло и усаживаясь на нем.

— Возможно, — ответил он. — А вы-то сами

много ли знаете об этой кочевой жизни? — проворчал он минуту спустя.

— Достаточно, чтобы уметь приспособляться к ней, — неопределенно ответила она, отбрасывая от печки высохшие поленья и заменяя их сырыми.

— Прислушайтесь-ка. Вот так буря, — сказал он, — погода все ухудшается, хотя хуже придумать трудно.

Палатка содрогалась под напором ветра, парусина глухо гудела при каждом новом порыве бури, а снег и дождь барабанили над головою, точно град пуль и разгаре битвы. В минуты затишья они слышали, как вода шумными потоками стекала по боковым стенкам. Он потянулся и с любопытством коснулся рукою мокрой крыши. Целый водопад тотчас же хлынул из этого места и залил ящик с провизией.

— Не делайте этого! — воскликнула Фрона, вскакивая на ноги. Она приложила палец к мокрому пятну и провела им, плотно прижимая к полотну, до боковой стенки. Течь тотчас же прекратилась. — Никогда не делайте этого, — с упреком сказала она.

— Черт возьми! — ответил он. — Ведь вы прошли сегодня весь путь от Дайи сюда. Неужели

вы не устали?

— Немножко, — откровенно созналась она, — и спать хочется смертельно. Покойной ночи, — пожелала она ему через несколько минут, с наслаждением вытягиваясь под теплым одеялом. Однако через четверть часа она снова окликнула своего хозяина. — Послушайте, вы еще не спите?

— Нет, — глухо прозвучал его голос из-за печки. — В чем дело?

— Вы накололи лучинок?

— Лучинок? — переспросил он сонным голосом. — Каких лучинок?

— Чтобы развести утром огонь, разумеется. Встаньте-ка и наколите.

Он беспрекословно повиновался, но прежде чем он успел справиться с этим делом, она заснула.

Когда Фрона открыла глаза, в воздухе стоял уже аромат неизменной свинины. Наступил день, и с ним утихла буря. Омытое солнце заливало радостным сиянием затопленный дождем пейзаж и заглядывало внутрь палатки через широко раскрытые полы. Повсюду уже кипела работа, и группы людей проходили мимо с тюками на спинах. Фрона повернулась на бок. Завтрак был уже готов, и хозяин ее, поставив грудинку и жареную

картошку в печку, подпирал в этот момент двумя поленьями ее открытые дверцы.

— С добрым утром, — приветствовала она его.

— И вас также, — ответил он, поднимаясь на ноги и берясь за ведро. — Я не спрашиваю, хорошо ли вы спали, потому что уверен в этом.

Фрона рассмеялась.

— Я пойду за водой, — продолжал он, — и надеюсь, что к моему возвращению вы будете уже готовы к завтраку.

После завтрака, греясь на солнце, Фрона издали увидела на дороге знакомую группу людей, огибавших ледник со стороны озера Кратер. Она захлопала в ладоши.

— А вот мои вещи и с ними Дэл Бишоп. Воображаю, как он сконфужен своей неудачей. — Затем, обернувшись к молодому человеку и вскидывая на плечи свой дорожный мешок и фотографический аппарат, она сказала: — Итак, мне остается только попрощаться с вами и поблагодарить вас за любезность.

— О, не стоит, не стоит. Пожалуйста, не благодарите. Я сделал бы то же самое для всякой…

— Опереточной звезды.

Он с упреком посмотрел на нее.

— Я не знаю, как вас зовут, и не хочу даже спра-

шивать вас об этом.

— Ну, я не так скромна: я знаю, как вас зовут, мистер Вэнс Корлис! Я прочла ваше имя на пароходных ярлыках, разумеется, — пояснила она. — И буду очень рада, если вы навестите меня, когда будете в Даусоне. Меня зовут Фрона Уэлз. До свидания.

— Так Джекоб Уэлз ваш отец? — крикнул он вдогонку Фроне, которая легким шагом опускалась к тропе.

Она обернулась и утвердительно кивнула головой.

Дэл Бишоп не только не был сконфужен, но даже, как оказалось, нисколько не беспокоился о ней. Уэлзы никогда и нигде не пропадут, утешал он себя, укладываясь спать накануне вечером. Но все же он был зол, как черт, сказал он сам.

— Здравствуйте, — приветствовал он Фрону. — По лицу видно, что вы прекрасно провели эту ночь, а все по моей милости.

— Вы очень беспокоились обо мне? — спросила она.

— Беспокоился? О дочери Уэлза? Кто? Я? Ни капельки. Я был чересчур занят тем, чтобы выложить начистоту озеру Кратер, какого я о нем мнения. Не люблю я воду, вы это знаете. Она

всегда норовит сыграть со мною какую-нибудь дурацкую штуку. Впрочем, я, конечно, совсем не боюсь ее. Эй вы, ребята! — крикнул он индейцам. — Наддайте пару! Нам нужно добраться к полудню до озера Линдерман.

«Фрона Уэлз», — повторял про себя Вэнс Корлис.

Все это происшествие казалось ему сном, и, чтобы рассеять свои сомнения, он еще раз обернулся и посмотрел вслед ее удаляющейся фигуре. Дэл Бишоп и индейцы уже скрылись из виду за выступом скалы. Фрона как раз огибала ее подножие. Солнце ярко освещало ее, и фигура ее отчетливо вырисовывалась в золотом сиянии на фоне сумрачных скал. Она махнула ему на прощание своим альпенштоком, обогнула утес и исчезла из виду. А Корлис, сняв шапку, все еще смотрел ей вслед.

Глава V

Положение, которое занимал Джекоб Уэлз, никак нельзя было бы назвать естественным. Он был торговцем-гигантом в стране, не знающей торговли, и, будучи сам зрелым продуктом девятнадцатого века, процветал в обществе, весьма близком по культурному уровню к вандалам. Став крупнейшим промышленником и могущественным монополистом, он господствовал над сборищем самых независимых людей из всех, когда-либо стекавшихся в одно место с четырех концов земного шара. И, тем не менее, это был самый обыкновенный человек. Воздух земли впервые ворвался в его легкие среди прерий на берегах Лаплаты. Над головой его сияла синева небес, а зеленая трава ласково прижималась к его нежному обнаженному тельцу. Первое, что он увидел, были нерасседланные лошади, с удивлением созерцавшие это чудо. Ибо его отец-траппер только что перед этим свернул с дороги, чтобы дать жене спокойно разрешиться от бремени. Через час-другой оба они — вернее, все трое — были уже в седле и догоняли своих товарищей трапперов. Родители ребенка не отказались от

охоты и не потеряли даром времени; утром мать его уже готовила завтрак над походным костром и до заката не сходила с лошади, проделав за этот день пятьдесят миль верхом.

Этот миссионер экономического Евангелия, своего рода коммерческий апостол Павел, проповедовал догматы силы и целесообразности. Веруя в естественные права человека и будучи сам сыном народа, он заставлял всех подчиняться своей самодержавной власти. Правление Джекоба Уэлза, в интересах Джекоба Уэлза и народа, осуществляемое исключительно Джекобом Уэлзом, — таков был его неписаный символ веры. Опираясь исключительно на собственные силы, он расширял свои владения до тех пор, пока они не поравнялись размерами с десятком римских провинций. По его указу население то и дело переливалось из конца в конец на территории, насчитывавшей свыше ста тысяч квадратных миль, и города возникали и исчезали по мановению его руки.

Отец его, траппер, происходил из здоровой валлийской семьи, которая перебралась из густонаселенных восточных штатов в штат Огайо, когда тот еще только начинал заселяться. Мать же его была дочерью ирландских эмигрантов, по-

селившихся на озере Онтарио. Таким образом, он с обеих сторон унаследовал склонность к кочевой жизни, стремление вечно передвигаться с места на место и любовь к рискованным предприятиям. В первый год своей жизни, еще не научившись ходить, Джекоб Уэлз изъездил на лошади тысячи миль по пустынным прериям и зимовал в охотничьей хижине на верховьях Северной Красной реки. Его первой обувью были мокасины, первым лакомством — олений жир. Его первые обобщения сводились к тому, что мир состоит из огромных пустынь и белых пространств и населен индейцами и белыми охотниками, как его отец. Город — это группа шалашей, покрытых оленьими шкурами, фактория — центр цивилизации, а комиссионер — сам всемогущий Господь Бог. Реки и озера существуют главным образом для того, чтобы люди могли переправляться по воде. Вот почему горы, назначения которых он не понимал, смущали мальчика. Однако он отнес их в своей классификации к области необъяснимого и перестал ломать голову над этой тайной. Иногда люди умирают. Но мясо их не годится в пищу, а от кожи тоже нет никакого проку, может быть, потому, что она не обрастает мехом. Звериные шкуры, напротив, ценятся очень высоко,

и, имея несколько тюков таких шкур, человек может завладеть миром. Животные созданы для того, чтобы человек мог убивать их и сдирать с них кожу. Для чего существуют люди, он не знал, хотя у него и мелькала смутная мысль, что они сотворены для комиссионера, скупающего меха.

С возрастом эти взгляды несколько видоизменились, но жизнь по-прежнему продолжала вызывать в юноше неистощимый запас наивных представлений и поражать его своими чудесами. Глаза его утратили свое детски удивленное выражение лишь после того, как он сделался вполне взрослым человеком и изъездил половину городов Соединенных Штатов. Только тут в его взгляде впервые появилась острая проницательность и сметливость. Познакомившись еще в детстве с городской жизнью, он пересмотрел свои синтетические обобщения и заново переработал их. Люди, живущие в городах, отличаются изнеженностью. Они не умеют определять без компаса страны света и легко сбиваются с пути в открытом месте. Вот поэтому-то они и предпочитают жить в городах. Боясь простуды и темноты, они спят в закрытых помещениях и запирают на ночь свои двери на замок. Городские женщины нежны и красивы, но они не способны проходить

целый день на лыжах. Все горожане чересчур много говорят — вот почему они так часто лгут и лучше работают языком, чем руками. Наконец, в городах существует новая человеческая сила, так называемый «блеф». Человек, замышляющий «блеф», должен быть непоколебимо уверен в его успехе, иначе расплата неминуема. «Блеф» штука замечательная, но пользоваться им следует с осторожностью.

Позднее, живя главным образом среди лесов и гор, Джекоб Уэлз убедился, однако, что города не так уж плохи и что человек и в городе может сохранить в себе достоинство мужчины. Привыкнув к борьбе с силами природы, он почувствовал желание вступить в экономическую борьбу с силами социальными. Короли рынка и биржи вызывали в нем восхищение, но не подавляли его своим величием. Он изучал их, стараясь постигнуть тайну их могущества. А впоследствии, как бы признав окончательно, что и в Назарете можно найти кое-что хорошее, он в полном расцвете сил женился на городской девушке. Но влечение к неизведанному не утихало в душе Джекоба Уэлза, а бродячая кровь толкала его вперед, пока он не снялся, наконец, с места вместе с женой и не двинулся на север. И

там, на берегу Дайи, у опушки леса, Джекоб Уэлз выстроил большую бревенчатую факторию. В этой суровой стране, достигнув полной зрелости, он выработал, наконец, правильный взгляд на вещи и обобщил явления социальной жизни, как обобщил уже раньше явления природы. Он нашел, что в области социальных явлений не существует ничего такого, что не могло бы быть выражено на языке природы. В основании тех и других лежат одни и те же принципы, одни и те же истины проявляются в них. Соревнование — вот тайна, управляющая миром. Борьба — вот закон и фактор прогресса. Мир создан для сильных, и только сильным суждено наследовать его — в этом вечная справедливость. Быть честным — значит быть сильным. Грех есть проявление слабости. Надуть честного человека нечестно, но надуть плута — это значит поразить его мечом правосудия. У первобытного человека сила заключена в руке, у современного — в мозгу. Но, хотя поле битвы изменилось, борьба осталась той же. Как и в старину, люди продолжают бороться за обладание землей и пользование ее благами. Но меч уступил место бухгалтерским книгам, закованный в латы рыцарь — изящно одетому промышленному королю, и центр го-

сударственной политической власти перенесся в резиденции бирж. Силой воли современный человек обуздал в себе дикого зверя. Неподатливая земля покорилась его власти. Мозг оказался могущественнее физической силы. Человек с развитым мозгом сумел подчинить себе первобытный мир.

Джекоб Уэлз не был образованным человеком в общепринятом смысле. К грамоте, которой мать научила его при свете лагерных костров и свечи, он добавил кое-какие знания, почерпнутые из случайно прочитанных книг. Эти знания отнюдь не обременяли его мозга, тем не менее в книге фактов, которую развертывала перед ним жизнь, он умел разбираться как нельзя лучше, и его ясный ум всегда отличался той трезвостью и проницательностью, которыми наделяет человека только тесная связь с землей.

Итак, много лет назад Джекоб Уэлз перевалил через Чилькут и исчез в великом неизвестном. Год спустя он снова вынырнул на свет божий близ русских миссий, лепившихся в устье Юкона у Берингова моря. Он прошел три тысячи миль по реке, перевидал немало любопытного и был полон великих проектов. Но Джекоб Уэлз на время прикусил язык и взялся за работу, не

проронив никому ни слова о своих широких планах. И вот однажды у топких берегов реки, близ форта Юкона, раздался дерзкий свист ветхого колесного парохода, пославшего вызывающий привет полуночному солнцу. Это было великолепное предприятие; о том, как его удалось осуществить, мог рассказать один Джекоб Уэлз. Но, начав с невозможного и преодолев его однажды, он стал заводить пароход за пароходом и нагромождать одно предприятие на другое. На протяжении многих тысяч миль по реке и прилегающим местностям рассыпались выстроенные им фактории и торговые товарные склады. Он вложил в руки туземцев топор белого человека, и в каждом селении и между селениями выросли штабеля четырехфутовых дров для его пароходов. На одном из островков Берингова моря, в том месте, где река сливается с океаном, он основал большой распределительный пункт и выпустил в северную часть Тихого океана несколько больших океанских кораблей. Его конторы в Сиэтле и Сан-Франциско набирали целые армии конторщиков, чтобы как-нибудь поддерживать порядок и систему.

Люди хлынули в страну. Прежде голод быстро выживал их оттуда, но теперь там был Дже-

коб Уэлз и его пищевые оклады, и они смело оставались зимовать в стране льдов и рылись в промерзлой земле, ища золото. Он поддерживал их, снабжал припасами и записывал их в книги компании. В далекие дни Полярного голода его пароходы перевозили их по Койокуку. Повсюду, где только можно было ожидать прибыли, он воздвигал товарные склады и лавки. Вокруг них быстро вырастали города. Он открывал прииски, спекулировал и всячески расширял сферу своего влияния. Неутомимый, неукротимый, со стальным блеском в темных глазах, он поспевал одновременно всюду, сам входил во все. При открытии новой реки он оказывался впереди всех и в то же время хлопотал в арьергарде, подвозя золотоискателям припасы. В центрах он боролся с конкурентами, вступал в соглашения с компаниями, рассеянными по всему земному шару, и добивался льготных тарифов от крупных транспортных обществ. У себя же на Севере он торговал мукой, одеялами и табаком, строил лесопильные заводы, основывал городские поселения и производил разведки медной и железной руды и каменного угля. Заботясь о том, чтобы рудокопы были снабжены всем необходимым, он рыскал по всей Арктике, вплоть до Сибири,

вывозя оттуда лыжи и меховую одежду туземного производства.

Вся страна опиралась, так сказать, на его плечи. Он заботился о ее нуждах, делал ее дело. Мимо его рук не проходила ни одна унция ее золота, ни одна открытка или вексель. Он был для нее одновременно и банком, и биржей, и он же отправлял и распределял ее корреспонденцию. Он не терпел конкуренции, запугивал хищнический капитал, надувал и разорял враждебные синдикаты. И, несмотря на все это, находил время и желание заботиться о своей полусироте-дочери, лелеять ее и подготовлять к тому положению, которое он создал для нее.

Глава VI

— Итак, капитан, я полагаю, вы согласны, что нам следует несколько преувеличить серьезность положения. — Джекоб Уэлз помог своему посетителю надеть меховое пальто. — Я, разумеется, не считаю его очень серьезным в данный момент, но эта мера, как мне кажется, поможет нам предупредить грозящие осложнения. Нам с вами не раз уже приходилось бороться с голодом. Прежде всего необходимо напугать народ, и напугать сейчас, пока еще не поздно. Выживите из Даусона пять тысяч, и остальные будут вполне обеспечены продовольствием. Пусть эти пять тысяч разнесут весть о голоде до Дайи и Скагуэя, и это избавит нас от нашествия пяти тысяч новичков, которые намерены переправиться сюда по льду.

— Совершенно верно. И вы можете рассчитывать на искреннее содействие полиции, мистер Уэлз. — Говоривший, седой плотный человек, с выразительным лицом и военной выправкой, поднял воротник пальто и взялся за ручку двери. — Благодаря вам последние партии новичков начинают уже распродавать свое снаряжение и

покупают собак. Воображаю, что за Содом начнется на льду, когда река станет! А ведь каждый, кто продает здесь свою тысячу фунтов продовольствия и покидает Даусон, упрощает решение задачи, избавляя нас от одного пустого желудка и наполняя другой. Когда отправляется «Лаура»?

— Сегодня утром. Она увезет на себе триста человек, распродавших здесь свои припасы. Эх, если бы их было три тысячи!

— Святая правда. А кстати, когда вы ждете свою дочь?

— Со дня на день. — Глаза Джекоба Уэлза засветились теплым огоньком. — Надеюсь, вы не откажетесь пообедать с нами, когда она приедет. Да, кстати, приведите с собою вашу молодежь из казарм. Я не имею удовольствия лично знать их всех, но прошу вас передать им это приглашение от моего имени. Мне самому было не до развлечений, но теперь надо позаботиться, чтобы девочка не заскучала. Попасть в эту глушь прямо из Штатов и Лондона! Боюсь, как бы она не начала тосковать. Вы понимаете?

Джекоб Уэлз закрыл дверь, отодвинул свое кресло обратно к камину и положил ноги на решетку. Несколько секунд в мерцающем столбе воздуха перед ним трепетал девический образ,

превратившийся постепенно в красивую женщину саксонского типа.

Дверь открылась.

— Мистер Уэлз, мистер Фостер послал меня узнать, должен ли он по-прежнему отпускать продовольствие по подписанным ордерам?

— Разумеется, мистер Смит. Только передайте ему, чтобы он сокращал требуемое количество наполовину. Если кто-нибудь предъявит ордер на тысячу фунтов, выдавайте пятьсот.

Он зажег сигару и снова откинулся на спинку своего кресла.

— Капитан Мак Грегор желает вас видеть, сэр.

— Попросите войти.

Капитан Мак Грегор вошел в комнату и остановился перед своим хозяином. Суровая рука Нового Света с детства тяготела над шотландцем. Но неподкупная честность отражалась в каждой черточке его лица, носившего печать горьких испытаний, а выдающаяся челюсть ясно предупреждала о том, что честность есть лучшая тактика для того, кто желал иметь дело с обладателем этой челюсти. Это предостережение не менее решительно подтверждали свернутый на сторону и переломанный нос и длинный шрам, пересекавший лоб и исчезавший в подернутых

сединою волосах.

— Через час мы снимаемся с якоря, сэр, и я пришел за последними распоряжениями.

— Прекрасно. — Джекоб Уэлз, не вставая, повернулся вместе с креслом. — Капитан Мак Грегор!

— Есть!

— На эту зиму я собирался дать вам другое дело. Но потом раздумал и назначил вас на «Лауру». Вы не догадываетесь, почему?

Капитан Мак Грегор переступил с ноги на ногу, и тонкая усмешка зазмеилась в уголках его глаз.

— Ждете неприятностей, — проворчал он.

— Да, и лучшего выбора я не мог сделать. Мистер Белли даст вам подробные инструкции, когда вы явитесь на борт. Я же скажу только следующее: если нам не удастся выжать из этих мест достаточного количества народа, каждый фунт продовольствия в форте Юкон будет скоро расцениваться на вес золота. Поняли?

— Есть.

— Итак, прежде всего строжайшая экономия. Сегодня вы увезете с собой триста человек. Мы рассчитываем, что еще вдвое больше отправится вниз по реке, лишь только кончится ледостав. Вам придется прокормить в течение зимы тысячу человек. Посадите их на пайки — рабочие пайки

— и заставьте поработать. Заготовка дров, по шести долларов за сажень. Складывать их нужно будет на берегу, в таком месте, куда легко могут пристать пароходы. Кто не работает, лишается пайка. Поняли?

— Есть.

— Тысяча человек легко может натворить кучу безобразий, если их не занять работой. Безобразий следует ожидать вообще. Следите за тем, чтобы они не грабили ям, где хранится продовольствие. Если начнутся беспорядки, исполните свой долг.

Капитан Мак Грегор мрачно кивнул головой. Руки его бессознательно сжались, а шрам на лбу побагровел.

— На льду зазимуют пять пароходов. Позаботьтесь о том, чтобы они не пострадали весной при вскрытии льда. Но прежде всего перенесите весь их груз в одну большую яму. Так вам легче будет охранять продовольствие от возможных покушений. Пошлите человека в форт Бурр и попросите мистера Картера прислать вам трех из его людей. Они не нужны ему. В Сёркл-Сити тоже немного дела. Спуститесь туда и возьмите половину людей мистера Бердуэлля. Они могут вам понадобиться. Среди этой компании най-

дется немало охотников побаловаться. С места в карьер возьмите их в ежовые. Помните: тот, кто стреляет первым, сохраняет свою шкуру. А главное, не спускайте глаз с продовольствия.

— И с оружия, — пробурчал капитан Мак Грегор, выходя из комнаты.

— Джон Мельтон — мистер Мельтон, сэр. Прикажете впустить?

— Послушайте, Уэлз, что это значит? — Джон Мельтон, словно разъяренный зверь, ворвался вслед за клерком, чуть не сбив его с ног. Он размахивал перед главой фирмы листом бумаги. — Прочтите-ка, что здесь написано.

Джекоб Уэлз бросил взгляд на лист и хладнокровно ответил:

— Тысяча фунтов продовольствия.

— Вот и я говорю то же самое, но малый, который орудует в вашем складе, заявил мне, что по этому ордеру я могу получить всего пятьсот фунтов.

— Он сказал правду.

— Но…

— В ордере обозначена тысяча фунтов, но в складе вам могут отпустить не больше пятисот.

— Позвольте, это ваша подпись? — забушевал Мельтон, суя ордер под самый нос Уэлзу.

— Моя.

— Так как же вы намерены поступить в таком случае?

— Дать вам пятьсот. А как намерены поступить вы?

— Откажусь принять их.

— Прекрасно. Вопрос решен. Нам не о чем больше разговаривать.

— Совершенно верно. Я не желаю больше иметь с вами дело. Я достаточно богат, чтобы переправить через Перевал свои собственные припасы. Так я и сделаю в будущем году. Наши деловые отношения прекращаются с этой минуты навсегда.

— Воля ваша. Я не возражаю. У меня хранится ваш вклад на триста тысяч долларов золотого песка. Ступайте к мистеру Этшелеру и заберите его.

Мельтон бессильно кипятился, не зная, на что решиться.

— Нельзя ли все-таки получить остальные пятьсот? Господи! Ведь я же заплатил за них. Неужели вы хотите, чтобы я подох с голоду?

— Послушайте, Мельтон, — Джекоб Уэлз сделал паузу, чтобы сбросить пепел с сигары. — О чем вы, собственно, хлопочете сейчас? Что вы хотите получить?

— Тысячу фунтов продовольствия.

— Для собственного желудка?

Король Бонанцы опустил голову.

— Вот именно. — Морщины резче обозначились на лбу Уэлза. — Вы хлопочете только о собственном желудке, а я забочусь о желудках двадцати тысяч.

— Но ведь вы же выдали вчера Тиму Мак Реди тысячу фунтов без всяких разговоров?

— Выдачи сокращены только с нынешнего дня.

— Но почему же мне одному приходится отдуваться?

— А скажите, пожалуйста, почему вы не явились вчера, а Тим Мак Реди — сегодня?

На лице Мельтона отразилась полная растерянность, и Джекоб Уэлз, пожимая плечами, сам ответил на свой вопрос:

— Так-то обстоит дело, Мельтон. Никаких поблажек. Вы ставите мне в упрек Тима Мак Реди, а я вам то, что вы пришли не вчера, а сегодня. Давайте-ка возложим ответственность за то и другое на Провидение. Вы пережили уже раз голод в Сорокиной миле. Вы белый человек. Ваши владения в Бонанце, как бы велики они ни были, отнюдь не дают вам каких-либо преимуществ на получение лишнего фунта хлеба перед самым

старым из старожилов или новорожденным младенцем. Поверьте мне. Пока у меня будет хоть крошка хлеба, вы не умрете с голоду. Ну же, перестаньте сердиться. Вашу руку. Улыбнитесь и постарайтесь примириться с этой неприятностью.

Король Бонанцы, все еще сердясь, но уже настроенный более благожелательно, пожал Уэлзу руку и вылетел из комнаты.

Не успела за ним закрыться дверь, как в комнату развалистой походкой вошел, шаркая ногами, какой-то американец. Он зацепил обутой в мокасин ногой стул, пододвинул его к себе и уселся в самой непринужденной позе.

— Послушайте, — начал он конфиденциальным тоном, — ходят слухи, что у нас не совсем благополучно с продовольствием?

— А, Дэв, это вы?

— Как видите. Говорю вам, что, когда река станет, отсюда начнется форменное бегство.

— Вы уверены?

— М-гм!

— Очень рад слышать. Только это нам и нужно. Вы тоже собираетесь вместе с ними?

— Еще чего! — Дэв Харней с самодовольным видом откинул назад голову. — Вчера отправил

свой багаж на прииски. Хотя боюсь, что немного поторопился с этим. Но послушайте… Какая история приключилась с моим сахаром. Он был весь погружен на последние сани и — как бы вы думали, что случилось с этими санями? Как раз в этом месте, где дорога поворачивает от Клондайка к Бонанце, они провалились сквозь лед. Только я их и видел. И нужно же было, чтобы это случилось с последними санями, на которых был весь сахар! Вот поэтому-то я и решил заглянуть к вам и забрать сотню-другую фунтов. Рафинада или песку. Мне безразлично.

Джекоб Уэлз с усмешкой покачал головой. Но Харней подвинул свой стул поближе.

— Ваш клерк заявил, что он не знает, можно ли отпустить товар. Я не желал ставить его в затруднительное положение и сказал, что сам переговорю с вами. Мне все равно, сколько это будет стоить. Считайте хоть по сотне. Меня это не разорит. Послушайте, — продолжал он, не смущаясь решительным движением головы своего собеседника. — Ведь вы же знаете, какой я сластена. Помните, сколько ячменного сахара я извел тогда, на Причер-Крик? Господи, как время-то летит. Это было шесть лет назад. Нет, вру, больше. Целых семь, шут меня возьми! Но о чем

это я говорил? Ах да, я готов скорее обойтись без жевательного табака, чем без сладенького. Ну, как же насчет сахара? Мои собаки ждут с санями. Нельзя ли отправиться с ними к складу и получить его там, а? Недурная идейка!

Но тут он увидел, как губы Джекоба Уэлза складываются, чтобы произнести «нет», — и прежде чем слово успело сорваться, янки заторопился продолжить:

— Я совсем не желаю обирать вас по-свински. Даже в мыслях не было. Если у вас сахарный кризис, я, так и быть, помирюсь на семидесяти пяти (он внимательно следил за выражением лица своего собеседника), пожалуй, даже на пятидесяти. Я вхожу в ваше положение, и вы знаете, что я не такой подлец, чтобы приставать…

— Зачем даром тратить слова, Дэв? У нас нет ни одного лишнего фунта сахара.

— Я же сказал вам, что вовсе не хочу поступать по-свински. И ради вас я, так и быть, возьму двадцать пять.

— Ни одного золотника!

— Ни самой малой крошечки? Ну, ну, не горячитесь. Забудьте, что я просил вас об этом, а я уж лучше загляну как-нибудь в другой раз. Ну, всего доброго! А это что? — Он скривил челюсть

и, казалось, напряг мускулы уха, внимательно прислушиваясь. — Свисток «Лауры». Значит, скоро отчаливает. Пойдемте посмотреть.

Джекоб Уэлз надел свою медвежью шубу и рукавицы, и они прошли через контору в главный магазин. Он был так велик, что человек двести покупателей, стоявших у прилавка, не производили впечатления заметной толпы. У многих были серьезные лица, и не один бросил хмурый взгляд на главу фирмы, когда тот проходил мимо.

Приказчики отпускали все, что угодно, кроме продовольствия, а именно его и требовали покупатели.

— Припрятали для спекуляции. Думают содрать потом голодные цены, — презрительно заявил какой-то золотоискатель с рыжими усами.

Джекоб Уэлз услышал это замечание, но пропустил его мимо ушей. Он знал, что ему не раз еще придется слышать подобные вещи — и даже в более резкой форме, — пока не уляжется паника.

На тротуаре он остановился, чтобы взглянуть на всевозможные объявления, налепленные на стену здания. Среди них значительное место занимали объявления о пропаже, находке и продаже собак; во всех остальных сообщалось о продаже съестных припасов. Наиболее робкие

уже поддавались панике. Снаряжения в пятьсот фунтов распродавались по доллару за фунт без муки; другие же вместе с мукой — по полтора доллара за фунт. Джекоб Уэлз увидел, что Мельтон разговаривает с каким-то взволнованным человеком, по-видимому, из вновь прибывших, и по довольному виду короля Бонанцы заключил, что ему удалось пополнить свои запасы провианта.

— Почему бы вам не разнюхать здесь насчет сахара, Дэв? — спросил Джекоб Уэлз, указывая на объявления.

Дэв Харней не потерпел такого упрека.

— Неужели вы думаете, что я уже не совал повсюду свой нос? Я загнал собак, гоняя их от Клондайка к Сити к больнице. Золотника ниоткуда не выжмешь, ни за какие деньги.

Они отправились по тротуару и прошли мимо дверей склада и длинного ряда упряжек ожидающих собак, уютно свернувшихся на снегу. Этого снега, первого прочного санного пути, только и ждали золотоискатели, чтобы начать перевозку грузов к истокам ручьев.

— Смешно, не правда ли, — заметил Дэв, когда они пересекали главную улицу, направляясь к берегу. — Ужасно смешно, что я, владеющий в Эльдорадо двумя участками, каждый по пятисот

футов с лишним, стоимостью в пять миллионов, я, король Бонанцы, лишен возможности подсластить себе кофе или кашу. Черт бы подрал всю эту страну! Пусть проваливается к дьяволу! Я распродам все… К черту эту жизнь! Я… я вернусь в Штаты.

— Ничего подобного вы не сделаете, — ответил Джекоб Уэлз. — Не раз уже я слышал от вас подобные речи. Если память мне не изменяет, вы уже однажды попостились целый год на верховьях реки Стюарта. Вспомните, как вы питались внутренностями лососей и собаками на Танане, не говоря уже о двух перенесенных здесь голодовках. И все-таки вы не распрощались с этой страной и никогда не сделаете этого. Вы сложите здесь свои кости. И это так же верно, как то, что якорь «Лауры» сейчас поднимут на борт. Я совершенно уверен, что настанет день, когда мне придется отправить вас в свинцовом ящике багажом на Сан-Франциско, а самому заняться здесь ликвидацией вашего имущества. Вы прочно завязли в этих краях и сами знаете это.

Беседуя, он то и дело отвечал на приветствия встречных прохожих, в основном старожилов, которых сам мог назвать по имени, да и среди новичков мало кто не знал в лицо Джекоба Уэлза.

— Хотите пари, что в 1900 году я буду в Париже? — неуверенно возразил король Эльдорадо.

Но Джекоб Уэлз уже не слушал его. Раздался звон гонга, капитан Мак Грегор послал ему приветствие из рулевой будки, и «Лаура» мягко отчалила от берега. Люди, стоявшие на берегу, наполнили воздух пожеланиями счастья и последними наставлениями, но триста пассажиров, расставшихся со своим продовольствием и отказавшихся от золотой мечты, имели мрачный, унылый вид и едва отвечали на прощальные приветствия. «Лаура» прошла задним ходом по каналу, прорезанному в прибрежном льду, сделала поворот в открытом месте и, дав последний гудок, двинулась полным ходом вперед.

Толпа стала расходиться по своим делам, но Джекоб Уэлз остался на берегу, в центре небольшой группы. Разговор шел о голоде, но это был разговор мужчин. Даже Дэв Харней перестал проклинать страну за недостаток сахара и посмеивался над новичками, *чечако,* как он называл их, пользуясь сивашским наречием. Среди разговора его зоркий взгляд подметил вдруг черное пятнышко, плывшее по реке, прокладывая себе путь среди сала.

— Посмотрите-ка! — воскликнул он. — Лодка

из Питерборо.

Изгибаясь и поворачиваясь то в ту, то в другую сторону, то гребя, то отталкиваясь от плывущих льдин, два человека, управлявшие лодкой, пробились к полосе прибрежного льда и поплыли вдоль нее, ожидая, чтобы где-нибудь открылся проход. Добравшись до устья канала, прорезанного пароходом, они налегли на весла и помчались по спокойной застывающей воде. Стоявшие на берегу встретили их с распростертыми объятиями. Они помогли им выбраться на сушу и вытащили лодку из воды. На дне ее оказались два кожаных чемодана, пара одеял, кофейник, сковородка и довольно тощий мешок с провизией. Сами же люди так замерзли и одеревенели от холода, что едва держались на ногах. Дэв Харней посоветовал им поскорее выпить виски и стал энергично тянуть их за собой, но один из путников задержался, чтобы пожать руку Джекобу Уэлзу.

— Ваша дочь едет за нами, — заявил он. — Мы обогнали их лодку на какой-нибудь час. Она может показаться каждую минуту. У меня есть для вас письма, но этим мы займемся немного погодя. Сначала нужно подкрепиться.

Уходя с Харнеем, он вдруг обернулся и указал вверх по реке.

— Вот она, наконец. Выплывает из-за утеса.

— Живее, ребята, живее, вам необходимо проглотить виски, — уговаривал их Харней. — Скажите там, пусть запишут на мой счет; возьмите двойную порцию, извините, что не могу составить вам компанию. Я останусь здесь.

По реке плыл уже густой лед, местами тонкий и рыхлый, местами плотный и твердый, оттесняя лодку на середину Юкона. С берега было ясно видно, как гребцы боролись с течением. Четверо мужчин, отталкиваясь веслами, прокладывали дорогу между затиравшими лодку льдинами. В лодке горела юконская печка, над которой колебался синеватый столб дыма. Когда путешественники приблизились к берегу, ожидавшие увидели на корме женщину, которая работала рулевым веслом. При этом зрелище в глазах Джекоба Уэлза загорелся огонек. Вот первое и превосходное предзнаменование, подумал он. Она осталась верной имени Уэлзов, смелых и неутомимых борцов. Годы, проведенные в культурной обстановке, не лишили ее силы и мужества. Оторвавшись от родной почвы и вкусив иных плодов, она смело и радостно возвращалась снова в суровую страну.

Эти мысли мелькали у него, пока облепленная

льдом лодка не приблизилась к краю береговой полосы льда. Один из гребцов — белый — выскочил на лед с багром в руке, чтобы замедлить движение лодки и направить ее в канал. Но лед, образовавшийся лишь прошлой ночью, был еще слишком тонок. Он подломился под его тяжестью, и человек провалился в воду. Нос лодки, под напором толстой льдины, повернул в сторону, так что упавший гребец выплыл у кормы. Рука женщины с молниеносной быстротой ухватила его за ворот, и в тот же миг голос ее резко и повелительно приказал лодочникам-индейцам дать задний ход. Продолжая поддерживать голову упавшего над водой, она всем телом налегла на рулевое весло и направила лодку кормой вперед в канал. Несколько взмахов весел — и лодка причалила к берегу. Девушка передала воротник человека Дэву Харнею, который вытащил его из воды и после чего погнал поскорее по дороге в город.

Фрона выпрямилась; щеки ее раскраснелись от усилия. Джекоб Уэлз остановился в замешательстве. Он стоял теперь в двух шагах от нее, но их разделял промежуток в три года. Расцвет женственности в этой двадцатилетней девушке, с которой он расстался, когда ей было семнадцать, превзошел все его ожидания. Он не знал, что

делать: сжать ли в объятиях это лучезарное юное существо или взять ее за руку и помочь выйти на берег. Но Уэлзу не пришлось долго размышлять, потому что, не дожидаясь его помощи, она выскочила из лодки и очутилась в его объятиях. Те, кто стоял повыше, все до единого, деликатно отвернулись в сторону, пока отец с дочерью, обнявшись, поднимались к ним.

— Моя дочь, господа!

Лицо его сияло гордостью. Фрона с дружеской улыбкой окинула всех ласковым, смеющимся взглядом, и каждый почувствовал, что ее взгляд на мгновение слился с его взглядом.

Глава VII

Нечего и говорить о том, что Вэнсу Корлису очень хотелось еще раз повидаться с той девушкой, которой он дал приют в своей палатке. Он оказался недостаточно предусмотрительным, не захватив с собой в путешествие фотоаппарата, но природа, благодаря другому, несравненно более тонкому процессу, запечатлела свой солнечный образ в его мозгу. Достаточно было одного мгновения, чтобы он оказался зафиксированным там навсегда. Волна света и красок, перемещение и сцепление молекул, чрезвычайно тонкий, но точный подсознательный мозговой процесс — и снимок готов. Мрачные скалы, залитые потоком солнечного света, стройная женская фигура в сером, выступающая в лучезарном ореоле из полосы, где сливаются свет и мрак; ясная утренняя улыбка юного лица в пылающей рамке расплавленного золота.

Вэнс часто любовался этим образом, и чем больше он вглядывался в него, тем сильнее разгоралось в нем желание снова увидеть Фрону Уэлз. Он ожидал этого события с трепетом, с восторгом, точно предчувствуя, как сильно оно повлияет на

всю его жизнь. Эта девушка казалась ему новой, свежей женщиной, не похожей на все, что он встречал до сих пор. Из очарованной дали ему улыбалась пара светло-карих глаз и рука, нежная и в то же время сильная, манила его к себе. Во всем этом скрывалось какое-то непобедимое обаяние, похожее на аромат греха.

Нельзя сказать, чтобы Вэнс Корлис был очень влюбчивым человеком или до тех пор жил монахом, но воспитание придало его жизни несколько пуританский уклон. Расширив свой кругозор и увеличив запас знаний, Вэнс до известной степени освободился из-под влияния суровой матери, хотя оно и не исчезло бесследно. Внушенные с детства принципы продолжали гнездиться в глубоких тайниках души, превратившись в неотъемлемую часть его личности. Освободиться из-под их влияния он был не в силах, и они, хоть и слабо, все же сказывались в его воззрениях на людей и мир, искажали его впечатления и очень часто, когда дело касалось женской половины рода человеческого, предопределяли его оценку. Вэнс гордился широтой своих взглядов: ведь он допускал существование трех типов женщин, тогда как его мать признавала всего лишь два. Он чувствовал, что перерос ее. Женщины бес-

спорно делятся на три типа: хороших, дурных и таких, которые не вполне хороши и не вполне дурны. Однако это не мешало ему думать, что последние в конце концов неизбежно становятся дурными. Их шаткая позиция между добром и злом неуклонно вела к гибели. Это была лишь промежуточная ступень, отмечающая переход сверху вниз, от лучшего к худшему.

Все это, конечно, могло быть справедливо, но, при отсутствии точных определений в посылках, выводы неизбежно должны страдать догматизмом. В самом деле, что считать хорошим и что дурным? Вот тут-то и сказывалось влияние матери, мертвые губы которой нашептывали ему ответ. Да и не одной только матери, а многих поколений, вплоть до того далекого предка, который первым оторвался от земли и взглянул на нее сверху вниз. Ибо, как ни далек был теперь Вэнс Корлис от земли, в нем, помимо его воли, жило влечение к ней, охранявшее его от гибели.

Не следует, однако, думать, что он тотчас же подобрал для Фроны ярлык согласно своей классификации и унаследованным им представлениям. От этой мысли Вэнс решительно отказался, предпочитая составить себе мнение об этой девушке позднее, когда соберет больше дан-

ных. И в этом собирании данных тоже таилась своего рода прелесть, ибо это был тот великий критический момент, когда чистота протягивает мечтательные руки к грязи и отказывается назвать ее грязью, пока не запятнает своих одежд. Нет, Вэнс Корлис не был подлецом, но, поскольку чистота есть понятие относительное, его нельзя было назвать и чистым. Если под ногтями у него не было грязи, то объяснялось это не тем, что он усердно следил за их чистотой, а тем, что ему не случалось соприкасаться с грязью. Добродетелен он был не по сознательному желанию и не потому, что зло внушало ему отвращение, а по той простой причине, что ему не представлялось случая совершить что-либо дурное. Но это, разумеется, совсем не доказывает, что при известных обстоятельствах он стал бы дурным человеком.

Вэнс Корлис представлял собой продукт оранжерейного воспитания. Вся его жизнь протекла в исключительно благоприятных гигиенических условиях. Он дышал не воздухом, а искусственно выработанным озоном. В хорошую погоду его выводили на солнце, в сырую — прятали от дождя. Достигнув же, наконец, самостоятельного возраста, он оказался чересчур занятым человеком для того, чтобы уклониться от проторенной дорожки,

по которой мать научила его ползать и ходить. И по этой же дорожке он продолжал уверенно двигаться и теперь, не задумываясь над тем, что лежало по ее сторонам.

Жизненная энергия дается человеку в ограниченном количестве. Если истратить ее на что-нибудь одно, для другого уже ничего не останется. Так случилось и с Вэнсом Корлисом. Занятия и физические упражнения в колледже поглощали всю энергию, которую вырабатывал его организм, питаясь здоровой и обильной пищей. А заметив некоторый избыток этой энергии, он спешил растратить его в обществе матери и светских знакомых, которых она любила собирать за своим чайным столом. В результате из него вышел образцовый молодой человек, которого матери без трепета подпускали к своим взрослым дочерям. Очень здоровый и крепкий молодой человек, не растративший своих сил в беспорядочной жизни, очень образованный молодой человек, с инженерным дипломом Фрейбергского горного института и званием бакалавра искусств Йельского университета, наконец, молодой человек, в достаточной мере обладающий выдержкой и силой воли.

Однако главная добродетель его заключалась

в следующем: он не застыл в той форме, которую отлила его мать. В нем сказались черты атавизма, и Вэнс во многом напоминал того предка, который некогда оторвался от земли. Но до сих пор эта сторона наследственности не пробуждалась в нем. Он жил в привычной, устойчивой среде, не требовавшей от него никакого напряжения, никаких усилий. Между тем самый склад характера Вэнса не оставлял сомнений в том, что лишь только явится необходимость, он сумеет приспособиться и примениться к обстоятельствам под непривычным давлением новых условий. Истина о катящемся камне, быть может, вполне справедлива, но, тем не менее, в схеме жизни неспособность застыть на месте является превосходнейшим качеством. Эта подвижность и была самым крупным достоинством Вэнса Корлиса, хотя он и не сознавал этого.

Но вернемся к рассказу. Вэнс с глубокой сдержанной радостью ожидал встречи с Фроной Уэлз, а тем временем часто заглядывался на солнечный образ, который хранился в его душе. Как ни щедро сыпал он деньгами, переправляясь через Перевал и по озерам (лондонские синдикаты никогда не скупятся в подобных случаях), Фрона добралась до Даусона на целых две недели раньше

него. Правда, деньги помогали ему преодолевать препятствия, но Фрона пользовалась таким могущественным талисманом, как имя Уэлз, и все препоны сами собою рушились перед ней.

Приехав в Даусон, Корлис потратил недели две на то, чтобы приобрести себе сруб, представить куда нужно свои рекомендательные письма и устроиться поудобнее. Все это понемногу уладилось, и на следующий вечер, после того как река окончательно стала, он направился к дому Джекоба Уэлза, удостоившись чести сопровождать туда миссис Шовилль, жену комиссара по золотым делам.

Корлис не поверил глазам, — паровое отопление в Клондайке! Но в следующий момент, раздвинув тяжелые портьеры, он перешел из передней в гостиную. Да, это была настоящая гостиная. Его мокасины из оленьей кожи утопали в пушистом ковре, а глаза с изумлением остановились на Тернеровском пейзаже, изображавшем восход солнца. В комнате были еще другие картины и несколько художественных бронзовых вещиц. Огромные сосновые поленья ярко пылали в двух каминах, выложенных голландскими изразцами. В глубине стоял рояль, и кто-то пел. Фрона вскочила со стула и поспеши-

ла ему навстречу, протягивая обе руки. До этой минуты Вэнсу казалось, что солнечный образ, запечатлевшийся в его мозгу, в совершенстве передает ее облик, но эта озаренная огнем фигура, это юное создание, полное жизни, тепла и радости, совершенно затмило первое впечатление. Сжимая ее руки в своих, он испытывал глубокое волнение, это был один из тех моментов, когда непостижимый восторг кружит голову и заставляет кровь быстрее пробегать по жилам. Голос миссис Шовилль привел его в себя, хотя первые слоги лишь смутно дошли до его сознания.

— О! — воскликнула она. — Вы с ним знакомы?

И Фрона ответила:

— Да, мы встретились по дороге из Дайи сюда. А те, кому довелось встретиться на этом пути, никогда не забудут друг друга.

— Как это романтично!

Жена комиссара по золотым делам всплеснула руками. Несмотря на свои сорок лет, солидную комплекцию и флегматический темперамент, она была очень экспансивна и постоянно изливала свой восторг в рукоплесканиях и восклицаниях. Ее муж уверял за ее спиной, что, если бы сам Господь Бог сподобил его супругу встретиться с ним лицом к лицу, она наверное всплеснула бы

своими пухлыми руками и воскликнула: «Как это романтично!».

— Как это случилось? — продолжала она. — Он перенес вас на руках через пропасть или сделал еще что-нибудь в этом роде? Ну, расскажите же скорее. А вы-то хороши, мистер Корлис, ни разу не обмолвились мне об этом. Да говорите же. Я умираю от любопытства.

— О, ничего подобного, — поспешил успокоить ее Вэнс. — Сущий пустяк… Я, то есть мы…

Он окончательно смутился, когда Фрона перебила его. Кто мог предугадать, что скажет эта необыкновенная девушка?

— Он приютил меня, вот и все, — сказала она. — И могу засвидетельствовать, что картошку он жарит великолепно, а вот кофе его очень вкусен, лишь когда сильно проголодаешься.

— Неблагодарная! — с трудом выдавил он из себя и получил в награду улыбку. Затем его представили стройному лейтенанту конной стражи. Лейтенант стоял у камина, беседуя о продовольственном кризисе с бойким маленьким человеком, крахмальная сорочка и стоячий воротничок которого резко выделялись на фоне окружающей обстановки.

Корлис, с детства привыкший вращаться в

обществе, непринужденно переходил от одной группы к другой, вызывая этим горячую зависть Дэла Бишопа. Бойкий лодочник сидел точно приклеенный на первом подвернувшемся кресле и терпеливо ждал, пока кто-нибудь начнет прощаться, чтобы узнать, как проделывается эта церемония. В общем он уже приблизительно догадывался, что нужно будет сделать, и на всякий случай подсчитал даже количество шагов, отделявших его от двери. Только одна деталь продолжала смущать Дэла. Он не сомневался в том, что должен попрощаться с Фроной за руку, но вот, нужно ли пожать руки и всем остальным присутствующим? В этом-то и загвоздка. Он заглянул сюда на минутку, чтобы побеседовать с Фроной, и совершенно неожиданно очутился вдруг в большом обществе.

Корлис, закончив спор с мисс Мортимер о вырождении французских символистов, наткнулся на Дэла Бишопа. Золотоискатель сразу узнал его, хотя до этого видел молодого человека всего один раз мельком, когда тот, стоя у входа в палатку, провожал их взглядом. Тем не менее, не задумываясь, он сказал ему, что глубоко признателен за гостеприимство, оказанное мисс Фроне в ту ночь, когда сам он застрял по дороге; что всякую услугу,

сделанную ей, он считает услугой ему самому; и что, Бог свидетель, он не забудет этого, пока у него самого будет одеяло, чтобы укрываться. Он выразил надежду, что Корлис не очень продрог в ту ночь. Мисс Фрона заметила, что одеял было маловато, но ночь оказалась не слишком холодной (скорее ветреная, чем морозная), поэтому он полагает, что им было тепло. Корлису эта беседа показалась небезопасной, и он, воспользовавшись первым удобным предлогом, отошел от золотоискателя, взор которого снова со страстной тоской устремился на дверь.

Но Дэв Харней, попавший в эту гостиную отнюдь не случайно, не проявлял никакого желания приклеиться к первому попавшемуся креслу. Будучи одним из королей Эльдорадо, он считал необходимым занимать в обществе положение, на которое ему давали право его многочисленные миллионы. То, что всю свою жизнь он вращался только в обществе игроков и кутил, нисколько не мешало ему теперь с величайшей развязностью изображать светского человека. Он с полной непринужденностью разгуливал по комнате, бросал отрывистые, бессвязные замечания всем, кто попадался навстречу, причем шикарный костюм и развинченная походка еще больше

подчеркивали его апломб и самоуверенность. Мисс Мортимер, говорившая по-французски с настоящим парижским акцентом, огорошила его своими символистами; но он быстро вывернулся с помощью основательной дозы жаргона канадских «вояжеров» и оставил ее в полном недоумении, предложив ей продать двадцать пять фунтов сахара — безразлично песка или рафинада. Однако не одну мисс Мортимер ошеломил он таким оригинальным предложением. Кто бы ни был его собеседником, он ловко переводил разговор на продовольствие и заканчивал неизменным требованием: сахар или жизнь! после чего весело направлялся к следующему.

Успех его в обществе окончательно укрепился лишь после того, как он предложил Фроне спеть трогательную песенку: «Для вас покинул я край родной». Она не знала этой вещи и заставила его пропеть несколько куплетов вполголоса, чтобы подобрать аккомпанемент. Он пел не столько приятно, сколько старательно, и Дэл Бишон, отважившись, наконец, напомнить о своем присутствии, хриплым голосом присоединился к хору. Это настолько подбодрило его, что он расстался с креслом, а, попав наконец домой, растолкал пинком своего сонного сожителя,

чтобы рассказать ему, как здорово он провел время у Уэлзов. Миссис Шовилль восторгалась и находила, что все это необычайно романтично, особенно когда лейтенант конной стражи, поддержанный несколькими соотечественниками, проревел английский гимн «Боже, храни королеву», на что американцы ответили им «Джоном Брауном» и другими национальными песнями. Затем толстый Алекс Бобьен, король Сёркл-Сити, потребовал «Марсельезу», а разошлась компания под звуки немецкого гимна, прорвавшие молчание морозной ночи.

— Не приходите на эти вечера, — шепнула Фрона, прощаясь с Корлисом. — Нам не удалось перемолвиться словом, а между тем я уверена, что мы будем друзьями. Удалось ли Дэви Харнею выцедить из вас немного сахара?

Оба рассмеялись, и Корлис, возвращаясь домой, при свете северного сияния, старался привести в некоторый порядок свои впечатления.

Глава VIII

— А почему бы мне не гордиться своей расой?

Щеки Фроны горели, глаза сверкали. Они углубились в воспоминания детства, и она рассказала Корлису о своей матери, которую едва помнила: красивая белокурая женщина чистого саксонского типа — вот какое представление она составила себе о ней по рассказам отца и старого Энди из Дайи. Разговор незаметно перешел с этой темы на расу вообще, и Фрона в пылу увлечения высказала взгляды, которые показались более консервативному Корлису опасными и не совсем обоснованными. Он считал себя свободным от расового эгоизма и национальных предрассудков и высмеял ее незрелые убеждения.

— Всем народам свойственно считать себя высшей расой, — сказал он, — это наивный, вполне естественный эгоизм, очень здоровый и полезный, но, тем не менее, совершенно необоснованный. Евреи считали себя избранным народом и до сих пор уверены в этом…

— Вот потому-то они оставили такой глубокий след в истории, — перебила она.

— Но время доказало, что они заблуждались.

Кроме того, не следует забывать и оборотной стороны медали. Народ, считающий себя высшей расой, неизбежно должен смотреть на все другие нации сверху вниз. Это приводит нас к предкам. Римский гражданин считал себя выше любого короля, и когда римляне впервые столкнулись в германских лесах с нашими дикими предками, они удивленно подняли брови и презрительно процедили сквозь зубы: «Низшая раса, варвары».

— Но победа осталась за нами. Мы существуем, а римляне погибли. Время — лучший пробный камень. До сих пор мы выдержали испытание; и некоторые благоприятные признаки дают основание думать, что мы выдержим его и дальше. Мы лучше всех приспособлены для этого.

— Эгоизм.

— Подождите. Я сейчас докажу вам.

Увлеченная спором, она дотронулась до его руки. При этом прикосновении сердце его забилось сильнее и кровь застучала в висках. Какое нелепое и восхитительное ощущение, подумал он. При таких обстоятельствах он готов был спорить с ней всю ночь напролет.

— А доказательства вот какие, — повторила она без всякого замешательства, отводя свою руку. — Наша раса — раса деятелей и борцов,

раса победителей земного шара и завоевателей новых стран. Мы трудимся, боремся и не отступаем от своей задачи, каким бы безнадежным ни казалось положение. Мы стойки и упорны, но в то же время умеем приспособляться к самым разнообразным условиям. Да разве могут когда-нибудь индусы, негры или монголы одолеть тевтонов? Индусы, правда, устойчивы, но зато они лишены способности приспособления. Если они не приспособляются, их ждет смерть. Но, пробуя примениться к новым условиям, они все равно точно так же погибают. Негр умеет приспособляться, но он покорен по натуре и нуждается в руководстве. А китайцы неподвижны и совершенно лишены гибкости. Англосаксы обладают всеми качествами, которых не имеют другие расы. Кому же по справедливости принадлежит будущее и господство над миром?

— Вы забываете славян, — возразил Корлис.

— Славян! — Лицо ее омрачилось. — Да, правда, славян. Единственная юная раса в этом мире молодых людей и седобородых старцев. Но она вся еще в будущем, и будущему принадлежит решение. Пока же мы подготовляемся. Быть может, нам удастся уйти вперед настолько, чтобы помешать росту этой юной расы. Ведь раздавили же

испанцы ацтеков только потому, что они были сильнее их в химии и умели делать порох. Неужели же мы, имея в своем распоряжении весь мир с его неистощимыми ресурсами, вместив в себя все его знания, не сумеем придушить славян, прежде чем они попробуют помериться с нами силами?

Вэнс Корлис неодобрительно покачал головой и рассмеялся.

— О, я знаю, что наговорила глупостей и чересчур разгорячилась, — воскликнула она. — Но в конце концов мы уже потому можем считать себя солью земли, что имеем мужество заявлять об этом.

— Ваш пыл безусловно заражает, — ответил он. — Знаете, я и сам, кажется, начинаю загораться. Все мы, и англы, и саксы, и норманны, и викинги, — несомненно избранный народ, избранный не Богом, а природой, и земля — наше наследие. Так поднимемся же и двинемся вперед.

— Ну, теперь вы насмехаетесь надо мной! А разве мы и так уже не шагнули основательно вперед? Для чего вы отправились на Север? Чтобы завладеть наследием своей расы.

Услышав приближающиеся шаги, Фрона обернулась и крикнула вместо приветствия:

— Поддержите меня, капитан Александр! Я призываю вас в свидетели.

Капитан конной стражи улыбнулся и пожал руки Фроне и Корлису.

— В свидетели? — спросил он. — Ну что ж!

Фрона, взволнованная спором, в тот же момент сжала обе руки капитана в своих. Увидев это, Корлис почувствовал, как что-то дрогнуло в его груди. Ему не нравилось, что она так расточительно дарит прикосновения своих теплых, сильных рук. Неужели она так щедро вознаграждает всех, кому удастся привести ее в восторг словом или делом?

Он не испытывал ничего, кроме удовольствия, когда пальцы Фроны прикасались к его руке, но терзался всякий раз, когда эта ласка доставалась другому. Пока он размышлял над этим, Фрона успела объяснить капитану, о чем идет спор, и тот выступил в ее поддержку.

— Я не много знаю о славянах и других народах, кроме того, что они хорошие работники и сильные люди. Но зато мне хорошо известно, что белый человек выше всех и лучше всех в мире. Возьмите, например, индейцев. Является белый человек и сразу оттесняет его на второе место во всех отношениях. Он оказывается трудолюбивее, выносливее, превосходит его и в рыбной ловле и

в охоте. Аляскинские индейцы с незапамятных времен занимаются переноской грузов. Но золотоискатели, раскусив, в чем заключается фокус этого ремесла, тотчас же научились переносить еще большие тяжести и на более длинные расстояния, победив индейцев и на этом поприще. В мае прошлого года, в день рождения королевы, на реке были устроены состязания в гребле. И мы в пух и в прах разбили индейцев в гонках пирог с одним, двумя, тремя, четырьмя и пятью гребцами. А между тем, они чуть ли не рождаются в пирогах, тогда как мы только знакомимся с ними, будучи уже взрослыми.

— Но чем же это объяснить? — спросил Корлис.

— Не берусь вам ответить. Я только констатирую факт. Ведь я здесь всего лишь свидетель. Итак, в качестве свидетеля, я заявляю, что они не могут сделать того, что делаем мы, а все, что делают они, мы делаем лучше.

Фрона с торжеством кивнула Корлису.

— Признайте же себя побежденным и пойдем обедать. Ну, хоть временно побежденным. Конкретные примеры с веслами и ремнями для переноски тяжестей сводят на нет всю вашу догматику. А! Я так и думала. Вы еще не сдаетесь?

Ну, что же, спорьте. Только пойдемте в столовую. Посмотрим, какого мнения на этот счет мой отец… и вино! Нас ждет пир в честь верховенства англосаксов.

Мороз и вялость — две вещи несовместимые. Север, в противоположность теплому климату, горячит кровь и заставляет ее быстрее пробегать по жилам. Поэтому вполне естественно, что дружба, возникшая между Корлисом и Фроной, быстро окрепла. Они часто встречались под кровом ее отца и нередко гуляли вместе. Молодых людей влекло друг к другу, и разница во взглядах не могла омрачить удовольствия, которое они находили во взаимном общении.

Фроне нравилось в нем прежде всего то, что он настоящий мужчина. В самых бурных взлетах фантазии она никогда не представляла себе близости с человеком, который не обладал бы физической мужественностью, как бы высоко он ни стоял в духовном отношении. Она всегда охотно любовалась сильными мужчинами своей расы, их красивыми телами и мощными мускулами, говорившими о славных подвигах и упорном труде. Для нее мужчина был главным образом борцом. Она твердо верила в естественный отбор и была убеждена, что способности и навыки, при-

обретенные человеком таким образом, полезны для него и служат ему во благо. Точно так же относилась она к инстинктам. Чувствуя влечение к кому-нибудь или чему-нибудь, она не боролась с ним, а считала его хорошим и полезным для себя. Если вид красиво сложенного тела и крепких мускулов доставляет ей удовольствие, зачем же лишать себя этой радости? Почему нельзя любить тело? Почему стыдиться этого? История ее расы да и всех других рас подтверждала правильность ее взглядов. Во все времена слабые и изнеженные самцы исчезали с мировой сцены. Только сильные наследуют землю. Фрона родилась от сильных и искала своего избранника среди сильных.

Однако она не менее горячо и быстро откликалась на все исходившее из мира духовного, хотя и от духа человеческого требовала силы и мужества. Слабость, нерешительность, робкое ожидание, бесполезное нытье всегда отталкивали ее. Мозг и душа должны быть так же быстры в решениях, уверены в себе и энергичны, как и тело. Дух создан не только для бесплодных мечтаний. Нет, подобно плоти, он должен бороться и трудиться. У него должны быть свои рабочие дни и свои праздники. Она могла понять и слабое

существо, оценить его прелесть и благородство, могла даже полюбить его за эти качества; но любовь ее была бы полнее, будь оно сильно телом. Она считала, что поступает справедливо, отдавая должное телу и духу. У Фроны был свой идеал. Она стремилась найти гармонию духа и тела. Пророческий дар и дурное пищеварение не казались ей удачной комбинацией. Великолепный дикарь и рахитичный поэт! Она могла восхищаться мышцами первого и песнями второго, но предпочитала, чтобы то и другое было слито в одном лице.

Что же касается Вэнса Корлиса, то между ними, помимо всего прочего, несомненно, существовало физическое влечение, благодаря которому прикосновение его руки всегда доставляло ей удовольствие. Пусть души сливаются воедино, но если люди физически неприятны друг другу, все счастье их основано на песке, и здание его всегда будет шатким и ненадежным. Корлис обладал физической силой и обликом героя, однако без всякого намека на животную грубость. Его мускулы были скорее развиты в качественном отношении, чем в количественном, а только такое развитие и обеспечивает красоту форм. Великан не всегда отличается гармонией форм, а

массивные мускулы — симметрией.

И наконец, хотя это отнюдь не менее существенно, Вэнса Корлиса в духовном отношении нельзя было назвать ни застывшим, ни вырождающимся человеком. Он производил на нее впечатление свежего, здорового и сильного мужчины, который умел возвышаться над землей, не проникаясь к ней презрением. Конечно, все эти впечатления возникли в ней бессознательно. Она не рассуждала, а чувствовала.

Они много спорили и чаще расходились, чем сходились во взглядах, но, несмотря на это, в основе их отношений лежала неизменная гармония духа. Ей нравились в нем и трезвость мысли, и юмор (ведь серьезность и шутка могут прекрасно уживаться друг с другом); нравилось его врожденное рыцарство, широта, с которой он предложил ей в Счастливом лагере проводника-индейца и денег на проезд в Соединенные Штаты, — дело у него не расходилось со словом. Нравились Фроне его благоразумие и великодушие, в которое она твердо верила, хотя он был скорее скуп на слова; его ум, правда, несколько академичный и затронутый схоластикой новейшего времени, но все же позволявший причислить его к «интеллигенции». Он умел отделять чувства и эмоции от

разума. Выводы его были всегда безупречны, как только он принимал в расчет все обстоятельства. Но именно тут-то и сказывалось, по мнению Фроны, его слабое место — узость взглядов, часто мешавшая ему разглядеть некоторые факты и проявить всю ширину, на какую он был способен. Но Фрона не считала этот недостаток непоправимым и верила, что новая жизнь быстро излечит ее друга от этого зла. Он был чересчур пропитан культурой, а суровая действительность является в этом случае лучшим лекарством.

Наконец, он нравился ей сам по себе, независимо от тех отдельных качеств, из которых слагалась его личность. А это далеко не то же самое. Ведь известно, что при сложении двух величин в результате получается не только их сумма, но еще некая третья величина, не содержащаяся ни в одном из них. Так же и с Корлисом. Он нравился ей сам по себе, вернее, ей нравилось в нем нечто такое, что не могло быть выделено как особое свойство или сумма нескольких свойств, то нечто, которое всегда заводило в тупик философию и науку. Вэнс нравился Фроне Уэлз, но это отнюдь не означало, что она любит его; для нее это были две разные вещи.

Влечение Вэнса Корлиса к Фроне было очень

сильным и объяснялось прежде всего страстным тяготением к земле. Этот инстинкт так глубоко сидел в нем, что женщины, давно оторвавшиеся, далеко отошедшие от земли, не могли ему нравиться. Таких женщин он встречал постоянно, но ни одна из них не заставила его сердце забиться сильнее. И хотя неудовлетворенность, которая всегда служит предвестником великой любви, все острее давала себя чувствовать, ни одной из дочерей Евы, встречавшихся на его пути, не удавалось заполнить своим блеском эту пустоту. Он никогда не испытывал к ним более или менее сильного влечения или того не поддающегося определению чувства, которое называется любовью. При встрече с Фроной чувство это сразу вспыхнуло в нем, широко расправив крылья. Но он совершенно неправильно истолковал его как влечение к новому и непривычному.

Много мужчин хорошего происхождения, вкусивших все плоды цивилизации, подчинялись этому тяготению к земле и, наперекор здравому смыслу, женились на деревенских девушках и кельнершах. Убедившись в своей ошибке, они проклинали инстинкт, заставивший их сделать такой выбор, забывая, что природа не считается с индивидуумом и действует всегда в интересах

рода. В этом тяготении к земле безусловно сказывается здоровый импульс, но неблагоприятные условия времени и места большей частью влекут к гибели тех, кто следует ему.

К счастью для Вэнса Корлиса, время и место были вполне благоприятны. В Фроне он нашел и культуру, без которой не мог бы обойтись, и ясно выраженную крепкую связь с землей, так сильно притягивавшей его. Что касается образования и культуры, то в этом отношении она была настоящим чудом. Вэнс не раз встречал и прежде молодых женщин, напичканных поверхностной ученостью; но Фрона, помимо знаний, обладала способностью вливать новую жизнь в давно известные факты, и ее взгляды на самые обыденные вещи всегда отличались логичностью, свежестью и новизной. Благоприобретенный консерватизм Вэнса нередко приходил в смятение от смелости ее взглядов и предупреждал его об опасности, но, несмотря на это, он все же поддавался очарованию философских теорий Фроны и прощал ей ученость за искренность и энтузиазм. Он, правда, не всегда соглашался с тем, что она так страстно отстаивала, но сама эта страстность и пыл являлись в его глазах большой прелестью.

Главным ее недостатком он считал полное

пренебрежение условностями. Женщина была в его глазах чем-то невыразимо священным, и он страдал при одной мысли, что она может ступить на не совсем безопасную стезю. Когда порядочная женщина решалась переходить границы, поставленные ей полом и положением, он объяснял это распущенностью. А распущенность такого рода была очень близка к… нет, он не мог произнести этого слова, раз речь шла о Фроне, хотя она часто огорчала его своими неосторожными поступками. Однако подобные мысли приходили ему в голову только тогда, когда он был вдали от нее. Вблизи же, глядя в ее честные глаза, пожимая при встрече или прощании ее руку, всегда отвечавшую ему искренним рукопожатием, он испытывал полную уверенность, что ничто дурное не может пристать к ней.

Кроме того, ему нравилось в ней еще многое, например, ее порывистость и страстная стремительность, которая всегда носила возвышенный характер. Теперь, подышав воздухом Севера, он полюбил в ней ту простоту отношений, которая так неприятно поразила его в начале их знакомства. Постепенно он научился ценить в ней отсутствие ложной стыдливости, которое он принял было за отсутствие целомудрия и

скромности. Он сам очень скоро обнаружил свою ошибку. Произошло это на другой день после того, как он неосторожно вступил с ней в спор по поводу «Камиллы». Она видела в этой пьесе Сару Бернар и с любовью вспоминала незабываемое впечатление. Возвращаясь в этот вечер домой с тяжелой болью в сердце, Вэнс тщетно старался примирить образ Фроны с идеалом, внушенным ему матерью, идеалом, для которого невинность являлась синонимом неведения. Однако на следующий день он понял свою ошибку и сделал новый шаг к освобождению от пут, которые связывали его с детства.

Ему нравилось сияние ее волос, золотые искры, загоравшиеся в них при свете камина, их пышность и великолепие. Нравилась ее стройная нога и затянутые в серые гетры икры, увы, скрывшиеся в Даусоне под длинной юбкой, нравилась ее гибкая сильная фигура; гулять с ней, приноравливаясь к ее шагу, или только следить, как она проходит по комнате или по улице, было для него истинным наслаждением. Жизнь и радость жизни кипели в крови Фроны, в меру наполняя и округляя ее стройные мышцы и нежные изгибы ее тела. Все это нравилось ему. Но особенно любил он руки Фроны, упругие, сильные и со-

блазнительные, слишком быстро прятавшиеся в широком рукаве.

Стремление к гармонии между физической и духовной красотой чрезвычайно сильно у нормальных мужчин, и Вэнс Корлис не представлял в этом отношении исключения.

Увлекаясь ее красотой, он не меньше ценил ее душевные качества. Фрона нравилась ему и тем, и другим, а главным образом сама по себе, независимо от всех своих качеств; Фрона нравилась Вэнсу, и для него это означало любовь.

Глава IX

Вэнс Корлис, не теряя времени, начал приспосабливаться к жизни на Севере и нашел, что во многих отношениях это далеко не так трудно, как казалось с первого взгляда. Сам он никогда не божился и не ругался, но быстро привык к тем крепким выражениям, которыми другие мужчины часто пересыпали самую благодушную беседу. Карти, маленький техасец, работавший с ним одно время, через каждые два слова вставлял краткое восклицание: «Будь я проклят!». Этим возгласом он неизменно выражал удивление, разочарование, смущение, вообще всевозможные оттенки настроений. При соответствующих изменениях интонаций, ударений и экспрессии это восклицание успешно выполняло все функции обычной человеческой речи. Вначале эта привычка сильно раздражала и отталкивала Корлиса, но, спустя некоторое время, он не только стал терпимо относиться к сквернословию техасца, а даже полюбил в нем эту черту и с нетерпением поджидал очередной порции.

Однажды упряжная собака Карти лишилась уха в жаркой схватке с собакой с Гудзонова залива, и

когда молодой человек нагнулся над животным и обнаружил рану, глубокая нежность и пафос слетевшего с его губ: «Будь я проклят!» явились для Корлиса настоящим откровением. И в Назарете можно найти кое-что хорошее, мудро решил он и, подобно Джекобу Уэлзу в молодости, подверг пересмотру свою жизненную философию.

Вообще говоря, общественная жизнь Даусона текла по двум руслам: люди, занимающие известное положение, собирались в казармах, у Уэлзов и в нескольких других семейных домах, где они встречали радушный прием и находились в обществе женщин того же круга. Там устраивались чаепития, обеды, балы и благотворительные вечера. Однако все эти светские увеселения не вполне удовлетворяли мужчин. В центре города развертывалась совершенно иная, хотя ничуть не менее оживленная картина общественной жизни Даусона. Поскольку страна была еще чересчур молода для клубной жизни, вся мужская половина населения собиралась в салонах. Исключение составляли только священники и миссионеры. В салонах обсуждались и заключались всевозможные сделки, вырабатывались проекты, совершались закупки, обсуждались последние новости и поддерживались добрые,

приятельские отношения. Там сталкивались люди совершенно различного общественного положения: короли и погонщики собак, старожилы и *чечако* — все встречались у стоек бара на равной ноге. Кончилось тем, — должно быть, потому, что лесопилок было еще мало и места для строек не хватало, — что салоны обзавелись карточными столиками и вощеными полами для танцев. И с этим обычаем Корлис, подчинившись общему правилу, примирился очень быстро, так что Карти, глубоко уважавший своего патрона, был вполне прав, заявляя: «А главное, что все это ему чертовски нравится, будь я проклят!».

Но всякий процесс приспособления сопровождается мучительными периодами, и, хотя Корлис в общем довольно легко освоился в новых условиях, отношения с Фроной складывалисьь далеко не так гладко. У нее был свой собственный кодекс нравственных правил, совершенно непохожий на общепринятый. Она, по-видимому, полагала, что женщина имеет право делать вещи, способные смутить даже завсегдатаев салонов. На этой почве и произошла у нее первая размолвка с Корлисом.

Фрона любила в сильные морозы кататься на собаках, чувствовать, как горят щеки, волнуется

кровь, а все тело, напряженно устремляясь вперед, движется в ритмическом беге. Раз в ноябре, когда ударили первые сильные морозы и спиртовой термометр показывал шестьдесят пять ниже нуля, она выкатила сани, запрягла в них собак и помчалась по дороге к реке. Оставив за собой город, Фрона пустила собак во всю прыть. Так попеременно, то в санях, то бегом, она пронеслась через индейскую деревушку под утесами, сделала круг в восемь миль по Оленьему Ручью, пересекла реку по льду и через несколько часов мчалась уже по западному берегу Юкона против города. Фрона знала, что там проходит дорога, укатанная розвальнями, доставляющими в Даусон дрова, и думала вернуться этим путем домой. Но, проехав с милю, она попала в мягкий снег и пустила уставших собак шагом.

Прокладывая себе путь, она направила сани вдоль берега реки, под нависшими скалами. Время от времени ей приходилось сворачивать в сторону и огибать вдающиеся в реку утесы, а иногда спускаться на лед вдоль крутых стен. И вот, ведя за собою собак, она наткнулась вдруг на женщину, которая сидела на снегу, устремив взгляд на противоположный берег, где вырисовывался подернутый дымкой Даусон. Женщина

плакала, и этого было достаточно, чтобы Фрона остановилась. Слеза, превратившись в льдинку, застыла на щеке незнакомки, а в печальных, затуманенных глазах ее отражалось безнадежное, безграничное горе.

— О! — воскликнула Фрона, останавливая собак и подходя к ней. — Вы ушиблись? Не могу ли я помочь вам?

Но незнакомка отрицательно покачала головой.

— Но вам нельзя сидеть здесь. Сегодня без малого семьдесят градусов, и вы замерзнете через несколько минут. Ваши щеки уже отморожены. — Она начала растирать женщине снегом побелевшие места, следя за тем, как кровь теплой волной снова приливала к ним.

— Простите, — женщина с некоторым усилием поднялась на ноги. — Благодарю вас, мне вполне тепло, — она мягким движением глубже надвинула свой меховой капюшон, — я просто присела на минутку.

Фрона заметила, что она красива, и ее женский глаз тотчас оценил великолепные меха, покрой пальто и изящные мокасины, выступавшие из-под него. Незнакомое лицо и вся эта роскошь вызвали у Фроны инстинктивное желание ото-

двинуться.

— Со мной ничего не случилось, — продолжала женщина. — Просто захотелось вдруг посмотреть на эти бесконечные, унылые снега.

— Да, — ответила Фрона, овладев собой. — Я понимаю вас. В этом пейзаже, должно быть, много грусти, но только на меня он действует совсем иначе. Я чувствую в нем суровость и величие, но не печаль.

— Это происходит от того, что наши жизни идут различными путями, — задумчиво заметила незнакомка. — Дело не в пейзаже, а в том, кто и как его воспринимает. Если бы мы исчезли, он, разумеется, остался бы, но вместе с тем утратил бы свое человеческое значение, то есть то, что мы в него вкладываем.

Женщина резко остановилась и залилась вдруг серебристым смехом, в котором звенели нотки горького отчаяния, заставившие Фрону внутренне содрогнуться. Она сделала движение по направлению к собакам, но рука незнакомки быстрым движением — очень похожим на любимый жест самой Фроны — дотронулась до нее. И это движение сразу покорило сердце девушки.

— Подождите минутку, — сказала она с молящей ноткой в голосе, — и поговорите со мной. Я

давно уже не встречалась с такой женщиной, как вы. Я вас знаю — вы дочь Джекоба Уэлза, Фрона Уэлз. Так ведь?

Фрона утвердительно кивнула в ответ и остановилась в нерешительности, внимательно всматриваясь в свою собеседницу. Она сознавала, что испытывает сильное, но простительное любопытство и откровенно стремилась узнать все до конца. Кто же эта женщина, так сильно похожая на нее и вместе с тем такая чужая, старая, как старейшая из рас, и юная, как новорожденный младенец, заброшенная на край света, где пылают костры, и вечная, как само человечество? В чем разница между ними? Пять чувств, которыми наделила ее природа, не могли дать Фроне ответа на этот вопрос. Естественные законы создали их одинаковыми, и только резко очерченные границы социальных каст и правила общественной мудрости возводили стену между ними. Такие мысли мелькали в голове Фроны, пока она торопливо изучала лицо незнакомки. Эта минута наполнила девушку благоговейным страхом, точно перед ней разверзлась вдруг завеса и открылось во всем своем мистическом величии божество. Ей вспомнились слова: «ноги влекут ее в ад; дом ее — путь к могиле, дорога в

чертоги смерти», и в тот же миг живо вспомнила знакомый жест, которым эта женщина обратилась к ней с немым призывом. Она оглянулась по сторонам, охватила взглядом унылую бесконечную белизну, и ей также показалось, что все вокруг дышит печалью.

Фрона нервно вздрогнула, но, взяв себя в руки, произнесла довольно спокойным голосом:

— Пойдемте, согреемся немножко. Я не представляла себе, что так холодно, пока не постояла на месте. — Она обернулась к собакам. — Ну, вперед, Король! Сэнди, вперед! Я совсем застыла, а вы, должно быть…

— Мне очень тепло. Вы шли слишком быстро, и ваша мокрая одежда сохнет на теле. А я шла спокойным шагом, только чтобы не застыть. Я видела, как вы выскочили из саней за госпиталем и скрылись за сугробами, точно Диана снегов. Как я позавидовала вам. Должно быть, это доставляет вам огромное удовольствие?

— О, да, — просто ответила Фрона. — Я выросла вместе с собаками.

— Это напоминает Грецию.

Фрона ничего не ответила, и они шли некоторое время молча. Девушка чувствовала неудержимое желание (хотя и не осмеливалась привести его в

исполнение) заговорить совершенно свободно и заставить свою случайную спутницу поделиться с ней горьким опытом и знаниями, которыми та несомненно обладала. Волна горячей жалости и братской скорби переполняла сердце Фроны, но она не знала, с чего начать, как найти доступ к этой замкнувшейся душе. И когда незнакомка заговорила, Фрона вздохнула с облегчением.

— Расскажите мне, — сказала женщина горячо и властно, — расскажите о себе. Вы недавно появились в этих краях. Где вы были до того, как приехали сюда? Расскажите.

Лед был сломан, и Фрона заговорила о себе, искусно подделываясь под девичью наивность. Она делала вид, будто не понимает, с кем имеет дело, и не замечает в своей собеседнице плохо скрытой тоски по давно утраченной чистоте, которою обладала она, Фрона.

— Вот тропа, на которую вы хотели выйти. — Они обогнули последний скалистый выступ, и спутница Фроны указала ей на то место, где стены утесов, расступаясь, открывали проход; из этого ущелья выбегала дорога, по которой сани перевозили дрова в город через реку. — Здесь я прощусь с вами, — закончила она.

— Но разве вы не вернетесь в Даусон? — спро-

сила Фрона. — Становится поздно, и вам лучше не задерживаться.

— Нет… я…

Заметив ее мучительное колебание, Фрона поняла, как легкомысленно она поступила. Но шаг был сделан, и она решила, что отступать уже поздно.

— Мы вернемся в город вместе, — решительно заявила девушка. И, откровенно показывая, что знает, кто ее спутница, добавила: — Мне все равно.

Кровь горячей волной залила застывшее лицо женщины, и ее рука знакомым жестом протянулась к девушке.

— Нет, нет, я прошу вас, — пробормотала она. — Я… я хочу пройтись еще немножко дальше. Смотрите. Кто-то едет.

Они как раз дошли до санной тропы, и лицо Фроны вспыхнуло так же, как вспыхнуло перед тем лицо ее спутницы. Из ущелья большими скачками неслись им навстречу легкие санки, запряженные собаками. Рядом с упряжкой бежал мужчина, приветствуя их рукой.

— Вэнс, — воскликнула Фрона, когда он, столкнув передовых собак в снег, остановил сани. — Что вы тут делаете? Разве ваш синдикат решил

скупить дрова, чтобы взвинтить цены?

— Нет, до этого мы еще не дошли. — Лицо его сияло радостью от встречи с ней, и они пожали друг другу руки. — Дело в том, что Карти покидает меня и собирается проводить изыскания где-то в окрестностях Северного полюса. Вот я и отправился поискать Дэла Бишопа, чтобы узнать, не согласится ли он работать у меня.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на ее спутницу, и Фрона увидела, как улыбка сползла с лица Вэнса и глаза его гневно сверкнули. Фрона сознавала свою полную беспомощность и тщетно искала способа овладеть положением. Эта сцена глубоко возмущала ее своей жестокостью и несправедливостью, но она понимала, что не в силах предотвратить развязку этой маленькой трагедии. Встретив его взгляд, женщина содрогнулась, точно ожидая удара, и на лице ее отразилась кроткая, жалкая мольба. Но он окинул ее холодным долгим взглядом и демонстративно повернулся спиной. Фрона увидела, как лицо незнакомки сразу постарело и поблекло. В выражении его появилась та же резкость, которую Фрона уловила раньше в ее смехе, а в глазах загорелись и запрыгали жесткие огоньки. Еще минута — и с языка ее несомненно сорва-

лись бы не менее горькие и жесткие слова. Но тут взгляд незнакомки случайно остановился на Фроне, и злое выражение сразу исчезло с ее лица, уступив место бесконечной усталости и скорби. Она задумчиво улыбнулась девушке и, не говоря ни слова, пошла от них прочь. И точно так же, не произнося ни слова, Фрона прыгнула в сани и помчалась к городу. Дорога была достаточно широка, и Корлис со своими собаками побежал рядом с ней. Возмущение, тлевшее в Фроне, вдруг вспыхнуло ярким огнем; вся смелость и бесшабашность ее спутницы, казалось, перешла в этот момент к девушке.

— Животное!

Это слово слетело с ее губ резко, отчетливо, разрезая молчание, словно удар бича. Неожиданность и жестокость этого восклицания ошеломили Корлиса. Он не знал, что сказать, что предпринять.

— О, какой вы трус! Низкий трус!

— Фрона, выслушайте меня…

Но она оборвала его.

— Нет. Молчите. Вам нет оправдания. Вы поступили отвратительно. Я никогда не ожидала этого от вас. Ужасно! Ужасно!

— Да, это было ужасно, — ужасно, что она шла

рядом с вами, говорила с вами, что вас видели вместе.

— «Пока солнце светит вам, я не отвернусь от вас», — бросила она ему.

— Но есть известные приличия.

— Приличия! — Она повернулась к нему лицом и дала волю своему гневу. — Вы еще смеете говорить о приличиях. Вы осмеливаетесь первым бросить в нее камень, жалкий фарисей, — слышите вы, фарисей!

— Не смейте так говорить со мною. Я не позволю этого.

Он ухватился за край ее саней и, несмотря на все свое возмущение, она с удовольствием отметила этот жест.

— Не позволите? Вы, трус!

Он вытянул руки, чтобы схватить ее, а она замахнулась кнутом. К чести Вэнса следует сказать, что он не отшатнулся и с побелевшим лицом спокойно остановился, ожидая удара. Но она отвела руку, и длинный бич со свистом опустился на собак. Продолжая размахивать кнутом, Фрона опустилась на колени в санях и стала бешено погонять животных. Ее упряжка славилась своей быстротой, и она без труда оставила Корлиса позади. В эту минуту ей хотелось умчаться не

столько от него, сколько от самой себя, и она все сильнее подгоняла собак. Бешеным карьером Фрона взяла крутой берег реки и, словно вихрь, пронеслась через весь город к своему дому. Никогда в жизни не переживала она ничего подобного, никогда не испытывала такого припадка ярости. И воспоминание об этой сцене вызывало в ней не только стыд, но ужас и страх перед безднами собственной души.

Глава X

На следующее утро Корлиса разбудил Бэш, один из индейцев Джекоба Уэлза. Он принес ему коротенькую записку от Фроны, в которой та просила зайти к ней при первой возможности. В записке больше ничего не было сказано, и молодой человек глубоко задумался над этим маленьким клочком бумаги. Что она хочет сказать ему? Она все еще — а после вчерашнего дня больше, чем когда-либо, — являлась для него неразрешимой загадкой, и он терялся, не зная, на чем остановиться. Желала ли она окончательно порвать с ним, точно и подробно объяснив ему, почему она делает это? Или, воспользовавшись преимуществом своего пола, еще больше унизить его? Высказать ему в холодно обдуманных, холодно рассчитанных словах то, что она о нем думает? Или же, почувствовав раскаяние, она стремится загладить свою вину и извиниться за незаслуженную резкость? В записке не было заметно ни раскаяния, ни гнева, никакого определенного намека, ничего, кроме вежливо выраженного желания повидать его.

Итак, отправляясь к ней около полудня, Корлис

чувствовал себя очень неспокойно и готовился к худшему. Приняв равнодушный вид, он решил занять выжидательную позицию и предоставить Фроне самой сделать первый шаг. Но она без всяких обиняков, с той непосредственностью, которая всегда так восхищала его, сразу открыла свои карты и смело вышла ему навстречу. Первый же взгляд на ее лицо, первое прикосновение ее руки, еще прежде чем она успела открыть рот, сказали ему, что все обстоит благополучно.

— Я очень рада, что вы пришли, — начала она. — Я чувствовала, что не могу успокоиться, пока не увижусь с вами и не скажу вам, как я сожалею о вчерашнем и как мне стыдно…

— Полно, полно. Уверяю вас, что ничего страшного не было.

Они все еще продолжали стоять, и Вэнс отважился приблизиться к ней.

— Я прекрасно понимаю вас. Теоретически вы вели себя, как героиня, и заслуживаете величайших похвал, но все же, говоря откровенно, ваш поступок…

— Ну, что же?

— Заслуживает глубокого порицания с точки зрения общественных законов. А мы, к сожалению, не можем сбросить их со счетов. Но, во

всяком случае, вы не сделали ничего такого, о чем вам следовало бы сожалеть или чего вы могли бы стыдиться.

— Это очень великодушно с вашей стороны, — мягко сказала Фрона. — Но вы сами понимаете, что говорите неправду. Вы знаете, что поступили правильно, а я накинулась на вас, оскорбила, словом, вела себя, как базарная торговка. И теперь вы, должно быть, глубоко презираете меня…

— Нет, нет! — воскликнул он, подняв руку, словно для того, чтобы защитить Фрону от ударов, которые она сама себе наносила.

— Не нет, а да. И я стыжусь своего поведения. Я могу сказать в свою защиту только следующее: эта женщина так глубоко растрогала меня, что я едва удержалась от слез. И в этот момент явились вы, — ну, вы сами знаете, что произошло, — и жалость к ней обратилась в настоящую ярость против вас… Да, я никогда еще не испытывала такого возбуждения. Это был в сущности истерический припадок. Во всяком случае, я была совершенно невменяема.

— Мы оба были вне себя.

— Нет, вы опять говорите неправду. Я вела себя возмутительно, но вы владели собой не хуже, чем сейчас. Однако давайте сядем. У вас такой

вид, точно вы ожидаете новой вспышки с моей стороны и готовы при первых признаках обратиться в бегство.

— Право, вы совсем не так ужасны, — засмеялся он, ловко подвигая себе кресло и усаживаясь так, чтобы свет падал на ее лицо.

— Вернее, вы не из трусливых. Воображаю, как я была ужасна вчера. Я… я чуть не ударила вас. И вы безусловно проявили немало мужества, когда кнут повис над вами. Почему вы не пытались защищаться, отвести удар?

— Насколько я знаю, собаки, на которых так часто опускается ваш бич, подходят к вам, лижут ваши руки и идут, чтобы вы приласкали их.

— Ergo? — смело спросила она.

— Ergo, все относительно, — вывернулся Вэнс.

— И, значит, я прощена?

— Как и я, надеюсь?

— Ну, тогда все хорошо… только вас, право, не за что прощать. Вы действовали согласно своим взглядам, а я своим, хотя должна сознаться, что мои много шире ваших. Ах! Теперь я понимаю, — она радостно захлопала в ладоши. — Я рассердилась вчера не на вас и нагрубила совсем не вам, даже замахнулась не на вас. Личности не играли тут никакой роли: в этот момент вы

олицетворяли для меня общество, ту его часть, которую я ненавижу всей душой, и как представитель получили удары, предназначавшиеся для другого. Понимаете?

— Понимаю, тонко придумано. Но только, извинившись за вчерашние оскорбления, вы наносите мне сегодня новые — и еще более тяжкие. Вы обвиняете меня в узости, ограниченности и лицемерии, а это очень несправедливо. Всего несколько минут назад я сказал вам, что теоретически вы безусловно правы. Но дело меняется, если принять во внимание общество и его законы.

— Но вы не поняли меня, Вэнс. Послушайте. — Рука Фроны коснулась его руки, и сердце Корлиса забилось живее. — Как я всегда считала, все, что существует, прекрасно. Я готова даже признать мудрость общепринятой точки зрения на этот счет. Я скорблю об этом, но подчиняюсь; так уж, видно, создано человечество. Но я признаю ее только как общественная единица. Как отдельный индивидуум, как личность я предпочитаю смотреть на дело иначе. И почему бы отдельным личностям, настроенным одинаково, не отнестись к этому таким же образом? Вы понимаете? И вот тут-то, на мой взгляд, вы поступили непра-

вильно. Вчера на реке, где никого, кроме нас с вами, не было, вы взглянули на дело иначе. Вы проявили ограниченность и узость, достойную того общества, которое вы представляли.

— Значит, вы готовы проповедовать одновременно две доктрины, — возразил он. — Одну для избранных и другую для толпы. Вы хотите быть демократкой в теории и аристократкой на практике. Признаться, все ваши рассуждения кажутся мне чистейшим иезуитством.

— Еще минута, и вы станете отрицать, что все люди рождаются свободными и равными, с кучей всяких естественных прав. Вот вы собираетесь нанять Дэла Бишопа. А скажите, пожалуйста, с какой стати он, равный вам и свободный по рождению, будет работать на вас, и по какому праву вы станете пользоваться его трудом?

— Для этого, — возразил он, — мне придется несколько видоизменить свою точку зрения на равенство и право.

— А тогда вы пропали! — заликовала она. — Потому что этим путем вы обязательно придете к моей точке зрения. Другого выхода нет. И уверяю вас, что эта точка зрения совсем не такая уж иезуитская и шаткая, как вам кажется. Но не будем вдаваться в диалектику. Я хочу понять то,

что мне доступно, а потому расскажите мне об этой женщине.

— Не особенно приятная тема, — возразил Корлис.

— Но я хочу знать.

— Далеко не всякое знание бывает полезно!

Фрона нетерпеливо постукивала ногою, пристально глядя на него.

— Она красива, очень красива, — сказала девушка. — Вы согласны?

— Прекрасна, как грех.

— Но все же прекрасна.

— Да, если вы так настаиваете. И она настолько же жестока и черства, насколько красива. Безнадежно погибшая женщина.

— Однако, когда я увидала эту женщину на краю дороги, лицо ее светилось мягкой грустью, а из глаз текли слезы. И женское чутье подсказывает мне, что я видела ту сторону ее души, которая скрыта от вас. Сознание это было так сильно, что в тот момент, когда вы появились, душа моя изнывала от жалости к ней. Ведь она такая же женщина, как я, и, по всей вероятности, мы во многом похожи друг на друга. Знаете, она даже процитировала Броунинга.

— А на прошлой неделе, — оборвал он ее, — она

в один присест проиграла тридцать тысяч, не своих, конечно, а Джека Дорси, у которого и так уже висели на шее две закладные! На следующее утро его нашли на снегу с простреленной головой.

Фрона ничего не ответила. Подойдя к свече, спокойно сунула палец в огонь. Затем она протянула его Корлису, указывая на красную обожженную кожу.

— Вот мой ответ. Огонь — вещь хорошая, но я злоупотребила им и наказана.

— Вы забываете, — возразил он, — что огонь действует в слепой зависимости от законов природы. Люсиль же обладает свободной волей. Она сделала только то, что хотела сделать.

— Нет, это вы забываете, что Дорси был точно так же волен в своих поступках, как она. Но вы сказали — Люсиль. Ее зовут Люсиль? Я хотела бы поближе узнать ее.

Корлиса передернуло.

— Не говорите таких вещей. Вы делаете мне больно.

— А почему, позвольте узнать?

— Потому… потому…

— Ну?

— Потому что я очень высоко ставлю женщину. Фрона, вы всегда ратовали за откровенность, и я

воспользуюсь этим теперь. Мне больно потому, что я слишком уважаю вас, потому, что я не могу вынести мысли, что вас коснется грязь. Когда я увидел вас с этой женщиной, там, на тропе, я… нет, вы все равно не поймете, что я выстрадал.

— Грязь? — Ее губы чуть-чуть сжались, а в глазах блеснул торжествующий огонек, но он не заметил этого.

— Да, грязь, скверна, — продолжал он. — Есть вещи, которых порядочная женщина не должна понимать. Нельзя, копаясь в грязи, остаться самому незапятнанным!

— Ах, вот как! — Она с довольным видом сжимала и разжимала руки. — Вы сказали, что ее зовут Люсиль; значит, вы знакомы с ней, вы сообщили мне несколько фактов о ней и, несомненно, знаете еще много других, о которых не решаетесь говорить. Если человек не может остаться незапятнанным, прикасаясь к грязи, то как же, позвольте спросить, обстоит дело с вами?

— Но я…

— Разумеется, вы мужчина, и, значит, вам дозволено все то, что воспрещается мне как женщине. Но ведь порок заразителен, он передается от одного другому. Что же вы делаете здесь, около меня? Уходите поскорее!

Корлис, смеясь, поднял руки.

— Сдаюсь. Вы с вашей формальной логикой чересчур сильны для меня. Я могу сослаться в довершение только на высокую логику, которой вы не захотите признать.

— А именно?

— На силу мужчины. Мужчина всегда находит в женщине то, чего сам желает.

— Это вода на мою мельницу, — заликовала она. — При чем же Люсиль? То, чего мужчина хотел, то он и получил. К этому испокон веков стремились все мужчины, не исключая вас. И этого же хотел бедняга Дорси. Вам нечего возразить мне. Позвольте же сказать, что я думаю об этой высшей логике, которую вы называете силой мужчины. Я уже столкнулась с ней. Я прочла ее на вашем лице вчера.

— На моем лице?..

— Да, в тот момент, когда вы ухватились за мои сани. Вы просто подчинились вспышке первобытной страсти, сами не сознавая всей ее мощи. Но лицо ваше было очень похоже на лицо пещерного человека, похищающего женщину. Еще секунда, и я уверена, что вы схватили бы меня.

— В таком случае прошу прощения. Я не представлял себе…

— Ну вот теперь вы хотите все испортить. Мне… мне, право, это очень понравилось. Разве вы забыли, что и я в эту минуту, как настоящая пещерная женщина, занесла бич над вашей головой? Но я еще не разделалась с вами окончательно, господин лицемер, хотя вы и выбиты из строя. — Глаза ее лукаво заблестели, а на щеках показались маленькие ямочки. — Я намерена сорвать с вас маску.

— К вашим услугам, — громко ответил он.

— Прежде всего вам придется кое-что припомнить. Когда я смиренно просила у вас прощения, вы облегчили мою душу, заявив, что считаете мое поведение неблагоразумным только с точки зрения общественных приличий. Помните?

Корлис кивнул головой.

— Затем, после того как вы обвинили меня в иезуитстве, я свела разговор на Люсиль и сказала, что хотела бы увидеть то, что могу увидеть.

Он снова кивнул.

— И мои ожидания оправдались. Я увидела. Вы сейчас же заговорили о пороке, разврате, копании в грязи — и все это в отношении меня. Итак, оказалось, милостивый государь, что у вас две точки зрения на мой проступок. Но вы можете остановиться только на одной из них, и я уверена,

что вы изберете последнюю. Да, я не ошибаюсь, это так. И признайтесь, что вы были неискренни, когда нашли мое поведение неблагоразумным только с общественной точки зрения. Я люблю откровенность.

— Да, — начал он, — я, сам того не сознавая, был неискренен. Но я понял это только после того, как анализ, произведенный с вашей помощью, открыл мне глаза. А все же говорите, что хотите, Фрона, я остаюсь при своем: женщина не должна соприкасаться с грязью.

— Но разве мы не можем быть, как боги, познавшие добро и зло?

— Увы, мы не боги! — грустно покачал он головой.

— По-вашему выходит, что только мужчины боги.

— Так возражают обычно женщины нового толка, — поморщился он, — равноправие, избирательные права и все прочее.

— О, нет, — запротестовала Фрона, — вы не хотите понять меня или не можете. Я совсем не сторонница женского равноправия. Я стою не за новую женщину, а за новую женственность. Потому что я искренна, потому что я хочу быть естественной, честной и правдивой, а так как я

последовательна, то вы предпочитаете не понимать меня и извращать мои мысли. Я стараюсь быть верной себе и логичной и, кажется, не без успеха; но вы, по-видимому, не находите в моих словах ни толка, ни смысла. Может быть, это происходит оттого, что вы не привыкли иметь дело с разумными, естественными женщинами, что вы встречались до сих пор лишь с оранжерейными цветками, красивыми, беспомощными, кругленькими, хорошо упитанными тепличными созданиями, блаженно невинными и преступно невежественными. Они никогда не бывают сильными и естественными и не могут породить ничего естественного и сильного.

Она остановилась вдруг на середине фразы. Кто-то вошел в переднюю, и тяжелые, заглушенные мокасинами шаги приблизились к двери.

— Но мы друзья, не правда ли? — торопливо обратилась она к Корлису, и тот ответил ей взглядом.

— Я не помешаю? — многозначительно спросил Дэв Харней и обвел комнату внимательным взглядом, прежде чем поздороваться с ними.

— Нисколько, — ответил Корлис. — Мы успели достаточно надоесть друг другу и жаждали, чтобы кто-нибудь прервал наш спор. Если бы вы не

явились вовремя, мы скоро поссорились бы, не правда ли, мисс Уэлз?

— Мне кажется, вы не совсем точны, Вэнс, — улыбнулась она в ответ. — На самом деле мы уже начали ссориться.

— Да, вид у вас обоих немного разгоряченный, — критически заметил Харней, вытягиваясь своим длинным телом на подушках кушетки.

— Как с голодом? — осведомился Корлис. — Организовалась ли общественная помощь?

— Никакой общественной помощи не понадобится. Отец мисс Фроны оказался достаточно предусмотрительным. Запугал людей до смерти. Три тысячи отправились по льду в горы, а тысячи полторы вернулись обратно к своим запасам, таким образом, напряжение на рынке значительно ослабело. Случилось то, чего ожидал Уэлз: люди начали спекулировать на повышение и припрятали продовольствие. Это помогло напугать тех, кто не успел сделать запасов, и они всем скопом двинулись к Соленым Водам, захватив с собой собак. Послушайте, — он вдруг выпрямился с торжественным видом, — о собаках. Весной, когда начнется оживленная перевозка, цены на них невероятно поднимутся. Я скупил уже сотню животных и собираюсь нажить на каждом псе по

сотне долларов чистоганом.

— Вы так думаете?!

— Думаю! Уверен. Говоря между нами, я посылаю на будущей неделе на низовья несколько парней, чтобы они скупили для меня пятьсот лучших упряжных собак. Думаю! Я слишком давно толкусь в этих местах, чтобы промахнуться.

Фрона расхохоталась.

— А вот сели же вы с сахаром, Дэв?

— О, не скажите, — добродушно ответил он. — Кстати, вспомнил. Я раздобыл газету «Почтовый Вестник Сиэтла», за прошлый месяц.

— А как Соединенные Штаты и Испания?

— Не торопитесь, не торопитесь! — долговязый янки поднял руку, призывая к молчанию. Этим жестом он предупредил вопрос Фроны, которая собиралась заговорить вслед за Корлисом.

— Но вы прочли ее? — спросили оба в один голос.

— М-гм… все до последней строки последнего объявления.

— Ну, так скажите же, — начала Фрона, — что…

— Помолчите, пожалуйста, мисс Фрона, пока я расскажу вам все по порядку. Эта газета обошлась мне в пятьдесят долларов. Я поймал человека,

привезшего ее, когда тот огибал излучину повыше Клондайка, и тут же купил у него номер. Этот дуралей мог бы легко заработать на нем сотню, если бы довез его до города.

— Но что там сказано?

— Как я уже доложил вам, эта газета обошлась мне в пятьдесят долларов. Это единственный номер, добравшийся к нам. Все просто умирают от желания услышать новости. Поэтому я пригласил несколько человек собраться сегодня вечером в вашей гостиной, мисс Фрона, так как это единственное подходящее место. Здесь они могут читать газету вслух, по очереди, сколько им будет угодно, пока глотки не пересохнут, — конечно, если вы разрешите воспользоваться вашим помещением.

— Разумеется, мы будем очень рады. И вы очень любезны.

Он отмахнулся от ее похвалы.

— Я на это и рассчитывал. Вышло, что я, как вы сказали, сел с сахаром. Вот потому-то каждый сын и каждая дочь своей матери, желающие взглянуть на эту газету, должны будут пригнать мне пять чашек сахара. Понятно? Пять чашек, больших чашек песку или рафинада. Да-с, возьму с них векселечки и пошлю завтра мальчика со-

бирать по домам сахар.

В начале его речи на лице Фроны отразилась растерянность, но тут же она разразилась веселым смехом.

— Ай да Дэв! Ловко придумано! Я согласна помочь вам, даже если это вызовет сплетни. Так сегодня вечером, Дэв? Наверняка?

— Наверняка. А вы прочтете газету бесплатно, это будет как бы плата за гостиную.

— Но папа обязан внести свои пять чашек! Вы должны настоять на этом, Дэв.

Глаза Дэва лукаво блеснули.

— Будьте покойны, я не подарю ему ни крошки.

— А я заставлю его идти за колесницей Дэва Харнея, — пообещала Фрона.

— То есть за телегой с сахаром, — поправил Дэв, — а завтра вечером я принесу газету в театр. Она немного потеряет свою свежесть, и я не стану слишком дорожиться, уступлю им подешевле — как вы думаете, одной чашки, пожалуй, будет достаточно?

Он хвастливо вытянулся и захрустел суставами.

Глава XI

В углу, опершись о рояль, Вэнс Корлис оживленно беседовал с полковником Тресуэем. Полковник, живой, бодрый и жилистый, несмотря на свои седые волосы и шесть слишком десятков лет, выглядел тридцатилетним молодым человеком; это был старый, опытный горный инженер, с репутацией одного из лучших специалистов своего дела. Он представлял на Севере интересы американского капитала точно так же, как Корлис представлял капитал британский. Между ними сразу возникла горячая дружба, которая подкреплялась общностью интересов. Это единение было чрезвычайно уместно и полезно для дела, ибо в распоряжении этих двух мужчин сосредоточивались огромные капиталы, ассигнованные обеими державами на развитие промышленной жизни полярной страны.

В переполненном зале стояли густые облака дыма. Около ста человек, закутанных в меха и яркие шерстяные шарфы, расположились вдоль стен. Но гул общего разговора несколько нарушал живописность картины и придавал ей характер товарищеской вечеринки. Несмотря на всю свою

внешнюю экзотичность, обстановка помещения очень напоминала в этот момент общую комнату, в которой после трудового дня собрались все члены семьи. Керосиновые лампы и сальные свечи слабо мерцали в продымленной атмосфере, и огромные печи весело и благодушно мурлыкали свои уютные песенки.

Посреди комнаты два десятка пар ритмически скользили под звуки вальса. Крахмальных сорочек и сюртуков не наблюдалось. Мужчины были в своих волчьих или бобровых шапках с пестрыми, свободно болтавшимися наушниками, в мокасинах из оленьей шкуры или северных моклоках из моржовой кожи. Некоторые женщины тоже явились в мокасинах, но большинство танцевало в тонких шелковых и атласных туфельках. В конце зала широкая, открытая настежь дверь позволяла заглянуть в другую комнату, в которой толкалось еще больше народу, чем в первой. Из этой комнаты, вместе со звуками музыки и людского говора, доносилось хлопанье пробок и звон стаканов и в виде аккомпанемента беспрерывное щелканье и звяканье фишек и шариков рулетки.

Маленькая входная дверь в глубине зала вдруг открылась и вместе с волной морозного воздуха пропустила закутанную в меха женскую фигуру.

Холодный воздух, ворвавшийся с ней, сгустился в облако пара, которое прильнуло к полу, скрывая ноги танцующих; затем, извиваясь и крутясь, оно растаяло понемногу в нагретой атмосфере.

— Вы настоящая королева зимы, моя Люсиль, — обратился к ней полковник Тресуэй.

Она тряхнула головой и рассмеялась. Снимая свои меха и уличные мокасины, она весело болтала с ним, не обращая ни малейшего внимания на Корлиса, стоявшего в двух шагах. В стороне несколько танцоров терпеливо поджидали, чтобы она закончила разговаривать с полковником. Рояль и скрипка заиграли вступление к шотландскому танцу, и Люсиль повернулась к ожидавшим ее кавалерам.

Повинуясь какому-то внезапному влечению, Корлис вдруг подошел к ней. Для него самого поступок этот явился полнейшей неожиданностью, он и не помышлял о чем-либо подобном.

— Я очень сожалею… — сказал он.

Глаза Люсиль гневно блеснули, когда она обернулась в его сторону.

— Я повторяю, что очень сожалею о происшедшем, — снова произнес он, протягивая руку. — Я вел себя, как трус и невежа. Можете ли вы простить меня?

Она заколебалась и, наученная горьким опытом, стала быстро искать в уме причину, толкнувшую его на этот шаг. Но вдруг лицо ее смягчилось, и она взяла протянутую руку. Теплая дымка затуманила ее глаза.

— Спасибо, — сказала она.

Ожидавшие ее танцоры начали проявлять нетерпение, и она унеслась в объятиях красивого молодого человека в шапке из меха желтого сибирского волка. Корлис вернулся к своему собеседнику в прекрасном расположении духа, сам удивляясь своему поступку.

— Черт знает что за безобразие, — глаза полковника все еще следили за Люсиль, и Вэнс понял, что он хочет сказать. — Корлис, я живу на свете шестьдесят лет и, смею вас уверить, прожил их как следует, а между тем женщины представляют для меня теперь еще бóльшую загадку, чем прежде. Посмотрите-ка на них, посмотрите на всех этих женщин! — Он обвел взглядом зал. — Бабочки, светящиеся мотыльки, которые смеются, поют и танцуют на краю адской бездны. Не только Люсиль, все они такие. Взгляните на Мэй с челом Мадонны и языком подзаборного хулигана. А Миртль! Ведь это старинная английская красавица, сошедшая с полотна Генсборо, чтобы

распутничать в танцевальных залах Даусона. А Лаура, какая чудесная мать вышла бы из нее! Разве вы не представляете себе ребенка у ее груди? Это лучшая часть накипи, — я знаю, что новые места всегда привлекают к себе все наиболее ценное и выдающееся. Но что-то тут неладно, Корлис, что-то неладно. Жизненный пыл давно уже угас во мне, и я смотрю на вещи правильнее и трезвее, чем прежде, и думается мне, что должен явиться новый Христос с проповедью нового спасения, экономической или социальной, — в наше время это безразлично: мир жаждет обновления.

Зал все время то наполнялся, то пустел, особенно в промежутках между танцами, когда пьющая публика лавиной устремлялась через широкую дверь, из которой доносилось хлопанье пробок и звон стаканов. Полковник Тресуэй и Корлис, присоединившись к этому потоку, подошли к стойке, около которой толпилось около пятидесяти мужчин и женщин. Они очутились рядом с Люсиль и молодым человеком в желтой волчьей шапке. Он был безусловно красив, и его прелесть еще усиливалась теплым румянцем на щеках и ласкающим блеском глаз. Он, собственно говоря, не был пьян, ибо прекрасно владел всеми своими движениями, но находился в том восторженном,

приподнятом настроении, которое вызывает виноградный сок. Голос его звучал чуточку громче и веселее, чем обычно, и он оживленно и остроумно болтал, занимая свою даму. Одним словом, он находился в том неустойчивом состоянии, когда пороки и добродетели человека могут очень легко проявиться в резкой форме. Он поднял стакан с вином, и человек, стоявший рядом с ним, в эту минуту нечаянно толкнул его руку. Красавец вытряхнул вино из рукава и выругался скверным словом, рассчитанным на то, чтобы вывести человека из себя. Неловкий сосед вспылил не на шутку и с такой силой ударил владельца волчьей шапки кулаком по лицу, что тот отлетел к Корлису. Не удовлетворившись этой расправой, он снова начал наступать на поверженного противника. Женщины обратились в бегство, оставляя свободное поле действия мужчинам. Часть присутствовавших стояла за то, чтобы разнять дерущихся, а часть — за то, чтобы очистить место и дать им помериться силами.

Однако красавец в волчьей шапке не пытался вступить в бой или достойным образом встретить вызванный им гнев и, закрыв лицо руками, начал отступать. Толпа требовала, чтобы он принял бой. Тот попытался было взять себя в

руки и подбодриться, но при виде наступающего противника струсил и увернулся в сторону.

— Оставьте его. Он заслуживает хорошей взбучки, — сказал полковник Вэнсу, проявлявшему желание вмешаться. — Этот молодчик не станет драться. Мне кажется, что если бы он отважился сделать это, я, пожалуй, простил бы ему многое.

— Но не могу же я спокойно смотреть, как его станут избивать, — возразил Вэнс. — Если бы он защищался, это не казалось бы так бесчеловечно.

Увидя, что из носа красавца и неглубокой ссадины под его глазом течет кровь, Корлис бросился к дерущимся. Он сделал попытку разнять их, но, нажав слишком сильно на рассвирепевшего победителя, свалил его с ног. У каждого из участников трактирной драки всегда найдутся друзья среди присутствующих, и, прежде чем Вэнс успел сообразить, в чем дело, один из приятелей упавшего оглушил его ударом кулака. Дэл Бишоп, горевший желанием вмешаться в бой, стремительно налетел на человека, посмевшего оскорбить его патрона. Началась общая свалка. Толпа моментально разделилась на партии и вмешалась в драку.

Полковник Тресуэй, забыв в это мгновение, что

жизненный пыл давно в нем угас, размахивал трехногим стулом, вертясь в самой гуще сражающихся. Двое полицейских, присутствовавших в казино в качестве гостей, присоединились к нему и вместе с полдюжиной других посетителей стали на защиту человека в волчьей шапке.

Однако шумная и ожесточенная схватка вызвала лишь местный беспорядок. В глубине бара буфетчик по-прежнему разливал напитки, в соседнем зале играла музыка, танцы продолжались как ни в чем не бывало. Среди игроков царило обычное оживление, и только несколько человек, сидевшие у ближних столов, проявляли некоторый интерес к разгоравшемуся скандалу.

— Вали их на пол, выкидывай вон! — вопил что есть мочи Дэл Бишоп, сражаясь плечом к плечу с Корлисом.

Корлис крикнул ему что-то в ответ, но тут на него навалился дюжий погонщик собак, и Вэнс очутился на полу, под ногами разбушевавшихся драчунов. Противник крепко держал его, и молодой человек чувствовал, как зубы погонщика впиваются в его ухо. С быстротою молнии он увидел перед собой все свое будущее и себя самого одноухим уродом. В тот же миг, словно по вдохновению свыше, большие пальцы его рук

уткнулись в глаза противника, с силой нажимая на глазные яблоки. Люди топтали его, падали на него, но Вэнс почти не чувствовал толчков и ударов. Одно лишь было ясно: по мере того, как пальцы давили сильнее, зубы нехотя разжимались. Он нажал чуточку крепче (еще немного, и этот человек лишился бы глаз), и зубы, разомкнувшись, выпустили его ухо.

Вэнс ползком выбрался из свалки и поднялся на ноги у стойки бара. Он уже не чувствовал прежнего отвращения к драке. За этот короткий миг Корлис убедился, что в сущности очень похож на других людей. Стоило ему испугаться за одну из частей своего тела, и двадцати лет культуры как не бывало. Игра без ставок — бессмысленная забава, и Корлис только тут понял, что оживляемая циркуляция крови, вызываемая гимнастикой и спортом, совсем не похожа на ту горячность и прилив энергии, которые развиваются в схватке, где тело борется с телом и где ставка — жизнь или утрата какого-либо члена. Уцепившись за перила стойки, он с трудом поднялся на ноги и в ту же минуту увидел, что какой-то человек в беличьей дохе собирается запустить пивной кружкой в полковника Тресуэя. Пальцы, привыкшие к обращению с пробирками и кистью, сжались в

твердый кулак, который метко и уверенно опустился прямо на скулу замахнувшегося кружкой человека. Тот выронил свое оружие, и сам свалился на пол вслед за ним. В первую минуту Вэнс опешил и, только придя в себя, сообразил, что ударил этого человека бессознательно; это был первый удар, который он нанес в своей жизни, и трепет восторга заставил сильнее забиться его сердце.

Полковник Тресуэй поблагодарил его взглядом и крикнул:

— Уходите отсюда, Корлис! Пробивайтесь к двери!

Чтобы добраться до запасной двери и открыть ее, пришлось выдержать форменный бой. Но полковник, с помощью своего трехногого стула, одолел неприятеля, и казино изрыгнуло свое бурное содержимое на улицу. После этого враждебные действия тотчас же прекратились, как всегда бывает в таких случаях, и толпа разбрелась в разные стороны. Полицейские, в сопровождении остальных союзников, вернулись обратно, чтобы поддерживать порядок, а Корлис, полковник, волчья шапка и Дэл Бишоп направились по улице.

— Кровь и пот! Кровь и пот! — ликовал полков-

ник Тресуэй. — Толкуйте после этого о возбуждающих средствах. Мне, право, точно скинули двадцать лет. Корлис, вашу руку. Поздравляю вас, поздравляю от всего сердца. По совести говоря, я совсем не предполагал, что и в вас есть эта жилка. Вы удивили меня, сэр, право, удивили.

— Я и сам удивляюсь себе, — отозвался Корлис. Наступила реакция, и он чувствовал себя слабым и разбитым. — Но и вы также удивили меня. Как ловко вы работали этим стулом.

— Не правда ли? Я и сам полагаю, что орудовал им не плохо. Вы видели? Вот смотрите! — Он поднял оружие, о котором шла речь и которое он все еще крепко сжимал в руке, и присоединился к общему смеху.

— Кого я должен поблагодарить, господа?

Они остановились на углу, и человек, которого они выручили из беды, протянул руку.

— Меня зовут Сэн Винсент, — продолжал он, — и…

— Как? — переспросил Дэл Бишоп с внезапным интересом.

— Сэн Винсент. Грегори Сэн Винсент.

Кулак Дэла Бишопа мелькнул в воздухе, и Грегори Сэн Винсент тяжело свалился на снег.

Полковник инстинктивно замахнулся стулом

и помог Корлису удержать золотоискателя.

— С ума вы, что ли, спятили? — спросил его Вэнс.

— Мерзавец! Жаль, что я не ударил еще сильнее! — услышал он в ответ. — Ну, ладно. Пустите меня. Я больше не трону эту гадину. Пустите. Я пойду домой. До свиданья.

Когда они помогали Сэн Винсенту подняться на ноги, Корлис услышал (он мог бы поклясться в этом), что полковник тихо посмеивался. Впоследствии он сам сознался в этом Корлису: «Это вышло так неожиданно и курьезно», — объяснил он. Но Тресуэй искупил свое жестокосердие тем, что взялся проводить Сэн Винсента домой.

— Почему вы его ударили? — тщетно спрашивал Дэла в четвертый раз Корлис, вернувшись домой.

— Подлая, низкая тварь! — скрежетал зубами Дэл, лежа в постели. — Зачем вы удержали меня? Жаль, что я не накостылял ему вдвое больше.

Глава XII

— Очень рад встретить вас, мистер Харней. Дэв, если не ошибаюсь, Дэв Харней? — Дэв Харней кивнул головой, и Грегори Сэн Винсент повернулся к Фроне. — Как видите, мисс Уэлз, мир очень тесен. Мы с мистером Харнеем, оказывается, старые знакомые.

Король Эльдорадо внимательно всматривался в лицо говорившего, пока в глазах его не мелькнул, наконец, проблеск воспоминания.

— Стойте! — воскликнул он, когда Сэн Винсент заговорил снова. — Вспомнил. Только тогда вы не носили ни бороды, ни усов. Дайте вспомнить, в 86 году, конец 87-го, лето 88-го… Да, вот оно… Летом 88-го я плыл на плоту по реке Стюарт с олениной и торопился поскорее добраться до низовья, пока мясо не испортилось. И вот на нижнем течении Юкона мы встретили вас в лодке. У нас как раз шел спор с товарищем: я говорил, что нынче среда, а он уверял, что пятница. Вот вы и помогли нам. Воскресенье, так, кажется? Да, да, воскресенье. Ну и штука! Девять лет прошло! Помните, мы выменяли у вас оленину на муку, дрожжи и… и… и сахар. Черт побери! Рад вас видеть!

Он протянул руку, и они вторично обменялись рукопожатием.

— Навестите меня как-нибудь, — попросил Дэв, уходя. — У меня славный маленький домишко на холме и еще один в Эльдорадо. Двери всегда открыты. Заезжайте в гости и оставайтесь сколько вам заблагорассудится. Очень сожалею, что должен вас покинуть, но я тороплюсь в казино собирать свой оброк — сахар. Мисс Фрона расскажет вам.

— Вы просто удивительный человек, мистер Сэн Винсент, — сказала Фрона, снова возвращаясь к интересовавшей ее теме после краткого рассказа о «сахарном кризисе» Харнея. — Ведь девять лет назад эта страна представляла собой настоящую пустыню. Трудно даже поверить, что вы обошли ее в те времена. Расскажите мне об этом.

Грегори Сэн Винсент пожал плечами.

— Рассказывать, собственно, почти нечего. Это была полная неудача, сопровождавшаяся весьма неприятными подробностями. Я не припомню ничего такого, чем можно было бы гордиться.

— Все равно, рассказывайте. Я так люблю рассказы о рискованных предприятиях. В них, мне кажется, всегда бьется пульс настоящей жизни,

и они вернее отражают ее, чем повседневная обыденщина. Вы сказали, что вас постигла неудача. А неудача говорит о том, что была какая-то попытка. К чему же вы стремились?

Он с удовольствием заметил, что она искренно интересуется его похождениями.

— Что же, если вы этого хотите, я расскажу вам в нескольких словах все, что стоит рассказать. Я вбил себе в голову безумную мысль проложить новый путь вокруг света. И в интересах науки и журналистики — главным образом журналистики — заявил, что пройду через Аляску, пересеку Берингов пролив по льду и проберусь в Европу через северную часть Сибири. Предприятие было героическое, ибо большая часть пути проходила по девственным неизведанным странам, но, увы, я потерпел неудачу. Через пролив я благополучно перебрался, но застрял в Восточной Сибири. И все из-за Тамерлана, как я говорю обычно в свое оправдание.

— Настоящий Улисс! — всплеснула руками миссис Шовилль, присоединяясь к ним. — Современный Улисс. Как это романтично!

— Но отнюдь не Отелло! — возразила Фрона. — Послушайте только, как он спокойно останавливается на самом интересном месте,

загадочно сославшись на героя давно прошедших времен. Вы злоупотребляете нашим терпением, мистер Сэн Винсент, и мы не успокоимся, пока вы не объясните, каким образом Тамерлан помешал вам благополучно закончить ваше странствие.

Сэн Винсент рассмеялся и, сделав над собой явное усилие, снова заговорил о своих приключениях.

— Когда Тамерлан с огнем и мечом проходил по Восточной Азии, государства на его пути рушились, города превращались в развалины, племена рассеивались, как звездная пыль. Многочисленные народы разметались по всему материку. Спасаясь от грозного завоевателя, эти беглецы забрались далеко в глубь Сибири и сгруппировались на севере и востоке, обрамляя каймой монгольских племен полярную область… Я еще не надоел вам?

— Нет, нет! — воскликнула миссис Шовилль. — Это замечательно! Вы так интересно рассказываете. Право, как будто читаешь… этого… ну, как его?

— Маколея, — добродушно рассмеялся Сэн Винсент. — Ведь я, знаете ли, журналист, и это сильно отразилось на моем стиле. Но я обещаю вам несколько упростить свой слог. Однако вернемся

к рассказу. Должен сказать вам, что если бы не эти монгольские племена, мое путешествие, по всей вероятности, кончилось бы благополучнейшим манером. Вместо того, чтобы жениться на принцессе Золушке и сделаться специалистом по части междуродовых распрей и умыкания оленей, я преспокойно добрался бы до Петербурга.

— О, эти герои. Что за отчаянные головы, не правда ли, Фрона? Ну, продолжайте о принцессе Золушке и умыкании оленей.

Жена комиссара по золотым делам озарила его благосклонной улыбкой, и Сэн Винсент, взглядом попросив разрешения у Фроны, снова приступил к рассказу.

— На берету жили эскимосы, веселый, простодушный и безобидный народ. Они называли себя Укилион, или Морские люди. Я купил у них собак, съестных припасов и сумел завоевать глубочайшие симпатии этих косоглазых. Но они были подвластны чо-чуэнам, или лесным жителям, известным также под названием «оленьих людей». Чо-чуэны — это дикое воинственное племя, сохранившее всю свирепость неукротимых монголов, и еще вдвое более жестокое. Как только я удалился от берега, они напали на меня, отобрали все мои вещи, а меня обратили в раба.

— Но разве там не было русских? — спросила миссис Шовилль.

— Русских? Среди чо-чуэнов? — Он весело рассмеялся. — Географически они находятся во владениях белого царя, но политически совершенно независимы от него. Сомневаюсь даже, слыхали ли они когда-нибудь о его существовании. Не забывайте, что недра северо-восточной Сибири окутаны полярной мглой. Это *terra incognita*, куда заходило лишь несколько человек и откуда никто не возвращался.

— Но вы…

— Я случайно оказался счастливым исключением. Сам не знаю, какому чуду я обязан этим. Просто так вышло. Вначале со мной обращались гнуснейшим образом, женщины и дети избивали меня, одеждой мне служили кишащие насекомыми меха, а кормили меня отбросами. Это были бессердечные дикари. До сих пор не постигаю, как я выжил, но помню, что вначале мне не раз приходила в голову мысль о самоубийстве. Спасло меня лишь то, что я очень быстро отупел от всех страданий и унижений, которые сыпались на меня, и превратился в форменное животное. Вечно голодный, иззябший, замученный, я с равнодушием скотины переносил невыразимые

муки и лишения. Когда я оглядываюсь назад, мне многое кажется теперь сном. Есть пробелы, которых память не в состоянии заполнить. У меня сохранились смутные воспоминании о том, как чо-чуэны привязывали меня к саням и волокли из стана в стан, от одного племени к другому. Должно быть, я казался им диковиной, которую они выставляли напоказ, как мы слонов, львов и дикарей. Долго ли и много ли я странствовал таким образом по этой холодной, мрачной стране, не знаю, но думаю, что пробежал несколько тысяч миль. Помню, что, когда сознание вернулось ко мне, я находился уже на расстоянии тысячи миль к западу от того места, где меня захватили. Была весна, и я очнулся вдруг, точно после долгого забытья. Мою поясницу обвивал ремень из оленьей кожи, крепко привязанный к саням. За этот ремень я цеплялся обеими руками, словно обезьяна шарманщика; тело мое было обнажено и покрыто ссадинами от врезавшегося в кожу ремня. Я пустился на хитрость, притворился покорным и угодливым. В эту ночь я плясал, пел и лез вон из кожи, чтобы позабавить своих повелителей, ибо решение мое было твердо — во что бы то ни стало избавиться от скверного обращения, едва не доведшего меня до полного

безумия. Нужно сказать вам, что оленьи люди вели торговлю с морскими людьми, а морские люди — с белыми, преимущественно с китоловами. Спустя немного времени я обнаружил у женщин колоду карт и принялся дурачить чо-чуэнов некоторыми избитыми трюками. С подобающей торжественностью я продемонстрировал перед ними ряд самых заурядных салонных фокусов. Мои таланты внушили им некоторое уважение, они стали лучше кормить и одевать меня. Продолжая в том же духе, я завоевал постепенно некоторое уважение. Ко мне стали приходить за советом, сначала старики и женщины, а затем и вожди. Поверхностные познания в медицине и хирургии, благодаря моей находчивости и решительности, сослужили мне хорошую службу, и я сделался, наконец, необходимым человеком для всего племени. Из раба я собственными усилиями превратился в почетное лицо и занял место среди старейшин, а ознакомившись с обычаями чо-чуэнов, сделался неоспоримым авторитетом в вопросах войны и мира. Орудием обмена и денежной единицей служил у них олень, и мы почти постоянно устраивали набеги на стада соседних племен или защищали свои собственные стада от нападений соседей. Я усовершенствовал

военные методы чо-чуэнов, научил их лучшей стратегии и тактике и придал такую силу и размах операциям этих дикарей, что ни одно из соседских племен не могло уже противостоять им. Однако, заняв столь почетное положение, я ни на йоту не приблизился к освобождению. Дело в том, что я — это, пожалуй, звучит смешно — переборщил и сделался чересчур ценным человеком для чо-чуэнов. Они ухаживали за мной с необычайным вниманием, но ревниво стерегли мою драгоценную особу. Я мог ходить повсюду и отдавать распоряжения, но когда торговые экспедиции отправлялись к берегу моря, мне строго запрещалось сопровождать их. Это было единственное ограничение, которого я не мог преодолеть. Вы знаете, как неспокойно живется тем, кто занимает высокие посты, — не успел я взяться за реформу их политического устройства, как тотчас же попал в беду. Мне пришло в голову объединить двадцать соседних племен с целью устранить постоянные столкновения между ними, но, приведя этот план в исполнение, я сам очутился во главе федерации. Однако старый Пи-Юн, сильнейший из племенных вождей, своего рода король, отказавшись от верховной власти над племенем, не захотел отречься от некоторых

привилегий своего сана. Поэтому он потребовал, чтобы я женился на его дочери Ильсвунге. Никакие просьбы и обещания не могли сломить старика. Я предложил уступить ему руководство федерацией, но он и слышать не хотел об этом. И…

— И? — в восхищении пробормотала миссис Шовилль.

— И я женился на Ильсвунге, что означает на языке племени чо-чуэнов «дикий олень». Бедная Ильсвунга! Мы напоминали с ней героев Свинберна: она — Изольду английскую, а я — Тристана. Я видел ее в последний раз в миссии в Иркутске. Она играла в солитер и упорно отказывалась принимать ванну.

— О, какая жалость! Уже десять часов! — воскликнула вдруг миссис Шовилль, заметив, что муж кивает ей из другой комнаты. — Я очень огорчена, мистер Сэн Винсент, что не могу дослушать, как вы выпутались из этой беды. Но вы обязательно должны прийти ко мне. Я умираю от любопытства.

— А я-то принимала вас за новичка, за *чечако,* — мягко заметила Фрона, когда Сэн Винсент завязал под подбородком свои наушники и поднял воротник, собираясь уходить.

— Я не люблю рисовки, — ответил он еще более мягко. — Это отдает неискренностью и в сущности всегда влечёт за собою искажение истины. Ведь так легко перейти границу. Посмотрите на старожилов — «кислое тесто», как они с гордостью называют себя. Прожив здесь несколько лет, они считают нужным одичать, обрасти шерстью и кичатся этим. Быть может, они и сами не чувствуют, что это рисовка. Утрируя и подчеркивая эти особенности, они лгут самим себе и вырабатывают в себе ложное отношение к жизни.

— По-моему, вы не совсем правы, — сказала Фрона, становясь на защиту своих любимых героев. — Я согласна с вами в принципе и сама не выношу рисовки, но большинство наших старожилов, несомненно, выделялось бы из общей массы во всякой стране и при всяких обстоятельствах. Эта оригинальность является их природным свойством, в этом проявляется их личность, и я убеждена, что она-то и гонит их в неизведанные страны. Нормальный человек, разумеется, предпочитает оставаться дома.

— О, я вполне согласен с вами, мисс Уэлз, — легко сдался Сэн Винсент. — Я и не думал обвинять всех огулом. Я желал заклеймить лишь тех, которые кажутся мне позерами. В основном они,

конечно же, честны, искренни и естественны.

— Значит, нам не о чем спорить. Не зайдете ли вы к нам завтра вечером, мистер Сэн Винсент? Мы ставим спектакль на Рождество, и я уверена, что вы можете во многом помочь нам, да и сами, пожалуй, повеселитесь немного. Участвует вся здешняя молодежь — чиновники, офицеры, горные инженеры, господа бездельники и так далее, не говоря уже о хорошеньких женщинах. Я уверена, что они вам понравятся.

— Не сомневаюсь, — ответил Сэн Винсент, пожимая ей руку. — Завтра, вы сказали?

— Да, завтра вечером. До свидания.

«Славный человек, — подумала Фрона, отходя от двери, — и великолепный образчик расы».

Глава XIII

Грегори Сэн Винсент быстро начал играть видную роль в общественной жизни Даусона. В качестве представителя Союза Объединенной Прессы он привез с собой блестящие рекомендации и письма, как нельзя лучше характеризовавшие его с общественной стороны. Понемногу выяснилось, что он немало пространствовал по белу свету, много испытал и знаком с жизнью чуть ли не всего земного шара. При этом он был так любезен и скромен, что даже в мужчинах не вызывал никакой зависти. Случайно он встретил в Даусоне немало старых знакомых. С Джекобом Уэлзом он, как оказалось, познакомился в конце 1888 года перед переправой по льду через Берингов пролив. Месяц спустя отец Барнум, приехавший с Нижней Реки заведовать больницей, повстречался с ним в двухстах милях к северу от Сан-Майке. Капитан конной стражи Александр столкнулся с корреспондентом в английском посольстве в Пекине, а Биттльс, другой старожил, познакомился с ним девять лет тому назад в форте Юкон.

Благодаря этому Даусон, всегда склонный косо посматривать на случайных пришельцев,

встретил Сэн Винсента с распростертыми объятиями. Особенно благосклонно отнеслись к нему женщины. По части развлечений и организации всевозможных увеселений он не знал себе равных и скоро сделался незаменимым участником всех подобных мероприятий. Он не только стал помогать в постановке спектакля, но как-то незаметно и естественно оказался режиссером. Фрона, по уверениям своих друзей, питала слабость к Ибсену. Таким образом, выбор пал на «Кукольный дом», причем Нору должна была играть сама Фрона. Корлису — ему принадлежала инициатива постановки этого спектакля — поручили роль Торвальда. Но он, по-видимому, вскоре утратил всякий интерес к спектаклю и отказался от участия в нем, ссылаясь на занятость работой. Сэн Винсент, со своей всегдашней готовностью, вызвался заменить его. Корлис явился на одну из репетиций, но от того ли, что был очень утомлен после сорокамильной поездки на собаках, или от того, что Торвальду приходилось по ходу пьесы несколько раз обнимать Фрону за талию и шутя дергать за ухо, только он больше на репетиции не являлся.

Вэнс в самом деле был очень занят и если не разъезжал, то все свободное время проводил

в совещаниях с Джекобом Уэлзом и полковником Тресуэем. Дело, несомненно, было связано с крупными интересами: об этом достаточно свидетельствовал тот факт, что у одного лишь Уэлза вклады в горные предприятия составляли несколько миллионов. Корлис был прежде всего работник и практик. Убедившись, что его основательным теоретическим знаниям недостает практического опыта, он с жаром взялся за работу. Он сам порой изумлялся близорукости людей, возложивших на него такие ответственные обязанности, полагаясь на одни лишь рекомендации. Он поделился этими соображениями с Тресуэем. Однако полковник, признавая его недостатки, тем не менее, уважал и любил его за искренность, восхищался его рвением и быстротой, с которой тот схватывал все нужное.

Дэл Бишоп, не желавший работать ни на кого, кроме собственной персоны, нанялся к Корлису, потому что это давало ему возможность лучше послужить себе. Фактически он сохранил полную свободу действий и в то же время, попав в прекрасные условия, быстрыми шагами близился к достижению своих целей. Его снабдили всем необходимым, включая великолепную упряжку собак, с тем, чтобы он объезжал ручьи, на кото-

рых шла добыча золота, и держал глаза и уши востро, охраняя интересы хозяина. Дэл Бишоп был прирожденным золотоискателем и потому, честно исполняя свои обязанности по отношению к хозяину, в то же время вынюхивал, не попадется ли где золотая жила. Постепенно он накопил множество самых разнообразных сведений о характере различных залежей и расположении пластов и жил, которые он приберегал к лету, когда почва оттает и потоки воды позволят ему проследить золотоносную жилу от речного русла до горного склона и истоков.

Корлис был хорошим хозяином, он не жадничал, но считал себя вправе требовать от рабочих, чтобы они работали не менее усердно, чем он сам. Люди, попадавшие к нему, либо закалялись и оставались, либо уходили, разнося на все корки сурового хозяина. Джекоб Уэлз сразу оценил молодого инженера и не переставал расточать ему хвалы. Фрона с удовольствием выслушивала их, ибо ей всегда нравилось то, что нравилось отцу. Но на этот раз удовольствие еще увеличивалось от того, что речь шла о Корлисе. С тех пор, как он зарылся в работу, она почти не видела его, между тем как Сэн Винсент начал все больше заполнять ее досуг. Ей нравился его здоровый, оптимисти-

ческий взгляд на вещи, и, кроме того, он вполне соответствовал ее идеалу нормального человека и излюбленному расовому типу. Вначале она не вполне верила в его рассказы. Но сомнения понемногу рассеялись. Все говорило в пользу Сэн Винсента, и даже люди, скептически относившиеся к слухам об его удивительных приключениях, сдавались, услышав повесть из уст самого героя. Достаточно было хоть немного знать те местности, о которых он упоминал, чтобы убедиться в точности его замечаний. Да, Сэн Винсент знал то, о чем говорил. Молодой Соли, представитель Беннокского Газетного Синдиката, и Хольмс из Фэруэзера помнили его возвращение в свет в 91-м году и сенсацию, произведенную этим событием. А Сид Уинслоу, журналист с Тихоокеанского побережья, познакомился с Сэн Винсентом в «Клубе путешественников» вскоре после того, как он сошел с американского сторожевого судна, на котором он прибыл с Севера. Со временем Фрона и сама убедилась, что пережитое оставило глубокий отпечаток на жизненной философии Сэн Винсента. Помимо всего, в нем были сильно развиты черты первобытного человека и страстная расовая гордость, не уступавшая ее собственной. В отсутствие Корлиса они часто бывали вместе,

катались на собаках и все ближе узнавали друг друга.

Все это отнюдь не нравилось Корлису, особенно потому, что их и без того короткие свидания теперь почти всегда проходили в присутствии третьего лица. Вполне естественно, что молодой человек не чувствовал к Сэн Винсенту особенного расположения. Точно так же и другие мужчины, бывшие свидетелями или слышавшие о происшествии в казино, с некоторым недоверием приняли его в свою среду. Тресуэй имел неосторожность раз или два пренебрежительно отозваться о нем, однако поклонники Сэн Винсента так горячо вступились за журналиста, что полковник благоразумно решил держать язык за зубами. Как-то раз Корлис, присутствуя при восторженном панегирике из уст миссис Шовилль, позволил себе недоверчиво улыбнуться, но гневный румянец, вспыхнувший на щеках Фроны, и движение ее бровей вовремя предостерегли его.

В другой раз он был настолько неблагоразумен, что в припадке раздражения упомянул о свалке в казино. Вэнс увлекся и чуть было не рассказал о таких вещах, которые не пошли бы на пользу ни Сэн Винсенту, ни ему самому. Однако Фрона, по своей наивности, наложила печать на его уста,

прежде чем он успел выболтать что-нибудь.

— Да, — сказала она, — мистер Сэн Винсент рассказывал мне об этом. Вы, кажется, познакомились с ним в тот вечер? Вы и полковник Тресуэй мужественно защищали его. Он восхищался вами обоими и, сказать правду, воспевал ваши подвиги с настоящим энтузиазмом.

Корлис жестом отклонил от себя похвалы.

— Нет! Нет! Судя по его рассказам, вы вели себя геройски. Я с удовольствием узнала об этом. Как, должно быть, приятно и в то же время полезно дать иногда волю зверю, который живет в нас. Особенно хорошо это для современного человека, который так далеко ушел от всего естественного, изнежился и болезненно перезрел. Сбросить с себя все искусственное и набушеваться вволю! А где-то, в глубине души, внутренний руководитель, бесстрастный и спокойный, следит за всем происходящим, говоря: «Это мое второе „я“. Смотри! Я обессилено сейчас, но все же остаюсь невидимой пружиной и продолжаю управлять тобой. Другое „я“, мое прежнее, буйное, исконное „я“, слепо неистовствует, как дикий зверь, но „я“, стоящий в стороне, взвешиваю все обстоятельства и позволяю ему бушевать или приказываю успокоиться». О, как прекрасно быть мужчиной!

Корлис не мог сдержать насмешливой улыбки, и это сразу заставило Фрону насторожиться.

— Расскажите мне, Вэнс, что вы чувствовали при этом? Разве я неверно описала ваше состояние? Разве вы не испытывали этого раздвоения? Разве вы не держались в стороне как наблюдатель? И не дрались в то же время, как разъярившийся зверь?

Вэнс вспомнил то мимолетное изумление, которое он испытал, оглушив человека кулаком, и кивнул головой.

— А гордость, — неумолимо продолжала она, — а стыд?

— Не... немного того и другого, но больше гордости, чем стыда, — сознался он, — в то время я, кажется, чувствовал безумное ликование; потом появился стыд, и я полночи не мог сомкнуть глаз.

— А в конце концов?

— Одолела, кажется, гордость. Я ничего не мог поделать с ней. На следующее утро я проснулся с таким чувством, словно заслужил накануне свои первые шпоры. Я против воли испытывал чрезвычайную гордость и ловил себя на том, что мысленно сокрушал чьи-то ребра. Затем снова возвратился стыд и я старался хитрыми доводa-

ми поколебать его и вернуть к себе уважение. В конечном результате победила гордость. Битва была честная и открытая. Я не искал ее и был вовлечен в бой самыми лучшими побуждениями. Я не жалею о происшедшем и готов повторить то же самое, если это будет нужно.

— И вы совершенно правы. — Глаза Фроны сверкали. — А как вел себя мистер Сэн Винсент?

— Он?.. Я думаю, как следует, с честью. Я был слишком занят созерцанием своего второго «я», чтобы следить за ним.

— Но он видел вас.

— Весьма возможно. Каюсь, я был бы внимательнее, если бы думал, что это сможет заинтересовать вас. Простите мне неудачную шутку. По правде говоря, все мое внимание было обращено на то, чтобы как-нибудь уцелеть самому, а тут уж не до соседей.

Так Корлис и ушел, радуясь тому, что не проговорился.

Он ясно видел ловкий ход Сэн Винсента, которым тот предупредил неприятную для него версию, рассказав о происшествии со своей обычной скромностью, как бы стараясь остаться в тени.

Двое мужчин и одна женщина! Самая мощная

троица факторов, порождающих человеческие страдания и трагедии. И все, что неизменно происходило в таких случаях с того далекого времени, когда первый человек спустился с дерева и принял вертикальное положение, все это повторилось и в Даусоне в конце XIX века. По необходимости тут участвовали и другие, менее важные факторы, среди которых Дэл Бишоп играл не последнюю роль. Со свойственной ему прытью он вмешался в дело и ускорил ход событий. Это произошло на стоянке по дороге к Ручью Миллера, куда Корлис направлялся для скупки нескольких низкосортных участков, из которых можно было извлечь прибыль только при условии эксплуатации на широких началах.

— Уж я не стану мух ловить, когда набреду на жилу, — свирепо заявил золотоискатель, опуская в кофейник кусок льда. — Вот чтоб мне провалиться!

— Птиц, что ли? — спросил Корлис, переворачивая на сковороде кусок свинины и подбавляя туда теста.

— К черту птиц! Только вы меня и видели, когда я навострю, наконец, свои лыжи в обетованную сторону. В карманах заблестит золото, а в глазах радость. Послушайте, что бы вы сказали сейчас,

если бы вам подали этакое славное сочное филе, обложенное зеленым луком, жареной картошкой и гарниром? Черт возьми, вот первое дело, которым я займусь вплотную. А затем общий поклон — и маленькая прогулочка на недельку-другую в Фриско или Сиэтл, — наплевать, собственно, куда, — а потом…

— А потом с пустыми карманами снова за работу.

— Ну, нет, дудки! — заорал Бишоп. — Сумею вовремя затянуть свой кошель. Не сомневайтесь! А потом в южную Калифорнию. Я уже давно точу зубы на фруктовое ранчо тысяч этак в сорок. Не стану я больше работать ради хлеба насущного, кончено! Я давно уже все вычислил. Возьму рабочих для обработки ранчо, управляющего для заведования всем делом, а сам буду жить хозяином и проживать доход. В конюшне у меня всегда будет наготове пара мустангов; придет охота порыскать за золотом — оседлал лошадей и айда! Там, на востоке, в пустыне, тоже найдется немало песочка.

— А как же дом? Разве у вас не будет дома на ранчо?

— Разумеется, будет и дом. Вокруг разведу душистый горошек, а позади устрою огород: бобы,

шпинат, редиска, огурцы, спаржа, репа, морковь, капуста там всякая. И женщину заведу себе, чтобы она притягивала меня назад, когда я чересчур увлекусь золотоискательством. Послушайте, вы вот собаку съели на горном деле, а известно ли вам, что такое золотая лихорадка? Нет? Так запомните же, она злее водки, лошадей и карт. Женщины еще иногда помогают, если подвернутся вовремя. Поэтому, как только почувствуете первый приступ болезни, ступайте и женитесь. Это единственное спасение; впрочем, бывает, что даже и такое сильное средство не действует. По-настоящему мне нужно было сделать это много лет назад. Пожалуй, из Дэла Бишопа вышло бы тогда что-нибудь путное. Черт подери, сколько дел я проворонил и сколько погубил в себе талантов из-за этой проклятой страсти. Послушайте, Корлис! Вам необходимо жениться, и чем скорее, тем лучше. Говорю вам прямо. Запомните мой совет и расстаньтесь поскорее с холостяцкой жизнью.

Корлис рассмеялся.

— Верно, верно. Я старше вас и знаю, что говорю. Там, в Даусоне, есть лакомый кусочек, и мне очень хотелось бы, чтобы он достался вам. Вы оба созданы друг для друга.

Корлис давно уже пережил ту стадию ще-

петильности, когда вмешательство Бишопа показалось бы ему нахальством. Скитание по дикой безлюдной тропе, где люди спят под одним одеялом и по-братски делят страдания и лишения, быстро стирает все различия. Корлис уже давно успел убедиться в этом и вместо того, чтобы обидеться, проглотил кусок пирога и прикусил язык.

— Почему бы вам не рискнуть? — продолжал настаивать Дэл. — Разве она вам не нравится? Знаю, что нравится, иначе вы бы не возвращались от нее домой с таким видом, точно побывали на небесах. Говорю вам: рискните, пока у вас есть шансы. Была у меня одна девушка, Эмми, просто бутончик, скажу вам, и мы с места в карьер полюбились друг другу. Но я в те поры гонялся за золотом и откладывал объяснение со дня на день. А в это время подвернулся этакий здоровый черномазый франт и начал увиваться вокруг нее. Тут я решил, наконец, заговорить. Но отправился на одну разведку, самую последнюю, а когда вернулся, она была уже миссис — другая фамилия. Берегитесь, недаром тут вертится этот писака, мерзавец, которого я угостил тогда на улице. Он действует напрямик и не теряет времени. А вы точь-в-точь, как я, носитесь из конца в конец, а

невесту, того и гляди, прозеваете. Запомните мои слова, Корлис! В какой-нибудь славный морозный денек вернетесь вы домой и застанете их под одной крышей. Верно говорю! А вам не останется в жизни ничего, кроме погони за золотом.

Эта перспектива показалась Корлису настолько неприятной, что он нахмурился и приказал Дэлу замолчать.

— Кому замолчать? Мне? — спросил Дэл с таким оскорбленным видом, что Корлис рассмеялся.

— А что бы вы сделали на моем месте? — спросил он.

— Я? Уж так и быть, скажу вам. Как только вернетесь, ступайте к ней. Условьтесь с ней наперед, когда будете встречаться, да запишите лучше, чтобы не забыть. Постарайтесь сделать заявку на все ее свободное время, чтобы выставить того молодца из игры. Не слишком распинайтесь перед ней — она не такого сорта, но и не заноситесь чересчур. Держитесь так — серединка на половинку, поняли? А потом, спустя некоторое время, когда вы увидите, что она в хорошем настроении и улыбается вам этак ласково да умильно, наберитесь храбрости и просите ее руки. Разумеется, я не берусь сказать, как надо проделывать эту церемонию. Это уж вы сами обмозгуйте. Но, главное,

не тяните слишком долго. Лучше жениться рано, чем никогда. А если этот писака станет совать свой нос, дайте ему хорошенько в рыло. Это сразу поубавит ему спеси. А еще лучше, отведите его в сторонку да поговорите по душам. Скажите ему, что вы человек опасный и сделали на нее заявку еще в ту пору, когда у него молоко на губах не обсохло, и что если он будет вертеться и мешать вам, вы продырявите ему башку.

Бишоп поднялся, потянулся и вышел из палатки, чтобы покормить собак.

— Главное, не забудьте насчет башки. А если вы брезгаете таким делом, позовите меня. Я не заставлю его долго ждать.

Глава XIV

— Ах, соленое море, мисс Уэлз, крепкую, соленую воду, огромные волны и тяжелые лодки, на которых можно плавать и в тихую, и в бурную погоду, я знаю хорошо. Но пресные воды и маленькие челноки, эти яичные скорлупы, пузыри какие-то, нет, уж увольте! Порыв ветра, вздох или неверное движение и готово — вы перевернулись. Право, это для меня китайская грамота. — И маркиз Курбертэн виновато улыбнулся и продолжал: — Однако сам по себе спорт этот великолепен, восхитителен, я наблюдал с берега и, признаться, завидовал. Когда-нибудь надеюсь научиться.

— Это совсем не так трудно, — возразил Сэн Винсент. — Не правда ли, мисс Уэлз? Побольше душевного и физического равновесия, в этом вся суть…

— Как для канатного плясуна?

— О, вы неисправимы, — рассмеялась Фрона. — Я уверена, что вы умеете управлять челноками не хуже нас.

— А вы разве умеете? Ведь вы женщина! — несмотря на весь свой космополитизм, француз

никак не мог привыкнуть к независимости и ловкости американок. — Как же вы научились?

— Когда я была совсем маленькой девочкой и жила в Дайе, среди индейцев. Но весной, после вскрытия реки, мы дадим вам первые уроки, мистер Сэн Винсент и я. Таким образом, вы вернетесь к цивилизованной жизни, несколько пополнив свое образование новыми приобретениями. Я не сомневаюсь, что этот спорт вам очень понравится.

— Разумеется, под руководством такого очаровательного ментора, — любезно проговорил он.

— А как, по-вашему, мистер Сэн Винсент, понравится мне этот спорт? Вы сами любите его? Вы, который держитесь всегда на заднем плане, скупитесь на слова и остаетесь для всех нас вечной загадкой. Мне кажется, что вы владеете глубочайшей мудростью, почерпнутой из громадного опыта, и просто не желаете поделиться с нами. — Маркиз быстро обернулся к Фроне. — Я, кажется, говорил вам, что мы старые друзья, это дает мне право подтрунивать над ним. Не так ли, мистер Сэн Винсент?

Грегори кивнул головой, а Фрона заметила:

— Я уверена, что вы познакомились где-нибудь на краю света.

— В Йокохаме, — коротко объяснил Сэн Винсент. — Одиннадцать лет назад, во время цветения вишен. Но маркиз Курбертэн несправедлив ко мне и явно насмехается. Боюсь, что я бываю иногда чересчур болтлив.

— Вы просто мученик, — пошутила Фрона, — мы изводим вас своими приставаниями. Но что поделаешь: вы так интересно рассказываете.

— Кстати, расскажите нам о каком-нибудь приключении в лодке, — попросил француз. — Что-нибудь страшное, чтобы волосы зашевелились.

Они пододвинулись поближе к объемистой пылающей печке (дело происходило в гостиной миссис Шовилль), и Сэн Винсент рассказал о мощном водовороте в Бок-Каньоне, о грозных порогах Белой Лошади и о малодушном товарище, который покинул его в критическую минуту, а сам обошел по берегу. Все это произошло девять лет назад, когда Юкон был еще неизведанной страной.

Через полчаса в комнату с шумом ворвалась миссис Шовилль, ведя за собой Корлиса.

— Ах, эта гора! Я совсем задыхаюсь! — простонала она, стягивая рукавицы. — Вот уж не везет! — объявила она через минуту с не меньшей энергией. — Этот спектакль никогда не

наладится! Не суждено мне быть миссис Линден! Крогстад отправился на прииски, на Индейскую Реку, и никто не знает, когда он вернется. Крогстад (она обратилась к Корлису) — это мистер Мейбрик, а у миссис Александер невралгия, и она не выходит из дому. Итак, репетиции сегодня не будет, это ясно.

— Единственной наградой за то, что я решилась выйти и заставила вас всех ждать, была встреча с этим оригиналом.

Она подтолкнула Корлиса вперед.

— О, вы не знакомы! Маркиз Курбертэн — мистер Корлис. Если вы откроете богатые залежи, маркиз, советую вам продать их мистеру Корлису. Он богат, как Крез, и покупает решительно все, лишь бы дело было хорошее, а если вы и не найдете ничего, все равно продавайте. Он профессиональный филантроп, имейте это в виду. Но, поверите ли? — снова обратилась она ко всему обществу. — Этот удивительный субъект любезно предложил проводить меня до верха горы и поболтать по дороге… Поболтать! Но наотрез отказался зайти посмотреть на репетицию. Однако, узнав, что никакой репетиции не будет, мистер Корлис, словно флюгер, немедленно изменил направление. И вот он здесь, хотя и уверяет, что

ему бы следовало быть теперь на Ручье Миллера. Говоря между нами, всем известно, какие темные делишки…

— Темные делишки! Смотрите! — вмешалась Фрона, указывая на кончик янтарной трубки, торчавшей из наружного кармана Вэнса. — Трубка! Честь имею поздравить!

Она протянула руку, и Корлис добродушно пожал ее.

— Во всем виноват один Дэл, — рассмеялся он. — Когда я предстану пред престолом вечного судии, Дэлу придется выступить вперед и ответить за этот грех.

— Во всяком случае, это прогресс, — заметила Фрона. — Теперь вам остается только завести себе для постоянного употребления какое-нибудь крепкое, выразительное словцо.

— О, уверяю вас, я уже кое-чему научился, — подхватил он, — без этого никак нельзя управлять собаками. Я могу теперь с вашего разрешения, не поперхнувшись, чертыхаться с утра до ночи и с ночи до утра. Я заметил, что на упряжку чрезвычайно хорошо действует, например, клятва костями фараона и кровью Иуды. К сожалению, лучшие перлы моего собачьего жаргона не могут быть произнесены в присутствии женщин. Одна-

ко обещаю вам, наперекор всей преисподней, ее владыке сатане…

— Ах! Ах! — взвизгнула миссис Шовилль, затыкая уши пальцами.

— Мадам, — с серьезным видом заговорил Курбертэн. — К сожалению, это плачевное обстоятельство вполне соответствует истине: северные собаки погубили массу человеческих душ. Они послали в ад гораздо больше грешников, чем все другие причины, вместе взятые. Разве не так? Предлагаю присутствующим мужчинам высказаться по этому вопросу.

Корлис и Сэн Винсент торжественно подтвердили его слова и принялись оглушать чувствительную даму потрясающими и душераздирающими рассказами о собаках.

Курбертэн и Сэн Винсент остались завтракать у миссис Шовилль, предоставив Корлису проводить Фрону домой. По молчаливому согласию, словно желая продлить спуск, молодые люди свернули направо, пересекая мириады проложенных пешеходами и санями тропинок, которые сбегали вниз к городу. Была середина декабря, и день выдался ясный и холодный. Вялое полуденное солнце, с трудом подняв свой бледный диск над южным краем горизонта, сконфуженно

скользило вниз, так и не достигнув зенита. Его косые лучи преломлялись в морозной пыли, и весь воздух казался сотканным из мельчайших алмазных осколков, сверкающих, переливающихся, брыжжущих огнями и искрами, но холодных, как ледяная даль.

Фрона и Вэнс прорезали эту сияющую волшебную завесу; снег ритмически поскрипывал под их мокасинами, а дыхание, срываясь с губ, превращалось в лучезарное сияние. Оба молчали: ни ему, ни ей не хотелось говорить, так сказочно прекрасно было все кругом. Под ними, между грандиозным куполом неба и белой пустыней, темнел золотой город, ничтожное и грязное пятно, слабый протест против беспредельности, вызов человека бесконечному.

Вдруг где-то, совсем близко, раздались мужские голоса и понукания. Фрона и Корлис остановились. Послышался сердитый лай, топот ног, и упряжка заиндевелых волкодавов, высунув горячие красные языки и раскрыв пасти, взобралась на откос и свернула на тропинку впереди них. На санях лежал длинный узкий ящик из грубо сколоченных еловых досок, не оставлявший никаких сомнений относительно своего содержимого. Двое погонщиков, женщина, тупо следовавшая за

гробом, и одетый в черное священник, составляли траурный кортеж. Немного дальше собак снова пустили по откосу, и они под щелканье бича, с визгом и лаем потащили вверх бесчувственный прах к ожидавшему его на вершине холма вырубленному во льду последнему убежищу.

— Один из завоевателей, — проговорила Фрона.

Корлис уловил ее мысль и ответил:

— Да, все это воины, сражающиеся с морозом и воюющие с голодом! Я понимаю теперь, почему расы, спустившиеся с Севера, приобрели господство над миром. Они принесли с собой отвагу, выносливость, беспредельную веру и безграничное терпение. Чему же тут удивляться?

Фрона выразительно посмотрела на него, но не произнесла ни слова.

— «Мы разили своими мечами, — произнес нараспев Вэнс. — Я испытывал такую радость, словно рядом со мной на ложе лежала моя светлая невеста. Я прокладывал себе путь окровавленным мечом, и воронье следовало за мной. Яростно сражались мы; огонь испепелил жилища людей, мы спали в крови тех, кто охранял входы».

— Вы чувствуете это, Вэнс? — воскликнула она, быстрым движением сжимая его руку.

— Кажется, начинаю чувствовать. Север научил меня и продолжает учить. Вещи, мне давно знакомые, получают совершенно новую окраску. Однако я все еще не совсем уверен в своей правоте. Все это кажется мне чудовищным эгоизмом, великолепным сном.

— Но ведь вы не негр и не монгол и не происходите ни от негра, ни от монгола?

— Да, — рассуждал он, — я сын своего отца, и род наш восходит к морским викингам, которые никогда не ночевали под прокопченными балками крыши и не осушали свой рог у домашнего очага. Застой черной расы и беспримерное в истории распространение тевтонов по всему земному шару несомненно имеет свои причины. В расовой наследственности таится, по-видимому, какая-то особенность, иначе я не откликнулся бы на этот призыв.

— Какая великая раса, Вэнс! Половина суши и все моря и океаны принадлежат ей! Достаточно было шестидесяти поколений, чтобы завоевать все это! Подумайте! Всего шестьдесят поколений — и руки ее простерлись на весь мир. Это великая сокрушительница, победоносная дева! Мудрая строительница и законодательница! Вэнс! Вэнс! Как страстно я люблю свой народ, но Бог простит

мне эту любовь, потому что она возвышенна и чиста! О! Это великая раса, с великими предначертаниями! Даже перед лицом гибели она не утрачивает своего геройского облика. Помните?

— «Трепещет ясень Игдразиля, хотя еще держится. Стонет древнее дерево, и Йотун Локи спущен с цепи. Тени стонут на путях Хеля, пока огонь Сурты не испепеляет дерева. Хрым дует с востока, вода поднимается, лукавый змей гнездится в ярости Йотуна. Червь хлещет воду, орел кричит, клюв его ломает борта, корабль Нагльфар идет ко дну. Сурт, сверкая молниями, налетает с юга, на мече его сияет солнце Валгаллы».

Взгляд его упал на Фрону, и она показалась ему в этот момент закутанной в меха валькирией, парящей над последним смертным боем людей и богов. Кровь бурной волной хлынула по неизведанным путям и наполнила его сладостным восторгом.

— «Каменные громады сталкиваются друг с другом, гиганты шатаются, люди вступают на тропу Хеля, небо раскалывается, солнце помрачается, земля погружается в океаны, яркие звезды падают с небес, языки пламени лижут великий ясень, огненный костер столбом своим упирается в небо».

Фигура девушки отчетливо выступала на фоне сверкающего воздуха, брови и ресницы ее покрылись инеем, бриллиантовая пыль светлым ореолом окружала лицо и волосы, заходящее солнце заливало ее пламенем пожара.

В этот момент она показалась Корлису гением расы. Он услышал властный голос крови и всем существом ощутил вдруг свое родство с белокурыми богатырями давно угасших времен. Глядя на девушку, он вспоминал великое прошлое своего народа, и в недрах души его пробуждались звуки давно забытых битв. Он снова чувствовал буйную ласку ветров, слышал рев и грохот дымящихся пеной волн Северного моря, видел остроносые боевые челны и на них, среди разъяренной стихии, мужей Севера, мускулистых, широкогрудых, взлелеянных стихиями, верных мечу, беззаветных смельчаков, проклятие и бич южных стран. Гром двадцати столетий беспрерывных битв гремел в его ушах и звал с неодолимой силой назад, к героическому прообразу расы.

— Будьте моей невестой, Фрона! Светлой супругой на моем ложе!

Она вздрогнула и посмотрела на него недоумевающим взглядом. Постепенно смысл этих слов дошел до ее сознания, и Фрона невольно от-

шатнулась. Солнце бросило на землю последние гаснущие лучи и скрылось за горизонтом. Блеск в воздухе погас, и день померк. Высоко над ними тоскливо завыли собаки.

— Нет, не надо, — сказал Корлис, видя, что Фрона собирается заговорить, — не говорите. Я знаю уже ваш ответ. Я обезумел… Идемте.

Они спустились с горы, перешли через отмель, вышли на реку у лесопильни, и только тут суета и шум человеческой жизни снова вернули им способность речи. Корлис не отрывал глаз от земли, а Фрона, подняв высоко голову, смотрела по сторонам и только изредка, украдкой поглядывала на своего спутника. Они вышли на дорогу, по которой катали бревна к лесопильне; место было очень скользкое, и, когда Корлис поддержал Фрону, глаза их встретились.

— Я… я ужасно огорчена, — неуверенно начала она. И сейчас же, как бы желая оправдаться, добавила: — Поймите… я никак не ожидала… именно теперь.

— Иначе вы предупредили бы меня? — с горечью спросил Вэнс.

— Да, наверное. Я не хотела причинять вам боль…

— Значит, вы все-таки ждали этого?

— Да, и боялась. Но я надеялась... Я... Вэнс, я приехала в Клондайк совсем не для того, чтобы выходить замуж. Вы понравились мне с первого раза и нравились все больше и больше, а сегодня — сильнее, чем когда-либо. Но...

— Но вы никогда не смотрели на меня как на будущего мужа. Так, не правда ли?

Говоря это, Вэнс пристально смотрел на нее сбоку, и, когда глаза Фроны с обычной искренностью встретили его взгляд, мысль о том, что он может потерять ее, повергла его в отчаяние.

— Нет, вы ошибаетесь, — ответила она, — я пробовала смотреть на вас и с этой точки зрения, только это выходило как-то неубедительно, сама не знаю почему. Странно, ведь я всегда находила в вас так много хорошего, так много.

Он попробовал остановить ее протестующим жестом, но она продолжала:

— Так много достойного восхищения. Я чувствовала к вам горячую дружескую привязанность, наши товарищеские отношения все укреплялись. Я не желала большего, но если бы оно появилось, я бы с радостью приветствовала его.

— Как встречают незваного гостя!

— Почему вы не хотите помочь мне, Вэнс, и еще больше обостряете положение? Я понимаю, что

вам тяжело, но ведь и мне нелегко! Мне больно прежде всего потому, что заставляю страдать вас, кроме того, я знаю, что, отвергая вашу любовь, отталкиваю от себя близкого друга. А я нелегко расстаюсь с друзьями.

— Понимаю, вдвойне банкрот: как друг и как возлюбленный. Но их легко заменить. Мне думается, что игра была наполовину проиграна еще до того, как я заговорил. Если бы я промолчал, результат получился бы тот же самый. Время все сглаживает, новые знакомства, новые мысли и лица, люди с необычайными приключениями…

Она резко оборвала его.

— Это бесполезно, Вэнс. Что бы вы ни говорили, я не стану с вами ссориться: я понимаю ваше состояние.

— Значит, по-вашему, я ищу ссоры? Что же? Если так, нам лучше распрощаться сейчас же.

Он вдруг остановился, но Фрона тоже остановилась рядом.

— Вот идет Дэв Харней. Он проводит вас домой. Это в двух шагах.

— Вы делаете больно и себе, и мне. — Она говорила решительно и твердо. — Я не хочу думать, что это конец. Сейчас все еще слишком свежо, чтобы мы могли здраво отнестись к происшед-

шему. Вы должны прийти ко мне, когда мы оба немного успокоимся. Я не заслужила такого отношения. Не будьте ребенком, Вэнс! Приходите! Пусть все останется по-старому.

Он покачал головой.

— Здравствуйте! — Дэв Харней поднес руку к шапке, приближаясь к ним своей развинченной походкой. — Жаль, что вы не вошли со мною в долю. Со вчерашнего дня цена на собак поднялась и взлетит еще выше. Здравствуйте, мисс Фрона и мистер Корлис! Нам по дороге?

— Да, с мисс Уэлз. — Корлис дотронулся до козырька своей шапки и сделал полуоборот.

— Куда вы? — осведомился Дэв.

— Деловое свидание, — солгал он.

— Не забудьте, — крикнула ему вслед Фрона. — Вы должны зайти ко мне.

— Не обещаю. Я, к сожалению, очень занят сейчас. До свиданья! Всего хорошего!

— Черт побери! — заметил Дэв, уставившись ему вслед. — Ну и делец! Вечно занят, и все крупными делами. Странно, как это он прозевал собак.

Глава XV

Но Корлис еще в этот день зашел к Фроне. После непродолжительного горького раздумья он понял всю ребячливость своего поведения. Боль утраты достаточно сильно давала себя чувствовать, но мысль, что с этой минуты они станут совершенно чужими друг другу и что она сохранит от их последней встречи неприятное воспоминание, мучила его ничуть не меньше, а в одном отношении даже больше. К тому же, помимо всего прочего, ему просто было стыдно: он говорил себе, что должен был мужественнее встретить это разочарование. Ведь, собственно говоря, он никогда не чувствовал в этом отношении твердой почвы под ногами. Поэтому он зашел к Фроне и проводил ее до казарм, стараясь по дороге смягчить неловкость, которую вызвал между ними утренний разговор. Девушка охотно помогала ему в этом. Он говорил кротко и рассудительно и выразил даже желание извиниться, но Фрона энергично воспротивилась.

— Вы не заслужили ни малейшего упрека, — сказала она. — Я на вашем месте, наверное, сделала бы то же самое и, пожалуй, в еще более

резкой форме. Потому что вы вели себя довольно резко, знаете?

— Если бы мы поменялись местами, — ответил Корлис, пытаясь шутить, — в этом не было бы надобности.

Она улыбнулась, радуясь тому, что он стал легче относиться к происшедшему.

— Но, к несчастью, наша общественная мудрость не допускает такой перестановки, — добавил он, чтобы сказать что-нибудь.

Фрона засмеялась.

— Вот тут-то мое иезуитство и выступает на сцену. Я могла бы подняться над общественной мудростью.

— Неужели вы хотите сказать, что…

— О, вы, кажется, опять шокированы? Нет, я не решилась бы высказаться прямо, но пустила бы в ход finesse, как говорят в висте. В результате я достигла бы той же цели, только с большей осторожностью. В сущности, это сводится к одному.

— И вы, действительно, смогли бы?

— Совершенно уверена в этом. Я не принадлежу к тем, кто без борьбы уступает свое счастье. Это бывает только в романах, — добавила она задумчиво, — и с людьми сентиментальными. Я же, как утверждает мой отец, принадлежу к по-

роде борцов, и за то, что покажется мне великим и священным, я буду бороться, невзирая ни на какие громы небесные…

— Вы доставили мне большую радость, Вэнс, — сказала она, прощаясь с ним у ворот казармы, — и я надеюсь, что все между нами останется по-старому. Имейте в виду, что мы должны встречаться так же часто, как встречались до сих пор, пожалуй, даже много чаще.

Но Корлис после нескольких мимолетных визитов перестал бывать в доме Джекоба Уэлза и с неистовым рвением зарылся в работу. По временам у него хватало лицемерия поздравлять себя с избавлением от опасности, и он принимался рисовать картины мрачного будущего, ожидавшего их обоих, если бы Фрона приняла его предложение. Но это случалось довольно редко. Обычно же мысль о девушке будила в Корлисе мучительный голод, очень похожий на голод физический. Только упорный, безустанный труд помогал ему заглушить это чувство. Но, борясь с любовной тоской, в пути ли, дома ли, на стоянках или во время работы, он побеждал ее только в часы бодрствования. Во сне борьба оказывалась не под силу Вэнсу, и Дэл Бишоп, почти не разлучавшийся с ним, наблюдал по ночам, как его

товарищ тревожно метался по постели, бормоча бессвязные слова.

Твердо помня, что дважды два всегда четыре, Дэл сделал безукоризненный вывод из различных мелочей, которые ему удалось подметить. Впрочем, большой проницательности тут и не требовалось. Одно уже то, что Корлис перестал ходить к Фроне, ясно говорило, что он потерпел неудачу; но Дэл не остановился на этом и вскоре пришел к новому заключению, а именно, что всему виной Сэн Винсент. Он несколько раз встречал журналиста с Фроной, и это страшно раздражало и злило золотоискателя.

— Дождется он у меня, — пробормотал он однажды вечером на стоянке за Золотой Лощиной.

— Кто это? — спросил Корлис.

— Кто? Да этот стрекулист паршивый, вот кто!

— За что?

— А так... из принципа. Эх, и дернуло же вас помешать мне в тот вечер расправиться с ним!

Это воспоминание заставило Корлиса расхохотаться.

— А почему вы ударили его, Дэл?

— Из принципа, — сердито буркнул Дэл и умолк.

Но Дэл Бишоп, несмотря на столь грозные наме-

рения, не упускал из виду своей главной задачи, и когда они на обратном пути добрались до скрещения дорог в Эльдорадо и Бонанцу, он выразил желание сделать привал.

— Послушайте, Корлис, — начал он вдруг. — Знаете вы, что такое золотой горб? — Хозяин его утвердительно кивнул головой. — Ну, вот я и попал на такой горб. Я никогда ни о чем не просил вас до сих пор, но на этот раз хочу, чтобы мы простояли здесь до утра. Кажется мне, будто я начинаю различать вдали фруктовую ферму. Разрази меня Бог, если в воздухе не носится запах зреющих апельсинов.

— Ладно, — согласился Корлис, — но еще лучше будет, если я отправлюсь в Даусон, а вы вернетесь туда, когда окончите свои изыскания.

— Еще чего, — возразил Дэл, — говорю вам, что я нащупал горб и хочу, чтобы вы приложились к этому делу. Вы малый славный и превзошли чертову пропасть всякой книжной премудрости. Что говорить! Насчет лаборатории и прочего такого вы собаку съели. Ну а ваш покорный слуга зато умеет читать книгу природы без очков. Я, знаете ли, составил себе теорию…

Корлис с притворным ужасом воздел руки, и Дэл рассердился.

— Так! Так! Смейтесь! Но она построена на вашей излюбленной теории размывания породы и изменения русла рек. И я недаром убил два года на золотоискательстве в Мексике. Откуда, по-вашему, взялось это золото в Эльдорадо, со всевозможными примесями и без всяких признаков промывки? А? Вот тут вам и полагается надеть очки. Книги сделали вас близоруким. Ну, да ничего. Это, собственно, не жила россыпи, но я знаю, о чем говорю. Не зря я рыскаю столько времени по этим местам. Если желаете, в два счета расскажу вам о залежах ручья Эльдорадо больше, чем вы можете представить себе в целый месяц из одних воскресений. Но к черту пререкания! Не обижайтесь! Если вы останетесь здесь со мной до завтра, то ранчо у вас в кармане, будем соседями.

— Ну, ладно. Пока вы будете искать прежнее русло реки, я отдохну здесь и просмотрю свои заметки.

— Ведь я же сказал вам, что это самородок! — с упреком произнес Дэл.

— А разве я не согласен остаться? Чего вы еще хотите?

— Преподнести вам фруктовое ранчо, а для этого вы должны отправиться вместе со мной на изыскания.

— Мне совсем не нужны ваши фантастические фруктовые ранчо. Я устал и измучен. Неужели вы не можете оставить меня в покое? Я, кажется, был достаточно любезен, если согласился застрять здесь из-за каких-то нелепых теорий. Можете тратить свое время на рыскание, но я не высуну носа из палатки. Поняли?

— Будь я трижды проклят! Хороша благодарность! Клянусь чертовой бабушкой, что я в два счета откажусь от вашей работы, если вы сами не выгоните меня. Я тут целыми ночами не смыкал глаз и обдумывал свою теорию, рассчитывая привлечь вас, а вы в это время только и знали, что храпели да выкликали: Фрона то да Фрона сё.

— Заткнитесь, слышите?

— Черта с два! Если бы я не понимал в золотоискательстве больше, чем вы в ухаживании…

Корлис бросился на него, но Дэл увернулся в сторону и выставил кулаки. Затем он сделал два сильных движения правой и левой рукой и, отступив в сторону, вышел на утоптанную тропу.

— Эй, подождите! — крикнул Дэл, увидя, что Корлис снова собирается броситься на него. — Пойдете вы со мной, если я вас уложу?

— Да.

— А если одолеете вы, можете выгнать меня в

два счета. Заметано! Теперь начинайте.

Вэнс совсем не шутил, и Дэл, прекрасно понимавший это, хладнокровно играл с ним. Он делал ложные выпады, то нападал, то отступал, то, сбивая противника с толку, внезапно исчезал из его поля зрения. Вэнс быстро убедился, что между его сознанием и движениями очень мало согласованности, а через несколько минут почувствовал, что лежит на снегу и медленно приходит в себя.

— Как… Как вам удалось это? — запинаясь, спросил он.

Дэл, положив голову Вэнса себе на колени, растирал ему снегом виски.

— О, вы молодчина, — засмеялся он, помогая своему начальнику подняться на ноги. — Вы сделаны из настоящего материала. Я покажу вам когда-нибудь, как это делается. Вам нужно поучиться еще многому, чего вы не найдете в книгах. Но сейчас не время. Нам нужно устроиться на ночь, а потом вы подниметесь вместе со мною на пригорок. Фрр, фрр… — посмеивался он, когда они прилаживали трубу переносной печки, — маленько вы неповоротливы да вялы. Что, не управиться было со мной, а? Ну да я покажу вам как-нибудь, научу, как следует научу. Берите топор и идем, — скомандовал он, когда палатка

была готова.

Дэл захватил по дороге в шалаше кирку, лопату и таз и повел Вэнса боковыми тропинками, пробегавшими близ устья Французского Ручья вверх по Эльдорадо. Вэнс чувствовал себя немного разбитым, но, тем не менее, посмеивался в душе над создавшимся положением. Следуя по пятам за своим победителем, он всем своим видом изображал покорность, которая заставляла Дэла самодовольно ухмыляться.

— Вы молодчина, справитесь! Все задатки налицо! — Дэл бросил на землю свои орудия и внимательно исследовал снежный покров. Ну-ка, берите топор да нарубите мне сухого дерева там, на холме.

Вернувшись с последней охапкой, Корлис увидал, что Дэл успел уже очистить в нескольких местах землю от снега и мха. Эти темные пятна располагались по белому покрову в форме грубо намеченного креста.

— Я перережу жилу в двух направлениях, — объяснил он. — Не знаю, где я найду золото: здесь, там или повыше, но если только в этом горбе есть что-нибудь — лучшего места не найти. Немного повыше русло реки углубляется в почву, и россыпи там наверное богаче, зато работы больше. Это

самый край ложа. Глубина не больше двух футов. Сейчас нам важно только проследить направление жилы, а потом можно будет врезаться в нее со стороны.

Объясняя Вэнсу свой план, он разложил на очищенных местах костры и зажег их.

— Не думайте, пожалуйста, что настоящие изыскания делаются таким образом. Это что, кустарная работа! Настоящие изыскания, — он выпрямился и с благоговением в голосе продолжал, — для настоящих изысканий нужны глубокие знания и тонкое искусство, безошибочное чутье, верная, как сталь, рука и меткий глаз, иначе все полетит к черту. Когда приходится два раза в день коптить до черноты таз, чтобы из полной лопаты песка намыть крошечную крупинку золота, — вот это дело! Это тонкая работа! Что до меня, то я готов скорее отказаться от еды, чем от своей страсти.

— И предпочтете тому и другому кулачный бой.

Бишоп остановился, чтобы поразмыслить над этим соображением. Он взвешивал свои склонности с такой тщательностью и осторожностью, точно промывал в тазу одну крошечную крупинку золота.

— Нет, в любой день и час я предпочту и тому, и другому золотоискательство. Да, Корлис, это яд. Стоит только раз отведать его — крышка человеку! Никогда уж не вытравишь. Взгляните на меня! А еще говорят об опиуме. Тьфу! Вот что такое ваш опиум перед этим зельем.

Он подошел к одному из костров и разметал его ногою. Затем взялся за кирку. Стальное острие вонзилось в почву и с металлическим звоном остановилось, точно наткнувшись на твердый цемент.

— И на два дюйма не оттаяло, — пробормотал он и, нагнувшись, стал копаться пальцами в мокрой грязи. Стебли прошлогодней травы выгорели, и Дэл с трудом выковыривал из полузамерзшей почвы корни.

— Черт!

— В чем дело? — спросил Корлис.

— Черт! — повторил тот бесстрастным голосом, бросая в таз покрытые грязью корни.

Корлис подошел и нагнулся, чтобы рассмотреть, в чем дело.

— Глядите, — крикнул Дэл, захватив несколько невзрачных комочков грязи и растирая их пальцами. На ладони его вдруг ярко заблестело что-то желтое.

— Черт, — так же беззвучно повторил золотоискатель. — Вот она, первая погремушка! Жила начинается у самых корней травы и спускается вглубь до дна русла.

Водя головой по сторонам, он вдруг поднялся на ноги. Глаза его были закрыты, расширенные ноздри трепетали и жадно втягивали воздух. Корлис с удивлением уставился на него.

— Уф! — фыркнул золотоискатель и глубоко втянул в себя воздух. — Неужели вы не чувствуете запаха апельсинов?

Глава XVI

Весть о новых россыпях у Французского Холма распространилась в начале рождественской недели, и толпы золотоискателей тотчас хлынули туда. Корлис и Бишоп не торопились закрепить за собою участки и, прежде чем поставить заявочные столбы, тщательно исследовали почву. Они посвятили в свою тайну лишь нескольких близких друзей — Харнея, Уэлза, Тресуэя, одного *чечако*-голландца с отмороженными ногами, двух конных стражников, одного старого приятеля Дэла, с которым тот странствовал в поисках за золотом по области Черных Гор, прачку из Форкса и, наконец, Люсиль. Последнюю привлекли в компанию по инициативе Корлиса, и он сам выбрал и отметил для нее участки, а полковнику Тресуэю поручили передать ей приглашение явиться и разбогатеть!

Согласно местному обычаю все, принимавшие участие в разработке жилы, предложили отчислять половину своей добычи в пользу Корлиса и Дэла, открывших ее. Корлис не желал и слышать о чем-либо подобном, и Дэл полностью поддержал его, хотя и не по этическим соображениям. С

него и так было достаточно!

— Фруктовое ранчо в кармане, да еще какое! Вдвое богаче, чем я рассчитывал, — объяснил он. — Зачем мне лишние деньги? Только беды наживешь с ними!

Закрепив за собою участки, Корлис стал подыскивать работника, считая вполне естественным, что Дэл не пожелает больше работать на него. Но появление быстроглазого калифорнийца вызвало целую бурю в маленькой палатке Вэнса.

— Гоните его в шею! — бушевал Дэл.

— Но ведь вы теперь богаты, — возразил Вэнс, — зачем вам работать?

— К черту богатство! — рычал золотоискатель. — По нашему уговору вы не имеете права выставлять меня, а я намерен сохранить свое место, пока у меня хватит сил потеть, поняли?

Рано утром, в пятницу, все заинтересованные лица предстали перед комиссаром по золотым делам, чтобы зарегистрировать свои заявки. Весть о новом открытии с быстротой молнии распространилась по всему Даусону. Не прошло и пяти минут, как на тропе замелькали фигуры первых золотоискателей, а через полчаса весь город уже был на ногах. Опасаясь захвата своих владений, перестановки столбов, порчи знаков и т. п., Вэнс

и Дэл, поспешно выполнив все формальности, пустились в обратный путь к Французскому Ручью. Но, заручившись санкцией правительства, они шли не спеша и спокойно пропускали мимо себя беспрерывный поток золотоискателей. На полдороге Дэл случайно обернулся и увидел Сэн Винсента, бодро шагавшего с мешком за плечами на некотором расстоянии от них. Дорога на этом месте круто заворачивала и, кроме них троих, никого не было видно.

— Не разговаривайте со мной! Сделайте вид, что вы меня не знаете, — резко предупредил Дэл, застегивая предохранительный клапан для носа, наполовину скрывший его лицо. — Там дальше яма с водой. Лягте на живот, как будто вы пьете. А затем отправляйтесь дальше без меня. Мне нужно обделать здесь одно личное дело. И именем вашей матери заклинаю вас, не возражайте мне ни слова и не разговаривайте с этой гадиной. Постарайтесь, чтобы он не увидел вашего лица.

Корлис в полном недоумении повиновался, сошел с протоптанной тропы в снег, лег на живот и стал черпать из ямы воду пустой жестянкой из-под консервированного молока. Бишоп опустился на одно колено и нагнулся к земле, делая вид, будто подвязывает свои мокасины. В тот

момент, когда Сэн Винсент приблизился к ним, Дэл кончил завязывать узел и с лихорадочной поспешностью зашагал дальше, с видом человека, желающего наверстать потерянное время.

— Эй, постойте-ка, приятель, — крикнул ему вдогонку журналист.

Бишоп метнул на него быстрый взгляд и зашагал дальше. Сэн Винсент пустился рысью и не без труда нагнал золотоискателя.

— Тут дорога…

— К Французскому Холму? — рявкнул на него Дэл. — Можете не сомневаться. Туда я и иду. До свиданья.

Он стремительно помчался вперед, и журналист чуть не бегом пустился следом, с явным намерением не отставать от него. Корлис осторожно поднял голову и проводил их взглядом. Увидев, что Бишоп резко сворачивает направо, к Адамову Ручью, он понял, в чем дело, и тихо рассмеялся.

Поздно вернулся в эту ночь Дэл на стоянку в Эльдорадо. Он был измучен до крайности, но ликовал.

— Ну и сыграл же я с ним шутку, — крикнул он, не успев еще как следует войти в палатку. — Дайте-ка мне проглотить чего-нибудь. — Он схватил

чайник и вылил жидкость в горло. — Сала, жира, старых мокасин, свечных огарков — чего хотите!

Затем он в изнеможении опустился на одеяло и начал растирать свои онемевшие ноги, в то время как Корлис поджаривал грудинку и выкладывал на тарелку бобы.

— Что с ним? — торжествующе изрекал он между двумя глотками. — Ну, можете прозакладывать свои штаны, что он не добрался до Французского Холма. «А далеко это, приятель?» (Он прекрасно копировал покровительственный тон Сэн Винсента). «Далеко еще?..» — уже без оттенка покровительства. «А далеко ли еще до Французского Холма?» — почти смиренно. «Как вы думаете, далеко ли еще?» — уже совсем кисло, с дрожью в голосе. «Далеко ли?..»

Золотоискатель разразился оглушительным смехом, но, поперхнувшись чаем, отчаянно закашлялся и лишился на время дара слова.

— Где я бросил его? — произнес он, отдышавшись. — Да на перевале к Индейской Реке, так он и остался там, несчастный, задохшийся, без задних ног, как говорится. Едва хватило у бедного малого силенок доползти до ближайшей стоянки и свалиться там. Сам я отмахал добрых пятьдесят миль, спать хочу — помираю. Спокойной ночи!

Не будите меня завтра!

Дэл, не раздеваясь, закутался в одеяло, и Вэнс слышал, как он бормотал, засыпая: «А далеко ли еще, приятель? Послушайте, далеко ли?..»

Что касается Люсиль, то она не оправдала ожиданий Корлиса.

— Признаюсь, я совсем не понимаю ее, — сказал он полковнику Тресуэю. — Мне казалось, что эта заявка даст ей возможность расстаться с казино.

— Такие вещи не делаются в один день, — возразил полковник.

— Но ведь она могла бы получить деньги под залог участка. Всякий охотно пошел бы ей навстречу, дело-то вернее верного. Я учел это обстоятельство и предложил ей одолжить авансом несколько тысяч без процентов, но она наотрез отказалась. Заявила, что в этом нет необходимости, хотя была, по-видимому, очень тронута и просила в минуту нужды обратиться к ней.

Тресуэй улыбнулся, играя цепочкой от часов.

— Что вы хотите? Жизнь и в этой пустыне не исчерпывается для нас с вами обедом, постелью и переносной печкой. Люсиль же не менее, а даже, может быть, и более нас нуждается в обществе. Предположим, вы оторвете ее от казино, что тогда? Сможет ли она появиться в обществе и

познакомиться с женой капитана? Сделать визит миссис Шовилль или сблизиться с Фроной? Согласитесь ли вы прогуляться с ней средь бела дня по людной улице?

— А вы? — спросил Вэнс.

— Разумеется, — не задумываясь, ответил полковник, — и с превеликим удовольствием.

— Точно так же и я, но… — Он умолк и мрачно уставился на огонь. — Но вы заметили, как она неразлучна с Сэн Винсентом? Они держатся друг за друга, точно два вора, и никогда не расстаются.

— Да, и меня это удивляет, — согласился полковник Тресуэй. — Сэн Винсента я еще понимаю. Он гонится за несколькими зайцами сразу; к тому же Люсиль теперь владелица заявки на втором ярусе Французского Холма. Но запомните, Корлис, даю голову на отсечение, что в тот день, когда Фрона согласится стать его женой, — если это вообще случится когда-нибудь…

— Что же будет в тот день?

— В тот день Сэн Винсент порвет с Люсиль.

Корлис задумался, а полковник продолжал:

— Мне непонятно другое — Люсиль, что она нашла в этом Сэн Винсенте?

— Что же, вкус у нее не хуже, чем… у других

женщин, — с жаром перебил его Вэнс. — Я уверен, что…

— Фрона не может обладать дурным вкусом, а?

Корлис повернулся на каблуках и вышел, оставив полковника в мрачном раздумье.

Вэнс Корлис даже не подозревал, сколько людей прямо или косвенно принимали участие в его делах в это Рождество. Особенно горячо старались двое — один ради него, другой ради Фроны.

Пит Уиппль, один из старожилов, обладал заявкой в Эльдорадо, как раз у подножия Французского Холма. Он был женат на местной уроженке — полукровке, мать которой лет тридцать назад сошлась с русским меховщиком в Кутлике, на Большой Дельте. Однажды в воскресенье Бишоп отправился в гости к Уипплю, но застал дома только его жену. Эта особа объяснялась на варварски ломаном английском диалекте, от которого всякого нормального человека брала жуть, а потому золотоискатель решил выкурить трубку и вежливо ретироваться. Но она так разговорилась и рассказала ему столько интересного, что он забыл о своем первоначальном решении и, куря трубку за трубкой, сам подзадоривал ее, лишь только она пробовала умолкнуть. Он фыркал, посмеивался и со вкусом ругался вполголоса,

слушая рассказ миссис Уиппль. А наиболее интересные подробности вызывали неизменное «черт подери!», ярко передававшее все оттенки впечатления, произведенного на него этим повествованием.

Среди разговора женщина вытащила со дна полуразвалившегося ящика старую книгу в кожаном переплете, всю перепачканную и изодранную, и положила ее на стол между ними. Хотя книга оставалась закрытой, она то и дело ссылалась на нее взглядом и жестом, и всякий раз при этом в глазах Бишопа загорались злорадные огоньки. Убедившись, наконец, что миссис Уиппль выложила ему все, что знала, и в дальнейшем будет только повторяться, он вытащил свой мешочек с золотом. Миссис Уиппль выровняла чашки весов и положила на одну из них гири, которые Дэл уравновесил золотым песком на сто долларов. Распрощавшись с хозяйкой, он отправился домой, крепко прижимая к себе покупку. В палатке Дэл наткнулся на Корлиса, который чинил свои мокасины, расположившись на одеялах.

— Ну, теперь попляшет он у меня, — заметил как бы невзначай Бишоп, поглаживая книгу и кладя ее на постель рядом с Корлисом.

Тот вопросительно взглянул на потрепанный томик и раскрыл пожелтевшие от времени страницы. Книга была написана на русском языке и, по-видимому, испытала немало тяжелых невзгод во время своих странствий по суровым краям.

— Я и не знал, что вы знаток русского языка, — пошутил он. — Для меня это китайская грамота.

— Вам-то что, а вот меня так действительно досада берет, и жена Уиппля тоже ни черта не понимает в этой тарабарщине. У нее-то я и выкопал эту штуку. Но ее отец — он был настоящий русский — читал ей часто эту книгу вслух. Поэтому она хорошо знает то, что знал старик и что знаю теперь я.

— А что же вы все трое знаете?

— О, это долго рассказывать, — уклончиво ответил Дэл. — Наберитесь терпения, придет время — все поймете.

* * *

Мэт Маккарти пришел по льду на рождественской неделе. Он сразу оценил положение, поскольку дело касалось Фроны и Сэн Винсента, и не одобрил его. Дэв Харней очень обстоятельно информировал его, дополнив свои сведения тем, что узнал от Люсиль, с которой был в приятель-

ских отношениях. Возможно, таким образом, что отношение Маккарти явилось результатом одностороннего освещения вопроса, но, как бы то ни было, он всецело примкнул к недоброжелателям журналиста. Эти последние сами вряд ли могли бы объяснить, на чем основывалась их антипатия, однако факт оставался фактом: мужчины явно недолюбливали Сэн Винсента. Быть может, всему виной был тот огромный успех, которым он пользовался у женщин, затмевая своих собратьев. Другой причины, по-видимому, и быть не могло, ибо в своих отношениях с мужчинами Сэн Винсент был сама корректность. Никто не мог упрекнуть его в заносчивости или высокомерии, а товарищ он был превосходный.

Маккарти воздержался от окончательного суждения после разговора с Люсиль и Харнеем, но быстро вынес свой приговор, проведя с Сэн Винсентом один час у Джекоба Уэлза — и это несмотря на то обстоятельство, что сведения, сообщенные Люсиль, утратили в его глазах всякое значение после того, как он узнал о ее близких отношениях с Сэн Винсентом. Верный в дружбе, решительный и горячий в действиях, Маккарти не стал долго ждать.

— Я сам займусь этим делом, как подобает чле-

ну благородной династии Эльдорадо, — заявил он и отправился играть в вист к Дэну Харнэю. Про себя же он добавил: «И если сатана позарился на чужой кусок, я займусь его собственным отродьем».

Однако не один раз в течение этого вечера Мэта начинали одолевать сомнения в собственной правоте. Честный, прямодушный и наивный шотландец чувствовал себя сбитым с толку. Сэн Винсент держался вполне естественно. Он был прост и весел, без всякой аффектации, добродушно шутил и позволял вышучивать себя, не проявляя ни малейшей заносчивости; и Мэту так и не удалось подметить в нем за весь вечер ни одной фальшивой нотки.

«Пусть меня разорвут собаки! — рассуждал он сам с собой, разглядывая на руке сеть расширенных вен. — Стар ты становишься, Мэт, что ли? Похоже на то, что кровь у тебя совсем замерзла, а вместо сердца кусок льда. Малый, право, не плох, и не беру ли я на душу греха, осуждая его за то, что он увивается около женщин? Что же тут дурного, если эти девочки улыбаются парню и млеют при виде его? Блестящие глаза и доблестный вид? Ведь только это они и ценят в мужчине. При одном слове „война“ эти цыплята

начинают пищать от ужаса и возмущения, а сами, между тем, охотнее всего отдают свои сердца мясникам в военной форме. Так, так… Этот красавчик совершил немало подвигов… Вот девушки и награждают его теперь своими теплыми улыбочками да ласковыми взглядами. Какое же право я имею называть его чертовым отродьем? Пора тебе в отставку, Мэт Маккарти, старое ты чучело с застывшим сердцем и замороженной кровью. Тьфу! Дохлятина ты, сущая дохлятина. Но потерпи чуточку, Мэт, потерпи самую малость, голубчик, — добавил он, — подожди, пока не почувствуешь, чем отдает его рука».

Случая не пришлось долго ждать. Однажды Сэн Винсент забрал все тринадцать взяток.

— Рамс! — воскликнул Мэт. — Винсент, дружище, рамс! Вашу руку, приятель.

Пожатие было сильное. Рука сухая и не слишком горячая. Но Мэт с сомнением покачал головой. «Что толку копаться в этой ерунде? — бормотал он про себя, тасуя карты для новой сдачи. — Эх ты, старый дурень! Ведь прежде всего нужно узнать, как обстоит дело с милушей моей Фроной. И если она в самом деле не равнодушна к нему… тогда, значит, нужно действовать».

— О, Маккарти стал настоящим изувером, —

заметил Дэв Харней, приходя на помощь Сэн Винсенту, слегка смущенному грубоватыми остротами ирландца. Игра была давно окончена, и вся компания расходилась, кутаясь в свои шубы и натягивая рукавицы.

— Разве он не рассказывал вам, какое впечатление произвела на него церковная служба там, в Штатах? Презабавная история! Мэт вошел в собор во время богослужения. Ну, священники и певчие были, как водится, в облачении — «в парках», по его словам, и кадили ладаном. «Знаете, Дэв, — сказал мне этот безбожник, — дымище развели аховый, а комаров я, сколько ни искал, хоть убейте так ни одного и не увидел».

— Верно, все так и было, — не краснея, поддержал его Мэт. — А не слыхали вы, как мы с Дэвом опьянели от сгущенного молока?

— О, какой ужас! — воскликнула миссис Шовилль. — Но каким образом? Расскажите.

— Это было во время свечного голода на Сороковой Миле. Стоял трескучий мороз, и Дэв забрел в мою хижину скоротать часок-другой. Я сейчас же заметил, что глаза его так и приклеились к ящику, где хранились банки сгущенного молока. «Недурно бы глотнуть хорошего Морановского виски», — предложил он мне, не спуская глаз с

ящика. А у меня, признаюсь, при одной мысли об этом слюнки так и потекли. «Что толку мечтать о такой роскоши, — ответил я, — мой кошель разбух от пустоты». — «Свечи стоят теперь по десяти долларов дюжина, по доллару за штуку. Согласен ты выменять шесть банок сгущенного молока на бутылку выдержанного виски?» — «А как же ты обработаешь это?» — спрашиваю я. «Уж положись на меня, — отвечает этот мошенник. — Гони банки. На дворе лютый мороз, а у меня есть пара форм для отливки свечей». То, что я вам рассказываю, святая правда, и если вы спросите Билля Морана, он подтвердит вам все от слова до слова. Дэв Харней открыл шесть банок, заморозил молоко в формах и выменял эти свечи у Билля Морана на бутылку водки.

Лишь только взрыв хохота несколько стих, Харней возвысил голос:

— Все было точь-в-точь, как говорит Маккарти, только он рассказал половину правды. Ты догадываешься об остальном, Мэт?

Маккарти покачал головой.

— Я, видите ли, сам нуждался в молоке и сахаре, а потому разбавил три банки водой и из этой смеси отлил свечи, а остальное приберег для себя. Благодаря этой комбинации я целый месяц

распивал кофе с молоком.

— Ну и жулик же ты, Дэв, — заявил Маккарти. — Благодари небо, что я твой гость, а то отделал бы я тебя, несмотря на присутствие дам. Ну, на этот раз, так и быть, живи. Однако нам пора двигаться, идем.

— Нет, нет, молодой человек, — закричал он, когда Сэн Винсент начал спускаться с Фроной с холма. — Сегодня ее проводит домой старый крестный.

Маккарти засмеялся своим беззвучным смехом и предложил Фроне руку, а Сэн Винсент, добродушно усмехнувшись, отстал от них и присоединился к мисс Мортимер и Курбертэну.

— Что это я слышал о вас и Винсенте? — без всяких предисловий начал Мэт, как только они отделились от остальной компании.

Он испытующе посмотрел на нее своими проницательными серыми глазами, но девушка спокойно встретила его взгляд.

— Почем я знаю, что вы могли слышать? — возразила она.

— Когда кругом начинают поговаривать о девушке и мужчине, причем она красива, а он недурен, и оба молоды и свободны, то это может, мне кажется, означать лишь одно.

— Что же именно?

— И это одно есть величайшая вещь в мире.

— Ну же? — Фрона чувствовала легкое раздражение и совсем не желала приходить ему на помощь.

— Свадьбу, разумеется, — выпалил он. — Говорят, похоже, будто дело между вами идет к тому.

— Об этом, действительно, говорят или это только ваше мнение?

— А разве это неверно?

— Нет. И вы достаточно пожили, чтобы лучше разбираться в таких вещах. Мистер Сэн Винсент и я — просто добрые друзья, вот и все. Но если бы даже дело обстояло так, как вы говорите, что же из этого?

— Да вот видите ли, — осторожно продолжал Маккарти, — ходят и другие слухи. Говорят, что Винсент в очень близких отношениях с одной шельмой там, в городе, зовут ее Люсиль.

— И что ж из этого? — Она ждала ответа, но Маккарти только молча смотрел на нее.

— Я знаю Люсиль, и она мне нравится, — продолжала Фрона, прерывая молчание. — Вы знакомы с ней? Она вам нравится?

Мэт сделал попытку заговорить, прочистил горло, но запнулся. Наконец в отчаянии он вы-

палил:

— Честное слово, Фрона, я с удовольствием разложил бы вас на коленях и…

Она рассмеялась.

— Не посмеете, я уже не тот босоногий чертенок, который бегал по Дайе.

— А вы не дразните меня, — огрызнулся он.

— Я и не думаю дразнить вас. Ну, что же, нравится она вам? Люсиль?

— А вам это зачем? — вызывающе спросил он.

— Ничего, так просто спросила.

— Ну, так я скажу вам напрямик как старый человек, который годится вам в отцы. Не дело, черт побери, совсем не дело для мужчины увиваться около порядочной молодой девушки…

— Благодарю вас, — засмеялась Фрона, делая реверанс. Затем прибавила с оттенком горечи: — Не он первый, были и другие…

— Назовите мне их! — с жаром воскликнул он.

— Нет, нет, продолжайте. Что вы хотели сказать?

— Что это сущий срам для мужчины вести знакомство с вами и в то же время путаться с женщиной такого сорта.

— А почему?

— Да как он смеет, выкупавшись в грязи, при-

ближаться к вашей чистоте? И вы можете еще спрашивать, почему?

— Ну, подождите, Мэт, подождите минутку. Допустим, что ваши посылки…

— Много я смыслю в посылках, — проворчал он. — Я говорю о фактах.

Фрона прикусила губу.

— Все равно. Пусть будет по-вашему. Но дайте мне договорить. Я тоже буду касаться одних фактов. Когда вы видели в последний раз Люсиль?

— Почему вы об этом спрашиваете? — подозрительно осведомился он.

— Не беспокойтесь. Мне просто важен факт.

— Ну, так вчера вечером, если это вас интересует.

— И танцевали с ней?

— Немножечко покружился в виргинском танце. Я не мастер насчет кадрилей там разных.

Фрона сделала вид, что погрузилась в печальное раздумье: оба молчали, и только снег жалобно поскрипывал под их мокасинами.

— Ну, что же? — спросил Мэт робко. — В чем же дело? — настойчиво повторил он после новой мучительной паузы.

— О, ничего, — ответила она. — Я как раз думала, кто из нас троих грязнее: вы, Сэн Винсент или

я, с которой оба вы так дружны.

Маккарти не был силен в диалектике и, чувствуя какую-то ошибку в ее позиции, тщетно старался определить, в чем она кроется. Он напряг все силы своего неискушенного ума, чтобы как-нибудь выпутаться из беды.

— Нечего сказать, хорошо вы обращаетесь со своим старым Мэтом! — накинулся он на нее. — С Мэтом, который так беспокоится о вас и ради этого ставит себя в дурацкое положение.

— Но, право, я и не думала…

— Да нет уж, я вижу.

— Вот вам! — сказала она и быстро поцеловала его. — Разве я могу сердиться на вас, вспоминая Дато.

— Ах, Фрона, голубушка, как вы можете так огорчать меня! Ведь я готов распластаться перед вами в грязи — гуляйте по мне, топчите ногами, только не терзайте вы меня. Я с радостью умер бы за вас или дал бы себя повесить, чтобы вы были счастливы. Я способен убить человека, который причинит вам горе или малейшую боль, будь это булавочный укол, и отправлюсь за это в ад с улыбкой на лице и с радостью в сердце.

Они остановились перед дверью дома Уэлзов, и Фрона с благодарностью горячо пожала ему

руку.

— Я не сержусь, Мэт. Но, за исключением моего отца, вы единственный человек, которому я могу позволить говорить со мной об этом… этом деле так, как это сделали вы. И, хотя я люблю вас, Мэт, люблю больше, чем когда-либо, я все же рассержусь, если вы еще раз затронете этот вопрос. Никто не имеет права вмешиваться. Это касается меня одной, и вы не должны…

— Удерживать вас, когда вы с закрытыми глазами приближаетесь к пропасти?

— Если вы так ставите вопрос, да.

Он что-то глухо пробормотал про себя.

— Что вы говорите? — спросила она.

— Что вы можете заткнуть мне рот, но вам не удастся связать мне руки.

— Мэт, дорогой, вы не должны делать этого, слышите, не должны.

Он снова ответил ей чревовещательными звуками.

— И я хочу, чтобы вы сейчас же обещали мне никогда не вмешиваться в мою жизнь ни словом, ни делом.

— Не желаю.

— Но вы должны.

— Ни за что… Становится холодно стоять, и

вы отморозите себе ноги, маленькие розовые пальчики, из которых я так часто вытаскивал занозы в Дайе. Да, таковы-то дела, детка моя, а засим спокойной ночи.

Он подтолкнул ее к двери и ушел. Дойдя до угла, он вдруг остановился и уставился на свою тень.

— Мэт Маккарти, ты настоящий олух! Слыхано ли когда-нибудь, чтобы Уэлза удалось переубедить? Можно подумать, ты не имел еще дела с этой крепколобой породой, несчастный ты дуралей.

Закончив этот монолог, он двинулся дальше, продолжая ворчать себе под нос, а какой-то любопытный волкодав, следуя за ним по пятам, щетинился и скалил зубы, отзываясь на эти непонятные звуки.

Глава XVII

— Устала?

Джекоб Уэлз положил обе руки на плечи Фроны, и в глазах его засветилась любовь, которую не в силах был выразить его неповоротливый язык. Елка, праздничное возбуждение и веселье были уже позади, десятка два счастливых детей отправились по снегу домой, последний гость распрощался с хозяевами. Рождественская звезда угасала в темной синеве неба.

Она ответила на ласку отца просветлевшим взглядом, и они оба опустились в огромные кресла по обеим сторонам камина, в котором последние поленья рассыпались на огненные угольки.

— Что будет в этот день через год? — Он, казалось, обращался с этим вопросом к пылающим дровам, и те, словно зловещее предзнаменование, ярко вспыхнули и рассыпались снопом искр. — Удивительно, — продолжал он, отвлекаясь от будущего, чтобы отогнать тяжелые мысли. — Последние несколько месяцев со дня твоего приезда кажутся мне одним долгим, беспрерывным чудом. Мы очень мало видели друг друга с тех пор,

как ты перестала быть ребенком, и иногда, в минуты раздумья, мне просто как-то не верится, что ты действительно моя дочь, мое дитя, кость от костей моих, плоть от плоти. Там, в Дайе, когда ты была маленькой дикаркой с растрепанной косичкой, — здоровым, маленьким непосредственным зверьком, не больше, — не требовалось много воображения, чтобы признать в тебе отпрыск рода Уэлзов. Но теперь, в образе Фроны, молодой женщины, какой ты была сегодня, какой я вижу тебя сейчас, какой ты приплыла по Юкону, трудно… Я просто не могу привыкнуть… Я… — Он запнулся и беспомощно развел руками. — Я готов пожалеть подчас, что дал тебе образование и отпустил от себя. Вместо этого мы могли бы вместе скитаться по тропе, делить приключения, успехи и неудачи. И теперь, сидя вот так у огня, я знал бы тебя, читал бы в твоей душе, как в раскрытой книге. А этого нет. К тому, что я знал раньше, прибавилось так много (как бы это сказать?) утонченного, сложного… твои любимые выражения, что я теряюсь и не понимаю… Нет, нет, — остановил он дочь, видя, что она хочет заговорить.

Фрона опустилась у ног отца, положив голову ему на колени, и твердым, дружеским пожатием сжала его руку.

— Нет, я не то говорю. Никак не могу подобрать подходящих слов. Мне трудно высказать, что я чувствую. Попробую еще раз. На всех твоих поступках, так сказать, в основе их лежит печать твоего происхождения. Я знал, что, отсылая тебя в далекие края, я делаю рискованный шаг, но я верил в силу крови и не побоялся испытать судьбу. Когда ты уехала, во мне проснулись страхи и сомнения. Ожидая твоего возвращения, я нередко впадал в отчаяние и смиренно молился в душе. Но вот забрезжил день — прекраснейший из всех! Когда мне сказали, что твоя лодка уже близко, я почувствовал, как по одну сторону от меня встала смерть, а по другую — вечная жизнь! — *Победа или гибель, победа или гибель* — эти слова звенели в моем мозгу и сводили меня с ума. Одолеет ли кровь Уэлзов? Устоит ли она? Поднимется ли молодой побег прямо, сильный и высокий, зеленый, свежий и могучий? Или согнется, хилый и безжизненный, высушенный знойными вихрями другого мира, не похожего на простой безыскусственный мирок Дайи? Это был прекраснейший из дней и в то же время он таил в себе возможность величайшей трагедии. Ты знаешь, как одиноко прожил я эти годы, сражаясь здесь один, в то время как ты, мое единственное

дитя, была далеко… Если бы я потерпел неудачу… Но вот твоя лодка вынырнула из-за утесов и вышла в открытое место. Я почти боялся взглянуть в ту сторону. Никто никогда не называл меня трусом, но в этот момент я больше, чем когда-либо, был близок к трусости. Сознаюсь, что мне, пожалуй, было бы легче взглянуть тогда в лицо смерти. Что за нелепость! Какой абсурд! Разве мог я предугадать, счастье или горе спешит ко мне в этом черном пятнышке? Однако я посмотрел, и чудо свершилось, потому что я понял все. Ты стояла у рулевого весла, ты оказалась истинной дочерью Уэлзов. Пожалуй, другим это могло показаться незначительной подробностью, но я сразу оценил ее. От обыкновенной женщины этого нельзя было ожидать, но от дочери Уэлза — да! И когда Бишоп провалился в воду, и ты стала распоряжаться людьми так же властно, как распоряжалась веслом, когда прозвучал твой голос и сиваши согнули спины, подчиняясь твоей воле, вот тогда-то засиял для меня прекраснейший день в моей жизни.

— Я старалась не забыть… — прошептала Фрона. Она тихонько приподнялась и обвила рукою шею отца, положив голову ему на грудь. Он слегка обнял ее одной рукой, а другой стал перебирать

блестящие волны ее светлых волос.

— Да, кровь за себя постояла! Но что-то все же изменилось в тебе. Я присматривался к этой перемене, изучал ее, старался определить, в чем она. Как часто, сидя рядом с тобой за столом, гордясь твоей близостью, я в то же время чувствовал себя как бы приниженным. Когда ты говорила о простых, обыденных вещах, я легко улавливал твою мысль, понимал тебя, но лишь только речь заходила о чем-нибудь серьезном, я превращался в ребенка. Вот я вижу тебя, знаю, чувствую тебя своей — и вдруг ты удаляешься от меня, и я снова погружаюсь в эту муку одиночества. Дурак тот, кто не сознается в собственном невежестве. Я достаточно умен, чтобы не делать такой ошибки. Искусство, поэзия, музыка — что я знаю об этом? А для тебя все это великие вещи, гораздо более важные и значительные, чем те простые истины, которые доступны мне. А я слепо, глупо надеялся, что мы и по духу можем быть так же близки, как близки по плоти. Горько было мне это разочарование, но я взглянул в лицо правде и понял все. Тяжко видеть, как собственная кровь уходит от тебя, отстраняется, оставляет тебя позади! Есть от чего сойти с ума. Я слышал, как ты читала раз своего Броунинга — нет, нет, молчи! — и наблю-

дал, как менялось при этом выражение твоего лица, какая страсть и вдохновение отражались на нем, а для меня все эти слова были бессмысленными музыкальными звуками, от которых кружилась моя бедная голова. Я взглянул на миссис Шовилль, которая была при этом, и увидел на лице ее идиотский восторг, хотя она понимала не больше моего. Право, я с наслаждением задушил бы ее в ту минуту. И что же? Ночью я стащил твоего Броунинга и заперся с ним, точно вор. Текст показался мне совершенно бессмысленным. Я колотил себя кулаками по голове, как настоящий дикарь, стараясь вбить в нее маломальское разумение. Вся жизнь моя протекла в одной колее, глубокой и узкой. Я не выходил из нее. Я делал то, что попадалось мне под руку, и делал хорошо, но время уже ушло, я не способен взяться за новое. И вот я, сильный и властный человек, игравший судьбою, я, обладающий возможностью купить с головой и потрохами тысячу художников и стихоплетов, я должен был отступить перед несколькими ничего не стоящими страничками печатной бумаги.

Он с минуту молча гладил ее волосы.

— Но не буду уклоняться. Я попробовал совершить невозможное, вступил в борьбу с

неизбежным. Я отослал тебя отсюда, чтобы ты приобрела то, чего не было у меня, и мечтал, что это не разлучит нас. Как будто, сложив два и два, можно получить в сумме ту же двойку. Итак, коротко говоря, ты осталась верна нашей крови, но научилась чужому языку. Когда ты говоришь на нем, я становлюсь глух. Но самое горькое заключается в том, что я сам сознаю превосходство этого нового языка. Не знаю, зачем я сказал тебе все это, исповедался в своей слабости…

— О папа, милый, сильнейший и лучший из людей! — Фрона подняла голову, улыбаясь, заглянула в его глаза и отбросила назад густые седые волосы, закрывавшие его высокий лоб. — О папа! Ты в своей жизни проявил несравненно больше мужества и совершил больше великих дел, чем все эти художники и поэты. Ведь ты лучше, чем кто-либо, изучил закон эволюции. Разве ты не понимаешь, что точно такая же жалоба могла бы вырваться у твоего отца, если бы он был теперь рядом с тобой и видел тебя и твою деятельность?

— Да, да, я же сказал тебе, что понимаю. Не будем больше говорить об этом… минутная слабость. Мой отец был большой человек.

— И мой тоже.

— Он боролся до конца дней своих, он муже-

ственно вел великую, долгую борьбу…

— И мой тоже.

— И умер в борьбе.

— Так будет и с моим отцом. Так будет со всеми нами, Уэлзами.

Он шутливо подтолкнул ее, показывая этим, что к нему снова вернулось хорошее настроение.

— Но я намерен ликвидировать все — прииски, компанию, словом, все, и заняться Броунингом.

— Что же, это тоже будет борьба. Тебе не заглушить голоса крови, отец.

— Почему ты не мальчик? — резко спросил он вдруг. — Из тебя вышел бы великолепный мужчина. А так как ты женщина, созданная для того, чтобы дать счастье какому-нибудь мужчине, то рано или поздно ты покинешь меня… сегодня, завтра, через год, кто знает, когда наступит этот день? Ах, теперь я вижу, к чему клонилась моя мысль; я точно так же, как и ты, понимаю всю неизбежность и справедливость этого будущего. Но кто же он, этот мужчина, Фрона, кто?

— Не надо, — проговорила Фрона, — расскажи мне лучше о том, как боролся твой отец, об этой великой одинокой борьбе в городе Сокровищ. Он сражался один против десяти и сражался доблестно. Расскажи мне!

— Нет, Фрона. Понимаешь ли ты, что мы с тобой в первый раз за всю жизнь говорим серьезно, как отец с дочерью, в первый раз! У тебя не было матери, с которой ты могла бы советоваться, не было отца, ибо я доверял нашей крови и предоставлял тебя самой себе. Но вот настало время, когда тебе необходим совет матери, а ты… ты никогда не знала ее!

Фрона внутренне согласилась с отцом и теснее прижалась к нему.

— Этот человек… Сэн Винсент… что за отношения между вами?

— Я… я не знаю. Что ты хочешь сказать?

— Помни одно, Фрона. Ты одна вольна распоряжаться своею судьбою. Последнее слово принадлежит тебе. Но все же я хотел бы знать. Я мог бы… пожалуй… я мог бы дать тебе совет. Ничего больше, а все же совет…

Чем-то невыразимо священным повеяло в эту минуту на Фрону, но язык ее был точно скован. Вместо одной определенной мысли в голове ее кружился целый вихрь каких-то неясных обрывков. Сумеет ли он понять ее? Стать на ее точку зрения? Ведь между ними такая разница! Фрона сама тяготела к здоровой простоте и правде, но могла ли она рассчитывать, что отец ее извлек

из своей самобытной философии те же правила морали, какие она извлекла из философии книжной? Она оглянулась на самое себя, подумала над вопросами, которые задала себе, и отбросила их, ибо в них таилось зерно измены.

— Между нами ничего нет, отец, — твердо заговорила она. — Мистер Сэн Винсент не говорил мне ни единого слова. Мы большие друзья и нравимся друг другу, мы очень близкие друзья. Мне кажется, что это все.

— Но ты сказала, что вы нравитесь друг другу. Значит, он тебе нравится. Так ли нравится, как нравится женщине мужчина, с которым она хотела бы честно соединить свою судьбу? Сможешь ли ты, когда настанет время, сказать подобно Руфи: «Твой народ да будет моим народом и твой бог моим богом»?

— Не-ет. Может быть, это придет. Но сейчас я не могу, не решаюсь даже подумать об этом. Это великое признание. Никто не знает, как или почему оно явится; это будет откровение, яркая вспышка молнии, которая осветит всю душу блеском ослепительной истины. По крайней мере, так я представляю себе этот момент.

Джекоб Уэлз в глубокой задумчивости склонил голову с видом человека, который понимает

положение дел, но желает взвесить и обсудить вопрос со всех сторон.

— Почему ты спросил меня, отец? Почему ты упомянул о Сэн Винсенте? Ведь у меня много друзей среди мужчин.

— Но по отношению к другим мужчинам я не чувствовал того, что чувствую к Сэн Винсенту. Мы можем быть откровенны, ты и я, и простить боль, которую причиняем друг другу. Мое мнение должно иметь для тебя не больше значения, чем мнение всякого другого. Всем людям свойственно ошибаться. Я не могу даже объяснить тебе, почему я чувствую так, а не иначе, — должно быть, это что-то вроде отблеска той ослепительной молнии, которую ожидаешь ты. Одним словом, мне не нравится Сэн Винсент.

— Обычное отношение к нему со стороны мужчин, — возразила Фрона, тотчас же становясь на защиту своего друга.

— Такое совпадение только укрепляет мою позицию, — возразил спокойно Джекоб Уэлз. — Однако я не должен забывать, что рассматриваю его с мужской точки зрения. Его успех среди женщин говорит о том, что вы, отличаясь от мужчин и духовно, и физически, смотрите на дело иначе. Это сложно, очень сложно, я не берусь даже

объяснить тебе, в чем тут дело. Я просто прислушиваюсь к своему инстинкту и стараюсь быть справедливым.

— Но, может быть, у тебя есть какие-нибудь более определенные причины не любить Сэн Винсента? — спросила она, стараясь точнее понять его отношение. — Попробуй объяснить мне подробнее, что ты чувствуешь к нему.

— Вряд ли это мне удастся. Непосредственные впечатления редко можно выразить словами. Но я попробую. Среди нас, Уэлзов, никогда не было трусов. Там, где есть трусость, все ненадежно. Такой человек, словно здание, построенное на песке: болезнь скрывается внутри и исподволь подтачивает организм, и мы не знаем, когда она даст о себе знать.

— Но мне кажется, что мистера Сэн Винсента меньше всего можно назвать трусом. Я не могу представить себе, чтобы его можно было обвинить в этом.

Уэлза поразило огорчение, отразившееся на лице дочери.

— Я ничего не знаю дурного о Сэн Винсенте. У меня нет никаких оснований думать, что он не таков, каким кажется. Но все же я не могу заставить себя чувствовать иначе, на то я и человек,

чтобы ошибаться. Впрочем, кое-что я все-таки слышал по поводу этой грязной истории в казино. Заметь себе, Фрона, я ничего не говорю против самой свалки и места, где она произошла, — мужчины всегда остаются мужчинами, — но говорят, что он вел себя в тот вечер не так, как подобает настоящему мужчине.

— Но ведь ты сам сказал, что мужчины всегда остаются мужчинами. Конечно, если бы они были другими, может быть, всем жилось бы лучше на свете; но что поделаешь, приходится принимать их такими, каковы они есть. Люсиль…

— Нет, нет, ты не поняла меня… Я говорил не о ней, а о драке. Он не… он вел себя, как трус.

— Но ведь это только сплетни. Он сам рассказал мне обо всем вскоре после этой истории. Разве человек осмелился бы сделать это, если бы…

— Но я и не думаю обвинять его, — торопливо перебил ее Джекоб Уэлз. — Все это одни слухи, и предубеждения мужчин вполне достаточно, чтобы объяснить, как они возникли. Все это в общем пустяки. Мне не следовало упоминать об этом, и в мое время случалось, что храбрейшие ребята иногда праздновали труса. Оставим эту тему. Я хотел только дать тебе совет и, кажется, запутался. Пойми одно, Фрона, — он повернул к

себе ее лицо, — пойми прежде всего и вопреки всему, во-первых, во-вторых и вовеки, что ты моя дочь и что жизнь твоя, по моему глубокому убеждению, принадлежит только тебе, а не мне, и ты одна вольна распоряжаться ею к добру ли, к худу ли — безразлично. Ты сама должна изжить ее всю от начала до конца, и если я стану направлять ее по-своему, это будет уже не твоя жизнь, и ты не изживешь ее сама. Ты не будешь тогда дочерью Уэлзов, потому что никто из Уэлзов никогда не допускал вмешательства в свою жизнь. Они предпочитали смерть или уходили на край света. Если бы ты решила вдруг, что призвание влечет тебя в кафе-шантан, мне было бы, конечно, очень грустно, но я завтра же санкционировал бы твое поступление в казино. Было бы нелепо удерживать тебя, да к тому же это не в нашем духе. Уэлзы всегда поддерживали друг друга и в трудных или безнадежных предприятиях сражались колено к колену и плечо к плечу. Условности не существуют для таких, как мы. Они нужны свиньям, которые без них потонули бы окончательно в грязи. Слабый должен повиноваться, иначе он будет раздавлен. Но не то с сильными: они управляют массами и издают законы. Плевать на то, что говорит свет! Если бы ты родила незаконного ре-

бенка, то, значит, такова была бы воля одного из Уэлзов, и ты все равно осталась бы дочерью Уэлза. Да, клянусь адом, раем и самим Господом Богом, что нет такой силы, которая могла бы разлучить нас, людей одной крови, тебя, Фрона, и меня!

— Ты смелее меня, отец, — прошептала она, целуя его в лоб, и эта нежная ласка напомнила ему легкое прикосновение листа, падающего с ветки в тихий осенний день.

Камин медленно остывал, а Джекоб Уэлз все рассказывал Фроне о ее бабушке и о могучем Уэлзе, который вел великую одинокую борьбу и умер в самом разгаре битвы в городе Сокровищ.

Глава XVIII

«Кукольный дом» прошел с большим успехом. Миссис Шовилль в таких преувеличенных выражениях изливала свой восторг, так рассыпалась в похвалах, что Джекоб Уэлз, стоявший поблизости, бросил кровожадный взор на ее полную белую шею и невольно сжал пальцы, точно чувствуя, как они впиваются в ее горло. Дэв Харней тоже восторгался спектаклем, но при этом выражал сомнения насчет здравомыслия Норы и клялся всеми своими пуританскими богами, что Торвальд самый длинноухий осел на всем земном шаре. Даже мисс Мортимер, ярая противница всей школы Ибсена, признала, что исполнители искупили недостатки автора, а Мэт Маккарти объявил, что он нисколько не осуждает «милушу Нору», хотя тут же по секрету заметил комиссару по золотым делам, что веселая песенка или танец не испортили бы спектакля.

— Разумеется, девочка права, — доказывал он Харнею, следуя по пятам за Фроной и Сэн Винсентом. — Непромокаемые сапоги.

— К чертовой бабушке непромокаемые сапоги! — гневно воскликнул Мэт.

— Говорю вам, — невозмутимо продолжал Харней, — что калоши невероятно поднимутся в цене ко времени разлива. Три унции за пару! Можете смело вложить в это дельце свои денежки. Теперь их можно скупить по одной унции за пару и заработать две унции чистых. Комбинация первый сорт, Мэт, деньги в кармане.

— Черт бы вас побрал с вашими комбинациями! У меня из головы не выходит эта милуша Нора.

Они попрощались с Фроной и Сэн Винсентом и направились к казино, продолжая спор под звездами.

Грегори Сэн Винсент громко вздохнул.

— Наконец-то.

— Что наконец? — спокойным голосом спросила Фрона.

— Наконец-то я могу сказать вам, как вы прекрасно играли. Последнюю сцену вы провели восхитительно, так правдиво и искренно, что мне казалось, будто вы действительно навсегда уходите из моей жизни.

— Какое несчастье!

— Не смейтесь, это было ужасно!

— В самом деле?

— Уверяю вас. Я представил себе, что все это происходит со мной. Вы были не Нора, а Фрона,

и я не Торвальд, а Грегори. Когда вы уходили в шляпке и пальто с дорожным чемоданом в руке, мне казалось, что у меня не хватит сил докончить роль. А когда дверь захлопнулась и вы исчезли, меня спас только занавес. Он вернул мне сознание действительности, иначе я бросился бы за вами на глазах у всей публики.

— Странно, до какой степени человек может проникнуться изображаемой ролью, — заметила Фрона.

— Или, может быть… — начал Сэн Винсент.

Девушка не ответила, и они некоторое время шли молча. Фрона все еще находилась под впечатлением этого вечера и возбуждения, пережитого во время спектакля. К тому же она читала между строк в словах Сэн Винсента и невольно смущалась и робела, как робеет всякая женщина, предчувствуя объяснение в любви.

Ночь была ясная, холодная, правда, не слишком — не более 40° ниже нуля, — и земля купалась в мягком разлитом потоке света, источником которого были не звезды и не луна, странствовавшая в это время где-то над другим полушарием. От юго-востока к северо-западу по краю горизонта тянулась бледно-зеленая полоса, и от нее-то исходило это тусклое сияние. Вдруг белый сноп света,

точно луч прожектора, прорезал небо. Ночь в одно мгновение превратилась в призрачно-бледный день, который тотчас же окунулся в еще более непроглядную тьму. Но на северо-востоке бесшумное движение все усиливалось. Сияющий зеленоватый газ пришел в брожение, он кипел, вспыхивал пламенным смерчем, снова опадал и протягивал огромные, бесформенные щупальца к верхним слоям эфира. Циклопическая ракета расколола своим пламенным зигзагом небо от горизонта до зенита и в торопливом бегстве скрылась за темной гранью земли. Свет не мог, казалось, одолеть темноты ночи, и она безжалостно гасила его. Однако он то и дело вспыхивал снова, все ярче, все сильнее, все ослепительнее. Щедро рассыпая вправо и влево лучезарные потоки, он залил своим великолепием зенит и перекатился дальше, к противоположному краю горизонта. Победа! Сверкающий мост грандиозной аркой осенил темный купол.

В тот момент, когда свершилось это пылающее торжество, мертвое молчание, царившее на земле, вдруг огласилось протяжным, монотонным воем десяти тысяч волкодавов, изливавших свою скорбь и неутолимую животную тоску. Фрона вздрогнула, и Сэн Винсент обнял ее за талию.

Она почувствовала это прикосновение, и легкая внутренняя дрожь смутного наслаждения пробежала по ее телу. Она не сделала движения, чтобы освободиться. Волкодавы продолжали выть, заря пылала над их головами, и Фрона чувствовала, как он все сильнее прижимает ее к себе.

— Нужно ли мне говорить?

Она в истоме склонила голову на его плечо, и они вместе устремили глаза на пылающую арку, в которой тонули звезды. Бурля, вздымаясь и пульсируя в каком-то диком ритме, лучезарный поток залил весь свод. Балдахин неба превратился в огромный ткацкий станок, на котором, смешивая царственный пурпур и глубокий изумруд морской волны, сплетались и переплетались ослепительный уток и сверкающая основа, пока, наконец, нежнейший из тюлей, переливающаяся всеми цветами ослепительная ткань не повисла воздушным покровом над изумленной ночью.

Но вдруг дерзкая черная рука разорвала это кружево. Арка рассыпалась в стыдливом смущении. Черные пропасти зазияли, стали расти и сливаться. Разъединенные массы радужных красок и гаснущего пламени робко склонились к горизонту. И купол ночи, огромный и невесомый, снова повис над землею; одна за другой загоре-

лись звезды, и где-то внизу завыли волкодавы.

— Я так мало могу предложить вам, дорогая, — сказал мужчина с едва заметным оттенком горечи, — полную превратностей долю скитальца-цыгана.

И женщина, прижав его руку к своему сердцу, повторила слова, которые сказала до нее одна из ее великих сестер: «Палатка и корка хлеба с тобою, Ричард».

Глава XIX

Хоу-Ха была всего-навсего простой индианкой, отпрыском многих поколений, питавшихся рыбой и мясом плотоядных, и психика ее отличалась такой же грубостью и простотой, как и кровь. Но продолжительное соприкосновение с белыми дало ей некоторое представление об их взглядах на вещи. Индианка научилась прекрасно понимать своих белых господ, хотя нередко презрительно ворчала на них в душе. Десять лет назад она поступила кухаркой к Джекобу Уэлзу и с тех пор неизменно служила ему в той или иной роли. И вот, когда однажды, в хмурое январское утро, она открыла парадную дверь в ответ на громкий стук молотка, даже ее уравновешенная и ко всему привычная душа пришла в смятение при виде неожиданного гостя. Обыкновенный человек — мужчина или женщина — пожалуй, не так-то легко было определить с первого взгляда личность посетителя. Но наблюдательность Хоу-Ха и ее память выработались в суровой школе, где малейшая рассеянность карается смертью, а наградой за осторожность является жизнь.

Хоу-Ха осмотрела с головы до ног женщину,

стоявшую перед ней. Сквозь густую вуаль она с трудом различала блеск глаз, капюшон парки скрывал волосы, а сама парка — очертания фигуры незнакомки. Но Хоу-Ха не торопилась и снова занялась осмотром, на этот раз начав с ног до закутанной головы. Сомнений не было — она знала эту женщину. Глаза Хоу-Ха потускнели, когда она углубилась в несложные извилины своего мозга, обозревая простые полки, молчаливо нагруженные впечатлениями скудной жизни. Никакого беспорядка, никакого смешения понятий, полное отсутствие неясных и расплывчатых отпечатков сложных эмоций, спутанных теорий и ошеломляющих абстракций, — ничего, кроме простых фактов, аккуратно расклассифицированных и удобно расположенных. В один момент она безошибочно выбрала и сопоставила некоторые воспоминания из запасов прошлого, и тьма, окутывавшая незнакомку, немедленно рассеялась. Хоу-Ха уже знала, кто она, какова ее жизнь, внешность и история.

— Твоя лучше скоро-скоро уходи назад, — объявила ей Хоу-Ха.

— Мисс Уэлз дома? Я хочу видеть мисс Уэлз.

Женщина говорила твердым, ровным голосом, за которым чувствовалась сильная воля, но это

нисколько не повлияло на Хоу-Ха.

— Твоя лучше уходи.

— Вот передайте это Фроне Уэлз. И… это еще что? — женщина просунула колено в дверь и помешала служанке захлопнуть ее. — Оставьте дверь открытой.

Хоу-Ха нахмурилась, но взяла записку. Она не могла стряхнуть с себя покорность, выработанную десятилетним рабским служением высшей расе.

«Могу ли я повидать вас? Люсиль». Так гласила записка.

Фрона выжидающе посмотрела на индианку.

— Она стоит за дверь, — объяснила Хоу-Ха. — Моя говорил ее: «Уходи скоро, скоро». А? Твой тоже говорил так? Она скверный. Она…

— Нет. Приведи. — Фрона быстро соображала. — Приведи ее сюда.

— Лучше…

— Ступай.

Хоу-Ха заворчала, но подчинилась приказанию, и, когда она спускалась по лестнице, в голове ее смутно и тяжело ворочались недоуменные вопросы: почему это разница в цвете кожи делает одних господами, а других слугами?

Одним взглядом Люсиль охватила Фрону, с

улыбкой протягивавшую ей руку, изящный туалетный стол в глубине комнаты, простое убранство и тысячи мелочей девичьей кельи. Уют и чистота, которыми веяло от этого уголка, всколыхнули в молодой женщине воспоминания о собственной юности и взволновали ее. Взор ее омрачился, и она сразу как-то ушла в себя.

— Я рада, что вы пришли, — говорила тем временем Фрона, — мне так хотелось снова повидаться с вами, но снимите же вашу тяжелую доху. Какая она чудесная, что за великолепный мех, что за работа!

— Да, из Сибири. — Люсиль едва удержалась, чтобы не добавить: «Подарок от Сэн Винсента», и вместо этого сказала: — Сибиряки еще не научились плутовать.

С прирожденной грацией, которая не ускользнула от глаз влюбленной в красоту девушки, Люсиль опустилась на низкую качалку. Гордо закинув голову, она молча слушала Фрону, с бесстрастным удовольствием наблюдая, как та мучительно старалась завязать разговор.

«Зачем она пришла?» — спрашивала себя Фрона, болтая о мехах, о погоде и прочих безразличных вещах.

— Если вы не заговорите, наконец, Люсиль, я

скоро начну нервничать, — в отчаянии произнесла девушка. — Случилось что-нибудь?

Люсиль подошла к зеркалу и взяла среди безделушек, расставленных на подзеркальнике, миниатюру Фроны.

— Это вы? Сколько вам здесь лет?

— Шестнадцать.

— Сильфида, но холодная, северная…

— Кровь согревается у нас поздно, — возразила Фрона, — но…

— От этого она не менее горяча, — рассмеялась Люсиль. — А сколько вам теперь?

— Двадцать.

— Двадцать, — медленно повторила Люсиль. — Двадцать. — Она снова уселась на прежнее место. — Вам двадцать, а мне двадцать четыре.

— Какая маленькая разница!

— Но наша кровь согревается рано. — Люсиль, казалось, бросала ей упрек через бездонную пропасть, которая не измеряется годами.

Фрона с трудом подавила неприятное чувство, вызванное этим замечанием. Люсиль снова встала, посмотрела на миниатюру и вернулась на место.

— Что вы думаете о любви? — спросила она вдруг, и лицо ее озарилось ласковой улыбкой.

— О любви? — переспросила девушка.

— Да, о любви. Что вы о ней знаете? Что думаете?

Целый поток определений, пылких и восторженных, чуть не сорвался с языка Фроны, но она сдержалась и ответила:

— Любовь — это жертва.

— Прекрасно. Жертва. Но вознаграждается ли она?

— Да, конечно. Разумеется, вознаграждается. Кто же может сомневаться в этом?

В глазах Люсиль мелькнул насмешливый огонек.

— Почему вы улыбаетесь? — спросила Фрона.

— Посмотрите на меня, Фрона. — Люсиль выпрямилась во весь рост, и лицо ее вспыхнуло. — Мне двадцать четыре года. Я не пугало и не дура. У меня есть сердце и в жилах течет яркая, горячая красная кровь. Я любила. Не помню, бывала ли я вознаграждена, знаю только, что расплачивалась сама — и дорогой ценой.

— В этой расплате и заключается ваша награда, — горячо подхватила Фрона. — Если любовь ваша была ошибкой, то вы все же любили, вы давали счастье и служили любимому человеку. Чего же вам еще?

— Ребяческая любовь, — усмехнулась Люсиль.

— О, вы не правы.

— Нет, права, — твердо ответила Люсиль. — Вы скажете мне, что испытали любовь, что на ваших глазах нет повязки и вы ясно видите всю правду, что, прикоснувшись губами к краю чаши, вы определили вкус напитка и нашли, что он превосходен. Ба! Ребяческая любовь. О Фрона, я знаю, вы сама женственность, и ваше великодушное сердце не станет обращать внимания на мелочи, но… — она постучала тонким пальцем по лбу, — все это пока только здесь, в голове. Напиток этот пьянит сильнее вина, а вы слишком много вдыхали его паров. Но выпейте жидкость, опрокиньте бокал и попробуйте после этого сказать, что напиток хорош. Нет, прости меня, Боже! — страстно воскликнула она. — Бывает и хорошая любовь. И вы больше, чем кто-либо, достойны настоящей, светлой и радостной любви, а не маскарада.

Фрона по своей всегдашней манере — общей для них обеих — схватила ее за руку, и пальцы их сплелись в дружеском пожатии.

— Я чувствую, что вы не правы, но не могу этого выразить. То есть могу, но не решаюсь. Ведь на факты я могла бы ответить только одними отвлеченными соображениями. Я слишком мало жила

еще и не сумею с помощью одной лишь теории опровергнуть вас, пережившую так много.

— «Кто много раз всем сердцем жил, не раз встречал и смерть».

Глубокое страдание прозвучало в словах Люсиль, и Фрона, обняв молодую женщину, разрыдалась на ее груди, всей душой отзываясь на горе. Что же касается Люсиль, то легкие морщины над бровями ее разгладились, и она нежным материнским поцелуем коснулась украдкой волос Фроны. Но вот прошла минута, и брови ее снова сдвинулись, губы твердо сжались, и она отстранила девушку от себя.

— Вы выходите замуж за Грегори Сэн Винсента?

Фрона была поражена. Объяснение произошло всего две недели назад и хранилось в глубокой тайне.

— Откуда вы знаете?

— Этим вопросом вы ответили мне. — Люсиль смотрела в открытое лицо Фроны, и дерзкий вызов, промелькнувший на нем, не ускользнул от ее зоркого взгляда; она чувствовала себя в эту минуту, точно испытанный борец перед неопытным новичком, все слабые места которого видны как на ладони. — Откуда я знаю? — Она рассмея-

лась резким смехом. — Когда мужчина внезапно покидает объятия женщины, храня на губах вкус последних поцелуев и горечь последних лживых клятв…

— И?..

— И забывает путь к этим объятиям.

Кровь Уэлзов вскипела в жилах Фроны и, точно горячее солнце, осушила влагу на ее глазах. Теперь они ярко сверкали.

— Так вот зачем вы пришли. Я легко догадалась бы сразу, если бы прислушивалась к даусонским сплетням.

— Еще не поздно! — Губы Люсиль сжались.

— Да, я знаю. В чем же дело? Вы хотите рассказать мне, что он сделал, чем он был для вас? Не стоит труда. Это бесполезно. Он мужчина, как мы с вами женщины.

— Нет, — солгала Люсиль, подавляя свое изумление. — Я знала, что вы не станете осуждать его за прошлое. Для этого вы слишком великодушны. Но подумали вы обо мне?

Фрона задержала на минуту дыхание. Затем вытянула руки, точно защищая своего возлюбленного от объятий Люсиль.

— Как вы похожи сейчас на отца! О, эти невозможные Уэлзы! Но он не достоин вас, Фрона

Уэлз, — продолжала она. — Я — дело другое. Он дурной, ничтожный, гадкий человек. Он не стоит вашей любви. Да он вообще не знает, что такое любовь. Страсть в том или ином виде, вот все, на что он способен. Не это вам нужно. А он в лучшем случае не даст вам ничего другого. А что, скажите, пожалуйста, дадите вы ему взамен? Самое себя? Безумная расточительность! Но золото вашего отца…

— Замолчите или я перестану вас слушать. Вы не имеете права говорить так! — И когда Люсиль замолкла, она с дерзкой непоследовательностью возобновила разговор. — А что может дать ему другая женщина, Люсиль?

— Несколько мгновений бурной страсти, — быстро ответила та, — жгучую вспышку восторга и муки ада, которых он заслуживает так же, как и я. Таким образом, равновесие сохраняется, и все идет хорошо.

— Но… но…

— Потому что в нем сидит бес, — продолжала она, — бес чарующий, неотразимый, который кружит мне голову. Но дай вам Бог, Фрона, никогда не знать его. Вы чисты сердцем, в вас нет ничего бесовского, а мы с ним стоим друг друга. Я откровенно признаюсь вам, что наша связь

основана на одном только физическом влечении. В наших отношениях, как с моей, так и с его стороны, нет ничего устойчивого, прочного. В этом их сила и красота.

Фрона откинулась на спинку кресла и равнодушно смотрела на свою гостью. Люсиль ждала, чтобы она заговорила. В комнате стало очень тихо.

— Ну? — спросила, наконец, Люсиль тихим, недоумевающим голосом, поднимаясь со своего кресла, чтобы надеть свою доху.

— Ничего. Я жду.

— У меня все.

— Тогда позвольте мне сказать, что я не понимаю вас, — холодно начала Фрона. — Мне не совсем ясны мотивы вашего поступка. В словах ваших чувствуется какая-то фальшь. Но в одном я уверена: по какой-то непонятной мне причине вы сегодня изменили себе. Не спрашивайте меня, как и в чем, я уже сказала, что сама не знаю этого. И, тем не менее, я твердо убеждена, что это так. Сейчас вы не та Люсиль, которую я встретила на той стороне реки, у санной тропы. Та Люсиль была настоящая, я не сомневаюсь в этом. Женщина, которая пришла ко мне сегодня, совсем чужая. Я не знаю ее. Минутами мне казалось, что это

Люсиль, но только минутами. Эта женщина лгала мне, лгала на самое себя. А все, что она сказала о мужчине, не больше чем личное мнение. Однако, возможно, что она и его оклеветала, даже очень возможно. Что вы скажете?

— Что вы очень умная девушка, Фрона. Что вы сами не подозреваете, до чего правильны иногда ваши замечания, однако в чем-то вы слепы, как дитя.

— Я знаю, что могла бы полюбить вас, но вы чересчур глубоко запрятали все, что мне симпатично.

Губы Люсиль вздрогнули, точно собираясь заговорить. Но она молча завернулась в свою доху и повернулась к выходу.

Фрона сама проводила ее до дверей, и недоумение Хоу-Ха еще усилилось: кто же такие эти белые, которые создают законы, чтобы самим же нарушать их?

Когда дверь закрылась, Люсиль плюнула на тротуар.

— Тьфу, Сэн Винсент! Я осквернила свой язык твоим именем!

И она плюнула еще раз.

* * *

— Войдите!

Услышав это приглашение, Мэт Маккарти повернул ручку, открыл дверь и тщательно закрыл ее за собою.

— Ах, это вы! — Сэн Винсент окинул вошедшего мрачным, рассеянным взглядом, но, спохватившись, приветливо протянул ему руку. — Здорово, Мэт, старина! Мои мысли были за тысячу миль отсюда, когда вы вошли. Берите стул и усаживайтесь. Вот табак. Попробуйте его и скажите свое мнение.

«Нет ничего удивительного, что мысли твои витали за тысячу миль отсюда», — решил про себя Мэт, вспомнив, что в темноте он повстречался по дороге с женщиной, до странности похожей на Люсиль. Но вслух он заметил: — Так, так, замечтались в сумерках, не удивительно.

— Почему это? — живо спросил корреспондент.

— Да потому что по дороге к вам я повстречался с Люсиль, и следы ее мокасин ведут прямо к вашему жилью. У этой девчонки жало преядовитое, только тронь, — усмехнулся Мэт.

— В этом-то вся беда, — чистосердечно признал-

ся Сэн Винсент. — Мужчина лишь взглянет на женщину, позабавится с ней минуту, а она сейчас же требует, чтобы эта минута длилась вечность.

— Не так-то легко развязаться со старой любовью, а?

— Да, пожалуй. Вы поймете меня, Мэт. Сразу видно, что вы славно пожили в свое время.

— В мое время? Берусь доказать вам, что я и сейчас в грязь лицом не ударю.

— Разумеется, разумеется. Достаточно взглянуть на ваши глаза. Горячее сердце и легкомысленный взор, Мэт! — Он с сердечным смехом похлопал гостя по плечу.

— Но мне не угнаться за вами, Винсент. Вы настоящий злодей по части женского пола; так и гибнут бедняжки, словно мухи. Немало поцелуев вы получили от них, немало разбили сердец. Но знаете ли вы, Винсент, что такое настоящее чувство?

— Что вы хотите сказать?

— Настоящее, настоящее чувство, ну, как бы это сказать, — были вы когда-нибудь отцом?

Сэн Винсент покачал головой.

— И мне тоже не пришлось. Но испытали ли вы когда-нибудь отеческую любовь?

— Не знаю, право. Думаю, что нет.

— Ну а я испытал. И это, скажу вам, настоящее чувство. Если случалось когда-нибудь мужчине вскармливать ребенка, то так было именно со мной. Девчурка была… теперь она уже большая, совсем взрослая девушка. И если это вообще возможно, я люблю ее больше, чем ее родной отец. К несчастью, кроме нее, я любил на свете только одну женщину, но она была замужем. Поверьте, что я никогда никому не проронил об этом слова, даже для нее моя любовь осталась тайной. Но она умерла, упокой, Господи, ее душу!

Голова его опустилась на грудь, и перед глазами встал образ белокурой саксонки, освещавшей, точно луч солнца, сруб на берегу реки Дайи. Подняв глаза, он увидел, что Сэн Винсент, погрузившись в собственные думы, смотрит в пол, не слушая его.

— Довольно глупостей, Сэн Винсент!

Корреспондент с усилием оторвался от своих мыслей и увидел, что маленькие синие глазки ирландца пронизывают его насквозь.

— Порядочный ли вы человек, Сэн Винсент?

Еще секунду они рылись в душе друг друга, и Мэт мог поклясться, что не упустил в этот момент ни малейшего дрожания или трепета век Сэн Винсента.

Он с торжеством грохнул кулаком по столу.

— Клянусь честью — нет!

Корреспондент придвинул к себе кружку с табаком и свернул папироску. Он сворачивал ее тщательно, и тонкая папиросная бумага едва шелестела в его твердых пальцах. Но в то же время краска горячей волной поднималась из-за ворота его рубашки, сгущаясь во впадинах щек и заливая скулы и лоб, пока все лицо не запылало ярким румянцем.

— Так, хорошо! Это избавляет меня, по крайней мере, от необходимости пачкать руки. Винсент, человече, эта девочка, превратившаяся в женщину, спит сегодня в Даусоне. Помоги нам Боже, но мы никогда уже не склонимся к подушке такими чистыми и непорочными, как она. Винсент, вот вам мой завет: вы должны оставить все помыслы о том, чтобы жениться или как-нибудь иначе сблизиться с ней.

Бес, о котором говорила Люсиль, зашевелился, — бес злобный, строптивый, безрассудный.

— Вы мне не нравитесь. Почему? Дело мое. Этого достаточно. Но запомните и запомните хорошенько: если вы отважитесь на этот безумный шаг, если вы женитесь на ней, клянусь, что вы не доживете до конца этого проклятого дня и не

взглянете на брачную постель. Если понадобится, я уложу вас своими кулаками. Но будем надеяться, что до этого дело не дойдет. Оставайтесь с миром, и я обещаю вам…

— Ирландская свинья!

Так прорвался бес, и Маккарти совершенно неожиданно увидел перед глазами дуло кольтовского револьвера.

— Заряжен? — спросил он. — Охотно верю. Чего же вы медлите? Взведите курок, сделайте милость.

Палец, лежавший на курке, сделал движение, и Мэт услышал предостерегающее щелканье.

— Ну, теперь опускай! Спускай, говорю! Да куда тебе! Глаза-то, смотри, как бегают!

Сэн Винсент попробовал отвернуть голову.

— Смотри на меня! — приказал Маккарти. — Чтобы глаза смотрели прямо в мои, когда станешь спускать курок.

Сэн Винсент невольно повиновался, и взгляд его встретился с взглядом ирландца.

— Ну!

Журналист заскрежетал зубами и нажал курок, — по крайней мере, ему показалось, что он сделал это, как бывает иногда во сне. Он пожелал этого, его воля передала приказание, но трусли-

вое колебание души задержало работу мышц.

— Что, паралич, видно, схватил этот несчастный палец? — ухмыльнулся Мэт в лицо измученному человеку. — Ну, отведите его в сторону и опустите курок тихо… тихо… тихо. — Голос его мягко замирал по мере того, как курок опускался. Револьвер выпал из рук Сэн Винсента, и он с едва слышным вздохом опустился в полном изнеможении на стул. Он сделал попытку выпрямиться, но вместо этого уронил голову на стол и закрыл лицо трясущимися руками. Мэт натянул свои рукавицы, бросил на корреспондента полный брезгливой жалости взгляд и вышел, тихо закрыв за собою дверь.

Глава XX

Там, где природа сурова и угрюма, так же суровы и угрюмы сыны человеческие. Любезность и обходительность процветают только в мягких странах, где солнце горячо и земля плодородна. Сырой, дождливый климат Великобритании вызывает тяготение к алкоголю, томный Восток влечет к мечтам о неге. Могучий белокожий северянин, грубый и дикий, выражает ревом ярость и бьет врага по лицу своим огромным кулаком. А гибкий южанин, с медвяной улыбкой и ленивыми движениями, выжидает и действует в тишине, когда никто его не видит, изящно и без шума. Цель у них одна и та же, вся разница в путях, которыми они достигают ее; тут-то климат и является решающим фактором. И тот и другой — грешники, как все люди, рожденные женщиной, но один грешит открыто, так сказать, на глазах у Бога, а другой — словно от Бога можно укрыться — маскирует свои беззакония блестящими вымыслами, охраняя их, точно какую-то великолепную тайну.

Таковы пути человеческие. Люди становятся такими или иными в зависимости от того,

насколько ярко светит им солнце и насколько сильно дует на них ветер. Среда, из которой они вышли, семя отца и молоко матери — все оставляет на них неизгладимый отпечаток. Каждый человек представляет собой результат действия многих факторов, которые, будучи сильнее его, оказывают на него давление и придают ему ту или иную предуготованную форму. Однако, если природа наделила его здоровыми ногами, он может убежать от этих влияний и подпасть под действие новых. Он может продолжать свой бег, приобретая по пути отпечатки встречных давлений, пока смерть не настигнет его в той окончательной форме, которую придадут ему все эти многочисленные давления, вместе взятые. Стоит только подменить младенцев в колыбели, и низкорожденный раб будет с царственным величием носить пурпур, а царственный отпрыск так же льстиво выпрашивать подаяние и так же отвратительно извиваться под кнутом, как самый ничтожный из его подданных. Лорд Честерфильд, изголодавшись, бросится на хорошую пищу с такой же жадностью, как свинья в соседнем хлеву. А эпикуреец, попав в грязную юрту эскимоса, неизбежно станет красноречиво восхвалять китовый жир или моржовое сало,

иначе его ждет гибель.

Вот почему на девственном Севере, холодном и угрюмом, люди стряхивают с себя южную лень и вялость и энергично вступают в бой. Вместе с тем они стряхивают с себя и оболочку цивилизации, все ее безумства, большую часть ее слабостей и, пожалуй, некоторые из ее добродетелей. Быть может, и так. Но зато там они свято берегут великие традиции и живут честной и простой жизнью, смеются от чистого сердца и смело глядят друг другу в глаза.

Вот почему женщинам, родившимся южнее пятьдесят третьего градуса и выросшим в мягком климате, не следует позволять беспечно странствовать по северному краю. Только те из них, которые сильны духом, могут уцелеть в этой обстановке. Пусть они будут нежны, мягки и чувствительны, пусть глаза их будут полны блеска и прелести, а слух создан для сладких песен, но если они обладают здоровым и устойчивым мировоззрением и достаточной широтой взглядов, чтобы понимать и прощать, с ними не случится ничего дурного и сами они получат достойное признание. Если же этого нет, они увидят и услышат там много такого, что оскорбит их и причинит им боль, они будут жестоко страдать и утратят

веру в человека, а это величайшее зло, которое может постигнуть их. Таких женщин следовало бы оберегать от подобных экспериментов, поручив заботу об этом их близким родственникам — мужчинам: мужьям, братьям, отцам. Самое рациональное — подыскать какой-нибудь сруб на холме над Даусоном или, еще лучше, по ту сторону Юкона, на западном берегу, и не выпускать их оттуда одних, без провожатых и спутников; а склон холма позади сруба можно рекомендовать как самое подходящее место для того, чтобы разминать время от времени мускулы и проветривать легкие, ибо там слух их не осквернят резкие и грубые речи мужчин, ведущих борьбу не на живот, а на смерть.

Вэнс Корлис вытер последнюю оловянную тарелку и поставил ее на полку. Покончив с этим, он закурил свою трубку, улегся на койку и погрузился в созерцание узоров, которыми мох украсил потолок его хижины на Французском Холме. Хижина стояла на крайнем сгибе Французского Холма — там, где он углубляется в русло Ручья Эльдорадо, у самой тропы, и ее единственное оконце весело подмигивало запоздавшим путникам.

Вдруг дверь распахнулась, и в хижину ввалился

Дэл Бишоп с охапкой дров.

Замерзшее дыхание так плотно сковало его лицо бахромой льда, что он не мог вымолвить ни слова. С ним не раз уже случалась эта беда, и он, не долго думая, сунул лицо прямо в горячий столб воздуха, поднимавшийся над печкой. Лед быстро оттаял, и бесчисленные ручейки заструились вниз, выплясывая дикий танец на раскаленной добела поверхности печи; затем лед начал целыми кусками отваливаться от его бороды, со звоном ударяясь о печь, и гневно шипел, превращаясь в облака пара.

— Итак, мы видим сейчас перед собой явление, иллюстрирующее одновременно все три состояния материи, — рассмеялся Вэнс, подражая монотонному голосу ученого лектора, — твердое, жидкое и газообразное. Через минуту вы увидите газ.

— Э… э… это очень хорошо, — пробормотал, наконец, Бишоп, с трудом отдирая от верхней губы кусок льда.

— Сколько градусов, Дэл? Пятьдесят?

— Пятьдесят! — с непередаваемым презрением повторил золотоискатель, вытирая лицо. — Ртуть уже несколько часов как застыла, а мороз все крепчает и крепчает. Пятьдесят! Ставлю под за-

клад свои новые рукавицы против ваших старых мокасин, что сейчас ровнехонько семьдесят.

— Вы уверены?

— Желаете пари?

Вэнс со смехом кивнул головой.

— По Цельсию или Фаренгейту? — спросил Бишоп, почувствовав внезапное подозрение.

— Ну знаете, если вам так хочется получить мои старые мокасины, — заявил Вэнс, делая вид, будто обижен таким недоверием, — то я готов пожертвовать их вам без всякого пари.

Дэл фыркнул и развалился на другой койке у противоположной стены.

— Шутить изволите? — спросил он и, не получив ответа, в свою очередь погрузился в созерцание мшистых узоров.

Пятнадцати минут такого развлечения оказалось вполне достаточно.

— Не сыграть ли нам партию в крибидж[2] перед сном? — бросил он в сторону другой койки.

— Я переберусь к вам, — Корлис встал, вытянулся и переставил керосиновую лампу с полки на стол. — Как вы думаете, хватит? — спросил он, стараясь разглядеть сквозь дешевое стекло

---

[2] notes: 2
Крибидж — карточная игра. *(Примеч. ред.)*

уровень керосина.

Бишоп приготовил доску для игры в карты и смерил глазами содержимое лампы.

— Я, кажется, забыл налить ее. Теперь слишком поздно. Завтра заправлю. На одну партию хватит.

Корлис взял в руки карты и задумался.

— Нам предстоит далекий путь, Дэл, — сказал он. — Приблизительно через месяц, в середине марта по моим расчетам, мы отправимся по реке Стюарт до Мак-Квесчен, затем поднимемся по Мак-Квесчен, снова спустимся к Майо, пройдем по суше до Мэзи Мэй, свернем по Гендерсонову Ручью…

— На Индейской Реке?

— Нет, — ответил Корлис, сдавая карты, — пониже, там, где Стюарт впадает в Юкон. А оттуда вернемся обратно, в Даусон, прежде чем вскроется лед.

У золотоискателя загорелись глаза.

— Придется пошевелиться, но прогулка хоть куда. Залежи?

— Я получил весточку от Паркеровской партии с Майо, и Макферсон тоже не зевает на Гендерсоновом Ручье — вы его не знаете. Они держат языки за зубами, и трудно, разумеется, утвер-

ждать, но…

Бишоп глубокомысленно кивнул головой, в то время как Корлис забирал срезанную им козырную карту. Дэлу мерещились уже верные «двадцать четыре», как вдруг раздался шум голосов и сильный стук в дверь.

— Войдите! — рявкнул он. — И не галдите, пожалуйста, так громко. Вот извольте, — обратился он к Корлису, раскрывая карты, — пятнадцать — восемь, пятнадцать — шестнадцать и восемь — двадцать четыре, я выиграл.

Корлис быстро вскочил на ноги. Бишоп поднял голову. В дверь хижины неуклюже ввалились три фигуры — две женщины и мужчина — и остановились у самого входа, ослепленные светом лампы.

— Клянусь всеми пророками! Это Корнелл! — Золотоискатель схватил мужчину за руку и вытащил его на середину комнаты. — Помните Корнелла, Корлис? Джека Корнелла, участок тридцать семь одна вторая в Эльдорадо.

— Как же забыть! — с жаром воскликнул инженер, пожимая гостю руку. — Прескверная была ночь, когда вы приютили нас в последний раз, почти столь же скверная, сколь великолепен был олений бифштекс, который мы уничтожили за

завтраком.

Джек Корнелл, волосатый, тощий и бледный как мертвец, с чувством кивнул головой и поставил на стол основательную плетеную бутыль. Затем он снова кивнул и огляделся по сторонам. Внимание его привлекла печка, он подошел к ней, поднял заслонку и, выплюнув туда порядочную порцию желтовато-красной слюны, снова вернулся к столу.

— Еще бы мне не помнить эту ночку, — пробурчал он, причем с его волосатых щек так и посыпались льдинки. — И я чертовски рад снова повидаться с вами. Факт! — Он вдруг спохватился и добавил с легким замешательством: — То есть мы все чертовски рады вас видеть, не правда ли, девочки? — Он покрутил во все стороны головой и кивнул своим спутницам: — Бланш, дорогая моя, мистер Корлис… я гм… гм… очень рад познакомить вас. Карибу Бланш, сэр, Карибу Бланш.

— Очень рада познакомиться. — Карибу Бланш дружески протянула руку и внимательно осмотрела Вэнса. Это была миловидная блондинка, с довольно приятным, но несколько огрубевшим лицом, какое бывает у людей, часто сталкивавшихся с непогодой.

Поздравив себя с блестящим знанием светских

церемоний, Джек Корнелл откашлялся и вывел вперед другую женщину.

— Мистер Корлис — Дева, будьте знакомы. Гм! — И, отвечая на вопрос, появившийся в глазах Вэнса, он пояснил: — Да, Дева. Только и всего. Просто Дева.

Она улыбнулась и поклонилась, но не протянула руки.

«Барин», — решила она про инженера; несмотря на всю ограниченность своего опыта, она знала, что у «бар» не принято обмениваться рукопожатиями.

Корлис повертел рукой, затем отвесил поклон и с любопытством оглядел ее. Это была красивая женщина, брюнетка, с хорошо развитым телом и очень низким лбом. Несмотря на полное отсутствие благородства во внешности Девы, Корлис невольно поддался очарованию той бьющей через край жизненной энергии, которой веяло от всего ее облика. Кровь так и бурлила в ней, и каждое быстрое непринужденное движение, казалось, вызывалось избытком жизненной силы.

— Здоровая штучка, а? — спросил Джек Корнелл, с одобрением следя за взглядом своего хозяина.

— Не про вашу честь, Джек, — огрызнулась

Дева, презрительно скривив губы в сторону Вэнса. — Вы бы лучше позаботились о бедняге Бланш.

— Что верно, то верно, мы попали в основательную переделку и, прямо сказать, выбились из сил, — заявил Джек. — А Бланш провалилась сквозь лед у самой тропы и, кажется, отморозила себе ноги.

Бланш улыбнулась, когда Корлис подвел ее к стулу у огня, и ее суровый рот ни малейшей гримасой не выдал той боли, которую она испытывала. Вэнс отвернулся, когда Дева начала стаскивать с нее промокшую обувь, а Бишоп принялся шарить среди вещей, разыскивая носки и мокасины.

— Завязла-то она всего по лодыжку, — объяснял Корнелл, — но этого вполне достаточно в такую ночь.

Корлис выразил свое согласие кивком головы.

— Тут мы заметили ваш огонек и гм… и явились к вам. Вы ничего не имеете против?

— Ну, разумеется, нет.

— Мы не помешаем?

Корлис успокоил гостя, положив ему на плечо руку, и дружеским пожатием заставил его опуститься на стул. Бланш блаженно вздыха-

ла. Мокрые носки были сняты и уже дымились перед печкой, а ноги ее согревались в теплых сивашских носках Бишопа. Вэнс подвинул ящик с табаком, но Корнелл вынул несколько сигар и угостил ими присутствующих.

— Тут около вас как раз самый плохой участок дороги, — заметил он громко, бросая в то же время красноречивый взгляд на бутыль. — Лед подтаял благодаря ключам, а сверху ничего не заметишь, пока не провалишься. — Затем, повернувшись к гревшейся у огня женщине, он осведомился: — Ну, как делишки, Бланш?

— Так себе, — ответила она, — хотя ноги, кажется, отходят понемногу.

Спросив взглядом разрешения хозяина, Корнелл наклонил бутыль через руку и наполнил почти до краев четыре оловянных кружки и пустую банку из-под мармелада.

— Как вы насчет тодди? — вмешалась Дева. — Или пунша? Найдется у вас лимонный сок? — спросила она у Корлиса. — Есть? Здорово! — Она перевела свои темные глаза на Дэла. — Эй, вы, повар! Доставайте-ка свою кастрюлю и вскипятите в котле воду. Ну, живо! Джек угощает, а я научу вас, как это делается. Сахар есть, мистер Корлис? А мускатный орех? Ну, так корица, может быть?

Ладно, сойдет. Пошевеливайтесь, повар!

— Ну, не персик ли эта девочка? — поделился Корнелл с Вэнсом, не спуская умильного взора с Девы, которая мешала дымящуюся жидкость.

Но все внимание Девы было направлено на инженера.

— Не слушайте его, сэр, — посоветовала она. — Он успел уже назюзюкаться по дороге. На каждом шагу прикладывался к бутылке.

— Но, дорогая моя… — запротестовал Джек.

— Пожалуйста, без нежностей, — зашипела она. — Вы мне не нравитесь.

— Почему так?

— Потому… — она старательно разлила пунш по кружкам и подумала: «Потому, что вы жуете табак, потому, что вы обросли бородою. Мне нравятся молодые парни с гладкими лицами».

— Не обращайте внимания на ее болтовню. Она говорит это, чтобы побесить меня.

— Ну, — резко скомандовала Дева. — Берите кружки. Выпьем!

— За кого? — крикнула Бланш, сидевшая у печки. Поднятые кружки замерли в воздухе.

— За королеву, благослови ее Боже! — быстро произнесла тост Дева.

— И за Билля! — вмешался Дэл Бишоп.

Кружки снова заколебались.

— Какого там еще Билля? — недоверчиво спросила Дева.

— Мак-Кинли.

Она благосклонно улыбнулась ему.

— Благодарю вас, повар, вы славный малый! Ну, господа, чокнемся! Встаньте все! За королеву, благослови ее Боже, и Билля Мак-Кинли.

— Дном вверх! — прогремел Джек Корнелл, и кружки со звоном ударились краями о стол.

Вэнс вскоре убедился, что все это забавляет и интересует его. По мнению Фроны, иронически размышлял он, это значит изучать жизнь и расширять свои умственные горизонты. Это была ее любимая фраза, и он несколько раз повторил ее про себя. Затем в мозгу его снова зашевелилась мысль о том, что Фрона помолвлена с Сэн Винсентом, и он, не долго думая, очаровал Деву, попросив ее спеть что-нибудь. Но она очень смущалась и согласилась лишь после того, как Бишоп исполнил несколько десятков куплетов «Летучего облака». Ее слабый голос обнимал не больше полутора октав; ниже известного предела он претерпевал самые необычайные метаморфозы, а в верхнем регистре фальшивил и трещал. Тем не менее она спела «Возьмите назад ваше

золото» с таким чувством, что вызвала слезы на глазах короля дробного участка. Он жадно слушал певицу, наслаждаясь непривычными, душевными эмоциями.

Все зааплодировали, а Дэл Бишоп немедленно провозгласил тост за певицу, назвав ее «волшебным колокольчиком», на что Корнелл громогласно возопил:

— Дном вверх!

Спустя два часа постучалась Фрона Уэлз. Стук был резкий, настойчивый, он покрыл шум и звон стаканов и заставил Корлиса подойти к двери.

Она слегка вскрикнула, узнав молодого человека.

— Ах, это вы, Вэнс! Я понятия не имела, что вы живете здесь.

Он пожал ей руку и загородил вход своим телом. За его спиной заливалась Дева, а Джек Корнелл ревел какую-то песню.

— В чем дело? — спросил Вэнс. — Что-нибудь случилось?

— Мне кажется, вы могли бы предложить мне войти. — В голосе Фроны слышались легкая укоризна и тревога. — Я провалилась сквозь лед, и мои ноги совсем окоченели.

— Ах, шут тя побери! — раздалось за спиною

Вэнса звучное восклицание Девы, и вслед затем голоса Бланш и Бишопа, вместе с ней издевавшихся над Корнеллом, который шумно протестовал. Вэнсу показалось, что вся кровь бросилась ему в лицо.

— Я не могу впустить вас, Фрона. Разве вы не слышите, что тут творится?

— Но это необходимо, — настаивала она. — У меня окоченели ноги.

С жестом полного отчаяния он пропустил ее и запер за ней дверь. В первый момент, ослепленная светом лампы, Фрона остановилась, ничего не понимая, но через минуту она оправилась и охватила взором всю сцену. В тесной комнатке было ужасно душно; воздух весь посинел от табачного дыма, и запах его казался тошнотворным после свежести ночи. Над столом от большого таза поднимался столб пара. Дева, убегая от Корнелла, защищалась от него длинной ложкой для горчицы. Увертываясь от своего обожателя, она то и дело накладывала на его нос и щеки желтые мазки. Бланш отошла от печки, чтобы полюбоваться на потеху, а Дэл Бишоп с кружкой в руках громко приветствовал каждый новый удар. Лица у всех четверых пылали.

Вэнс с видом полного бессилия прислонился

к двери. Все происходящее представлялось ему какой-то немыслимой, невозможной нелепостью. Он почувствовал вдруг безумное желание расхохотаться и притворно закашлялся. Но Фрона, беспокоясь за свои ноги, которые немели все больше и больше, поспешила напомнить о себе.

— Эй, Дэл! — окликнула она.

Веселье замерло на лице Бишопа при звуке этого знакомого голоса, и он медленно, как бы нехотя, повернул голову в ее сторону. Она успела откинуть капюшон своей парки, и на фоне темного меха ее розовое от холода, ясное лицо напоминало луч солнца, заглянувший в мрачный, грязный хлев. Все они знали ее. Да и как было не знать дочь Джекоба Уэлза? Дева с испуганным возгласом выронила ложку от горчицы, а Корнелл растерянно провел рукою по желтым пятнам и, размазав их по всей физиономии, в полном смущении свалился на ближайший стул. Одна только Карибу Бланш сохраняла присутствие духа и тихонько посмеивалась.

Бишоп попробовал выдавить из себя: — Здравствуйте! — но ему не удалось разбить молчание, которое снова воцарилось в комнате.

Фрона подождала минуту и сказала:

— Добрый вечер, господа!

— Сюда, пожалуйста, — сказал Вэнс, успевший за это время немного освоиться с положением. Он усадил Фрону у печки против Бланш. — Снимите поскорее обувь и не слишком злоупотребляйте огнем. Я посмотрю, что бы добыть для вас.

— Холодной воды, пожалуйста, — попросила она. — Это сразу вызовет реакцию. Дэл принесет.

— Надеюсь, что это не серьезно?

— Нет. — Она покачала головой и улыбнулась ему, торопливо стаскивая свои обледеневшие мокасины. — Я не успела сильно отморозить их. В худшем случае, пожалуй, сойдет кожа.

В хижине снова воцарилось натянутое молчание, нарушаемое только Бишопом, который хлопотал с водой и тазом, и Корлисом, искавшим свои самые маленькие и нарядные домашние мокасины и самые теплые носки.

Фрона, энергично растиравшая себе ноги, вдруг остановилась.

— Я вовсе не хочу замораживать вашего веселья оттого, что продрогла сама, — сказала она смеясь. — Пожалуйста, продолжайте.

Джек Корнелл выпрямился и старательно прочистил горло, а Дева приняла чрезвычайно независимый вид, но Бланш подошла к Фроне и взяла из ее рук полотенце.

— Я промочила ноги там же, где и вы, — сказала она и, опустившись на колени, принялась с силой растирать замерзшие ноги.

— Полагаю, что с этими вы как-нибудь обойдетесь. Вот, — сказал Вэнс, перебрасывая им пару домашних мокасин и шерстяные обмотки, которые обе женщины, посмеиваясь и обмениваясь тихими замечаниями, принялись натягивать на ноги.

— Но скажите ради Бога, как вы очутились одна на тропе в это время? — спросил Вэнс. В душе он восхищался той простотой и тактом, с которыми она относилась ко всему происходящему.

— Я знаю, что вы побраните меня, — ответила она, помогая Бланш расставить перед огнем мокрую обувь. — Я была у миссис Стэнтон. Прежде всего нужно сказать вам, что мы с мисс Мортимер уже неделю гостим у Пентли. Но возвращаюсь к рассказу. Я собиралась уйти от миссис Стэнтон еще засветло, но ее ребенок напился керосина, а муж был в Даусоне, и наша тревога за малыша улеглась каких-нибудь полчаса назад. Миссис Стэнтон и слышать не хотела о том, чтобы отпустить меня одну, но я ее убедила, что бояться нечего. Я просто представить себе не могла, что лед может подтаять в этакий мороз.

— Как вы откачали мальца? — опросил Дэл, горя желанием поддержать завязавшийся разговор.

— Заставили его жевать табак. — И когда взрыв смеха затих, она продолжала: — Горчицы не было ни крошки, и я не могла придумать ничего лучшего. Кроме того, Мэт Маккарти спас мне однажды таким образом жизнь в Дайе, когда у меня был круп. Но вы пели, когда я вошла, пожалуйста, продолжайте.

Джек Корнелл с трудом изрек:

— Я уже спел свое.

— Ну, так вы, Дэл. Спойте «Летучее облако». Вы всегда пели его, спускаясь по реке.

— Ах, он уже пел его, — сказала Дева.

— Ну, так спойте вы. Я уверена, что вы поете.

Она улыбнулась Деве, и та исполнила замечательный романс с искусством, на которое она сама едва ли считала себя способной. Холодок, внесенный появлением Фроны, быстро рассеялся, и песни, тосты и шутки полились с новым жаром. Фрона не отказалась пригубить пунш и внесла свою лепту, спев «Анни Лаури» и «Бен Болт». При этом она украдкой наблюдала за тем, как вино постепенно одурманивало и без того насыщенные алкоголем головы Джека Корнелла и Девы.

Это было новое впечатление, и она радовалась ему, хотя в то же время огорчалась за Корлиса, довольно кисло исполнявшего свои обязанности хозяина.

Однако он не особенно нуждался в сочувствии.

«Всякая другая женщина...» — повторял он мысленно в двадцатый раз, глядя на Фрону и стараясь представить себе на ее месте многочисленных женщин, которых он встречал когда-то за чайным столом своей матери. А что если бы они постучались в дверь и вошли, как сделала это Фрона? Не далее как вчера его покоробило бы от того, что Бланш растирает ей ноги, но теперь он восторгался Фроной, которая позволила ей сделать это, и даже сама Бланш стала теперь как-то ближе его сердцу. Быть может, в молодом человеке сказывалось возбуждение, вызванное вином, но только огрубелое лицо Бланш показалось ему вдруг очень симпатичным.

Надев свои просохшие мокасины, Фрона терпеливо дослушивала Джека Корнелла, который, икая, произносил последний запутанный тост.

— За... ик... человека, — голос его точно вырывался из бочки, — человека... ик... который создал... создал...

— Эту благословенную страну, — подсказала

Дева.

— Верно, дорогая… ик… За человека, который создал эту благословенную страну. За… ик… за Джекоба Уэлза!

— И еще один! — воскликнула Бланш. — За дочь Джекоба Уэлза.

— Есть! Встать! Дном вверх!

— Она просто молодчага! — заявил Дэл, весь пылая от обильных возлияний.

— Я хотела бы пожать вам руку, — тихо сказала Бланш, пользуясь тем, что остальные продолжали галдеть.

Фрона сняла рукавицы, которые уже успела надеть, и они обменялись рукопожатием.

— Нет, — удержала она Корлиса, видя, что тот надевает шапку и завязывает наушники. — Бланш объяснила мне, что до жилища Пентли отсюда не больше полумили. Дорога прямая. Я не хочу, чтобы кто-нибудь провожал меня. Нет! — На этот раз голос прозвучал так властно, что Корлис швырнул шапку на свою койку. — Доброй ночи, господа! — крикнула она, обведя всех смеющимся взглядом.

Однако Корлис, проводив ее до дверей, вышел наружу. Она взглянула на него. Капюшон был не совсем надвинут на лоб, и лицо ее показалось ему

особенно привлекательным при свете звезд.

— Я… Фрона… я хочу…

— Не беспокойтесь, — прошептала она. — Я никому не расскажу, Вэнс.

Он подметил в ее глазах насмешливый огонек, но попытался продолжить.

— Я хочу только объяснить вам, как…

— Не стоит, я понимаю. Но все-таки должна сказать, что не могу одобрить вашего вкуса.

— Фрона! — искренняя боль, прозвучавшая в этом возгласе, не укрылась от слуха девушки.

— О, какой вы глупый! — рассмеялась она. — Ведь я же знаю. Бланш рассказала мне, что она промочила ноги.

Корлис опустил голову.

— Право, Фрона, вы самая необыкновенная женщина, какую я когда-либо встречал, и еще я хочу сказать вам, — тут он выпрямился и продолжал твердым, уверенным голосом: — Что это не конец.

Она попробовала остановить его, но он продолжал:

— Я чувствую, я знаю, что все обернется по-иному. Пользуясь вашими же словами, говорю вам, что вы не приняли во внимание всех фактов. Что касается Сэн Винсента… Я все равно добьюсь вас.

И теперь будет не слишком рано!

Он протянул к ней руки, но она, угадав это движение, опередила его, со смехом увернулась и побежала по тропе.

— Вернитесь, Фрона! Вернитесь! — крикнул он. — Я очень огорчен.

— Нет, нет. Вы не должны огорчаться, — отозвалась она, — иначе я сама огорчусь. Спокойной ночи!

Он проследил за ней, пока она не скрылась из виду, и вернулся в хижину. Вэнс совершенно забыл о том, что происходило там, и на миг остановился в полном недоумении. Карибу Бланш тихо плакала. Ее влажные глаза блестели, а по щеке, когда он взглянул на нее, ползла одинокая слеза. У Бишопа было очень серьезное лицо.

Голова и плечи Девы лежали на столе среди перевернутых кружек и медленно стекавших осадков, а Корнелл что-то лепетал над ней, то и дело икая и бессмысленно повторяя:

— Все прекрасно, дорогая, все прекрасно.

Но Дева была безутешна.

— О Господи! Как подумаю, чем я была и чем стала… А кто виноват?.. Не я… нет, не я, говорю вам! — крикнула она с внезапным ожесточением. — Как я родилась, я вас спрашиваю? Кто был

мой отец? Старый пьяница, алкоголик. А моя мать? Из Уайтчэпеля, скажете? Кто дал хоть сент на меня или на мое воспитание? Кто позаботился обо мне хоть на грош, спрашиваю вас? Кто?

Корлис испытал вдруг глубокое отвращение.

— Придержите язык! — приказал он.

Дева подняла голову, ее распущенные волосы были взлохмачены и торчали во все стороны, точно змеи на голове фурии.

— А кто она? — засмеялась Дева. — Зазнобушка?

Корлис в дикой ярости бросился к ней. Лицо его побледнело, а голос дрожал от бешенства.

Дева сжалась и инстинктивно подняла вверх руки, чтобы защитить лицо.

— Не бейте меня, сэр! — взвизгнула она. — Не бейте!

Вэнс сам испугался своей вспышки и сделал усилие, чтобы овладеть собой.

— Ну, — сказал он спокойно, — одевайтесь и уходите. Все уходите. Марш отсюда.

— Вы не мужчина, слышите? — зарычала Дева, убедившись, что ей не грозят побои.

Но Корлис, не обращая внимания на ее выпады, проводил ее до самой двери.

— Выталкивает женщину! — крикнула она,

споткнувшись о порог.

— Спокойно, спокойно, — умиротворяюще бормотал Джек Корнелл.

— Спокойной ночи. Извините, — сказал Вэнс с бледной виноватой улыбкой, когда Бланш проходила мимо него.

— Вы буржуй! Проклятый буржуй — вот кто вы! — крикнула ему Дева, когда он закрывал дверь.

Корлис тупо посмотрел на Дэла Бишопа, потом на дикий беспорядок, царивший на столе. Не говоря ни слова, он подошел к койке и бросился на нее ничком. Бишоп облокотился о стол, попыхивая своей астматической трубкой. Лампа закоптила, замигала и погасла. А он все продолжал сидеть, раз за разом набивая трубку и без конца чиркая спичками.

— Дэл! Вы не спите? — окликнул его наконец Корлис.

Дэл проворчал что-то в ответ.

— Я поступил, как подлец, выбросив их на мороз. Мне стыдно.

— Верно, — подтвердил Дэл.

Долго длилось молчание. Наконец, Дэл выколотил пепел из трубки и встал.

— Спите? — спросил он.

Ответа не последовало. Он тихонько подошел к койке и накрыл инженера одеялом.

Глава XXI

— Так что же все это должно означать? — Корлис лениво потянулся и положил ноги на стол. Разговор не особенно интересовал его, но полковник Тресуэй настойчиво продолжал в серьезном тоне.

— А вот что! Все тот же старый и вечно юный вопрос, который человек бросает в лицо Вселенной. — Полковник порылся между листками своей записной книжки. — Посмотрите, — сказал он, протягивая смятый клочок исписанной бумаги. — Я списал это много лет назад. Послушайте: «Что за чудовищный призрак человек, это порождение праха, то суетливо перебирающий ногами, то одурманенный дремотой! Он убивает, ест, растет, производит себе подобных. Взгляните на его волосы, напоминающие траву, на глаза, которые блестят на его лице. Он создан для того, чтобы до слез пугать детей. Бедняга! Как коротка его жизнь, и сколько тяжелых испытаний ожидает его на пути, а, между тем, грудь его полна грандиозных желаний и фантастических надежд. Окруженный дикой средой, сам дикарь по природе, он бесповоротно осужден на то, что-

бы пожирать своих ближних. В нем бесконечно много дерзости, он часто проявляет восхитительную доблесть и умеет быть иногда трогательно ласковым. Он готов без конца спорить о добре и зле и о свойствах божества, он способен ринуться в бой за выеденное яйцо и умереть за идею». И для чего все это? — с жаром спросил он, роняя бумажку. — Эти муки и бесплодные усилия, на которые обречено дитя праха?

Корлис только зевнул в ответ. Он провел целый день в странствиях по тропе и мечтал лишь о том, как бы поскорее лечь спать.

— Вот я, например, полковник Тресуэй, не слишком старый и довольно хорошо сохранившийся человек; занимаю определенное положение в обществе и имею приличный текущий счет в банке. Спрашивается, для чего мне еще надрываться? А между тем, я живу в тяжелых условиях и работаю с нелепым усердием, достойным какого-нибудь желторотого юнца. А для чего, скажите на милость? Ведь не могу же я есть, курить и спать больше, чем это требуется для удовлетворения моих потребностей, да, кроме того, в этой дыре, которую люди называют Аляской, нельзя даже как следует поесть и поспать, не говоря уже о том, чтобы раздобыть хорошие папиросы.

— Но вас удерживает здесь именно напряженность и интенсивность этой жизни.

— Философия Фроны, — усмехнулся полковник.

— И наша с вами.

— И того порождения праха, о котором я только что читал вам.

— И ее вдохновляет глубокое чувство, которого вы не принимаете в расчет, чувство долга, любви к расе и к Богу.

— А награда? — спросил Тресуэй.

— Наградой является каждый глоток воздуха, который проникает в ваши легкие. Мотылек живет только один час.

— Я не могу принять этого.

— Кровь и пот! Кровь и пот! Помните, как вы твердили эти слова после свалки в казино и устами вашими говорила истина?

— Опять философия Фроны.

— И моя, и ваша.

Полковник пожал плечами и после небольшой паузы сознался:

— Как я ни стараюсь сделать из себя пессимиста, ничего не выходит. Все мы получаем свои награды, и я даже больше многих других. «Чего ради?» — спросил я. И вот ответ: раз мы не можем

постигнуть конечной цели, будем довольствоваться той, которую видим непосредственно перед собой. А потому да здравствует лозунг: как можно больше радостей здесь и теперь же.

— Вот это уже совсем по-гедонистски.

— И вполне рационально. Я решил не терять даром времени. Я имею возможность кормить и одевать двадцать человек. Но ведь есть и спать я могу только за одного. Ergo, почему бы мне не заботиться о двоих?

Корлис спустил ноги и выпрямился на стуле.

— Другими словами?

— Я собираюсь жениться и поразить общество. Общество любит сенсации. Это служит ему некоторой наградой за косность.

— Я могу подумать только об одной женщине, — сказал неуверенно Корлис, протягивая руку.

Тресуэй медленно пожал ее.

— Да, это она.

Корлис, растерявшись, выпалил ему в лицо:

— А Сэн Винсент?

— Это ваша забота, а не моя.

— Значит, Люсиль?..

— Конечно, нет. Она разыграла маленькую комедию собственного сочинения в духе Дон-Кихота, и разыграла великолепно.

— Я… я не понимаю. — Корлис удивленно поднял брови.

Тресуэй снисходительно улыбнулся.

— Вам и незачем понимать. Весь вопрос в том, согласны ли вы быть шафером?

— Разумеется. Но какой длинный и замысловатый путь вы избрали, чтобы подойти к этому. Это не похоже на вас.

— Ну, с ней дело наладилось быстрее, — заявил полковник, гордо покручивая усы.

Начальник Северо-западной конной стражи в силу своего служебного положения имеет право заключать в случае необходимости браки и совершать правосудие. Поэтому полковник Тресуэй не замедлил навестить капитана Александра, и тот после его ухода записал себе, что завтрашнее утро у него занято. Затем новоявленный жених отправился с визитом к Фроне. Люсиль не просила об этом, поспешил он объяснить девушке, но у нее совсем нет знакомых среди местных дам, а, кроме того, он (полковник) знает, кого Люсиль охотно пригласила бы, если бы осмелилась сделать это. Поэтому он берет все под свою личную ответственность. Он знает, что этот сюрприз доставит ей огромную радость.

Это неожиданное заявление поразило Фрону.

Всего несколько дней назад Люсиль просила ее уступить ей Сэн Винсента, а теперь речь шла о полковнике Тресуэе. Правда, она сразу почувствовала тогда какую-то фальшь, но теперь фальшь эта как будто удваивалась. Может быть, Люсиль просто-напросто корыстная, бессердечная женщина? Эти мысли быстро проносились в голове Фроны, в то время как полковник с беспокойством следил за выражением ее лица. Она знала, что не должна медлить с ответом, но невольное восхищение перед его мужеством заставило ее отвлечься на минуту. Однако, послушавшись голоса сердца, она согласилась.

Встретившись на следующий день в приемной капитана Александра, все четверо почувствовали себя довольно натянуто и неловко. Веяло каким-то унынием и холодом. Люсиль, казалось, готова была расплакаться и проявляла совершенно не свойственную ей подавленность, а Фрона, несмотря на все старания, не могла вызвать в себе прежней симпатии к ней и победить холодность, которая разделяла их теперь неосязаемой преградой. Ее настроение передалось Вэнсу, и он тоже стал как-то сдержан и сух.

Сам же полковник Тресуэй, казалось, сбросил с плеч двадцать лет, и разница в годах между

женихом и невестой, до этого момента сильно смущавшая Фрону, теперь совершенно перестала существовать в ее глазах. Он прекрасно сохранился, подумала она и по какому-то таинственному побуждению, почти со страхом, перевела взгляд на Корлиса. Но если жених казался в этот день на двадцать лет моложе, то и Вэнс не отставал от него в этом отношении. Со времени их последней встречи он пожертвовал из-за мороза своими рыжеватыми усами, и его гладко выбритое, дышащее здоровьем и силой лицо выглядело удивительно юным, хотя обнаженная верхняя губа говорила о твердости и силе воли ее обладателя. Черты лица Вэнса приобрели большую чеканность и выразительность, а в глазах, глядевших раньше с мягкой решимостью, теперь отражалась жесткость и суровость, которую порождает борьба — борьба не на живот, а на смерть. Эту печать носят на себе все люди действия, все равно, кто бы они ни были и чем бы ни занимались, — погонщики собак, морские волки или правители государств.

Когда несложная церемония окончилась, Фрона поцеловала Люсиль, но молодая женщина сразу почувствовала, что в этом поцелуе не хватает чего-то неуловимого, и глаза ее наполнились

слезами. Тресуэй, заметивший с самого начала некоторую отчужденность между ними, улучил удобную минуту, чтобы побеседовать с Фроной, пока капитан Александр и Корлис занимали миссис Тресуэй.

— В чем дело, Фрона? — спросил полковник без дальних околичностей. — Надеюсь, вы пришли сюда по доброй воле? Мне очень жаль не вас, конечно, потому что отсутствие искренности не заслуживает этого, а Люсиль. Вы поступаете дурно по отношению к ней.

— Я вижу тут во всем одну сплошную неискренность, — дрожащим голосом ответила Фрона. — Я старалась победить в себе это чувство… думала, что смогу… но я не умею притворяться. Мне очень жаль, но я… я разочарована. Нет, я не могу объяснить вам, почему, — вам меньше, чем кому-либо другому.

— Давайте говорить начистоту, Фрона. Вы имеете в виду Сэн Винсента?

Она утвердительно кивнула.

— Сейчас вы увидите, что я в курсе дела. Во-первых, — он оглянулся и заметил, что Люсиль бросает на него украдкой тревожные взгляды, — во-первых, всего несколько дней назад Люсиль напела вам Бог знает чего о Сэн Винсенте. Во-вто-

рых, вы заключили из этого, что она лицемерит со мной и не питает ко мне ни малейшего чувства. Короче говоря, что она выходит за меня замуж, чтобы поправить свое материальное положение. Так ведь?

— А разве этого не достаточно? О, я так горько разочаровалась, полковник Тресуэй, в ней, в вас, в самой себе.

— Не будьте дурочкой! Я слишком хорошо отношусь к вам, чтобы видеть вас в этой роли. События развернулись чересчур быстро, вот в чем беда. Вы не успели уследить за ними. Слушайте же! Мы держали это до сих пор в тайне, но Люсиль также получила приглашение участвовать в разработке Французского Холма. Ее заявка оказалась самой богатой во всем участке. По полученным до сих пор данным, она стоит не меньше полумиллиона. И заявка эта закреплена лично за ней, без всяких оговорок. Неужели вы думаете, что она не могла бы реализовать ее и переселиться в любую часть земного шара, чтобы занять там достойное положение в обществе? Скорее можно предположить, что женюсь на ней ради денег я. Фрона, она любит меня, и скажу вам на ушко, она слишком хороша для меня. Надеюсь, что будущее поможет мне сгладить это. Но там

видно будет — пока просто некогда. Ее чувство кажется вам слишком внезапным, не так ли? Позвольте доложить вам, что мы прониклись друг к другу симпатией с того времени, как я приехал в эту страну. Сэн Винсент? Ерунда! Я знал это с самого начала. Она вбила себе в голову, что он весь целиком не стоит вашего мизинца и хотела расстроить вашу помолвку. Вы никогда не узнаете, что она проделала с ним. Я пробовал убедить ее, что Уэлзов так не сломишь, и она призналась потом, что я был прав. Вот как обстоит дело. А теперь — хотите верьте мне, хотите — нет.

— Но какого вы мнения о Сэн Винсенте?

— Об этом не стоит говорить. Скажу вам, однако, откровенно, что вполне разделяю ее мнение. Впрочем, речь не о том. Как вы намерены повести себя с моей женой сейчас?

Вместо ответа Фрона направилась к группе, ожидавшей их в стороне. Люсиль следила за выражением ее лица.

— Он сказал вам?

— Что я одурачена, — ответила Фрона. — И я думаю, что он прав. — Затем добавила с улыбкой: — Во всяком случае, я верю ему на слово. Я… я еще не могу сейчас осознать всего, но…

— Для меня это так ново, — проговорила Лю-

силь, — и имеет гораздо больше значения, чем… для любой другой женщины. Мне страшно. Я так боюсь этого шага. Но я люблю его, люблю! — И когда мужчины, вдоволь натешившись шуткой, вернулись к ним, Люсиль, всхлипывая, повторяла: — Милая, милая Фрона!..

В эту минуту в комнату, не постучавшись, вошел Джекоб Уэлз в рукавицах и шапке. Более удачного момента он не мог выбрать.

— Незваный гость, — заявил он вместо приветствия. — Все уже кончено? Да? — и он в своей громадной медвежьей шубе поглотил Люсиль. — Полковник, вашу руку. Прошу извинить меня за такое вторжение и предлагаю вам сделать то же самое за то, что вы не предупредили меня. Ну, будет. Алло, Корлис! Добрый день, капитан Александр.

— Что я наделала? — горевала Фрона и, исчезнув в объятиях меховой шубы, ухитрилась крепко, почти до боли сжать руку отца.

— Нужно было поддержать игру, — прошептал он. И на этот раз его рука крепко сжала руку дочери.

— А теперь, полковник, не знаю, какие у вас планы, да и знать не желаю. Извольте забыть о них. У меня дома найдется достаточно места и

единственный по эту сторону полярного круга ящик настоящего шампанского. Разумеется, вы с нами, Корлис, и… — Взгляд его скользнул по капитану Александру, едва задержавшись на нем.

— Само собой, — последовал немедленно ответ, хотя у высшего должностного лица Северо-западной области было достаточно времени, чтобы как следует взвесить возможные последствия такого неофициального поступка. — Сани с вами?

Джекоб Уэлз, смеясь, поднял ногу, обутую в мокасин.

— Ну, насчет пешего хождения бросьте! — Капитан живо устремился к дверям. — Сани будут поданы прежде, чем вы успеете собраться. Я велю заложить трое саней с колокольчиками!

Таким образом, ожидания Тресуэя блестяще оправдались, и Даусон получил полное удовольствие, когда трое саней с тремя солдатами в алых формах на месте кучеров пронеслись по главной улице. Обыватели только глазами хлопали, узнавая седоков.

— Мы будем жить тихо, — сказала Фроне Люсиль. — Мир не кончается Клондайком, и лучшее еще впереди.

Но Джекоб Уэлз держался другого мнения.

— Мы должны наладить это дело, — сказал он

капитану Александру, и капитан Александр в ответ на это заявил, что не привык пятиться назад.

Первая разразилась громовыми раскатами миссис Шовилль; она взбудоражила других дам и погрузилась в хроническое брюзжание.

Люсиль бывала только у Фроны. Но Джекоба Уэлза, вообще очень редко ходившего в гости, можно было часто видеть у камина в доме полковника Тресуэя, причем он почти всегда приводил с собой еще кого-нибудь.

— Что вы делаете сегодня вечером? — спрашивал он у случайно встреченного знакомого. — Ничего? Так пойдемте со мной.

Иногда он произносил эту фразу с невинностью и кротостью ягненка, иногда в глазах его, под мохнатыми бровями, загорался вызов, и редко-редко не удавалось ему залучить намеченного спутника. У этих мужчин были жены, и они таким образом вносили раздор в ряды оппозиции.

Кроме того, в доме полковника Тресуэя можно было найти кое-что кроме слабого чая и легкой болтовни, и корреспонденты, инженеры и приезжие дельцы старательно утаптывали дорогу в этом направлении, хотя проложить ее в первый раз было далеко не легким делом. Так дом Тресуэя сделался центром даусонской жизни и, пользуясь

поддержкой коммерческого финансового и официального мира, не мог не процвести, наконец, и в качестве общественного кружка.

Единственным неприятным последствием явилось то, что жизнь миссис Шовилль и нескольких других представительниц ее пола сделалась значительно однообразнее и что вера этих матрон в непоколебимость некоторых традиций и истин сильно пошатнулась. Кроме того, капитан Александр в качестве высшего должностного лица был силой в стране, а Джекоб Уэлз — главой всемогущей Компании, и на Севере давно уже существовало суеверное убеждение, что дурные отношения с Компанией влекут за собой беду. Прошло немного времени, и во враждебном лагере осталась лишь небольшая кучка человек в десять, на которых попросту махнули рукой.

Глава XXII

Весной из Даусона начался настоящий исход. Те, у кого были заявки, и те, у кого их не было, покупали собак и устремлялись по последнему льду в Дайю. Случайно обнаружилось, что большинство собак принадлежит Дэву Харнею.

— Собираетесь в путь? — спросил его однажды Джекоб Уэлз, когда полуденное солнце в первый раз ласково пригрело кожу.

— Нет, что-то не хочется. Я зарабатываю по три доллара на паре мокасин, которые скупил в свое время, не говоря уже о том, что мне сулят в близком будущем сапоги. Послушайте, Уэлз, насколько я помню, вы не так давно подвели меня с сахаром, верно?

Джекоб Уэлз улыбнулся.

— И клянусь тысячью чертей, я отыгрался. Скажите-ка, есть ли у вас непромокаемые сапоги?

— Нет, мы распродали их в самом начале зимы.

Дэв тихонько ухмыльнулся.

— И скупил их не кто иной, как я.

— Не может быть! Я дал специальное распоряжение приказчикам, чтобы их не продавали

партиями.

— Совершенно верно. По паре на человека, и по человеку на пару, а в результате несколько сот пар. Да ведь все эти покупатели бросали на весы мой песок! Что, выкушали? Пожалуйста, на здоровье! Ну-ка, раскошеливайтесь теперь. Так и быть, сделаю вам скидку. В путь? Нет, уж в этом году не собираюсь. Расчета нет.

В середине апреля на Ручье Гендерсон началась забастовка, обещавшая разрастись в нечто значительное, и Сэн Винсент отправился на реку Стюарт. Немного позднее Джекоб Уэлз, имевший дела в Логе Галлагара и заинтересованный в медных рудниках на реке Белой, поехал в ту же область, захватив с собой Фрону, ибо поездка эта носила скорее увеселительный, чем деловой характер. Тем временем Корлис и Бишоп, которые были уже около месяца в пути и странствовали по Майо и области Мак Квесчен, свернули по левому притоку Гендерсона, чтобы осмотреть там ряд заявок.

Однако к маю весна настолько подвинулась, что передвижение по ручьям сделалось не безопасным, и золотоискатели по последнему тающему льду стали спускаться к группе островов, расположенных у устья реки Стюарт. Там они разбивали

временные лагери или просили гостеприимства у местных жителей. Корлис и Бишоп поселились на Расстанном острове (его прозвали так оттого, что прибывавшие с берега партии обычно разбивались здесь и направлялись в различные стороны), у Тома Макферсона, который жил там с известным комфортом. Несколько дней спустя туда же с реки Белой случайно приехали Уэлзы и разбили палатку на возвышенной верхней части острова. Несколько измученных *чечако,* первые ласточки весеннего прилета, явились перед самым вскрытием реки. Некоторых золотоискателей таяние льда заставило высадиться на берег, чтобы дождаться там вскрытия реки и соорудить плоты или приобрести у местных жителей лодки. В числе последних был Курбертэн.

— Ах! Изумительно! Великолепно! Не правда ли?

Так приветствовал он Фрону, встретившись с ней на следующий день после приезда.

— Что именно? — спросила она, протягивая ему руку.

— Вы! Вы! — он снял шляпу. — Я в восторге!

— Право… — начала Фрона.

— Нет, нет! — перебил ее француз, с жаром потрясая своей вьющейся шевелюрой. — Нет,

не вы. Посмотрите. — Он указал ей на пирогу, за которую Макферсон только что содрал с него тройную цену. — Челнок! Разве это не находка?

— Ах, челнок, — протянула с оттенком разочарования Фрона.

— Нет, нет, простите! — Он сердито топнул ногой. — Не то я говорю. Дело не в вас и не в лодке. Дело в… ах, вот оно, наконец! Ваше обещание. Однажды, помните, у мадам Шовилль мы заговорили о челноках и о моем невежестве в этой области. И вы обещали мне…

— Что я дам вам первый урок?

— Ну разве это не восхитительно? Слышите? Журчание! Журчание где-то там, в глубине. Скоро вода вырвется на свободу. Вот челнок! Наша встреча! Первый урок! Восхитительно! Восхитительно!..

Следующим островом, ниже по течению, был остров Рубо, отделенный от Расстанного лишь узким проливчиком. Сюда вскоре прибыл Сэн Винсент, последний путешественник, отважившийся пуститься по зимнему пути. Тропа, проходившая по льду, успела уже к тому времени скрыться под водой, и собакам приходилось местами пускаться вплавь. Он направился к срубу Джона Борга, молчаливого, угрюмого субъекта,

открыто предпочитавшего уединение обществу своих ближних. Злой рок заставил Сэн Винсента выбрать из всех жилищ на острове кровлю Джона Борга, чтобы дождаться там вскрытия реки.

— Ладно, — ответил хозяин на просьбу корреспондента. — Кладите ваши одеяла в угол. Белла уберет хлам со свободной койки.

До самого вечера он не произнес больше ни слова. Тут он сказал:

— Вы слишком значительны, чтобы стряпать себе сами. Когда женщина управится с печкой, можете снова развести огонь.

Белла была миловидная молодая индианка. Сэн Винсенту никогда еще не приходилось встречать среди ее соплеменниц такого красивого создания. Вместо обычной грязноватой смуглоты, свойственной ее расе, кожа у Беллы была чистая, с легким золотистым оттенком, а черты — более мягкие и изящнее выточены, чем у других женщин ее крови.

После ужина Борг облокотился о стол и опустил подбородок на свои огромные нескладные руки. Он курил вонючий сивашский табак и смотрел прямо перед собой. Можно было бы подумать, что он о чем-то размышляет, если бы не этот жесткий неподвижный взгляд, взгляд человека,

погруженного в транс.

— Вы давно уже живете в этих местах? — спросил Сэн Винсент, пытаясь завязать разговор.

Борг перевел на него свои мрачные черные глаза, которые, казалось, проникли в самое нутро журналиста, просверлили его насквозь и уставились на что-то позади него, забыв о нем самом. Казалось, он мысленно взвешивает в этот момент что-то очень тяжелое и значительное, не иначе как свои грехи, нервно подумал корреспондент, скручивая папиросу. Когда желтое облако дыма рассеялось, распространив приятный аромат, и Сэн Винсент принялся за вторую, Борг вдруг заговорил.

— Пятнадцать лет, — сказал он и снова погрузился в свое насыщенное безмолвие.

После этого Сэн Винсент добрых полчаса беспрепятственно изучал его непроницаемую внешность. Начать с того, что голова у Борга была массивная, неправильной формы, расширяющаяся кверху, и держалась она на могучей бычьей шее. Природа щедро вылепила эту голову, и каждая черточка в ней носила отпечаток этой широты стихийного размаха и грубой асимметрии первобытных сил. Густые, длинные, спутанные волосы кое-где были покрыты

сединой, и тут же рядом, как бы издеваясь над возрастом, завивались матово-черные кудри, кудри необычайной густоты, толщиной со скрюченный палец, тяжелые и плотные. Щетинистые усы и борода, местами совсем редкие, местами густые, точно поросли травы, пестрели обильной проседью. Они чудовищной волной пробегали по его лицу, не скрывая, однако, глубоких впадин щек и искривленного рта. Тонкие губы, жестокий рот, причем какая-то бесстрастная жестокость. Лоб казался на этом лице аномалией, которая еще сильнее подчеркивала неправильность остальных черт, ибо лоб этот был прекрасен, широкий и выпуклый, с необычайной мощью устремлявшийся вверх. Такой лоб мог быть твердыней, оплотом великого разума. За ним так и чудилось всеобъемлющее знание.

За спиной Борга Белла перемывала тарелки и ставила их на полку. Вдруг она уронила тяжелую чашку. В тишине резкий стук прозвучал совершенно неожиданно. В тот же миг Борг с диким ревом вскочил на ноги, опрокинув стул; глаза его сверкали, и все лицо судорожно подергивалось. Белла издала нечленораздельный животный крик ужаса и скорчилась у его ног. Сэн Винсент почувствовал, как волосы зашевелились у него на

голове и неприятный озноб, точно струя холодного воздуха, пробежал вверх и вниз по его спине. Затем Борг поднял стул, снова уселся в той же позе и, положив подбородок на руки, погрузился в раздумье. Никто не произнес ни слова, и Белла опять как ни в чем не бывало занялась мытьем посуды, в то время как Сэн Винсент, скручивая дрожащими пальцами папироску, спрашивал себя, уж не приснилась ли ему вся эта сцена.

Джекоб Уэлз расхохотался, когда журналист рассказал ему об этом инциденте.

— Узнаю парня, — сказал он, — его поступки не менее оригинальны, чем его внешность. Борг не принадлежит к породе общественных животных. Он прожил в стране больше лет, чем может насчитать знакомых. По правде говоря, я не думаю, чтобы у него нашелся хотя бы один друг во всей Аляске, даже среди индейцев, несмотря на то что он порядком терся среди них. Они прозвали его Джонни Болиголова, но Борга с таким же успехом можно было окрестить Джонни Проломиголову, потому что он очень вспыльчив и тяжел на руку. Вспыльчив! Как-то между ним и агентом Полярного города возникло какое-то маленькое недоразумение. Джонни был прав, агент ошибся, но он с места в карьер объявил бойкот Компании

и целый год питался черт знает как. Я случайно столкнулся с ним на станции Танана, и он только после долгих объяснений согласился снова покупать у нас.

— Девушку он вывез с верховьев реки Белой, — рассказал Сэн Винсенту Билль Браун. — Уэлз воображает, что он первый побывал в тех местах, но Борг мог бы дать ему немало очков вперед по этой части и посадить в калошу. Он еще много лет назад забирался туда. Да, странный человек! Не хотел бы я жить с ним под одной кровлей.

Но эксцентричность хозяина не пугала Сэн Винсента, ибо он почти все свое время проводил на Расстанном острове в обществе Фроны и Курбертэна. Раз, однако, он совершенно неожиданно столкнулся с ним.

Два шведа, охотившиеся за тремя белками на другом конце острова Рубо, остановились около жилища Борга, чтобы прикурить и погреться немного на открытой полянке перед срубом. Сэн Винсет и Борг занимали их, причем последний ограничивался, по обыкновению, односложными замечаниями. Позади, у дверей хижины, Белла стирала белье. Самодельная и неуклюжая лохань, к тому же до половины наполненная водой, была чересчур тяжела для женщины. Корреспондент

заметил, что она выбивается из сил, стараясь поднять громоздкую посудину, и быстро направился к ней на помощь.

Взявшись за лохань с двух концов, они понесли ее немного дальше, чтобы вылить воду в том месте, где начинался уклон вниз. Сэн Винсент поскользнулся на талом снегу, и мыльная вода расплескалась по земле. За ним поскользнулась Белла, а затем поскользнулись оба. Белла фыркнула и расхохоталась, Сэн Винсент тоже рассмеялся. В воздухе пахло весной, и жизнь казалась необыкновенно приятной и радостной. Только скованное зимним холодом сердце могло отвергнуть улыбку в такой день. Белла снова поскользнулась, попыталась удержаться, но все-таки шлепнулась на землю. Оба весело рассмеялись, и корреспондент протянул руки, чтобы помочь ей встать. Одним прыжком Борг очутился между ними. Он резко разъединил их руки и оттолкнул Сэн Винсента так, что тот отлетел шага на два и едва устоял на ногах. Затем снова повторилась сцена, разыгравшаяся раньше в хижине. Белла, съежившись, ползала в грязи, а ее повелитель, замерев в грозной позе, возвышался над ней.

— Эй, вы, послушайте, — обратился он к Сэн

Винсенту сдавленным шипящим голосом. — Вы спите под моей кровлей и готовите себе еду на моем очаге. Этого достаточно. Оставьте мою бабу в покое.

После этого все пошло по-прежнему, как будто ничего и не происходило. Сэн Винсент обходил Беллу за версту и игнорировал ее существование. Но шведы, вернувшись на свой конец острова, со смехом вспоминали эту тривиальную сцену, которой суждено было сыграть в будущем трагическую роль.

Глава XXIII

Пришла весна и охватила землю волной теплой, мягкой ласки; пришла, как по волшебству, и не уходила, точно забывшись в мечтательной дреме, в ожидании того мгновения, когда ее сменит торжествующе знойное лето. На низинах и в долах уже не видно было снега; он гнездился только на северном склоне изъеденных ледниками гор. Ледяной покров всюду уже таял; горные потоки бурно ревели. Солнце с каждым днем вставало все раньше и раньше и заходило все позднее и позднее. В три часа ночи уже чувствовался предутренний холодок и начинало светать; в девять вечера еще продолжались мягкие сумерки. Скоро уже солнце начнет описывать по небу золотой круг; скоро полночь превратится в яркий полдень.

Ивы и осины давно уже покрылись почками и теперь понемногу облачались в свежий, светло-зеленый убор; по стволам сосен и елей поднимались весенние соки. Мать-природа, вздохнув, пробудилась от зимнего сна и торопливо принялась за свои дела. В хижинах по ночам трещали сверчки, а днем из всякого дуп-

ла, из каждой расщелины в скалах выползали на солнышко комары — крупные, шумливые, но безвредные создания, успевшие еще летом произвести на свет многочисленное потомство; замороженные, они проспали всю зиму, а теперь эти старцы проснулись и зажужжали, словно юнцы, не сознавая, что они уже обречены на вторую, на этот раз окончательную, смерть. Из недр оттаявшей земли выползали всякие существа — ползающие, летающие, порхающие; и все они торопились жить, достигнув зрелости, произвести себе подобных и затем исчезнуть. Ведь все они хорошо знали, что им дается лишь короткий срок: только-только пахнёт теплом, а затем снова наступят бесконечные, суровые морозы; так где уж тут время терять!

Береговые ласточки рыли свои длинные тунели в мягкой глине, окаймляющей реку, а красногрудки заливались на заросших сосной островах. Где-то наверху настойчиво постукивал дятел, а в самой чаще леса куропатки-самцы издавали громкое «бум-бум» и важно выступали в сознании своего мужского достоинства.

Один Юкон еще не принимал участия во всей этой лихорадочной деятельности. Река по-прежнему развертывалась на протяжении многих

тысяч миль, холодная, безжизненная, со строгим, неулыбающимся ликом. Перелетные птицы, мчавшиеся с юга длинными вереницами и порой сбивавшиеся в нестройные кучи из-за сильного ветра, опускались на землю, тщетно ища не покрытой льдом воды, и затем бесстрашно пускались дальше, на север. Унылый ледяной покров тянулся сплошь от одного берега реки до другого. Правда, кое-где вода прорывалась и выступала поверх льда, но ночи были морозные, и она к утру снова замерзала. Существует предание, будто однажды Юкон так и не вскрывался в продолжение трех лет; надо признаться, что этому преданию не так уж трудно поверить.

Итак, лето ждало только вскрытия реки, чтобы вступить в свои права; а медлительный Юкон все еще только потягивался, но потягивался так, что у него все косточки хрустели. То образовывалось отверстие во льду, и вода все дальше и дальше разъедала его края; то появлялась трещина, которая все росла, росла и уж больше не замерзала. Затем лед оторвался от берегов, вздулся и поднялся на целый фут. Но река все еще не хотела расстаться со своим ледяным покровом. Это было трудное, медленное дело; человек, научившийся обхаживать природу, словно пигмей великана,

человек, постигший искусство уничтожать смерчи на море и обуздывать водопады, оказывался бессильным перед этими миллиардами тонн прозрачного, холодного льда, которые упорно не хотели спуститься вниз по реке и уплыть в Берингово море.

На Растанном острове были сделаны все приготовления в ожидании того момента, когда тронется лед. Реки издавна служили первыми путями сообщения для человека, а Юкон являлся единственным водным путем по всей стране. Поэтому все, собиравшиеся плыть вверх по течению, смолили свои лодки и приделывали железные наконечники к шестам; те же, кто думали спуститься вниз по реке, конопатили свои плоскодонки и барки и изготовляли весла с помощью топоров и ножей. Джекоб Уэлз ничего не делал и наслаждался полным отдыхом, и Фрона радовалась вместе с ним. Зато маркиз Курбертэн буквально трясся от нетерпения при мысли о задержке. После долгой зимы кровь француза кипела, и яркое солнце вызывало у него яркие мечты.

— О! О! Да он никогда не вскроется! Никогда! — И маркиз, стоя на берегу Юкона, глядел на суровый ледяной покров и осыпал реку вежли-

выми проклятиями. — Это заговор, «Ля Бижу», бедняжка моя, настоящий заговор!

И он поглаживал, словно коня, «Ля Бижу» — так он окрестил свою блестящую новенькую лодку.

Фрона и Сэн Винсент смеялись над ним и призывали его к терпению, но француз посылал к чертям всякое терпение. Он умолк лишь тогда, когда его окликнул Джекоб Уэлз.

— Посмотрите-ка, Курбертэн! Вон там, вправо от скалы! Видите ли вы там какой-то движущийся предмет?

— Да. Это собака.

— Нет, собака бежала бы быстрее. Фрона, достань бинокль.

Курбертэн и Сэн Винсент тотчас же бросились за биноклем, но только Сэн Винсент знал, где он лежит, и потому вскоре вернулся, торжествуя. Джекоб Уэлз взял бинокль и стал смотреть в него на противоположный берег. Оттуда до острова было не меньше мили, и яркий блеск солнца на льду больно слепил глаза.

— Это человек!

Джекоб Уэлз передал бинокль французу и продолжал смотреть невооруженным глазом.

— С ним что-то неладное!

— Он ползет! — воскликнул француз. — Чело-

век этот ползет, он тащится на четвереньках. Смотрите! Смотрите!

И он, весь дрожа, сунул бинокль в руку Фроне.

На огромном, сверкающем, белом пространстве трудно было различить темный предмет небольших размеров, лишь смутно вырисовывавшийся на таком же темном фоне, образованном землей и кустарником. Но Фрона, тем не менее, довольно ясно увидела человека; когда глаза ее привыкли к блеску снега, она стала различать даже его движения, в особенности тогда, когда он добрался до поваленной ветром сосны. Сердце ее сжималось, когда она наблюдала за несчастным. Он два раза, с неимоверными усилиями, весь извиваясь, сделал попытку переползти через толстый ствол дерева; но это ему удалось лишь на третий раз, и то с огромным трудом; да и тут он беспомощно свалился вниз и упал лицом прямо на спутанные, колючие ветви.

— Да, это человек!

И Фрона передала бинокль Сэн Винсенту.

— Он медленно продвигается ползком. Он только что перелез через лежащее на земле дерево и упал.

— Он шевелится? — спросил Джекоб Уэлз.

Сэн Винсент неопределенно покачал головой.

Джекоб Уэлз немедленно принес из палатки свою винтовку и быстро выстрелил в воздух шесть раз подряд.

— Он двигается! — Корреспондент внимательно следил за неизвестным. — Вот он подползает к берегу. Ага! Нет, стойте… Да! Он лежит на земле и машет шляпой или чем-то, надетым на палку.

Джекоб Уэлз сделал еще шесть выстрелов.

— Вот он замахал снова. Теперь он опустил руку и лежит, не двигаясь.

На Джекоба Уэлза устремились вопросительные взгляды трех его спутников.

Он пожал плечами.

— Почем я знаю? Не то белый, не то индеец; по всей вероятности, ослабел от голода или же ранен.

— Но он, может быть, умирает! — произнесла Фрона с мольбой, словно считая, что ее отец, совершивший немало подвигов на своем веку, может сделать решительно все.

— Мы ничего не можем сделать.

— Ах! Это ужасно! Ужасно! — Француз ломал руки. — У нас на глазах, и мы ничего сделать не можем! Нет! — вдруг воскликнул он решительным голосом. — Этого не будет! Я перейду туда по льду!

И он чуть было не ринулся сразу вперед, но Джекоб Уэлз схватил его за руку.

— Не так стремительно, маркиз! Голову терять не следует!

— Но…

— Никаких «но» тут быть не может. Что нужно этому несчастному? Пища? Лекарство? Подождите минутку. Я пойду с вами.

— И я тоже! — сразу же вызвался Сэн Винсент.

У Фроны радостно заблестели глаза. Она тотчас же отправилась в палатку, собрала кое-какие съестные припасы и связала их в узелок. Мужчины, между тем, достали веревку длиной в шестьдесят или семьдесят футов. Джекоб Уэлз и Сэн Винсент обвязали себя ею вокруг талии, а француз очутился в середине. Он потребовал, чтобы пакет с провизией отдали ему, и привязал его на свою могучую спину. Фрона с берега следила за ними. Первую сотню шагов они прошли легко, но как только миновали полосу крепкого берегового льда, она сразу заметила, что им стало идти труднее. Первым шел ее отец; он все время нащупывал палкой лед впереди и по бокам и постоянно менял направление.

Сэн Винсент, замыкавший шествие, первый провалился в полынью, но вовремя успел ловко

бросить палку поперек образовавшегося во льду отверстия, так что концы ее легли на твердый лед. Он окунулся в воду только по грудь; хотя его засасывало сильным течением, товарищи его напрягли все силы и сразу вытащили его. Фроне видно было, как все трое начали совещаться, причем барон усиленно жестикулировал и указывал на что-то пальцем, наконец Сэн Винсент, отделившись от остальных, пошел обратно.

— Брр! — произнес он, весь дрожа, когда поравнялся с Фроной. — Это невозможная вещь!

— Так почему же они не вернулись? — спросила Фрона. В тоне ее ясно звучал легкий оттенок недовольства.

— Они сказали, что хотят сделать еще одну попытку. Ведь вы знаете, какая горячая голова этот Курбертэн.

— А мой отец настойчив, как бык, — с улыбкой подхватила она. — А не переодеться ли вам? В палатке есть одежда.

— О, нет!

И он растянулся на земле рядом с Фроной.

— Ведь на солнышке совсем тепло!

Они пробыли тут еще час, наблюдая за Уэлзом и Курбертэном, казавшимися лишь черными точками благодаря расстоянию: они успели уже

добраться до середины реки и вместе с тем удалились на целую милю вверх по течению. Фрона, не расставаясь с биноклем, внимательно следила за ними, хотя порой теряла их из виду, когда они скрывались за ледяными кочками.

— Это нечестно, — стал жаловаться Сэн Винсент, — ведь они уверяли, что хотят сделать всего одну попытку. Иначе я ни за что не вернулся бы. Впрочем, это им не удастся — это невозможная вещь!

— Да... Нет... Да... Они возвращаются! — вдруг объявила Фрона. — Но послушайте! Что это такое?

С середины замерзшей реки доносился гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Фрона вскочила на ноги.

— Грегори! Не может быть! Неужели река сейчас вскроется!

— Нет, нет! Не может быть! Стойте — сейчас уже ничего не слышно.

И на самом деле, грохот прокатился вниз по реке и затих.

— А вот опять! Вот!

Раздался новый раскат, более сильный и более зловещий, чем предыдущий. Красногрудки и белки сразу умолкли. Гул пронесся мимо Фроны и

Сэн Винсента, словно шум далекого поезда. Вслед за ним третий раскат, более продолжительный и похожий на рев, пронесся вниз по реке.

— Ах! Возвращались бы они поскорее!

Две отдаленные черные точки перестали двигаться; очевидно, Джекоб Уэлз и Курбертэн о чем-то совещались. Фрона быстро оглядела в бинокль все пространство реки. Хотя снова поднялся глухой шум, поверхность ее оставалась по-прежнему ровной. Лед расстилался гладкой пеленой. Красногрудки снова затянули свою песнь, а белки торжествующе затрещали.

— Не бойтесь, Фрона! — Сэн Винсент покровительственно обнял Фрону, словно защищая ее. — Если существует какая-нибудь опасность, они сознают ее не хуже нас; они знают, что им следует торопиться.

— Я еще ни разу не видела, как вскрывается большая река, — призналась Фрона и стала терпеливо ждать.

Глухие раскаты продолжали раздаваться временами, но никаких других признаков близкого вскрытия не замечалось. Джекоб Уэлз и Курбертэн медленно приближались к берегу, причем то один, то другой проваливались под лед. Когда они, наконец, стали взбираться на берег, вода тек-

ла с них ручьями, и они оба дрожали всем телом.

— Наконец-то! — Фрона схватила обе руки отца в свои. — Мне казалось, что вы никогда не вернетесь!

— Ладно, ладно! Иди скорее, приготовь нам обед, — засмеялся Джекоб Уэлз. — Опасности не было никакой!

— Но что же это было?

— Река Стюарт вскрылась, и лед из нее пошел по Юкону; он проходит внизу, под ледяной поверхностью. Мы там ясно слышали, как глыбы снизу ударялись об нее.

— Ах! Это было ужасно! Ужасно! — воскликнул Курбертэн. — А этот бедный, бедный человек — мы не можем спасти его!

— Нет, можем. После обеда попробуем погнать собак. Поторапливайся, Фрона.

Но и эта попытка окончилась неудачей. Джекоб Уэлз выбрал вожаков, как самых умных из всех собак, привязал им на спину узлы с едой и погнал их на реку. Но они не понимали, что от них требуется. Каждый раз, как они пробовали вернуться назад, их снова отгоняли прочь от берега криками и швыряли в них комьями земли и палками. Но это только сбивало животных с толку, и они, отойдя на безопасное расстояние,

стояли там, поднимая по очереди свои иззябшие, мокрые лапы, жалобно скуля и просясь обратно на берег.

— Если бы они хоть раз перебежали реку, они поняли бы, что от них требуется, и стали бы бегать взад и вперед, как заведенные машины. Ага! Ты куда это? Вперед! Чук, Мириам, чук! Все дело в том, чтобы заставить хоть одну собаку перейти туда!

Джекобу Уэлзу, наконец, удалось направить Мириам, передовую собаку из запряжки Фроны, по следу, оставленному им и бароном. Собака храбро побежала по следу, постоянно проваливаясь под лед, иногда пускаясь вплавь; но там, где след прекращался, она беспомощно остановилась и села на лед. Вскоре она пошла обратно, описав дугу, и сначала выбралась на пустынный островок, лежавший вверх по течению. Час спустя она вернулась в лагерь, но уже без узелка с провизией. Две другие собаки, отойдя на почтительное расстояние, съели друг у друга навьюченные на них съестные припасы; после этого было решено бросить это дело, и всех собак отозвали назад.

Днем раскаты стали раздаваться все чаще и чаще и к вечеру превратились в сплошной гул. К утру, впрочем, все стихло. Вода поднялась на

восемь футов, и во многих местах ледяная поверхность была сплошь залита ею. Лед трещал и ломался, и везде образовывались многочисленные отверстия.

— Лед, идущий внизу, образовал затор у островов, — объяснил Джекоб Уэлз. — Оттого-то и поднялась вода в реке. Кроме того, при впадении реки Стюарт образовался второй затор, и лед идет назад. Когда этот затор прорвется, лед снова пойдет и налетит на нижний затор.

— А затем? Затем? — радостно воскликнул француз.

— «Ля Бижу» снова понесется по воде.

Когда совсем рассвело, они стали искать глазами человека на противоположном берегу. Он оказался там же, где был накануне, и слабо замахал в ответ на выстрелы.

— Ничего нельзя поделать, покуда не вскроется река, маркиз. Тогда помчимся туда на «Ля Бижу». Сэн Винсент, вы бы принесли сюда ваш спальный мешок да провели бы с нами ночь. Нам придется грести втроем; думаю, что удастся достать еще Макферсона.

— Нет никакой надобности, — поспешно ответил корреспондент. — На проливе лед крепок, как камень, и я на рассвете уже буду здесь.

— А я? Почему не берут меня? — спросил Курбертэн.

Фрона рассмеялась.

— Не забудьте, что мы еще не успели дать вам и первых уроков.

— А завтра уж не до того будет, — добавил Джекоб Уэлз. — Если только лед тронется, то дело пойдет быстро. Боюсь, что нам придется ехать втроем — Макферсону, Сэн Винсенту и мне. Мне очень жаль, барон. Поживите с нами еще год, и вы будете в полной форме.

Но Курбертэн был неутешен и целые полчаса не мог прийти в себя от огорчения.

Глава XXIV

— Проснитесь, сони, проснитесь!

При первом же окрике Дэла Бишопа Фрона выбралась из своего спального мешка; но не успела она еще накинуть на себя юбку и надеть мокасины на босые ноги, как ее отец, спавший за занавеской из одеял, откинул полу палатки и выбрался на воздух.

Река уже вскрылась. При холодном сером свете утра можно было видеть, как льдины тихо ударялись о высокие берега; в некоторых местах огромные глыбы выбрасывались на берег и откатывались на несколько футов от реки. Белое поле ясно виднелось на расстоянии каких-нибудь ста шагов; дальше оно сливалось с темно-серым предрассветным небом. Во мраке раздавались треск и шипение; ясно слышалось какое-то тихое шуршание.

— Скоро ли тронется лед? — спросила Фрона у Дэла.

— Да, долго ждать не придется. Взгляните-ка вон туда! — И он кончиком мокасина указал ей на воду, которая выступала поверх льда и стремительно поднималась, словно добираясь до них. —

Через каждые десять минут она поднимается на целый фут. Опасность? — насмешливо добавил он. — Ни малейшей. Лед не может не пройти. Все эти острова, — и он сделал неопределенный жест рукой, указывая вниз по течению, — не могут долго выдержать напора. Льда им не задержать: скорее их снесет льдом, так что и следа от них не останется. Вот увидите! Но мне пора домой. У нас там место ниже, чем здесь. Вода уже залила пол нашей хижины, и Макферсон с Корлисом укладывают все вещи на нары.

— Скажите Макферсону, чтобы он был готов явиться сюда, когда я его позову, — крикнул Джекоб Уэлз вслед уходившему Дэлу Бишопу. Затем добавил, обращаясь к Фроне: — Вот когда Сэн Винсенту следовало бы перебраться через пролив.

Француз, весь дрожа от холода, — он был босиком, — вытащил часы.

— Без десяти три, — сказал он, стуча зубами.

— А вы бы пошли да надели мокасины, — посоветовала ему Фрона. — Вы успеете вернуться.

— Пропустить это грандиозное зрелище? Слушайте!

Откуда-то — неизвестно откуда — послышался ряд резких трескучих звуков, затем они прекратились. Лед тронулся. Медленно, очень медленно

он начал двигаться вниз по течению. Никакого волнения не произошло, не было слышно оглушительного гула, не было борьбы могучих сил; просто полился бесшумно белый поток, плотная вереница льдин; они плыли так близко одна от другой, что ни единая капля воды не проступала между ними. Вода была где-то там, внизу, но ее не было видно. В воздухе стоял глухой шум, тихое шуршание, но настолько слабое, что слух с трудом улавливал его.

— Ах! Где же обещанная грандиозность? Пустые россказни!

Курбертэн сердито погрозил реке кулаком. Густые брови Джекоба Уэлза нахмурились, словно для того, чтобы скрыть насмешливую улыбку, светившуюся у него в глазах.

— Ха-ха! Я смеюсь над ней! Я бросаю ей вызов! Глядите!

И с этими словами француз вскочил на льдину, тихо плывшую мимо у самых его ног. Он сделал это так неожиданно, что Джекоб Уэлз не успел схватить его, хотя сразу же протянул к нему руку.

Движение льда становилось более быстрым, а гул все усиливался и делался более зловещим. Грациозно балансируя руками, словно наездник

в цирке, француз поплыл, кружась, вдоль берега. Так он проплыл шагов пятьдесят на своем ледяном плоту, который с каждой секундой становился все более и более опасным убежищем, и, наконец, ловко спрыгнул на берег. Он вернулся к остальным, весело хохоча. Джекоб Уэлз угостил его самыми отборными выражениями из тех, которые он обычно приберегал для мужской компании.

— За что это? — спросил сильно обиженный Курбертэн.

— За что? — с возмущением передразнил его Джекоб Уэлз и указал ему на мчавшийся у их ног поток.

Шагах в тридцати от них огромная льдина уперлась одним концом в дно реки, отчего другой конец ее начал подниматься вверх. Вся вереница холодных, прозрачных льдин, тянувшихся за ней, сморщилась и сжалась, словно смятая бумага. Вдруг задержавшаяся большая льдина перевернулась; измазанный илом конец ее торчал высоко в воздухе. И сразу же получился затор: шедшие сзади льдины стали громоздиться одна на другую, и, наконец, огромная льдина, футов пятьдесят в ширину, взлетела на воздух, разбрызгивая вокруг грязь со дна реки, и с треском

рухнула на двигавшуюся по поверхности Юкона массу с такой силой, что обломки ее посыпались к ногам стоявших на берегу зрителей. Затем и остатки ее, под напором остальных льдин, рассыпались на куски и исчезли.

— Боже мой! — произнес Курбертэн с благоговением и ужасом, а Фрона одной рукой схватила за руку француза, а другой отца.

Льдины уже мчались мимо с какой-то лихорадочной поспешностью. Где-то внизу массивная льдина ударилась о берег, и почва задрожала у наблюдателей под ногами. Вслед за первой ударилась другая, плывшая на самой поверхности; не успели люди отскочить, как льдина, грузно вздымаясь, грозно устремилась на берег, обнаружив всю свою широкую, покрытую илом поверхность. А за ней третья льдина прошлась по берегу, словно чья-то гигантская рука вырвала с корнем три сосны, неосторожно приютившиеся у самой воды, и увлекла их за собой в реку.

Уже совсем рассвело; можно было ясно различить белую массу, покрывавшую всю поверхность Юкона от берега до берега. Благодаря напору воды, долго сдерживаемой затором, поток льдин мчался теперь с головокружительной быстротой. Огромные глыбы везде врезались в берег,

изрывая и подтачивая его. Весь остров дрожал до самого основания.

— Ах! Какая роскошь! Какое великолепие!

Фрона восторженно запрыгала, не выпуская рук своих соседей.

— Так это, по-вашему, пустые россказни, маркиз?

— Ах! — Курбертэн покачал головой. — Я ошибся. Раскаиваюсь. Но что за великолепие! Посмотрите!

Он указал на группу островов, расположенных вблизи поворота реки. В этом месте широкая река делилась на множество отдельных, узких рукавов; но эти рукава, по которым свободно текла вода, оказались весьма опасными при ледоходе. Острова, казалось, сами врезались в середину потока льдин и подбрасывали глыбы льда в воздух. Льдина напирала на льдину, и они высовывались из воды, громоздились одна на другую, соскальзывали, терлись одна о другую, а между тем сзади на них налетали новые глыбы, образуя сначала холмы, а затем целые горы льда, которые в конце концов с громким треском рушились и рассыпались на куски среди деревьев.

— Там как раз подходящее место для образования затора, — сказал Джекоб Уэлз. — Дай-ка мне

бинокль, Фрона. — Он долго и пристально глядел вдаль. — Да, затор растет, становится все больше и больше. Ведь стоит одной льдине задержаться в подходящем месте и…

— А вода спадает! — воскликнула Фрона.

Лед плыл уже гораздо ниже, не достигая высокого берега. Курбертэн смерил палкой расстояние — оказалось шесть футов.

— А вчерашний путник все там же, только он больше не двигается.

Было уже совсем светло, на северо-востоке всходило солнце. Все по очереди начали рассматривать в бинокль противоположный берег реки.

— Посмотрите! Ведь это прямо чудеса! — И Курбертэн указал на недавно сделанную им отметку. Оказалось, что вода спала еще на целый фут. — Ах, какая досада! Какая досада! Затор! Не будет затора!

Джекоб Уэлз посмотрел на француза с серьезным выражением.

— Неужели будет? — спросил тот с надеждой.

Фрона вопросительно взглянула на отца.

— Затор не такая уж хорошая штука, — сказал он с коротким смешком, — все зависит от того, на каком расстоянии от него находишься.

— Но вода! Глядите! Она спадает — спадает

буквально на глазах.

— Еще не поздно.

Джекоб Уэлз посмотрел в бинокль на усеянное островами место, где река делала поворот; ледяные горы становились все выше и выше и почти уже слились в одну.

— Ступайте в палатку, Курбертэн, и наденьте мокасины, которые там лежат около печки. Да идите же. Вы ничего не пропустите. А ты, Фрона, разведи огонь и свари кофе.

Когда они, полчаса спустя, вернулись, то увидели, что лед продолжает свое движение по реке, несмотря на то что вода спала на двадцать футов.

— Ну, вот теперь начнется самая потеха. На-те, взгляните-ка, буйный галл! Да глядите на левый рукав. Вот, вот оно!

Курбертэн взял бинокль. Он увидел, что левый рукав окончательно закупорился; затем огромная белая гора вдруг тронулась с места и пронеслась по островам. Лед, шедший сзади, замедлил движение и остановился у их берегов. Тотчас же вода в реке начала подниматься на глазах; она поднималась все выше и выше с необычайной быстротой; казалось, она хотела добраться до самых небес. Опять повторилось то, что было

раньше, когда зрители вышли в первый раз из палатки: льдины начали перекатываться через высокий берег вместе с волнами мутной воды.

— Mon Dieu! Это мне совсем не нравится!

— Но зато какое грандиозное зрелище, маркиз! — поддразнила его Фрона. — А пока глядите в оба, а не то промочите ноги!

Француз сошел с залитого водой места и, как оказалось, как раз вовремя, ибо на это место вдруг посыпались мелкие обломки льда. Из-за подъема воды льдины снова громоздились друг на друга, образуя стену выше берега.

— Но все это исчезнет, как только прорвется затор. Смотрите, вода уже поднимается не так быстро. Затор наверно прорвался.

Фрона внимательно разглядывала ледяную стену.

— Нет, не прорвался, — объявила она.

— Но вода уже не скачет вверх, словно лошадь на бегах!

— Однако она не перестает подниматься.

Курбертэн был озадачен. Вдруг лицо его прояснилось.

— Ага! Понял! Где-то там, вверх по течению, образовался второй затор. Отлично, превосходно, не правда ли?

Фрона схватила возбужденного француза за руку.

— Послушайте, а что если затор вверху прорвется, а нижний нет?

Барон посмотрел на нее, не сразу поняв все значение ее слов. Наконец, он сообразил, чем это грозит. Лицо его вспыхнуло, и он ахнул, но тотчас же выпрямился и поднял голову.

— В таком случае и вы, и я, и палатки, и лодки, и хижины, и деревья, все, все, даже «Ля Бижу» — все это пффф! Все это полетит к черту!

Фрона покачала головой.

— Плохо будет дело!

— Плохо! Pardon! Это будет великолепно!

— Нет, нет, маркиз. Эх, жаль, что вы не англосакс! Наш народ мог бы гордиться вами!

— А вы, Фрона, будь вы француженкой, вы прославили бы Францию!

— А вы опять за прежнее? Друг другу букетики преподносите?

Дэл Бишоп с усмешкой посмотрел на них, повернулся и ушел так же быстро, как и пришел.

— А вы тут живее, волчком вертитесь! Там, в хижине, лежат больные. Их надо вытащить. Вы нужны. Да долго не возитесь, — крикнул он, удаляясь.

Вода в реке продолжала подниматься, но гораздо медленнее, чем раньше; как только Фрона и Курбертэн спустились с высокого места, им пришлось идти по воде, которая была им по щиколотку. Осторожно лавируя среди деревьев, они натолкнулись на лодку, находившуюся тут еще с осени. В нее ухитрились влезть трое *чечако,* которым удалось добраться сюда по льду, вместе со всеми своими собаками, палатками и санями. Но теперь лодка очутилась в опасной близости к ледяному водовороту, который, бурля и ревя, кипел в каких-нибудь десяти шагах от нее.

— Да убирайтесь вы отсюда, дураки вы этакие! — крикнул им Джекоб Уэлз, быстро проходя мимо.

Дэл Бишоп, пробегая тут же, тоже объявил *чечако,* чтобы они удирали «хоть к черту на рога»; но они ничего не поняли из его слов. Один из них поднял голову и поглядел с бессмысленным, полным ужаса выражением. Второй продолжал лежать поперек лодки, безучастный ко всему, словно совершенно обессилев; а третий, похожий на клерка из конторы, раскачивался взад и вперед, издавая монотонные стоны:

— О Боже! О Боже!

Француз остановился, схватил его за плечи и

хорошенько потряс.

— Черт бы вас побрал! — крикнул он. — На ноги свои надейтесь, дурень вы этакий, а не на Бога! Да, да! Пошевеливайтесь! Возьмите себя в руки! Вертитесь волчком! Подальше от реки, в лес, на дерево — куда угодно спрячьтесь!

Он попробовал было вытащить *чечако* из лодки, но несчастный стал яростно отбиваться от него и не хотел сдвинуться с места.

— Как быстро подхватываешь местные выражения, — заметил француз Фроне, торопливо шагая рядом с ней. — Волчком вертитесь! Это очень образное, яркое выражение!

— Вам следовало бы совершить поездку с Дэлом, — ответила Фрона смеясь, — он быстро обогатил бы ваш лексикон.

— Да неужели?

— Уверяю вас!

— Ах, эти ваши выражения! Никогда мне им всем не научиться!

И француз, схватившись за виски, в отчаянии покачал головой.

Вскоре они добрались до расчищенного от деревьев места, где на самом берегу реки стояла хижина. На ее ровной, сделанной из земли крыше, лежали двое больных, закутанных в одеяла.

Внутри хижины возились, шлепая по воде, Бишоп, Корлис и Джекоб Уэлз, они собирали одежду и прочие пожитки. Снаружи вода покрывала землю фута на два, но в хижине пол был для тепла устроен ниже, и там вода доходила до пояса.

— Смотрите, чтобы табак не промок, — слабым голосом произнес один из больных, лежавших на крыше.

— К черту табак! — объявил его товарищ. — О муке позаботьтесь. Да и о сахаре тоже, — добавил он, словно вспомнив о нем.

— Билль это говорит потому, что сам не курит, мисс, — пояснил первый. — Но вы уж будьте добры, присмотрите за табаком, пожалуйста, — добавил он умоляющим тоном.

— Нате вам, заткнитесь! — сказал Дэл, кидая ему жестянку с табаком.

Больной схватил ее с жадностью, словно это был мешок с золотом.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь им? — спросила Фрона, глядя на лежавших на крыше несчастных.

— Нет. Это цинга. Им может помочь одно: сырая картошка да отъезд отсюда из этой Богом забытой страны. — Золотоискатель посмотрел на девушку. — Да вы-то что тут торчите? — добавил

он. — Убирайтесь-ка прочь отсюда, на более высокое место!

Но в этот момент раздался треск и грохот: то рухнула ледяная стена. Глыба льда, тонн в пятьдесят весом, прокатилась по острову, обдавая присутствующих брызгами мутной воды, и остановилась у самой двери хижины. Другая льдина, поменьше, ударилась о торчавшие на углу концы бревен, отчего вся хижина затряслась. А Курбертэн и Джекоб Уэлз были еще внутри.

— После вас! — услышала Фрона слова маркиза, а затем раздался короткий, веселый смех ее отца. Храбрый француз добился своего и вышел последним, с трудом протиснувшись в щель, оставшуюся между бревнами и льдиной.

— Слушай, Билль, а ведь если затор внизу не прорвет, то аминь нам с тобой! — крикнул собственник жестянки с табаком своему товарищу.

— Да, крышка нам тогда! — ответил тот. — Я видел раз такой случай около Нюлато: остров Биксби был начисто снесен льдом — от него осталось гладкое место, гладкое, словно пол в кухне у моей старухи-матери.

Мужчины подбежали между тем к Фроне и столпились вокруг нее.

— Это не годится. Их надо снести к нам в хи-

жину, Корлис. — И Джекоб Уэлз с этими словами ловко взобрался на крышу хижины и устремил взгляд на далекую ледяную гору.

— А где Макферсон? — спросил он.

— Вот уж час как сидит у себя на крыше, застыл там.

Джекоб Уэлз замахал руками.

— Прорывается! Пошел ломаться!

— Не увидать тебе на этот раз кухню твоей мамаши, Билль, дай Бог здоровья старушке! — крикнул приятелю любитель курения.

— Да, — ответил невозмутимый Билль.

Вся поверхность реки словно съежилась и устремилась вниз по течению. От напора воды ледяная стена стала прорываться сразу в сотне мест; повсюду на берегу раздавался треск и грохот вырываемых с корнем и падающих деревьев.

Корлис и Бишоп, подняв Билля на руки, понесли его в дом к Макферсону. Джекоб Уэлз и француз взялись за его товарища и только начали спускать его с крыши, как вдруг огромная льдина со всего размаха налетела на хижину. Фрона заметила ее и крикнула, предупреждая об опасности, но бревенчатая хижина была опрокинута мгновенно, словно карточный домик. Фрона увидела, как Курбертэна и больного отбросило прочь, а отец

ее упал тут же на землю. Она кинулась к нему, но он не вставал. Она потянула его за руку, надеясь, что он поднимет хотя бы голову, очутившуюся под водой, но как она ни старалась, Джекоб Уэлз смог лишь еле-еле высунуть лицо из воды. Тогда она отпустила его и начала шарить руками вокруг него. Оказалось, что его правая рука была защемлена между бревнами. Сдвинуть эти бревна с места она не могла, но сразу же просунула между ними конец одного из шестов, которые служили балками для крыши и на которых покоился верхний ее слой из земли и мха. Это был весьма примитивный рычаг, мало пригодный для дела: когда Фрона всем телом навалилась на свободный конец его, он начал трещать и гнуться. Это предупредило ее об опасности — она схватилась за шест поближе к середине и стала осторожно нажимать на него. Вдруг что-то там, под водой, поддалось и сдвинулось с места, и в тот же миг из-под воды показалась измазанная грязью голова Джекоба Уэлза.

Он несколько раз вздохнул полной грудью и в порыве радости воскликнул:

— Ах, как хорошо!

И затем добавил, быстро оглядываясь вокруг:

— Фрона, а ведь Дэл Бишоп не соврал!

— В чем дело? — в недоумении спросила девушка.

— Да он говорил, что ты — молодчина, помнишь?

Он поцеловал дочь, и они оба со смехом сплюнули грязь, попавшую им в рот. В этот момент из-за развалин хижины показался Курбертэн.

— Нет, еще никогда в жизни я не видел подобного человека! — весело воскликнул француз. — Он невменяемый, он сумасшедший! Ничем его не уймешь! У него от падения расшиблена голова, и табак пропал. Так главным образом его огорчает потеря табака.

Однако оказалось, что голова у бедняги цела, только в одном месте была содрана кожа.

— Вам придется подождать, пока не вернутся остальные, я уже в носильщики не гожусь.

И Джекоб Уэлз указал на свою безжизненно повисшую правую руку.

— Только вывих, — объяснил он. — Кости целы.

Француз, приняв вдруг какую-то необыкновенную позу, указал пальцем на ногу Фроны.

— Смотрите, вода ушла, а из-под воды вынырнула жемчужина, драгоценная жемчужина.

И так уже изрядно поношенные мокасины

девушки совсем расползлись от долгого пребывания в воде, и сквозь дыру в одном из них виднелся маленький пальчик, белевший среди грязи.

— Значит, я очень богата, маркиз; у меня есть еще девять таких же жемчужин!

— Кто может это отрицать? Кто? — горячо воскликнул француз.

— Ну, что за смешной, милый, глупый человек!

— Целую вашу ручку!

И француз галантно опустился на одно колено прямо в грязь.

Фрона выдернула у него руку и положила ее на его голову; затем, схватив его обеими руками за курчавые волосы, она стала то отталкивать от себя, то приближать к себе его лицо.

— Ну, что мне делать с ним, отец?

Джекоб Уэлз пожал плечами и рассмеялся. Тогда Фрона, подняв голову Курбертэна, поцеловала его в губы. Но Джекоб Уэлз знал, что этот порыв радостного возбуждения относится главным образом к нему, ее отцу.

* * *

Лед, между тем, не переставая шел по реке, опустившейся снова до того уровня, которого она

обычно достигала зимой. Но вода, спадая, нагородила вдоль берега кучи льдин; местами эта ледяная стена достигала двадцати футов высоты. Среди деревьев, частью поваленных, частью еще стоявших на месте, на траве и на забрызганных грязью цветах валялись огромные прозрачные глыбы; казалось, их изрыгнула пасть какого-то гигантского северного чудовища. А солнце тоже делало свое дело: оттепель шла вовсю; с таявших ледяных гор ручьями текла вода, смывая наружный слой грязи, и они теперь блестели, сверкали на солнышке, словно огромные бриллианты, порой отливавшие прозрачной синевой. Но все эти сверкающие постройки были весьма непрочны: то тут, то там постоянно раздавался оглушительный грохот, когда какая-нибудь прозрачно-золотистая башня или отливавший всеми цветами радуги минарет рушился и падал в реку. У одной из образовавшихся таким образом брешей стояла «Ля Бижу»; около нее толпились все обитатели Расстанного острова, занятые спасанием *чечако* и больных.

— Нет, нет, брат; двух гребцов вполне хватит, — сказал Томми Макферсон и оглянулся, словно ища подтверждения своих слов у товарищей. — Если вас в лодке будет всего трое, вам же будет

удобнее.

— Тут надо или действовать решительно, или же отказаться от попытки, — вставил свое слово Корлис. — Необходимо грести троим — вы сами это отлично знаете, Томми.

— Нет, нет, довольно и двух, я вам говорю!

— Боюсь, что нам придется обойтись и двумя!

Шотландец просиял.

— Больше не надо, — только помешаете друг другу. Я уверен, что вы справитесь и так, ребята.

— Но вы будете в числе этих двух, Томми, — продолжал неумолимый Корлис.

— Нет! Там найдется кому поехать и без меня.

— Нет, не найдется. Курбертэн совершенно неопытен. Сэн Винсент, очевидно, не может перебраться через пролив. Мистер Уэлз выбыл из строя из-за вывихнутой руки. Остаемся вы да я, Томми.

— Непрошеных советов давать не люблю, но, по-моему, вон тот благочестивый муж — самый подходящий для этого дела человек. Он наверное здорово умеет грести.

И Макферсон указал рукой на Дэла Бишопа.

Хотя шотландец и недолюбливал свирепого золотоискателя, однако ему были хорошо известны его стойкость и мужество. Поэтому он и восполь-

зовался случаем, чтобы подсунуть его вместо себя на рискованное предприятие.

Дэл Бишоп шагнул вперед и очутился в центре небольшой группы. Посмотрев сначала каждому из присутствующих прямо в глаза, он заговорил:

— Есть ли здесь хоть один человек, который назовет меня трусом? — спросил он без длинных предисловий и снова остановил свой взгляд по очереди на каждом из стоявших. — Может ли кто-нибудь из вас сказать, что я хоть раз в жизни совершил подлость? — И он снова испытующе посмотрел на товарищей. — Ну, так вот. Я воду ненавижу, но бояться ее — не боюсь! Плавать я не умею, но уже не помню, сколько раз бросался в воду. Гребу я так, что при всяком взмахе хлопаюсь на спину. Что же касается управления лодкой, то могу сказать одно: умные люди уверяют, будто в компасе тридцать два деления, но когда за рулем стою я, то их откуда-то получается по меньшей мере шестьдесят четыре. Когда приходится действовать одним веслом, то и в этом я разбираюсь меньше, чем свинья в апельсинах, — это так же верно, как то, что Господь велит красным яблочкам расти и зреть на яблоне. Стоит мне только сесть в лодку, как она почти всегда опрокидывается. Два раза у меня даже отваливалось дно. Был

случай, когда я упал в воду в Каньоне, а вытащили меня только у Белой Лошади. Есть только один человек, который гребет так же скверно, как я, и этот человек сам ваш покорный слуга. Но, господа, если нужно будет, я сяду в «Ля Бижу» и поплыву на ней хотя бы в самую пасть ада, если только лодка не опрокинется по дороге!

Курбертэн бросился обнимать Дэла, восклицая:

— Вы настоящий молодец, — это так же верно, как то, что Господь велит красным яблочкам расти и зреть на яблоне!

Томми побледнел как полотно. Чтобы как-нибудь прервать наступившее тягостное молчание, он решил повысить голос.

— Не отрицаю, что грести я умею недурно, да и силенка у меня есть; но я утверждаю, что не успеете вы проехать и половины пути, как затор прорвется и потопит вас. По-моему, это предприятие безрассудное. Подождите немножко, пока не очистится река, — вот мой совет.

— Не пройдет, Томми, — объявил Джекоб Уэлз. — Здесь ваши отговорки — монета не ходкая!

— Но послушайте, ведь не может же человек не рассуждать…

— Довольно! — объявил Корлис. — Вы поедете

с нами.

— Ничего подобного! Я…

— Молчать!

Природа наградила Дэла Бишопа могучими легкими и луженой глоткой. Стоило ему гаркнуть это слово, как шотландец сразу умолк и присмирел.

— Внимание! Внимание!

По сравнению с зычным криком Дэла голосок Фроны прозвенел среди деревьев, как чистейшее серебро, и разнесся по острову.

— Внимание! Река очищается от льда! Подождите минутку! Я поеду с вами!

Милях в трех вверх по течению, в том месте, где Юкон меняет свое западное направление, делая могучий поворот, виднелась полоса воды. После такой долгой зимы, словно гранитом сковавшей все реки, это казалось каким-то чудом, в которое верилось с трудом. Однако Макферсон был совершенно лишен воображения: он думал только о том, как бы ему выпутаться из скверной истории.

— Подождите малость, подождите! — запротестовал он, когда Бишоп схватил его за шиворот. — Я трубку забыл.

— Нет, Томми, мы вас не пустим, — с усмешкой

заявил Дэл. — Я дал бы вам покурить свою, да ваша и так торчит из вашего кармана.

— Я ошибся, — я хотел сказать табак.

— Нате вам табаку. — И Дэл Бишоп сунул свой кисет в дрожащие руки Макферсона. — Вам придется снять куртку. Давайте, я вам помогу. Да зарубите себе на носу, Томми, если вы станете отлынивать, я вам никогда ни в чем помогать не буду, как бог свят.

Корлис, чтобы обеспечить себе свободу движений, скинул свою толстую фланелевую рубашку. Когда подошла Фрона, все заметили, что и она сняла с себя все лишнее. Она была без жакетки и верхней юбки, а ее нижняя юбка из темного сукна чуть прикрывала колени.

— Годится, — произнес Дэл.

Джекоб Уэлз в тревоге взглянул на дочь. Фрона как раз пробовала весла, чтобы узнать, которое из них удобнее. Он подошел к ней.

— Неужели ты… — начал он.

Она кивнула головой.

— Вы славная девушка, Фрона, — вмешался Макферсон. — Вот у меня дома есть старуха, не говоря уже о трех малышах…

— Все готово! — крикнул Корлис, приподнимая нос лодки и оглядываясь на товарищей.

Мимо берегов, как всегда после ледохода, неслась теперь мутная, грязная вода. Начали спускать лодку с крутого берега. Корлис шел впереди, а Дэл присматривал за Томми, с большой неохотой замыкавшим шествие. Плоская льдина, остановившаяся у берега и легшая на поверхность воды под небольшим наклоном, послужила пристанью.

— На нос, Томми!

Шотландец застонал, но, услышав у себя за спиной громкое дыхание Дэла, повиновался; Фрона тотчас же прыгнула в лодку и уселась на корме, чтобы сохранить равновесие.

— Я умею управлять лодкой, — стала она уверять Корлиса, который только сейчас понял, что она тоже едет.

Он посмотрел на Джекоба Уэлза, словно испрашивая его согласия, и получил ответный взгляд, означавший «да».

— Отчаливайте! Отчаливайте! — нетерпеливо завопил Дэл. — Нечего мешкать!

Глава XXV

«Ля Бижу» была воплощением самой тонкой, самой воздушной мечты ее строителя. Легкая, словно яичная скорлупка, и столь же хрупкая, она являлась весьма ненадежной защитой против плавучего льда; стоило бы какой-нибудь, хотя бы небольшой льдине с силой удариться об ее борт, и тонкие доски, имевшие меньше дюйма толщины, немедленно были бы пробиты.

А путь, между тем, оказался далеко не свободным: хотя река и очистилась от сплошного льда, однако везде плавали мелкие обломки, отколовшиеся от берегового льда. Вот тут-то, глядя на то, как ловко Фрона управляет лодкой, Корлис почувствовал огромное доверие к девушке.

Картина была величественная — темная, почти черная река, мчавшаяся между хрустальными стенами; за ней зеленые деревья, тянувшиеся ввысь, словно желая достигнуть синего, усеянного легкими облачками, чисто летнего неба, а над всем этим солнце, пылавшее, словно доменная печь. Это выглядело великолепно, но почему-то мысли Корлиса вдруг перенеслись к матери: он вспомнил и ежегодные вечеринки, когда вокруг

чайного стола собирались все ее знакомые, и мягкие ковры в комнатах, и чинных, строгих служанок, типичных для Новой Англии, и клетки с канарейками, висевшие перед окнами; он вспомнил все это и думал о том, сумела ли бы его мать почувствовать то зрелище, которым он любовался сейчас. А когда он подумал о девушке, сидевшей позади него, и прислушался к мерным взмахам ее весла, он мысленно увидал всех женщин, бывавших у его матери; образы их всплывали перед ним один за другим и проносились длинной вереницей; но ему все эти женщины казались лишь бледными призраками, какими-то карикатурами тех матерей, которые некогда произвели на свет потомство, завладевшее всей землей, и которые и поныне рождали здоровых и сильных людей.

«Ля Бижу» ловко обогнула крутившуюся в воде льдину, юркнула в свободное пространство между двумя другими и выплыла на свободное от льда место как раз в тот момент, когда ледяные стены позади нее с треском сомкнулись. У Томми вырвался стон.

— Ловко сделано! — похвалил Корлис.

— Сумасшедшая! Неужели она не могла чуточку переждать! — раздался злобно-возмущенный

ответ.

Фрона расслышала слова шотландца и рассмеялась. Вэнс оглянулся на нее и заметил ее обворожительную улыбку. Шапочка соскальзывала у нее с головы, а развевающиеся волосы, отливавшие медью на солнце, обрамляли лицо — совсем так, как тогда, по дороге в Дайю.

— Ах, как мне хотелось бы запеть, да нельзя — надо дыхание беречь. «Сверкай мой меч», например, или «На якоре».

— Или «Первую Песнь», — подхватил Корлис. — «Она была моей, мы встретились случайно», — с ударением пропел он.

Фрона, делая вид, что не слышит, быстро перекинула свое весло на другую сторону; нужно было убраться подальше от большой льдины с изъеденными краями.

— Мне хотелось бы вечно так плыть!

— И мне тоже! — горячо поддержал ее Корлис.

Но Фрона упорно не желала замечать его тона.

— А знаете, Вэнс, я рада, что мы с вами друзья, — сказала она.

— Не моя вина, что мы только друзья.

— Неровно гребете, сударь! — укоризненно заметила Фрона, и Корлис молча заработал веслом.

Лодка пересекла течение под углом в сорок

пять градусов. Фрона держала курс прямо через реку, намереваясь пересечь ее под прямым углом, а затем уже плыть вдоль противоположного берега, чтобы идти против течения там, где оно было слабее. Тут предстояло пройти около мили вдоль сильно изрезанного берега; затем начиналось самое опасное место, где возвышались отвесной стеной крутые скалы, у подножия которых бурлило быстрое течение. Лишь миновав их, можно было надеяться пристать к берегу и добраться, наконец, до того несчастного, которого нужно было спасти.

— Теперь убавим ходу, — посоветовал Корлис, когда лодка очутилась в тихом затоне и ее начало медленно относить под окаймлявшие берег льдины.

— Кто бы подумал, что сейчас полдень?

Фрона взглянула наверх, на льдины, свисавшие со скал у нее над головой.

— Скажите, Вэнс, кажется ли вам все это настоящим, реальным?

Корлис покачал головой.

— Мне тоже. Я знаю, что нахожусь здесь, во плоти, я, Фрона, что я плыву на лодке вместе с вами и работаю веслом изо всех сил, что сейчас от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто

восьмой год; что мы находимся в Аляске, на реке Юконе, что это вот вода, а вон то — лед, что руки у меня устали, а сердце бьется скорее, чем всегда, что я вся в поту; и все-таки мне кажется, что я в каком-то сне. Ведь подумайте только! Всего год назад я была в Париже.

И Фрона, глубоко вдохнув в себя воздух, оглянулась назад, на далекий остров, где на темно-зеленом фоне леса белела, словно оброненный кем-то носовой платок, палатка Джекоба Уэлза.

— А сейчас я даже не верю, что он существует, — добавила она. — По-моему, никакого Парижа нет.

— А я был год тому назад в Лондоне, — задумчиво произнес Корлис. — Но с тех пор я подвергся перевоплощению. Лондон? Лондона нет вовсе. Такого места быть не может. Разве можно себе представить, что существует такое количество людей на свете? Вот он здесь — весь мир, и в нем народа очень мало, иначе не хватило бы места для льда и для неба. Томми вот все мечтает о каком-то месте, которое он называет Торонто. Он ошибается. Торонто существует только в его воображении; это воспоминание из прежней жизни. Разумеется, сам Томми убежден в противном. Это вполне естественно: ведь он не философ и не

привык ломать голову над…

— Шшш! — злобно прошипел Томми. — Вы своей болтовней навлечете на нас беду!

На Севере жизнь людей всегда висит на волоске. Исполнение подобного предсказания обычно не заставляет себя долго ждать. Так вышло и на этот раз. Плывшие на лодке почувствовали легкое сотрясение воздуха, и вслед за этим искрящаяся стена, висевшая над ними, закачалась. Все три гребца, как один человек, яростно заработали веслами, и «Ля Бижу» молнией выскочила из-под ледяного навеса. В тот же миг раздались, один за другим, несколько громких залпов, и в реку посыпались огромные сверкающие глыбы льда. По взбудораженной поверхности воды пошли кругами высокие волны; лодка, не будучи в силах подняться на гребень этих волн, зачерпнула носом и наполнилась водой.

— Что я вам говорил, болтуны вы проклятые!

— Молчите и черпайте живее воду! — резко оборвал шотландца Корлис. — Иначе вы вскоре будете лишены удовольствия попрекать нас!

Взглянув на Фрону, он покачал головой, а она подмигнула ему в ответ, и они оба рассмеялись, словно дети после рискованной, но благополучно закончившейся шалости.

Осторожно пробираясь под нависшими и ежеминутно грозившими рухнуть льдинами, «Ля Бижу» бесшумно обогнула последний тихий залив и очутилась перед грозной стеной, отвесно поднимавшейся из воды; здесь берег состоял из громадных голых скал, изборожденных и изрытых временем, пострадавших от многих врагов: от реки, подмывавшей их основание; от дождя, изрывшего некогда гладкую поверхность их бесчисленными рытвинами; от солнца, не желавшего оплодотворять их бесплодную почву и одеть их свежей зеленью, которая скрыла бы их отталкивающую наготу. Река яростно накидывалась на них, с бешеной силой устремлялась на грозные стены; но затем волны, словно потерпев поражение, затихали: главное течение отступало от берега и снова отклонялось к середине реки. Но зато вдоль всей неприступной стены твердыни кипела непрерывная борьба; волны шли одна за другой на приступ, проникая внутрь каждой пещеры, каждой расщелины и заливая их пенящимися и ревущими потоками воды.

— А теперь навались на весла! Не плошать! — раздалась в последний раз команда Корлиса.

Лодка подходила к самому опасному месту, где стоял такой оглушительный шум, что среди

него человеческий голос казался писком цыпленка во время землетрясения. «Ля Бижу» еще быстрее помчалась вперед, одним взмахом перенеслась через струю течения и очутилась в самой середине ревущих и бурлящих волн. Раз — два, раз — два; весла мерно опускались в воду. Враждебная стихия пыталась разломать хрупкую лодчонку на щепки и швыряла ее туда и сюда, так что весь корпус ее дрожал от толчков. Лодку стало швырять из стороны в сторону, но Фрона держала ее, словно в тисках, и не давала ей отклоняться ни вправо, ни влево. Вдруг девушка увидела впереди огромную расщелину, зиявшую в скале. «Ля Бижу» по-прежнему быстро неслась вперед, но встречный поток воды, вырывавшийся из расщелины, удерживал ее на месте: лодка то подвигалась вперед, то ее снова относило назад; могучая река, казалось, играла с людьми и издевалась над ними.

Прошло целых пять минут, из коих каждая казалась вечностью, прежде чем лодке удалось миновать расщелину. Еще через пять минут опасное место осталось шагах в ста позади. Раз — два, раз — два; гребцы больше ничего не знали, ни о чем не думали; они уже не видели ни неба, ни земли, ни реки; они видели и сознавали лишь

одно: вокруг них ревущий и пенящийся поток, готовый поглотить их, а вблизи, рядом, грозные скалы, готовые разбить их лодку в щепки. Весь мир ограничился для них этим узким пространством. Где-то там, далеко позади, за пределами его, было начало всего; где-то впереди, там, где кончался шум и яростная борьба, мерещился конец этого ужаса — тот конец, к которому надо было стремиться.

А Фрона по-прежнему железной рукой управляла лодкой. Пядь за пядью «Ля Бижу» продвигалась вперед, не поддаваясь бешеному потоку, старавшемуся отбросить ее назад; она боролась за каждый шаг, и весла продолжали подниматься и опускаться мерными взмахами: раз — два, раз — два. Все окончилось бы благополучно, если бы страх не обуял вдруг трусливую душу Томми. Его весло ударилось о льдину, плывшую под водой. Льдина внезапно вынырнула на поверхность, разбрызгивая вокруг пену, перекувырнулась и снова погрузилась в воду, засасываемая подводным течением. Томми сразу представилось, что и он сейчас точно так же пойдет ко дну, ногами вперед, судорожно хватая руками пустоту. Он уставился широко открытыми от ужаса глазами на зловещую льдину, и поднятое весло его так и

осталось в воздухе. В тот же миг лодка понеслась обратно, мимо насмешливо открытой пасти расщелины, мимо грозных скал, к тому месту, где начинался водоворот.

Когда Фрона очнулась, она лежала на корме, откинув назад голову, уставившись на солнце; из груди ее вырывались рыдания. Корлис тоже упал на дно лодки и лежал там, с трудом переводя дыхание; на носу сидел шотландец, судорожно глотая воздух, опустив голову на колени. «Ля Бижу» тихо ударилась о ледяную кайму берега и остановилась. Наверху сверкала радужная стена, похожая на волшебный замок; солнечный свет, отражаясь в граненой поверхности ледяных алмазов, окутывал их ярким сиянием. По хрустальной глади текли серебристые ручейки; в этой прозрачной глубине словно таилась разгадка всех великих вопросов жизни и смерти, объяснение конечной цели человеческого существования — в этой бездонной, сверкающей лазури, раскрывавшейся, словно видение из мира снов, и обещавшей дать проникшему в сердце ее вечный, безмятежный покой и полную неподвижность. Высоко над головой лежавших в лодке людей возвышалась ледяная башня; стойкая в своей массивности, она еле заметно

качалась взад и вперед — тихо-тихо, словно нива, колеблемая легким летним ветерком. Но Корлис глядел на нее равнодушным взором. Ему только бы лежать тут, лежать без движения, жадно вдыхая воздух — вот все, чего он жаждал. Дервиш, долго кружась на месте и докружившись до того, что все вокруг превращается для него в одно бесформенное пятно, начинает постигать сущность мира и неделимость божества; точно так же и обыкновенный смертный, если ему приходится грести тяжелым веслом, грести до изнеможения, до бесчувствия, может временно скинуть с себя оковы плоти и очутиться вне времени и пространства. Именно это и случилось с Корлисом.

Но понемногу его бешено стучавшее сердце начало успокаиваться; воздух уже не казался сладким, как нектар; сознание реальности, сознание, что необходимо действовать, снова вернулось к нему.

— А все-таки нам нужно отсюда выбираться, — сказал он. Голос его звучал хрипло, словно после легкого пьянства. Он испугал его самого. Однако Корлис схватил весло ослабевшей рукой и стал отталкиваться от берега.

— Да, давайте двигаться, — поддержала его Фрона еле слышным голосом, звучавшим словно

в отдалении.

Томми поднял голову и оглянулся вокруг.

— А по-моему, надо отказаться от дальнейших попыток.

— Беритесь за весло!

— Неужели вы хотите еще раз попробовать?

— Беритесь за весло! — повторил Корлис.

— И гребите, даже если у вас лопается сердце, Томми! — добавила Фрона.

И они снова очутились в полосе бушующих волн, и снова для них исчез мир, исчезло все, кроме этого узкого пространства, наполненного кипящей пеной, и злобного потока, и издевающейся, раскрытой пасти расщелины в скале. Но они снова благополучно миновали все препятствия, и снова перед ними приветливо вырисовывался поворот, за которым простиралась спокойная вода; им оставалось только обогнуть скалистый мыс — грозную неприступную крепость, у подножия которой бушевали не менее грозные волны. Лодка, извиваясь и вся сотрясаясь от напора волн, устремилась вперед, но ее относило назад течением, и она не двигалась с места. Раз — два, раз — два, весла мелькали в воздухе с мучительным напряжением, и каждый взмах их, казалось, длился целую вечность; все

померкло у гребцов перед глазами; они уже не видели той цели, к которой они стремились; даже забыли, за что боролись; они целиком отдались мерному ритму взмахов и превратились сами, казалось, в какие-то маятники, отсчитывающие часы вечности. Бесконечность осталась позади них, бесконечность ждала их впереди, а они находились посередине и раскачивались, повинуясь какому-то великому, могучему ритму. Они утратили все человеческое и стали лишь частью этого всепоглощающего ритма. Весла их порой ударялись о подводные скалы, но они этого не сознавали; лишь благодаря случайности они благополучно проскальзывали между льдинами, но они их не видели; они не чувствовали даже ударов волн о борта лодки, не чувствовали брызг воды на лице.

И вдруг лодку отбросило на середину реки. Машинально весла изменили направление и повернули «Ля Бижу» носом к противоположному берегу. Лишь тогда, когда вблизи мелькнул берег Расстанного острова, словно граница другого мира, гребцы очнулись и вернулись к действительности: взмахи весел стали медленнее, ровнее; они стали грести спокойнее, отдыхая от напряжения, и почувствовали, как к ним воз-

вращаются силы.

— Делать третью попытку бесцельно, — хрипло, надтреснутым голосом прошептал Корлис.

— Да, у нас сердце не выдержало бы, — ответила Фрона.

Чем ближе подходила лодка к берегу, тем яснее у Томми мелькали мысли о жизни, о приветливом костре у входа в палатку, о спокойном отдыхе в полдень, под тенью деревьев, и главным образом о благословенном городе Торонто с его домами, прочно построенными на твердой земле, и с его кишевшими народом улицами. Каждый раз, как он наклонял голову и погружал весло в воду, эта картина все ярче и ярче вырисовывалась перед ним; дома и улицы казались крупнее и яснее, словно он глядел в бинокль и постепенно прилаживал его к глазам; а каждый раз, как он откидывался назад, остров, казалось, делал ему шаг навстречу. Наконец, Томми нагнулся в последний раз, и улицы представились ему уже в натуральную величину; он выпрямился и увидел в трех шагах берег, на котором стояли Джекоб Уэлз и двое других.

— Вот видите, ведь я говорил, что не удастся! — торжествующим голосом крикнул он им.

Но Фрона поставила лодку параллельно берегу,

и Томми мог только с вожделением взирать на недоступную твердую землю. Весло его остановилось на полдороге и с грохотом упало на дно лодки.

— Возьмите весло в руки!

Голос Корлиса звучал резко и неумолимо.

— Ни за что!

Томми повернулся лицом к своему мучителю; он, наконец, решил возмутиться и даже заскрежетал зубами от злобы и разочарования.

Лодку все время относило течением, и Фрона стремилась лишь к одному: как бы удержать ее на месте. Корлис на коленях подполз к Макферсону.

— Мне не хотелось бы жестоко поступать с вами, Томми, — произнес он низким, вибрирующим от напряжения голосом, — и потому... беритесь-ка вы уж лучше за весло, голубчик!

— Нет!

— Ну, в таком случае мне придется убить вас, — продолжал Корлис тем же спокойным, бесстрастным голосом и вынул из ножен свой охотничий нож.

— А если я все-таки откажусь? — попробовал было выдержать шотландец, в то же время невольно отодвигаясь подальше от молодого человека.

Корлис слегка кольнул его ножом. Острие вонзилось в спину, как раз у того места, где находится сердце; оно разодрало рубашку и царапнуло кожу. Хуже: Томми почувствовал, что нож проникает все дальше и дальше ему в спину, очень медленно, правда, но неуклонно. Бедняга вздрогнул и дернулся в сторону.

— Ладно, ладно, только уберите нож! — закричал он. — Я сдаюсь!

В глазах Фроны, бледной как полотно, светился какой-то твердый блеск, и она одобрительно закивала головой.

— Мы попробуем подъехать с другой стороны, пересечь реку выше по течению, — крикнула она отцу. — Что такое? Не слышу! Ах, ты про Томми? У него сердце немного не в порядке. Ничего серьезного. — И Фрона салютовала веслом. — Мы скоро вернемся, отец, не успеешь оглянуться, как мы уже будем здесь.

Река Стюарт успела совсем очиститься от льда. Лодка поднялась вверх по ней на четверть мили, а затем пересекла ее и поплыла дальше к Юкону. Но когда она очутилась прямо против того места берега, где лежал путник, перед ней встало новое препятствие. На расстоянии мили вверх по течению виднелся островок, наполовину размы-

тый водой. От него тянулась длинная песчаная отмель вроде косы, делившая реку пополам и простиравшаяся до того самого места, где на противоположном берегу начинались скалы. К довершению всех бед вдоль косы осели льдины, и теперь по краям ее высилась сверкающая, хрустальная стена.

— Придется перетаскивать лодку через косу, — сказал Корлис Фроне, когда «Ля Бижу», отдалившись от берега, начала пересекать реку.

«Ля Бижу» быстро проплыла через первый, более узкий рукав, отделявший отмель от правого берега, и вошла в крошечную бухту, окруженную менее высокими льдинами. Сидевшие в лодке высадились на широкую, плоскую льдину, конец которой торчал высоко над водой. Насколько прочна была эта платформа, никто, конечно, не знал; но спасательный отряд храбро влез на нее, и вскоре все очутились, вместе с лодкой, на вершине ледяной стены. Оглянувшись кругом, они увидели везде сверкающие нагроможденные друг на друга льдины, словно разбросанные в беспорядке рукой могучего титана. Прозрачные глыбы теснились и словно лезли друг на друга, вздымаясь все выше и выше и служа пьедесталом одна для другой; вся эта громада сверкала и

искрилась на солнце, как гигантский алмаз.

— Хорошенькое местечко для прогулки, — усмехнулся Томми, — особенно тогда, когда прорвет еще какой-нибудь затор вверху и весь лед налетит сюда! — И он с решительным видом уселся на отмель. — Нет, покорно благодарю, я дальше не полезу.

Фрона и Корлис продолжали взбираться на гору, таща лодку за собой.

— Персы бичами гнали своих рабов в бой, — заметила девушка. — Я только теперь начинаю понимать их. Не пойти ли вам за ним?

Корлис пинком заставил встать хныкающего Томми. Лодка была не тяжелая, но большая по размерам, и потому требовалось много силы на то, чтобы перетаскивать ее, особенно по крутым местам и при поворотах. Солнце сильно грело, и блеск его слепил глаза. Все трое обливались потом и тяжело дышали.

— Ах, Вэнс, знаете что…

— В чем дело?

Корлис быстрым движением смахнул пот со лба.

— Я жалею, что не позавтракала плотнее.

Вэнс сочувственно проворчал ей что-то в ответ. Они уже добрались до середины отмели; отсюда

виднелась река и противоположный берег, на котором лежал несчастный путник. Ниже по течению расположился Расстанный остров, весь в зелени, от него веяло миром. Широкий Юкон, казалось, лениво улыбался, словно ему никогда на ум не приходило ополчаться против людей и коварно губить их. У самых ног Фроны и Вэнса склон ледяной горы спускался вниз, и у подножия его виднелось миниатюрное ущелье, погруженное в тень.

— Двигайтесь живее, Томми, — приказала шотландцу Фрона, — мы уже прошли половину пути, а внизу есть вода.

— Ах, вам воды не хватает! — огрызнулся шотландец. — А сами человека на смерть ведете!

— Боюсь, что у вас на душе какой-нибудь тяжелый грех, Томми, — сказала Фрона, укоризненно качая головой, — иначе вы не боялись бы так сильно смерти. — Она вздохнула и снова взялась за лодку. — Впрочем, это естественно. Вы не знаете, как следует умирать мужчине…

— Да я вовсе и не хочу умирать! — возмущенно перебил шотландец.

— Однако бывают такие случаи, когда волей-неволей приходится расставаться с жизнью, — такие случаи, когда другого ничего не остается.

Быть может, сейчас для нас наступило такое время!

Томми осторожно спустился со скользкого уступа на широкую площадку.

— Все это хорошо, — усмехнулся он, — но не находите ли вы, что следовало бы предоставить мне самому решить этот вопрос? Неужели я в таком деле должен плясать под чужую дудку?

— Должны. Иначе вы ничего и не спляшете. Такие люди, как вы, всегда повинуются более сильным натурам. Сильные приказывают вашему брату идти на смерть; они ведут вас умирать; бичом гонят вас на смерть.

— Вы красиво поете, — возразил Томми, — и ловко действуете. Мне, по-видимому, жаловаться не полагается, — очень уж у вас все хорошо выходит.

— Здорово вы его отделали! — одобрительно заметил Корлис, когда Томми, спрыгнув в ущелье, исчез из виду. — Вот скотина! Он готов и на страшном суде спорить!

— Где вы научились грести? — спросила Фрона.

— В колледже спортом увлекался, — ответил Корлис. — Но посмотрите, как здесь хорошо!

На дне ущелья от таяния льда образовалась

лужа. Фрона легла на живот и припала запекшимися от жары губами к прохладной воде. Она растянулась во весь рост, показывая подошвы ног; от ее чулок и мокасинов остались лишь лохмотья. Кожа у нее была необычайно белая, но на ней виднелось множество порезов и подтеков от ходьбы по льдинам. На ранках запеклась кровь; из одной, на маленьком пальце, она продолжала сочиться.

— Какая маленькая, да хорошенькая, да нежненькая на вид! — насмехался Томми. — Кто бы подумал, что она способна потащить за собой сильного мужчину прямо черту в пасть!

— Вы так ворчите, Томми, что можно и взаправду подумать, будто вас в ад волокут, — сердито произнес Корлис.

— И волокут, со скоростью сорока миль в час, — подтвердил Томми и удалился, торжествуя, что последнее слово осталось за ним.

— Подождите минутку. У вас две рубашки. Дайте мне одну.

Шотландец вопросительно взглянул на Корлиса, но когда понял, в чем дело, он покачал головой и отошел прочь.

Фрона вскочила на ноги.

— Что вам нужно?

— Ничего. Сядьте.

— Да в чем же дело?

Корлис положил ей руки на плечи и заставил ее снова опуститься на землю.

— Ваши ноги… Вы не можете продолжать путь в таком состоянии. Они все изранены. Вот видите!

И он коснулся рукой ее подошвы. Рука оказалась вся в крови.

— Отчего вы мне раньше не сказали?

— Да мне не было больно, не особенно больно!

— Дайте мне одну из ваших юбок, — потребовал Корлис повелительным тоном.

— Я… — Она замялась. — У меня всего одна юбка.

Корлис посмотрел вокруг. Томми исчез куда-то за льдинами.

— Пора двигаться, — сказала Фрона, попытавшись встать.

Но Вэнс удержал ее.

— Ни шагу дальше, пока я не сделаю вам перевязку. Закройте глаза.

Фрона послушно зажмурилась. Когда она открыла глаза, Вэнс стоял перед ней, голый до пояса: он разорвал свою рубашку на узкие полосы и перевязывал ей лоскутками ноги.

— Вы шли сзади, и я не мог заметить…

— Пожалуйста, не оправдывайтесь, — перебила его Фрона. — Я сама виновата, ничего не говорила.

— Я и не думаю оправдываться, я упрекаю вас. Ну а теперь дайте другую. Поднимите ее выше!

Близость Фроны сводила его с ума. Он не мог сдержаться и коснулся губами ее пальчика — того самого пальчика, из-за которого барон Курбертэн был осчастливлен поцелуем.

Фрона не отдернула ногу, но лицо ее вспыхнуло, и она вся затрепетала, второй раз в жизни.

— Вы пользуетесь тем, что вы так добры, — с упреком сказала она.

— В таком случае я потребую двойную плату за мою доброту.

— Не надо! — умоляющим тоном произнесла девушка.

— Почему? У моряков есть обычай: когда судно тонет, они открывают все бочки с вином и напиваются. А так как мы сейчас рискуем погибнуть, то я и ищу опьянения.

— Но…

— Но в чем же дело? В том, что скажет свет, что ли?

— Ну, этого упрека я меньше всего заслуживаю! Не будь тут заинтересовано еще одно лицо… Что

же, принимая во внимание все обстоятельства…

Корлис заканчивал перевязку. Завязав последний узел, он выпустил ногу Фроны.

— К черту Сэн Винсента! Пойдемте!

— Я вас понимаю. Я тоже послала бы его к черту на вашем месте, — сказала Фрона, смеясь и берясь за один конец лодки. — Однако как вы изменились, Вэнс! Вы совсем уже не тот, что тогда, на дороге в Дайю. Уже хотя бы то, что вы тогда не чертыхались.

— Да, я переменился; за это я благодарен Господу Богу и вам. Но только я, по-моему, честнее вас. Я провожу свою философию в жизнь.

— Вы сами должны признаться, что вы не правы. Вы слишком много требуете при данных обстоятельствах…

— Всего лишь маленького пальчика.

— Или вы, может быть, любите меня любовью брата? В таком случае можете, если хотите…

— Да замолчите же! — грубо перебил он. — Или я сейчас наделаю глупостей…

— Перецеловать все мои пальцы, — докончила Фрона.

Корлис пробурчал в ответ что-то непонятное. Разговор замолк: обоим надо было беречь дыхание, чтобы справиться с тяжелой лодкой.

Наконец они спустились с последнего уступа и очутились на берегу, где их поджидал Макферсон. Лишь тогда Фрона снова заговорила.

— Дэл ненавидит Сэн Винсента, — начала она прямо, без околичностей. — По какой причине?

— Да, похоже на то, — и Корлис испытующе посмотрел на свою спутницу. — Дэл всюду таскает с собой какую-то старую русскую книгу, которую он прочесть не может; но почему-то считает, что эта книга своего рода Немезида для Сэн Винсента. Знаете, Фрона, он так в этом убежден, что я невольно тоже начал этому верить. Я не знаю, сами ли вы ко мне придете, или же я приду к вам, но только…

Фрона выпустила лодку из рук и громко захохотала. Корлис обиделся, краска залила его лицо.

— Если я… — начал было он.

— Глупый! — рассмеялась Фрона. — Перестаньте дурить! А главное, не напускайте на себя важности. Сейчас это совсем не подходит к вашему виду: волосы у вас спутаны, вы без рубашки, а за поясом у вас торчит страшный нож, точь-в-точь пират перед боем! Будьте грозны, свирепы, нахмурьтесь, ругайтесь, но только не принимайте важного тона. Как жаль, что я не захватила с собой фотоаппарат! Я могла бы на

старости лет хвастаться: «Вот это, друзья мои, известный путешественник по полярным странам, Корлис. Снимок сделан во время путешествия, которое описано в его знаменитой книге: „По дебрям Аляски“».

Корлис в ответ грозно протянул руку по направлению к девушке и строго спросил:

— А где ваша юбка?

Фрона машинально опустила глаза. Увидев, что ее юбка, хоть и вся в лохмотьях, не совсем исчезла, Фрона обрадовалась.

— Как вам не стыдно! — воскликнула она, густо покраснев.

— Пожалуйста, не напускайте на себя важности, — засмеялся Корлис. — Уверяю вас, это совершенно не соответствует вашему виду. Будь у меня сейчас фотоаппарат…

— Да замолчите же! Пора трогаться в путь, — перебила его Фрона. — Томми ждет нас. Желаю вам, чтобы у вас от солнца слезла вся кожа со спины, — сердито добавила она, когда они с Корлисом, перетащив, наконец, лодку через ледяную гору, начали спускать ее на воду.

Десять минут спустя Фрона, Корлис и Томми уже взбирались на льдины, нагроможденные вдоль противоположного берега реки, и на-

правлялись к тому месту, где виднелся сигнал путника. Рядом с шестом лежал, растянувшись на земле, несчастный. Он лежал не двигаясь, и его избавителей даже охватил страх от того, что они опоздали; но в это мгновение бедняга слегка поднял голову и застонал. Он так исхудал, что кожа, казалось, покрывала его скелет без всякого признака мышц. Его грубая одежда была вся изорвана; сквозь многочисленные дыры его мокасин виднелись почерневшие, истерзанные ноги. Когда Корлис, взяв его за руку, стал прощупывать пульс, он приподнял веки. Мутный, невидящий взор заставил Фрону содрогнуться.

— На него просто страшно смотреть! — пробормотал Макферсон, проводя рукой по тощей, высохшей руке несчастного.

— Идите к лодке, Фрона, — сказал Корлис, — мы с Томми понесем его.

Но Фрона в ответ только плотно сжала губы. Хотя помощь ее сильно облегчила дело, больному все-таки пришлось вынести изрядную тряску, пока его спускали вниз с крутого берега. Однажды его так сильно тряхнули, что к нему даже стали возвращаться проблески сознания. Он открыл глаза и хрипло прошептал: «Джекобу Уэлзу… есть письма… с юга…» Несчастный отвернул осла-

бевшей рукой ворот рубашки: вокруг исхудалой шеи у него висел ремень, очевидно, от сумки с письмами.

На корме лодки было более или менее просторно, но Корлису, сидевшему на середине, пришлось туго, когда больного уложили на дно: ноги бедняги мешали ему грести. Тем не менее «Ля Бижу» стала быстро отдаляться от берега; теперь она плыла по течению, и гребцам не приходилось выбиваться из сил.

Фрона вдруг заметила, что спина и плечи у Вэнса сильно покраснели.

— Ага! Мое желание исполнилось, — с торжеством объявила она и тихо погладила его обожженную солнцем руку, — придется мазать вас кольдкремом, когда вернемся.

— Продолжайте, — попросил он, — мне очень приятно.

Девушка зачерпнула ледяной воды из реки и брызнула ею на Корлиса. У него захватило дыхание, и он вздрогнул.

Томми повернул голову и посмотрел на них.

— Мы сегодня совершили доброе дело, — заметил он, на этот раз вполне дружелюбным тоном. — Протянуть руку помощи погибающему — поступок, угодный Богу.

— А кто боялся? — рассмеялась Фрона.

— Ну, — медленно произнес Томми, — я, правда, немножко волновался…

Он вдруг умолк, словно окаменев, и уставился на что-то позади Фроны. Вслед затем у него, медленно и торжественно, как и подобает при воззвании к божеству, вырвались слова:

— Боже милостивый!

Корлис и Фрона быстро оглянулись назад. Из-за поворота показалась громадная ледяная гора, которая понеслась по реке; по дороге она ударилась одним краем о берег и нагромоздила на него новые кучи льдин.

— Боже мой! Боже мой! В мышеловку попали! — воскликнул Томми, растерянно хлопая веслом по воде.

— Гребите как следует! — прошептал ему Корлис в самое ухо, и лодка сразу быстрее понеслась вперед.

Фрона хотела пересечь реку почти под прямым углом и держать курс точно на Расстанный остров; но когда на песчаную отмель, через которую они недавно перетаскивали лодку, налетела огромная масса льда, весом в несколько миллионов тонн, Корлис в тревоге посмотрел на свою спутницу. Девушка улыбнулась и покачала голо-

вой, в то же время замедляя ход.

— Идти наперерез нельзя, не успеем проскочить, — прошептала она, оглядываясь назад на ледяную массу, которая была уже в каких-нибудь двухстах шагах от лодки, — единственная наша надежда — плыть вниз по течению, понемногу забирая вправо, по направлению к берегу.

И Фрона, поставив нос лодки под острым углом к берегу, снова усилила ход. Она все время старалась, насколько это было возможно, забирать вправо и в то же время следила за тем, чтобы расстояние между плывшими сзади льдинами и лодкой не уменьшалось.

— Я не могу так скоро грести, — попробовал было заикнуться Томми, но Корлис и Фрона хранили зловещее молчание, и он продолжал по-прежнему работать веслом.

Впереди всех льдин плыла большая плоская льдина в пять или шесть футов толщиной. Передний конец ее разрезал волны с такой силой, что по обеим сторонам ее получалось нечто вроде встречного течения, в результате чего образовывались водовороты, как в узкой бухте. Когда Томми заметил эту страшную льдину, у него совсем было опустились руки и он бросил бы грести, если бы Корлис не догадался после каждого

взмаха ударять его в спину концом весла.

— Нам удастся продержаться на безопасном расстоянии, — произнесла Фрона, тяжело дыша, — но нам нужно время, чтобы высадиться.

— Как только увидите удобное место, причаливайте немедленно, — посоветовал Корлис, — затем сразу же прыгайте на землю и убегайте как можно скорее прочь.

— Бежать не удастся, придется взбираться на крутой берег. К счастью, у меня короткая юбка.

Лед, сначала ударившись о левый берег, затем отхлынул ближе к правому. Огромная передняя льдина надвигалась прямо на Расстанный остров.

— Если вы оглянетесь, я размозжу вам голову веслом, — пригрозил Корлис шотландцу.

— Не буду, — простонал Томми.

Но сам Корлис обернулся назад; оглянулась и Фрона. Как раз в это мгновение вся масса льда налетела на остров, и он весь задрожал до основания, словно от землетрясения. Часть берега, на протяжении целых пятидесяти футов, была разрушена. Верхушки росших здесь сосен судорожно закачались, и могучие деревья рухнули в воду. На месте, где они еще так недавно красовались, выросла громадная ледяная гора, которая тотчас

же рухнула; но вместо нее, в одно мгновение, выросла новая. Дэл Бишоп выскочил на берег; раздался его голос, еле слышный среди общего грохота: «Причаливайте скорей! Причаливайте скорей!». Но затем прибрежный лед стал коробиться под напором налетевших льдин, и Дэлу пришлось отскочить в сторону.

— Валяйте в первую же брешь, которую увидите во льду! — крикнул, задыхаясь, Корлис.

Фрона открыла рот, чтобы ответить, но не смогла издать ни звука и лишь кивнула. Лодка быстро мчалась вдоль радужной, искрившейся стены, ища места, где эта стена была пониже. Но как зорко ни смотрели Фрона и Корлис, они нигде не могли заметить ни малейшей расселины во льду. Так они мчались, слыша все время позади себя грохот налетавших на остров льдин.

Когда они таким образом обогнули пол-острова и очутились в проливе между Расстанным островом и островом Рубо, они заметили удобное для высадки место на Рубо. Лодка подлетела туда с такой стремительностью, что вся передняя часть ее с размаху очутилась на широкой льдине, крепко примерзшей к берегу. Все трое сразу выскочили, но Фрона с Корлисом схватились за лодку, чтобы вытащить ее на берег, в то время как Томми ду-

мал только о собственной шкуре. И он спасся бы, если бы не поскользнулся, взбираясь на крутой берег, и не упал бы. Ему удалось встать на колени, но он снова поскользнулся и опять упал. Корлис, бежавший сзади него и тащивший за собой лодку, споткнулся об него. Томми протянул руку и ухватился за край лодки. Но Фрона и Корлис были так утомлены, что им оказалось не под силу тащить лишнюю тяжесть: они остановились как вкопанные. Корлис оглянулся и крикнул шотландцу, чтобы тот убрал прочь руки, но Томми, подняв к нему бледное от ужаса лицо, еще крепче ухватился за лодку. А ледяная гора была уже совсем близко. На них пахнуло ее ледяным дыханием — дыханием смерти. Фрона и Корлис сделали еще одно отчаянное усилие, пытаясь втащить лодку вместе с Томми на берег, но тяжесть была слишком велика: они упали на колени. Вдруг больной, лежавший в лодке, поднял голову, сел и захохотал безумным хохотом. «Черт возьми!» — крикнул он и снова засмеялся.

В это мгновение лед ударился о берег острова. Вся почва заколебалась от сильного толчка. Фрона и Корлис почувствовали, что лед дрожит у них под ногами. Фрона схватила весло и ударила им Томми по руке; шотландец сразу выпустил

лодку. Корлис тотчас же подхватил ее и одним прыжком взобрался наверх; Фрона помогала ему, подталкивая лодку сзади. В тот же миг ледяная стена, окаймлявшая берег, рухнула; огромные льдины свернулись в трубочку, словно папиросная бумага, и исчезли из виду, а вместе с ними исчез и Томми.

Фрона и Корлис упали на землю, они еле дышали. Но вдруг они увидели над собой огромную льдину; сжатая прочими, она поднялась одним концом в воздух. Фрона попыталась было встать на ноги, но от слабости снова упала на колени. Корлис в один миг оттащил и ее, и лодку в сторону. И тогда оба снова свалились на землю, но уже под деревьями, там, где лучи солнца падали на них сквозь зеленую хвою сосен и где вокруг пели красногрудки и весело трещали кузнечики.

Глава XXVI

Фрона пришла в себя не сразу; ей казалось, что она просыпается от долгого сна. Она лежала так, как свалилась, положив голову на колени к Корлису, а он растянулся на спине; солнце светило ему прямо в глаза, но это его ничуть не беспокоило. Фрона подползла к нему. Он дышал равномерно, и глаза его открылись, когда она приблизила к нему лицо. Он улыбнулся ей; она снова улеглась на землю, а он повернулся на бок, лицом к ней. Они взглянули друг другу в глаза.

— Вэнс!

— Что?

Фрона протянула ему руку — он крепко пожал ее. Веки его задрожали, и он опустил их. Фрона тоже закрыла глаза. С реки по-прежнему доносился грохот, но он казался бесконечно далеким, словно едва слышное эхо забытого мира. На Фрону и на Корлиса напала какая-то сладкая истома. Сквозь яркую зелень хвои просачивались золотые лучи солнца; все, казалось, пело кругом — и согретая им земля, и все живые существа, ее населявшие. Бесконечно приятен был этот покой. Они снова впали в дремоту и проснулись лишь через чет-

верть часа. Фрона сразу села.

— А ведь я… струсила, — призналась она.

— Нисколько!

— Я боялась, что струшу, — она поправилась, разглаживая спутанные волосы.

— Не закалывайте их наверх. Надо ознаменовать нынешний день.

Фрона покорно распустила волосы, встряхнув при этом так головой, отчего ее окружил целый ореол яркого золота.

— А Томми уже нет, — задумчиво произнес Корлис, когда к нему стали возвращаться воспоминания о только что пережитом.

— Да, — ответила девушка. — Ведь я сама хватила его веслом по руке. Это было ужасно. Но мы обязаны были спасти несчастного, лежавшего в лодке, может быть, он стоит большего, чем Томми. Кстати, надо им заняться немедленно. Ах! Посмотрите-ка! — И Фрона указала на видневшуюся сквозь деревья большую хижину: она была совсем близко, всего шагах в двадцати от них. — Людей не видно. Или хижина пуста, или обитатели ее уехали куда-нибудь в гости. Вы присмотрите за нашим больным, Вэнс, а я пойду на разведку, — у меня вид более приличный, чем у вас.

Фрона обошла вокруг хижины, сравнительно большой для этих мест, и нашла вход: он оказался со стороны реки. Хотя дверь была открыта, она остановилась на миг, чтобы постучать; и вдруг ей представилась необычайная картина, или, вернее, целый ряд отдельных картин, но составляющих единое целое. Прежде всего ей бросилось в глаза, что хижина набита людьми и что все они собрались сюда ради какого-то общего, очень важного и серьезного дела. Услышав стук в дверь, толпа расступилась, открыв проход вдоль всей комнаты. В конце ее, на нарах, устроенных с двух сторон, сидели рядом несколько человек с серьезными в высшей степени лицами. Посредине, между нарами, стоял стол, вокруг которого, по-видимому, и сосредоточился весь интерес. После яркого солнечного света Фрона плохо различала, что делалось в сравнительно темной хижине, но все-таки разглядела, что у стола сидит какой-то бородатый мужчина и стучит по нему тяжелым молотком. Напротив него расположился Сэн Винсент. Фрона заметила, что лицо у него измученное, взгляд страдальческий. В это мгновение к столу приблизился какой-то человек, судя по наружности, швед.

Человек с молотком поднял вверх правую руку

и начал скороговоркой:

— Торжественно клянусь, что буду показывать перед судом... — Он вдруг остановился и заорал на шведа: — Шапку долой! — Тот повиновался, а присутствующие усмехнулись.

Человек с молотком продолжал:

— Повторяйте за мной: торжественно клянусь, что буду показывать перед судом правду, ничего не утаив, и не дам ложного показания, в чем мне свидетель Бог.

Швед кивнул головой и опустил вниз правую руку.

— Одну минуту, господа, — сказала Фрона и приблизилась к столу.

Толпа сомкнулась позади нее.

Сэн Винсент вскочил на ноги и протянул к ней руки.

— Фрона! — воскликнул он. — Фрона, я не виновен!

От неожиданности ей показалось, будто ее ударили по голове. На одно мгновение она видела в полумраке только бледные лица вокруг — лица с горящими глазами. «Не виновен? Но в чем?» — подумала она и взглянула на Сэн Винсента, который все еще стоял, протянув к ней руки. Что-то в нем показалось ей несимпатичным. В чем же

это он не виновен? Напрасно он не сдержался, не подождал, пока ему не предъявили обвинения. Ведь ей еще ничего не было известно.

— Друг подсудимого, — произнес начальственным тоном человек с молотком. — Пододвиньтека ей сюда табуретку, кто-нибудь там!

— Одну минуту!.. — Фрона, шатаясь, подошла к столу и оперлась на него рукой. — Я ничего не понимаю. Мне все это так странно…

Но в это мгновение она случайно взглянула на свои ноги и увидела, что они завернуты в грязные лохмотья; она вспомнила, что на ней коротенькая, разорванная нижняя юбка и что на рукаве у нее большая дыра, сквозь которую видно тело, а волосы распущены и всклокочены; она чувствовала, что щека и шея у нее чем-то забрызганы. Она обтерла лицо рукой — на пол посыпалась засохшая грязь.

— Ничего, ничего, — сказал человек с молотком; тон его был скорее дружелюбный. — Присядьте. Мы от вас не далеко ушли — мы тоже ничего не понимаем. Но мы докопаемся до истины, за это я ручаюсь: ради этого мы и собрались здесь.

Фрона подняла руку.

— Одну минуту…

— Сядьте! — гаркнул на нее председатель со-

брания. — Не прерывайте заседания суда!

Среди присутствующих послышался ропот: возникло разногласие; председатель застучал молотком по столу, призывая всех к порядку. Но Фрона твердо отказалась сесть на место.

Когда шум затих, она обратилась к человеку с молотком.

— Господин председатель, здесь, очевидно, происходит общее собрание золотоискателей?

Председатель кивнул головой в ответ.

— В таком случае и я имею право голоса на нем, так как являюсь полноправным членом общины и на этом основании я требую, чтобы меня выслушали. То, что я хочу сказать, крайне важно.

— Но вы нарушаете порядок, мисс… ээээ…

— Уэлз! — подсказало ему одновременно несколько голосов.

— Мисс Уэлз, — продолжал председатель значительно более почтительным тоном, — я должен, к сожалению, заметить вам, что вы нарушаете порядок заседания. Вы бы лучше сели на место.

— Не сяду, — ответила Фрона. — Я прошу выслушать мое заявление вне очереди. В случае, если мне будет отказано, я обращусь к собранию.

И Фрона обвела взглядом присутствующих. Тотчас же раздались возгласы, что ее следует

выслушать. Председатель сдался и жестом пригласил ее начать.

— Господин председатель и господа присутствующие, я не знаю, какое дело вы сейчас обсуждаете, но у меня еще более важное дело для вас. Здесь, в нескольких шагах от этой хижины, лежит умирающий: по всей вероятности, он обессилел от голода. Мы привезли его сюда с левого берега реки. Мы не стали бы вас беспокоить, но нам не удалось высадиться к себе на остров. Несчастному, о котором я говорю, нужно оказать помощь немедленно.

— Пусть двое из тех, кто стоит поближе к двери, отправятся ухаживать за больным, — приказал председатель. — И вы пойдете с ними, доктор Холидей.

— Просите перерыва, — шепнул Фроне Сэн Винсент.

Фрона кивнула головой.

— Кроме того, господин председатель, я предлагаю сделать перерыв, пока будут выяснять, что с больным.

Но предложение Фроны было встречено криками: «Не делать перерыва! — „Продолжайте!“», и предложение ее было отвергнуто.

— Ну, Грегори, — сказала девушка, обращаясь к

подсудимому, и с улыбкой поклонившись собранию, — в чем дело?

Сэн Винсент схватил ее за руку.

— Не верьте им, Фрона. Они хотят… они хотят… — у него подступил комок к горлу, и он с трудом проглотил слюну. — Они покушаются на мою жизнь.

— Почему? Не волнуйтесь! Расскажите мне спокойно, в чем дело.

— Видите ли, прошлой ночью… — начал было Сэн Винсент, но оборвал сразу и стал прислушиваться к словам только что принесшего присягу свидетеля-шведа: тот говорил медленно, растягивая слова.

— Я быстро просыпался и подходил к дверям. Там мне слышался еще одна выстрел.

Его прервал какой-то смуглый брюнет, одетый в потрепанное платье.

— Что вам тогда пришло в голову?

— Что? — переспросил свидетель с видом полного недоумения.

— Когда вы подошли к двери, что вы подумали?

— Аа! — вздохнул швед с облегчением, как человек, понявший наконец, чего от него хотят, и выражение недоумения исчезло с его лица. — У

меня мокасин не было. Я думал, чертовски холодно.

Раздался взрыв хохота. Швед посмотрел вокруг себя с простодушным удивлением, но продолжал, не смущаясь:

— Я слышал еще одна выстрел и побежал по тропинке.

В это мгновение к Фроне подошел Корлис, только что с трудом протискавшийся сквозь толпу, и она уже не слышала дальнейших слов свидетеля.

— В чем дело? — спросил инженер. — Что-нибудь серьезное? Не могу ли я помочь?

— Да, да! — Фрона с благодарностью пожала ему руку. — Проберитесь как-нибудь через пролив и передайте отцу, что я прошу его приехать сюда. Скажите, что с Грегори стряслась беда, что его обвиняют в… В чем же, наконец, вас обвиняют, Грегори? — спросила она, обращаясь к Сэн Винсенту.

— В убийстве.

— В убийстве?! — воскликнул Корлис.

— Да, да. Скажите, что Грегори обвиняют в убийстве, что я нахожусь здесь и что его присутствие необходимо. Передайте ему, чтобы он привез мне платье. И вот еще что, Вэнс, — добавила девушка,

кинув Корлису быстрый взгляд и сжимая ему руку, — не надо очень… очень рисковать: но если можете, то сделайте это для меня!

— Ладно, я отлично переберусь.

И Корлис, уверенно кивнув головой, стал протискиваться через толпу обратно к выходу.

— Кто ваш защитник? — спросила Фрона у Сэн Винсента.

Грегори покачал головой.

— У меня нет защитника. Они хотели назначить мне кого-то, какого-то бывшего адвоката, сбежавшего из Соединенных Штатов, — его зовут Билль Броун, — но я отказался от него. Тогда он взял на себя роль обвинителя. Здесь господствует закон Линча, и все предрешено заранее. Они меня осудят во что бы то ни стало.

— Жаль, что я не могу познакомиться с вашей версией дела.

— Но, Фрона, я не виновен. Я…

— Шшшш!

И Фрона положила свою руку на его руку, чтобы заставить его замолчать, и стала прислушиваться к словам свидетеля.

— Так вот, этот газетчик, он здорово отбивался, но мы с Пьером втаскивали его, наконец, в дом. Он плакал и стоял на месте…

— Кто плакал?

— Он. Этот самый, — швед указал на Сэн Винсента. — А я зажигал огонь. Лампа разлился совсем, но у меня в кармане есть свеча. Очень хорошо всегда иметь свеча в кармане, — важно заявил он. — И Борг, он лежал мертвый на полу. А скво[3] говорила, что это сделал он, и потом тоже умирал.

— Про кого она сказала, что это сделал он?

Швед снова указал пальцем на Сэн Винсента.

— Он. Вот этот самый.

— Она на самом деле это сказала? — шепотом спросила Фрона.

— Да, — прошептал в ответ Сэн Винсент. — Почему она это сделала, понять не могу. Она наверное лишилась рассудка.

Смуглолицый человек в потрепанной одежде стал допрашивать свидетеля. Фрона внимательно следила за допросом, но не узнала ничего нового.

— Вы тоже имеете право предлагать вопросы свидетелю, — объявил председатель, обращаясь к Сэн Винсенту. — Хотите допросить его?

Подсудимый покачал головой.

---

[3] notes: 3
Скво — индианка.

— Не стоит, — сказал он безнадежным тоном. — Моя судьба предрешена заранее. Приговор был вынесен еще до суда.

— Одну минуту, прошу вас!

Резкий голос Фроны заставил свидетеля, собиравшегося отойти от стола, сразу остановиться.

— Вы лично не видели, как было совершено убийство?

Швед уставился на девушку. Его и без того деревянное лицо приняло чисто бычачье выражение. Казалось, он ждет, чтобы смысл ее вопроса проник ему в мозг.

— Вы видели, кто совершил убийство? — переспросила Фрона.

— Да, да. Вот этот, — сказал швед, снова пуская палец в ход. — Она говорил, что это он.

Присутствующие невольно улыбнулась.

— Но вы лично присутствовали при совершении убийства?

— Я слышать выстрелы.

— А вы видели, кто стрелял? — любезно произнесла Фрона.

— Нет, но она говорил…

— Достаточно, благодарю вас, — так же любезно сказала Фрона, и свидетель отошел.

Представитель обвинения посмотрел в список.

— Пьер Ля Флич! — вызвал он.

Стройный человек с очень смуглым лицом гибкой, грациозной походкой подошел к столу. У него были красивые черты и быстрый, красноречивый взгляд, который вмиг охватывал все окружающее. Этот взгляд остановился на Фроне, и в глазах Ля Флича мелькнуло нескрываемое восхищение. Девушка улыбнулась и кивнула ему головой: он понравился ей с первого взгляда, ей даже показалось, что она давно с ним знакома. Ля Флич улыбнулся ей в ответ, показывая свои чудные, ровные, ослепительной белизны зубы.

В ответ на обычно предлагаемые свидетелям вопросы он заявил, что носит фамилию отца и что тот был потомком канадских французов-охотников. Его мать, — тут он пожал плечами и сверкнул белыми зубами, — была метиской. Он родился где-то на равнине Барренс, когда его отец там охотился, — где именно, он точно не знает. Его считают старожилом. Он явился сюда во времена Джека Макквестчена, перебрался с берегов Великого Невольничьего озера через Скалистые горы. Когда ему предложили рассказать все, что ему известно про дело, он слегка задумался, как бы поэффектнее начать.

— Весной хорошо спать с открытой дверью, —

наконец заговорил он. Голос его звенел, словно флейта: в нем слышались отзвуки чуждых выговоров, наследство от различных предков. — И так я спал прошлую ночь. Но я сплю, как кошка. Падение листика, дуновение ветерка, и мои уши все слышат и нашептывают мне, всю ночь нашептывают мне обо всем. Поэтому, как только грянул первый выстрел, — он щелкнул пальцами, — и я уже проснулся, вот так, и я уже стою у двери.

Сэн Винсент наклонился к Фроне.

— Это был не первый выстрел, — сказал он.

Она кивнула головой, не отрывая взгляда от Ля Флича, который любезно умолк на мгновение.

— Затем последовали еще два выстрела, — продолжал он. — Быстро, один за другим, бум-бум, вот так. «Это у Борга», — говорю я себе и бегу туда. Я думал, Борг убил Беллу, а это нехорошо. Белла славная женщина, — объявил он, улыбаясь своей увлекательной улыбкой. — Мне Белла нравилась. Поэтому я бегу. Вижу, Джон выбегает из своей хижины и пыхтит, как жирная корова. «В чем дело?», — спрашивает он. А я говорю: «Не знаю». И вдруг что-то выходит из мрака, вот так, и сбивает Джона с ног, и меня сбивает с ног. Мы хватаемся руками за врага. Это человек. Он в одном белье. Он борется. Он кричит: «Ой, ой, ой!», — вот так

кричит. Мы держим его крепко, и он быстро умолкает. Тогда мы встаем на ноги, и я говорю: «Идем-ка со мной!».

— Кто это был?

Ля Флич сделал полуоборот, и взгляд его остановился на Сэн Винсенте.

— Продолжайте.

— Так вот как! Он не желает идти. Но мы с Джоном говорим: «Иди», и он идет.

— Говорил ли он что-нибудь?

— Я спрашивал его, что случилось, но он только плачет… всхлипывает, вот так.

— Не заметили вы что-нибудь особенное в нем?

Ля Флич вопросительно приподнял брови.

— Ах, да, — руки у него были в крови.

И он продолжал, не обращая внимания на шепот, сразу поднявшийся среди присутствующих. Его выразительная мимика и образная жестикуляция придавали его рассказу определенный драматический интерес.

— Джон зажигает огонь, а Белла тут начинает стонать, как стонет морской котик, когда его убивают, вот так, когда пуля попадает ему в сердце, под плавник. А Борг уже валяется где-то в углу. Я гляжу туда. Он уже совсем не дышит. И вдруг

Белла открывает глаза, и я смотрю ей в глаза и вижу, что она узнает меня, знает, что это я, Ля Флич. «Кто это сделал, Белла?», — спрашиваю я. А она поворачивает голову, — голова вот так катится по полу, — и шепчет, так тихо, так медленно: «Он умер?». Я понимаю, что она говорит про Борга, и отвечаю: «Да». Тогда она приподнимается на локте и торопливо оглядывает комнату, быстро-быстро, а когда она видит, наконец, Сэн Винсента, глаза ее уже не бегают и она смотрит только на него. И тут она показывает на него, вот так. — И Ля Флич пояснил свои слова жестом и дрожащим пальцем указал на Сэн Винсента. — И она говорит: «Он, он, он!». А я говорю: «Белла, кто убийца?». А она отвечает: «Он, он, Сэн Винча, он убийца!». А затем, — тут голова Ля Флича безжизненно упала на грудь, но он тотчас снова поднял ее и закончил, сверкнув белыми зубами: — умерла!

Смуглый человек, — это и был Билль Броун, — начал задавать метису обычные вопросы. Ответы свидетеля только подтвердили его первоначальное показание. Кроме того, из допроса выяснилось, что перед убийством несомненно произошла жестокая борьба. Массивный стол был превращен в щепки, табуретка и нары ока-

зались расколотыми пополам, а железная печка лежала, опрокинутая, на полу.

— Я никогда ничего подобного не видел, — сказал Ля Флич, описывая беспорядок в хижине. — Никогда!

Покончив со свидетелем, Броун предоставил Фроне предлагать ему вопросы, причем отвесил ей почтительный поклон. Фрона не осталась в долгу и ответила ему улыбкой. Она считала, что с ним следует поддерживать хорошие отношения. Ей хотелось, главным образом, выиграть время для того, чтобы отец ее успел приехать, и для того, чтобы поговорить с Сэн Винсентом с глазу на глаз и узнать от него все подробности убийства и что произошло на самом деле в минувшую ночь. Поэтому она стала задавать Ля Фличу один вопрос за другим, бесконечный ряд вопросов. Но только два раза ей удалось выяснить сравнительно важные обстоятельства.

— Вы упомянули, что слышали первый выстрел, мистер Ля Флич. Но у здешних хижин толстые стены. Как вы думаете, услыхали бы вы этот выстрел, будь дверь у вас закрыта?

Метис покачал головой, но по глазам его было видно, что он понимает, куда она клонит.

— А если бы дверь хижины Борга была закрыта,

могли бы вы расслышать выстрел?

Ля Флич снова отрицательно покачал головой.

— В таком случае, мистер Ля Флич, когда вы говорите о первом выстреле, вы имеете в виду первый выстрел, который вы услышали, а не первый выстрел вообще?

Метис кивнул головой. Фрона установила то, что хотела установить. Впрочем, она не знала, имеет ли эта подробность какое-нибудь значение или нет.

Тогда она начала очень ловко, издали добиваться еще одного признания со стороны Ля Флича. При этом она сознавала, что метис отлично понимает ее намерение.

— Вы говорите, мистер Ля Флич, что было очень темно?

— Ах, да, очень темно.

— Насколько? Откуда вы узнали, что тот человек, с которым вы столкнулись, Джон, а не кто-нибудь другой?

— Джон очень пыхтит, когда бежит. Я хорошо знаю его пыхтение.

— Могли бы вы разглядеть его лицо в темноте?

— О, нет.

— В таком случае, — торжествующим тоном спросила Фрона, — будьте добры объяснить,

каким образом вы узнали, что у мистера Сэн Винсента руки в крови?

Метис улыбнулся, показывая ослепительные зубы.

— Каким образом? Я почувствовал теплую кровь на ощупь. А мой нюх, — разве мой нюх не говорит мне о дыме костра в лагере охотников, когда ничего кругом не видно? Разве я не знаю по нюху, в какой норе спрятался заяц или где прошел олень?

И метис с этими словами откинул назад голову и закрыл глаза; лицо его стало совершенно неподвижным и приняло особое напряженное выражение; только ноздри его вздрагивали и раздувались. Этой мимикой он хотел показать, каким образом обоняние помогает ему узнать, что он хочет, когда бездействуют остальные его чувства. Но вскоре он приоткрыл глаза и задумчиво посмотрел на девушку.

— Я почуял кровь на его руках, теплую кровь, горячую кровь, в которой у него были запачканы руки.

— Да, он не врет, он мог учуять кровь! — крикнул кто-то из присутствующих.

Это так подействовало на Фрону, что она невольно кинула взгляд на руки Сэн Винсента и

увидела какие-то коричневато-красные пятна на манжетах его фланелевой рубашки.

Когда Ля Флич отошел от стола, Билль Броун подошел к Фроне и протянул ей руку.

— Я должен познакомиться с защитником обвиняемого, — объявил он дружелюбным тоном, просматривая список свидетелей.

— Как вы находите, справедливо ли это по отношению ко мне? — приветливо спросила она. — Ведь мне не дали времени подготовиться к защите. Я ничего не знаю о деле, кроме того, что слышала от ваших двух свидетелей. Не находите ли вы, мистер Броун, — и в голосе у нее зазвучали вкрадчивые, убеждающие нотки, — не находите ли вы, что следовало бы отложить заседание до завтра?

— Гм! — задумчиво произнес Броун, глядя на часы. — Это хорошая мысль. Как-никак уже пять часов. Пора всем разойтись по домам и приняться за приготовление ужина.

Фрона поблагодарила его молча, взглядом, как умеют иногда благодарить женщины, и Броуну этот взгляд означал больше, чем всякие слова.

Он вернулся на место и обратился к присутствующим.

— Представитель обвинения и защитник пред-

лагают ввиду позднего времени и невозможности закончить сегодня дело отложить слушание и назначить следующее заседание на завтра, в восемь часов утра.

— Принято большинством голосов, — объявил председатель. Он встал с места и принялся топить печку: эта хижина принадлежала ему и еще нескольким лицам, и он обычно стряпал для себя и для товарищей.

Глава XXVII

Когда все вышли из хижины, Фрона повернулась к Сэн Винсенту. Он судорожно, словно утопающий, схватил ее за руку.

— Вы должны мне верить, Фрона! Обещайте, что вы мне поверите!

Фрона вспыхнула.

— Вы сейчас вне себя, — сказала она, — иначе вы не стали бы говорить подобные вещи. Впрочем, я вас не виню, — добавила она более мягким тоном, — тут поневоле начнешь волноваться.

— Да, я сам знаю, — с горечью произнес он, — что я веду себя глупо, но я ничего не могу с собой поделать. Слишком уж натянуты у меня нервы. Смерть Борга сильно на меня подействовала, а тут еще новый ужас — меня считают его убийцей и хотят судить по закону Линча. Простите меня, Фрона, я сам не свой. Само собой разумеется, я не сомневаюсь в том, что вы поверите мне.

— Так рассказывайте же, Грегори, каким образом все это произошло.

— Во-первых, эта женщина, Белла, солгала. Она наверное лишилась рассудка, если решилась дать такое предсмертное показание, особенно

после того, как я боролся изо всех сил, защищая ее и Борга. Это единственное объяснение…

— Начните сначала, — перебила его девушка. — Не забудьте, что я вообще ничего не знаю.

Сэн Винсент уселся поудобнее на табуретке, свернул папироску и начал описывать по порядку события минувшей ночи.

— Было, вероятно, около часа ночи. Я вдруг проснулся от того, что кто-то зажег лампу. Я решил, что это Борг, и даже удивился, зачем это он вздумал ночью бродить по хижине; впрочем, я стал тут же снова засыпать, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и я открыл глаза. В хижине было двое чужих: на обоих были маски и шапки с наушниками, так что я не мог разглядеть их лица и видел только блестевшие сквозь щели глаза. В чем именно дело, я совершенно не понимал. Я сознавал только, что нам всем угрожает какая-то опасность. Я лежал не двигаясь и обдумывал, как мне быть. Револьвер свой я как-то одолжил Боргу, и таким образом у меня не оказалось оружия под рукой. Винтовка моя стояла в углу за дверью. Я решил мгновенно схватить ее. Но не успел я соскочить с нар, как один из незнакомцев повернулся в мою сторону и выстрелил в меня. Это и был первый выстрел, тот, которого не

слышал Ля Флич. Во время последовавшей затем схватки дверь хижины открылась, и благодаря этому он услышал остальные три выстрела. Я стоял так близко к незнакомцу и мой прыжок явился настолько для него неожиданным, что он промахнулся и пуля даже не задела меня. Мы сразу же схватились с ним и вместе упали на пол. Это, понятно, разбудило Борга; тогда второй незнакомец принялся за него и за Беллу. Этот второй и убил их, пока первый боролся со мной. Вы слышали показания свидетелей. По беспорядку, царившему в хижине, вы можете себе представить, какая там происходила борьба. Мы катались по полу, налетая на мебель, так что все — стол, табурет, этажерка — падало и ломалось! Ах, какой это был ужас, Фрона! Борг боролся не на жизнь, а на смерть, а Белла старалась помочь ему, несмотря на то что была ранена и громко стонала от боли. Я же не мог никак спасти их. Наконец, я стал одолевать своего противника. Он лежал на спине; я коленями прижал его руки к полу и начал уже душить его, как вдруг второй, покончив с Боргом, набросился на меня. Что я мог сделать? Их было двое против меня, и я уже начал выбиваться из сил. Они отшвырнули меня в угол хижины, а сами убежали. Очевидно, я тут

уже совсем потерял голову, потому что погнался за ними, как только немного отдышался, но не догадался захватить оружие. Тут я столкнулся с Ля Фличем и Джоном и… остальное вам известно. Только одного я понять не могу, — и лицо Сэн Винсента выразило полное недоумение, — я никак не могу понять, почему Белла обвиняет в убийстве меня.

И он умоляюще взглянул на девушку. Фрона пожала ему руку в знак сочувствия, но ничего не сказала; она мысленно обдумывала все за и против.

Наконец она тихо покачала головой.

— Да, дело обстоит неважно. Их нужно убедить…

— Но, Боже мой, Фрона, ведь я не виновен! Святым я себя не считаю, но убийцей никогда не был!

— Но не забудьте, Грегори, — сказала девушка, — что не я буду вас судить. К сожалению, вашими судьями будут все те, кто сегодня присутствовал здесь на собрании, и задача в том, чтобы убедить их в вашей невиновности. Главные улики против вас — предсмертное показание Беллы и кровь у вас на рукаве рубашки.

— Весь пол хижины был залит кровью, —

горячо воскликнул Сэн Винсент, вскакивая с места. — Буквально залит кровью, говорю я вам! Как же я мог не запачкаться, когда валялся по полу во время этой ужасной схватки! Неужели вы мне не верите…

— Тише, тише, Грегори, успокойтесь. Сядьте. Вы совсем вне себя. Вы сами отлично знаете, что если бы ваша судьба зависела от меня, вы были бы тотчас же оправданы. Но все эти люди… ведь вы знаете психологию толпы… каким образом убедить их в том, что не вы убили Борга? Неужели вы не понимаете? Вы не можете выставить ни одного свидетеля в свою пользу. Слова умирающей будут всегда иметь больше веса, чем какие бы то ни было уверения благополучно здравствующего подсудимого. Можете ли вы объяснить, почему эта женщина решилась солгать перед смертью? Имела ли она причины ненавидеть вас? Сделали ли вы ей или ее мужу какое-нибудь зло?

Сэн Винсент покачал головой.

— Для нас, конечно, это вещь необъяснимая, но ваши судьи и не будут искать объяснений. Для них все дело несомненно и не требует доказательств. Наша задача в том, чтобы доказать обратное. В силах ли мы это сделать?

Грегори опустился на стул с видом полного

отчаяния. Голова его склонилась на грудь, и он весь как-то сгорбился.

— В таком случае я пропал!

— Да нет же. Дело обстоит не так уж плохо. Вас не повесят. Положитесь только на меня.

— Но что вы можете сделать? — безнадежным тоном произнес он. — Они взяли правосудие в свои руки и вершат все сами.

— Во-первых, река вскрылась, а это уже большой плюс. Теперь можно каждую минуту ожидать прибытия губернатора и окружных судей, а они явятся вместе с отрядом полиции. Здесь они остановятся несомненно. Кроме того, мы сами можем кое-что предпринять. Река вскрылась, и, если дело примет слишком уж скверный оборот, вы можете спастись бегством: такая вещь не придет в голову никому из наших противников.

— Нет, нет, это невозможно! Что можем мы с вами сделать против такой толпы?

— Но с нами мой отец и Курбертэн. А четверо решительных людей могут, действуя сообща, совершить чудеса. Положитесь на меня и верьте, что все будет хорошо!

И с этими словами она наклонилась к нему, поцеловала его и погладила по голове, но это, по-видимому, ничуть его не успокоило.

* * *

Джекоб Уэлз успел переправиться через пролив задолго до наступления темноты. С ним вместе явились Дэл, Курбертэн и Корлис. Пока Фрона переодевалась в одной из маленьких хижин, предоставленной в ее распоряжение жившими в ней золотоискателями, отец ее занялся больным курьером. Привезенные им депеши оказались чрезвычайно важными, настолько важными, что Джекоб Уэлз несколько раз читал и перечитывал их, и озабоченное выражение долго не сходило с его лица; но когда он вернулся к Фроне, то принял обычный спокойный вид. Сэн Винсент сидел арестованный в соседней хижине, но ему было разрешено свидание с друзьями.

— Дело обстоит неважно, — объявил Джекоб Уэлз, прощаясь на ночь. — Впрочем, будьте покойны, Сэн Винсент, как бы плохо ни было, я даю вам слово, что не допущу вашей казни, если только я не утерял своего прежнего влияния. Я уверен, что не вы убили Борга, — вот вам в том моя рука.

— Каким длинным мне кажется сегодняшний день, — сказал Корлис, когда провожал Фрону до ее хижины.

— А завтрашний покажется еще длиннее, —

устало ответила она. — Мне так хочется спать!

— Вы храбрая маленькая женщина, и я горжусь вами, — ответил Корлис, разглядывая в полумраке — было уже десять часов — льдины, плывшие мимо по реке, словно призраки. — А сейчас, когда у вас беда, можете на меня рассчитывать; для вас я готов на все.

— На все? — переспросила девушка слегка дрогнувшим голосом.

— Будь я героем из мелодрамы, я сказал бы: «Даже на смерть!». Но так как я на эту роль не претендую, то просто повторю: «На все».

— Какой вы хороший, Вэнс, мне никогда не отплатить…

— Шшш… Я своих услуг не продаю. Ведь любовь, если я не ошибаюсь, и есть служение.

Фрона посмотрела на него долгим взглядом. Лицо ее выражало мягкое удивление, но в душе она ощущала какую-то тревогу; все события минувшего дня, а за ними и все этапы ее знакомства с Корлисом вдруг всплыли перед ней.

— Верите ли вы в дружбу? — произнесла она наконец. — Мне хотелось бы, чтобы мы с вами всегда оставались добрыми друзьями, чтобы между нами были тесные, приятельские отношения.

Фрона сама понимала, что эти слова не вполне

выражают то, о чем она мечтала. Но когда Вэнс отрицательно покачал головой, она почувствовала какую-то непонятную ей самой радость.

— Дружба? — спросил он. — Ведь вы знаете, что я вас люблю!

— Да, — тихо ответила она.

— Боюсь, что вы плохо знаете психологию мужчин. Поверьте мне, что мы не из такого теста слеплены. Дружба? Разрешение прийти с холода и погреться у вашего очага? На это я согласен. Но приходить к вам греться, если около вас сидит другой? Нет! Если мы друзья, то я должен радоваться вашему счастью; а неужели вы думаете, что я был бы в состоянии видеть вас с ребенком на руках, — с ребенком от другого, — с ребенком, которого я мог бы, при других обстоятельствах, назвать своим? Видеть, как в глазах этого ребенка отражается душа другого, как он смеется его смехом? Неужели вы думаете, что я мог бы радоваться вашему счастью? Нет, нет, любовь не может быть скована дружбой!

Фрона дотронулась до его руки.

— По-вашему, я не прав? — спросил он, удивленный ее странным выражением.

Фрона тихо всхлипывала.

— Вы переутомились и переволновались. По-

этому покойной ночи. Вам надо поскорее лечь спать.

— Нет, нет, подождите! — она остановила его. — Нет, нет; я такая глупая. Вы правы, я переутомилась. Но вот что, Вэнс, у нас много дела. Мы должны выработать план действий на завтра. Войдите сюда. Там совещаются мой отец и Курбэртен; если случится то, чего мы опасаемся, то нам четверым предстоит совершить большие дела.

* * *

— Немного театрально, — сказал Джекоб Уэлз после того, как Фрона, кратко обрисовав общий план действий, объяснила каждому, в чем его задача. — Но имеет шансы на успех именно благодаря тому, что никто этого ожидать не будет.

— Настоящий государственный переворот, — определил барон. — Великолепно. Ах! Я весь горю при одной мысли. «Руки вверх!», — крикну я вот так, с самым свирепым видом.

— А что если они не захотят поднять руки вверх? — выразил он опасение, обращаясь к Джекобу Уэлзу.

— Тогда стреляйте. Всегда выполняйте свои угрозы, когда стоите с пистолетом в руках, Курбертэн. Это рекомендуется всеми авторитетами.

— А на вашей ответственности, Вэнс, будет «Ля Бижу», — продолжала Фрона. — Отец считает, что завтра река совсем очистится от льда, если только ночью не образуется где-нибудь затор. Лодка должна находиться наготове, у самого берега, как раз против двери хижины. Разумеется, вы не будете знать, что происходит, покуда не выбежит Сэн Винсент. Тогда забирайте его скорее в лодку и везите в Даусон. Поэтому я сейчас не только пожелаю вам спокойной ночи, но и прощусь с вами: утром, может быть, не удастся.

— Сначала плывите по левому рукаву реки, покуда не дойдете до поворота, — посоветовал Джекоб Уэлз, — а там проберитесь между островами в правый, в нем течение быстрее. Ну а теперь ступайте и скорей забирайтесь под одеяло, ведь до Даусона семьдесят миль, а вам придется домчаться туда одним духом.

Глава XXVIII

Когда Джекоб Уэлз на следующий день явился на общее собрание золотоискателей и выразил свой протест против его незаконных действий, все присутствующие отнеслись к нему с должным уважением. Он объявил, что, хотя в старые времена, когда в стране не было установлено правосудие, подобные собрания являлись вполне законными, теперь это время миновало; теперь, утверждал он, существуют законы, которым все обязаны подчиняться. Королевское правительство доказало, что оно в состоянии поддержать порядок; поэтому совершенно недопустимо, чтобы частные лица присваивали себе его функции. Это будет возвращением к прежней анархии, к тому мраку, из которого страна только что начала выходить. Больше того, подобное присвоение функций законной власти является преступным действием. Наконец Джекоб Уэлз совершенно спокойно, в очень сдержанных выражениях, но твердо и определенно заявил, что если собрание примет какие-нибудь серьезные меры, то он первый донесет на всех присутствующих и примет самое активное участие в их преследовании. В

заключение он внес предложение арестовать обвиняемого до прибытия территориальных судей и на этом разойтись. Но предложение его было сразу же отвергнуто, даже без прений.

— Вот видите, — сказал Сэн Винсент Фроне. — Все потеряно!

— Ничего подобного. Слушайте!

И она быстро рассказала ему придуманный накануне проект. Слушал ее он вяло: он был так подавлен, что ее подъем не мог передаться ему.

— Это безрассудная попытка, — заключил он, дослушав девушку.

— А если сидеть сложа руки, вас повесят, — ответила она с задором. — Неужели вы не попытаетесь бороться за свою жизнь?

— Попытаюсь, — ответил он упавшим голосом.

Первыми выступили в качестве свидетелей два шведа; они рассказали про инцидент с корытом, когда на Борга нашел один из его обычных припадков бешенства. Несмотря на всю свою незначительность, инцидент этот стал казаться важным, когда его начали рассматривать в связи с последующими событиями. Инцидент этот открывал широкое поле воображению. Важно было не то, что говорилось, а то, что подразумевалось. Все эти люди, даже самые неотесанные, доста-

точно хорошо знали жизнь, чтобы понять все значение этого случая — весьма обыкновенного, будничного, но имевшего лишь одно объяснение. Пока свидетели давали свои показания, среди слушателей не один многозначительно покачал головой, а соседи начали перешептываться между собой.

За шведами один за другим выступили еще человек шесть. Эти люди внимательно осматривали места, где было совершено преступление, и тщательно обследовали весь островок; все они сходились на том, что нигде не удалось найти ни малейшего следа тех двух лиц, о которых упоминал в своих показаниях обвиняемый.

К удивлению Фроны, после них выступил Дэл Бишоп. Она знала, что он недолюбливает Сэн Винсента, но не могла себе представить, какие относящиеся к делу данные он может сообщить. Его привели к присяге, затем спросили о его возрасте и национальности, а также о том, чем он занимается.

— Золотоискатель, — ответил он.

Тогда Билль Броун обратился к нему с вопросом:

— Мистер Бишоп, насколько нам известно, вы близко знаете подсудимого. Будьте добры дать в

общих чертах его характеристику.

Широкая улыбка появилась на лице Дэла.

— Во-первых, он любит ссориться…

— Стойте! Я протестую!

Подсудимый вскочил на ноги и стоял, весь дрожа от гнева.

— Я не позволю вам играть моей жизнью! Вы привели сюда какого-то сумасшедшего, которого я видел всего раз и жизни, и хотите, чтобы он охарактеризовал меня!

Золотоискатель повернулся к нему.

— Ах, так вы не знаете меня, Грегори Сэн Винсент?

— Не знаю, — холодно ответил Сэн Винсент, — совершенно не знаю вас, друг мой.

— Какой я вам друг! — воскликнул мгновенно вспыливший Дэл.

Но Сэн Винсент, не обращая на него внимания, повернулся к присутствующим.

— Я видел этого человека всего один раз в жизни, да и то в течение нескольких минут. Это было в Даусоне.

— Ну, так вы сейчас еще кое-что вспомните, — насмешливо ответил Дэл, — поэтому вы пока помолчите и дайте мне договорить. Я прибыл сюда вместе с подсудимым в восемьдесят чет-

вертом году.

Сэн Винсент посмотрел на свидетеля с внезапным интересом.

— Да, мистер Грегори Сэн Винсент. Я вижу, что у вас память начинает проясняться. Я тогда носил бакенбарды и назывался Броуном, Джо Броуном.

Он злобно усмехнулся, а подсудимый впал в прежнее безучастное состояние.

— Это правда, Грегори? — шепотом спросила Фрона.

— Как будто бы начинаю припоминать, — пробормотал Сэн Винсент. — Впрочем, не знаю… Нет, это абсурд… Тот наверное умер!

— Так это было в восемьдесят четвертом году, вы говорите, мистер Бишоп? — нетерпеливо спросил Билль Броун.

— Да. В восемьдесят четвертом. Он был газетным корреспондентом и совершал путешествие вокруг света, через Аляску и Сибирь. А я только что дезертировал в Ситке с китоловного судна, оттого-то я и щеголял под чужой фамилией. И я нанялся к нему за сорок долларов в месяц на всем готовом. Ну-с, а он со мной поругался…

При этих словах кто-то из публики фыркнул, насмешливое настроение передалось другим, и среди присутствующих стали раздаваться все

громче и громче презрительные восклицания. Даже Фрона и Дэл невольно улыбнулись. Один подсудимый хранил серьезный вид.

— Кроме того, он поругался в Дайе со старым Анди, и с Джорджем, вождем чилькутов, и с фактором в Пелли. Везде, по всему пути, у него происходили ссоры. Из-за него и у нас постоянно бывали неприятности, главным образом из-за женщин. Он вечно с бабами возился…

— Господин председатель, я выражаю протест, — Фрона встала с места и заговорила очень сдержанно и спокойно, даже румянец не вспыхнул на ее лице. — Любовные похождения мистера Сэн Винсента не имеют никакого отношения к делу; упоминать о них вовсе не представляется необходимым. Кроме того, никто из присутствующих не безгрешен в этом отношении и потому подобный допрос свидетеля вряд ли вызывается одним желанием пролить свет на настоящее дело. Поэтому я прошу, чтобы представитель обвинения ограничился относящимися к делу вопросами.

Но тут вмешался Броун. На его лице, когда он говорил, играла приторная, самодовольная улыбка.

— Господин председатель, я охотно согласился

бы исполнить просьбу защитника. Все обстоятельства, которые были до сих пор выяснены, являются весьма существенными и относящимися, безусловно, к делу. Те факты, которые мы в настоящее время стараемся выяснить, также существенны и также относятся к делу. Мистер Бишоп — наш главный свидетель, и все его показания являются крайне важными. Не следует забывать, что у нас нет прямых улик. Очевидцев убийства Джона Борга не было. У нас есть лишь улики косвенные. Поэтому необходимо выяснить мотивы преступления, а для этого нужно разобраться в личности подсудимого. Именно это я и намерен сделать. Я хочу доказать, что это испорченный, развратный человек и что именно эти свойства довели его до возмутительного преступления, достойного смертной казни. Я хочу сказать, что он — отъявленный лжец, что ни одному слову его нельзя верить, что он неспособен говорить правду. Вот что я стремлюсь доказать и сплести убийственную цепь всех фактов, которые выяснятся на суде, — сплести ту веревку, на которой мы его повесим, не дожидаясь, чтобы солнце вновь зашло и взошло. На этом основании я прошу, господин председатель, чтобы свидетелю было разрешено продолжать свои показания.

Председатель высказался против мнения Фроны, и ее предложение было отвергнуто большинством голосов; Билль Броун кивком пригласил Дэла продолжать.

— Как я уже говорил, — снова начал золотоискатель, — у нас из-за него пошли неприятности. Вот вам пример: мне всю жизнь приходится иметь дело с водой, — видно, такая уж мне судьба выпала, — но чем ближе я сталкиваюсь с этой стихией, тем хуже с ней лажу. Сэн Винсент отлично знал это; кроме того, он сам умеет прекрасно грести; тем не менее, он позволил мне спуститься одному по Бокс-Каньону, а сам обошел кругом, сухим путем. В результате у меня лодка опрокинулась, пропала половина вещей и весь табак. А он еще свалил всю вину на меня. После этого у него вышла история с индейцами, живущими у озера Ле Барж. Они чуть-чуть не прикончили нас обоих.

— А из-за чего вышла эта история? — перебил Билль Броун.

— Из-за хорошенькой скво, которая слишком ласково на него взглянула; потом, когда мы благополучно удрали, я прочел ему лекцию насчет женщин вообще и индейских скво в частности, и он дал мне слово в будущем вести себя при-

лично. А потом он опять влопался в историю с племенем Малых Лососей. Тут уж он был умудрен опытом и действовал хитро, и я долго ни о чем не подозревал, но потом догадался. Он уверял, что шаман его за что-то невзлюбил; но я-то хорошо знаю, что шаманы бесятся главным образом, если затрагивают их женщин; вообще, судя по всему, тут была замешана баба. Когда я попробовал было вразумить его, чисто по-отечески, он разозлился; пришлось мне высадиться с ним на берег и отколотить его. Тогда он разобиделся на меня, стал угрюмым и все молчал. Только когда мы добрались до Оленьей Реки, он повеселел; там стояли лагерем сиваши, которые пришли сюда ловить лососей. Но он все время имел зуб против меня, только я этого тогда не знал, а он только и думал о том, как бы ему от меня улизнуть. А что он умеет нравиться женщинам, этого отрицать нельзя. Только свистнет, они все к нему бегут, как собачки. Замечательная способность! У индейцев из племени Оленя была одна скво — прехорошенькая, но презлющая бабенка. Пожалуй, одна Белла могла с ней сравняться. Наверное, он с ней перемигнулся: что-то уж очень долго он торчал у индейцев в лагере. Будучи весьма неравнодушным к женскому полу…

— Довольно, мистер Бишоп, — перебил Дэла председатель. Он все время наблюдал за Фроной, но не мог ничего прочесть на ее лице, так хорошо она владела собой. Но вдруг он заметил, что рука девушки все время судорожно сжимается и разжимается, выдавая волнение, которое она так хорошо умела скрыть. — Довольно, мистер Бишоп. — Хватит с нас рассказов про разных скво.

— Прошу вас, не перебивайте свидетеля, — учтиво вставила Фрона. — Его показания являются, по-видимому, крайне важными.

— А вы разве знаете, о чем я собираюсь говорить? — с возмущением спросил Дэл, обращаясь к председателю. — Ведь не можете угадать! Ну, так заткнитесь. Сейчас я сам себе хозяин.

Билль Броун вскочил с места, желая предупредить возможную драку, но председатель сдержался, и Бишоп продолжал.

— Я уже давно покончил бы со всей историей и про скво, и про все прочее, если бы вы все время не перебивали меня. Ну, так вот: как я уже говорил, Сэн Винсент все думал о том, как бы ему от меня улизнуть, и улучил минуту да и хвать меня прикладом ружья по башке; потом он втолкнул скво в лодку и давай грести. Вы помните, что творилось здесь, на Юконе, в восемьдесят чет-

вертом году? А он меня бросил одного, в тысяче миль от всякого жилья, без вещей, без оружия. Мне удалось чудом выбраться оттуда, да и он благополучно улизнул; каким образом, это уже к делу не относится. Вы все слышали про его приключения в Сибири; ну, и я, — тут Дэл сделал многозначительную паузу, — тоже кое-что знаю.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда книгу в потрепанном кожаном переплете, очень старинную, судя по виду.

— Я достал эту книжку у одной старухи, жены Пита Уиппля, Уиппля из Эльдорадо. Там говорится про ее прадеда или двоюродного деда, что ли. Нет ли тут кого-нибудь, умеющего читать по-русски? Тогда мы могли бы узнать все подробности путешествия этого человека по Сибири. Впрочем, кажется никого нет…

— Курбертэн! Он знает русский язык! — крикнул кто-то из присутствующих.

Тотчас же толпа расступилась, и маркиза вытолкнули вперед, несмотря на его протесты.

— Знаете этот язык? — спросил Дэл.

— Да, но так мало, так плохо, — стал отнекиваться Курбертэн. — Это было так давно. Я все забыл.

— Валяйте. Мы не станем строго критиковать.

Дэл сунул книжку в руки Курбертэну. Она была открыта на титульном листе.

— Сколько времени у меня руки чешутся при взгляде на нее! Давно уж мне хотелось напасть на ученого вроде вас, — радостно объявил Дэл. — Ну уж теперь вы мне в лапы попались, и вам от меня не отвертеться! Валяйте!

Курбертэн начал читать, запинаясь: «Дневник отца Якутского, содержащий краткий отчет о его жизни в бенедиктинском монастыре в Обдорске и подробное описание его чудесных приключений во время его пребывания в Восточной Сибири, среди племени Оленя».

Прочитав заглавие, маркиз остановился, словно выжидая дальнейших инструкций.

— Скажите нам, где и когда была напечатана эта книга, — приказал Дэл.

— В Варшаве, в тысяча восемьсот седьмом году.

Золотоискатель, торжествуя, обернулся к присутствующим.

— Слышали? Прошу запомнить. В тысяча восемьсот седьмом году!

Курбертэн начал читать первую страницу.

— «Во всем виноват был Тамерлан», — прочел он, невольно употребляя выражения, уже много

раз им слышанные.

При первых его словах Фрона побледнела, и бледность так и не сходила с ее лица до самого конца чтения. Один раз она взглянула на отца, но он, к счастью, смотрел в другую сторону. Ей стало легче, очень уж тяжело ей было бы встретиться с ним взглядом. Зато она не обращала ни малейшего внимания на Сэн Винсента, хотя чувствовала, что он смотрит на нее, не отрывая глаз; но он мог видеть только ее бледное, ничего не выражающее лицо.

«Когда Тамерлан прошелся по Восточной Азии, предавая все на своем пути огню и мечу, — медленно читал Курбертэн, — государства распадались, города предавались разрушению, а народы рассеивались, словно… словно степная пыль. Одно многочисленное племя было изгнано из своей родины. Спасаясь от завоевателей… нет, от бешеной ярости завоевателей, — беглецы удалились в Сибирь, направляясь все дальше и дальше на северо-восток, от них и пошли те монгольские племена, которые ныне населяют прибрежье Ледовитого океана».

— Пропустите несколько страниц, — посоветовал Билль Броун, — и читайте только отдельные выдержки. Не можем же мы сидеть тут всю

ночь…

Курбертэн повиновался.

«На побережье живут эскимосы; они отличаются веселым и миролюбивым нравом. Они сами себя называют Укилионами, что значит Люди Моря. У них я купил собак и пищи. Но они находятся в подчинении у чо-чуэнов, которые живут далеко от берега и известны под названием племени Оленя. Чо-чуэны свирепы и воинственны. Как только я стал удаляться в глубь страны, они напали на меня, отняли все мое имущество и превратили меня в своего раба».

Тут француз снова пропустил несколько страниц.

«Со временем я стал заседать в совете старейшин, но свободы я себе вернуть не мог. Моя мудрость являлась слишком ценной для них, и поэтому они не хотели меня отпустить… Старый Пи-Юн был могущественным вождем. Мне было приказано жениться на его дочери Ильсвунге. Ильсвунга была необычайно грязна. Она никогда не мылась и вела развратную жизнь… Я женился на Ильсвунге, но она была моей женой только по названию. Она пожаловалась на меня своему отцу, старому Пи-Юну, и он сильно разгневался, среди племени начались раздоры. Но в конце

концов, благодаря моей хитрости и ловкости, я стал пользоваться еще большим влиянием, чем раньше, а Ильсвунга перестала жаловаться на меня отцу, потому что я научил ее играть в карты, так что она могла играть сама с собой; и еще многому научил я ее».

— Пожалуй, этого довольно, — закончил Курбертэн.

— Да, хватит, — сказал Билль Броун. — Впрочем, подождите минуточку: скажите еще раз, в котором году издана книга?

— В тысяча восемьсот седьмом, в Варшаве.

— Стойте, Курбертэн, — заговорил Дэл Бишоп. — Так как вы уже начали давать показания, то я вам предложу кое-какие вопросы. — С этими словами он повернулся к публике. — Господа, вам всем приходилось слышать про приключения подсудимого во время его поездки по Сибири. Вы все, конечно, заметили необычайное сходство этих приключений с приключениями отца Якутского, описание которых было напечатано почти сто лет тому назад. И вы все заключили отсюда, что совершен плагиат. Но я хочу доказать, что тут пахнет не одним плагиатом. Подсудимый удрал от меня в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году; мы были тогда на Оленьей Реке. Осенью

этого года он очутился в Сент-Майкле, на пути в Сибирь. В восемьдесят девятом и девяностом он, по его словам, проделывал всякие фокусы там, в Сибири. В девяносто первом он снова выплыл во Фриско[4] и там изображал из себя героя. А теперь посмотрим, что может сообщить нам француз.

— Вы бывали в Японии? — добавил он, обращаясь к Курбертэну.

Маркиз, внимательно следивший за его словами, быстро высчитал года в уме; на его лице отразилось плохо скрываемое удивление. Он кинул умоляющий взгляд на Фрону, но девушка, очевидно, не желала прийти ему на помощь.

— Да, — наконец, сказал он.

— И вы встречались там с подсудимым?

— Да.

— В каком году?

Присутствующие быстро наклонились вперед: каждому хотелось расслышать ответ маркиза.

— В тысяча восемьсот восемьдесят девятом, — нехотя признался француз.

— Да как же это может быть, маркиз? — спросил Дэл ехидным тоном. — Ведь подсудимый в это время был в Сибири!

---

[4] notes: 4
Искаженное «Сан-Франциско».

Курбертэн пожал плечами в знак того, что это не его дело, и отошел прочь от стола. После его ухода был сделан экспромтом краткий перерыв, длившийся всего несколько минут. Присутствующие тотчас же зашушукались, многозначительно покачивая головой.

— Все это — сплошная ложь!

Сэн Винсент наклонился к самому уху Фроны, но она не слышала его слов.

— Обстоятельства свидетельствуют против меня, но я могу все объяснить.

Однако лицо Фроны оставалось по-прежнему непроницаемым. Между тем, председатель предоставил слово подсудимому, и Сэн Винсент подошел к столу. Фрона повернулась к отцу. Джекоб Уэлз положил свою руку на руку дочери. От этого жеста у девушки брызнули слезы из глаз.

— Ты, может быть, откажешься от защиты? — спросил Джекоб Уэлз после минутного раздумья.

Но Фрона в ответ только покачала головой.

Сэн Винсент заговорил. Он повторил то, что уже рассказывал Фроне, но более подробно. Его версия не шла вразрез с показаниями Ля Флича и Джона. Он не отрицал инцидента с корытом, объясняя его простой любезностью с его стороны, — любезностью, вызвавшей у Джона Борга

один из его приступов безрассудного гнева. Он также признал, что Белла была действительно убита из его револьвера, но добавил, что за несколько дней до убийства он одолжил этот револьвер Джону Боргу, а тот его так и не вернул. Что касается обвинения, возведенного на него Беллой, он ничего сказать не мог: он не мог понять, почему эта женщина решилась умереть с ложью на устах. Он никогда ничем не обидел ее, и этот поступок не мог быть объяснен даже местью. Это было нечто совершенно непонятное. Перейдя затем к показаниям Бишопа, он заявил, что даже не даст себе труда опровергать его слова. Все это сплошная ложь, ловко переплетенная с истиной. Этот человек явился в Аляску вместе с ним в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году — это правда, но его версия о происшедших тогда событиях являлась коварной выдумкой. Что же касается слов маркиза, то Курбертэн просто ошибается в числах — вот и все.

При допросе подсудимого Билль Броун выяснил еще одну небольшую подробность. По словам Сэн Винсента, между ним и двумя таинственными неизвестными произошла жестокая борьба.

— Но если это было так, — спросил Броун, — то как объяснить, что на вас не заметно никаких

ее следов? При осмотре трупа Джона Борга были найдены кровоподтеки и ушибы. Если вы на самом деле боролись с убийцами, как же вы могли уцелеть?

Этого Сэн Винсент не брался объяснить. Впрочем, он сказал, что ощущает боль во всем теле. Во всяком случае, это обстоятельство не имеет никакого значения. Он не убивал ни Борга, ни его жену, это он утверждает.

Фрона начала свою защитительную речь с прочувствованного обращения к присутствующим, в котором напоминала им, что жизнь каждого человека священна, что очень опасно осуждать на основании косвенных улик и что в сомнительных случаях обвиняемый имеет право рассчитывать на оправдание. Затем она начала разбирать свидетельские показания, отбрасывая все несущественное и стараясь придерживаться лишь твердо установленных фактов. Прежде всего, отметила она, приходилось констатировать полное отсутствие мотива для совершения преступления. Те факты, о которых говорили свидетели, были так пустячны, что ни один здравомыслящий человек не примет их во внимание. Фрона, по ее словам, твердо полагалась на то, что имеет дело с умными людьми, с настоящими

мужчинами, которые никогда не решатся вынести приговор на основании бабьих россказней.

С другой стороны, продолжала девушка, если разобраться в этом вопросе, то становится совершенно ясно, что Сэн Винсент и Белла никогда не были близки; больше того, со стороны Сэн Винсента не было даже попытки ухаживать за индианкой. При здравом взгляде на вещи, случай с корытом — единственный факт, говоривший о подобном ухаживании, — являлся лишь забавным инцидентом, доказывавшим, что простая любезность воспитанного гостя была совершенно ложно истолкована ревнивым хозяином. В общем, Фрона вполне полагалась на здравый смысл присутствующих; она повторила, что имеет дело с умными людьми.

Свидетели старались доказать, что у Сэн Винсента скверный характер; что же касается характера Джона Борга, то тут доказывать было нечего: всем были известны его вспышки бешеного гнева. Все знали, что его несдержанность вошла в поговорку у золотоискателей, что именно из-за этого у Борга не было друзей. Зато имелось множество врагов. Отсюда легко было предположить, что незнакомцы в масках и являлись именно какими-нибудь врагами убитого. Какая причина

побудила их совершить преступление, этого, разумеется, нельзя было угадать; Фрона предоставляла судьям решать вопрос о том, возможно ли или невозможно предположить, что в Аляске нашлись два лица, когда-то жестоко обиженные Боргом и потому решившиеся на убийство. Правда, по словам свидетелей, не удалось найти следов незнакомцев; но никто не упомянул о том, что не осталось следов и от шагов Сэн Винсента, Пьера Ля Флича и Джона-шведа. Упоминать об этом было излишне. Все знали, что и тогда, когда Сэн Винсент выбежал из дома, и тогда, когда он шел обратно вместе с Ля Фличем и шведом, на тропинке не было заметно ничьих следов. Всем было известно, что представляла собой эта тропинка: узкую выемку, покрытую твердым, плотно утрамбованным снегом, на котором мягкие мокасины не могли оставить следов. Даже если бы лед не прошел, невозможно было бы обнаружить место, где убийцы перешли реку.

При этих словах Ля Флич одобрительно кивнул головой в сторону Фроны. Девушка продолжала:

— Представитель обвинения придает, по-видимому, большое значение тому, что у Сэн Винсента оказались руки в крови. Но если он даст себе труд осмотреть сейчас мокасины мистера Ля Флича,

то и на них он найдет следы крови. Это, однако, нисколько не доказывает, что мистер Ля Флич причастен к убийству.

Мистер Броун обратил внимание на то обстоятельство, что подсудимый нисколько не пострадал во время происходившей жестокой борьбы. — За это Фрона выразила благодарность своему противнику. — На трупе Джона Борга было обнаружено множество ссадин и кровоподтеков; а ведь Борг был гораздо выше Сэн Винсента, гораздо сильнее и тяжелее его. Если Сэн Винсент действительно совершил убийство и боролся с Боргом, то чем объяснить то обстоятельство, что он сам при этом нисколько не пострадал? На этот факт не мешало бы обратить особое внимание.

Еще другая необъяснимая вещь: почему подсудимый, выскочив из дома, побежал по направлению к поселку? Если он на самом деле совершил убийство, то совершенно непонятно, почему он кинулся туда, даже не одевшись и никак не подготовившись к бегству. Зато все объяснялось, если предположить, что он бросился преследовать незнакомцев; понятно, что он, обессилел, еле переводил дух и, разумеется, сильно взволнованный, побежал, не думая, по знакомой дороге.

В заключение Фрона дала великолепное ре-

зюме, очень сильное и замечательное по логическому построению. По окончании ее речи все присутствующие горячо зааплодировали ей. Но эти проявления восторга только огорчали и обижали ее; она знала, что они относятся к женщине, а не к защитнику подсудимого.

Билль Броун, умевший ловко учитывать настроение толпы, любил пользоваться всяким представлявшимся ему удобным случаем, чтобы завоевать ее симпатии; если же этот случай не представлялся, то он пускался в остроумные рассуждения, причем ему очень помогал его природный юмор. Когда он покончил с вопросом о таинственных незнакомцах в масках, они уже представлялись слушателям не более как мифами, лишенными всякой реальной подкладки, по выражению самого Билля.

По его словам, незнакомцы никак не могли бы уйти с острова. За последние часы перед вскрытием реки лед стал настолько хрупким, что пройти по нему было невозможно. Подсудимый не обвинял в убийстве никого из живущих на острове; кроме того, все они, за исключением самого подсудимого, доказали свое алиби. Возможно, что подсудимый и был взволнован, когда бежал по тропинке и налетел на Ля Флича и Джона-шведа.

Это странно, конечно: он должен был бы привыкнуть к таким вещам, когда жил в Сибири. Впрочем, это не существенно; ясно одно — подсудимый, действительно, находился в состоянии крайнего возбуждения, близком к истерике. Понятно, что убийца в такую минуту бежал, очертя голову. Такие штуки не раз случались. Как часто убийцы сами себя выдавали!

Затем Броун коснулся вопроса об отношении между Боргом, Беллой и Сэн Винсентом, причем искусно воспользовался всеобщим, инстинктивным убеждением против подсудимого. Он не столько разбирал факты, сколько выезжал на разных пошло-чувствительных общих местах. Правда, он готов был признать, что нельзя безусловно доказать что-либо на основании одних косвенных улик, но это вовсе и не требовалось. Главное — чтобы у судей сложилось обоснованное убеждение в том, что подсудимый виновен. И такое убеждение должно было родиться на основании тех данных, которые выяснились на суде. Затем он перешел к разбору свидетельских показаний.

— Наконец, — добавил он, — мы имеем предсмертные слова Беллы: это показание, которого не устранишь. Нам всем ничего не известно

определенно. Мы ничего не знаем. Мы бродим во мраке и хватаемся за малейшие подсказки, которые могут помочь нам. Но, господа, — тут Броун сделал паузу, приглядываясь к лицам слушателей, — Белла знала истину. Ее показания — отнюдь не косвенная улика. Она умирала, дыхание ее уже становилось частым и напряженным, глаза закатились, она чувствовала, что жизнь покидает ее: в такую минуту она не могла не сказать правду. Когда холодный мрак смерти уже окутывал ее, когда предсмертные хрипы уже вырывались у нее из груди, она, собрав последние силы, приподнялась и дрожащей рукой указала — вот так — на подсудимого. «Он, он, он! — сказала она. — Это он, Сэн Винча, это сделал!»

И Билль Броун указал пальцем на Сэн Винсента. Тот с трудом поднялся с места. Лицо его посерело и как-то постарело, и он беспомощно покачнулся, не произнеся ни слова. «Струсил, струсил!», — зашептали присутствующие так громко, что он расслышал их слова. Он несколько раз провел языком по запекшимся губам, затем сделал попытку заговорить, но безуспешно.

— Я сказал правду, — наконец произнес он. — Клянусь Богом, я не виновен!

И он уставился на Джона-шведа, стараясь со-

браться с мыслями.

— Я… Я не виновен… Я не… не виновен.

Казалось, будто он погрузился в какое-то глубокое раздумье, вызванное созерцанием Джона-шведа. Фрона взяла его за руку и заставила снова сесть. В это мгновение кто-то крикнул: «Тайное голосование!».

Но Билль Броун сразу вскочил с места.

— Нет! Нет, говорю я. Открытое голосование! Мы — мужчины и не боимся ответить за свои поступки.

Его слова были встречены громкими возгласами одобрения. Председатель начал вызывать каждого из присутствующих по имени, и все, один за другим, произнесли одно и то же слово: «Виновен».

Курбертэн подошел к Фроне и шепнул ей что-то на ухо. Она кивнула ему головой и улыбнулась, а он стал протискиваться назад сквозь толпу и занял свое прежнее место у двери. Когда очередь дошла до него, он произнес: «Не виновен». То же самое сказали Фрона и Джекоб Уэлз.

Пьер Ля Флич поколебался секунду, внимательно посмотрел на Фрону и на Сэн Винсента и затем произнес ясным, звонким голосом: «Виновен». Когда председатель встал с места, Джекоб Уэлз

перешел, словно невзначай, к противоположному концу стола и встал там, спиной к печке. Курбертэн, внимательно следивший за всем происходившим, снял висевшую на стене кадку, опрокинул ее и встал на нее.

Председатель откашлялся и постучал по столу.

— Господа, — объявил он, — подсудимый…

— Руки вверх! — крикнул Джекоб Уэлз повелительным голосом, и вслед за этим мгновенно раздался пронзительный окрик Курбертэна:

— Руки вверх, господа!

Оба заняли выгодные позиции — впереди толпы и в тылу у нее; благодаря этому они оказались хозяевами положения. При виде револьверов все сразу подняли руки вверх; председатель не успел даже положить свой молоток на стол. Никто не шелохнулся. Каждый остался в той позе, в какой был, когда раздалось грозное приказание. Взоры всех, направленные то на одного, то на другого из главных действующих лиц, в конце концов всегда возвращались к Джекобу Уэлзу.

Сэн Винсент сидел, ничего не понимая. Фрона сунула ему револьвер, но его рука разжималась и не могла удержать оружия.

— Бежим, Грегори! — умоляла она его. — Скорее! Корлис ждет в лодке.

Она встряхнула его, и ему наконец удалось зажать револьвер в руке. Тогда она потянула его за локоть и заставила встать; казалось, будто он крепко заснул и она никак не может разбудить его. Но лицо у него было бледное как полотно, глаза остановились, как у сомнамбулы, и он весь дрожал мелкой дрожью. Все еще держа его за руку, она сделала шаг назад, словно приглашая его следовать за собой. Он шагнул, но колени у него подгибались. В комнате стояла мертвая тишина; слышно было лишь дыхание присутствующих. Кто-то слегка кашлянул. Все укоризненно посмотрели на нарушившего молчание — таким неуместным казался всякий звук. Бедняга сконфузился и начал переступать с ноги на ногу. И снова все умолкло, и стало слышно только дыхание толпы.

Сэн Винсент сделал еще шаг, но рука его снова разжалась, и револьвер с шумом покатился на пол. Фрона быстро наклонилась, но Пьер Ля Флич уже успел наступить на него ногой. Она подняла глаза и увидела, что метис по-прежнему держит руки вверх и смотрит, равнодушно и невозмутимо на Джекоба Уэлза. Она попробовала было сдвинуть с места его ногу, но мускулы у метиса были стальные; очевидное, равнодушное выра-

жение его лица было напускное. Сэн Винсент беспомощно опустил взгляд, словно ничего не понимая.

Но этот инцидент отвлек внимание Джекоба Уэлза. Он взглянул туда, откуда раздался стук. Этой секундой воспользовался председатель. Не сгибая руки, он быстро взмахнул ею, и тяжелый молоток, перелетев по воздуху, ударил Джекоба Уэлза по уху. Он упал, а револьвер его выстрелил. Джон-швед издал радостное ворчание и сунул руку в карман.

В то же мгновение пришлось сдаться и французу. Дэл Бишоп, не опуская рук и глядя на француза невинными глазами, ударом ноги вышиб из-под него кадку, отчего тот грохнулся на пол. Он выстрелил, но пуля попала в потолок, никого не задев. Ля Флич между тем крепко обхватил Фрону. Сэн Винсент, словно вдруг пробудившись от своей летаргии, кинулся было к двери, но метис ловко подставил ему ногу, и он растянулся на полу.

Председатель стукнул кулаком по столу и докончил слова приговора, которые он не успел произнести:

— Господа, подсудимый признан виновным в убийстве Джона Борга.

Глава XXIX

Фрона сразу бросилась к отцу, но тот уже успел прийти в себя. Одновременно подвели к столу и Курбертэна. У француза лицо было исцарапано, кисть руки вывихнута, и он яростно протестовал. Чтобы не терять времени и предупредить всякие споры, Билль Броун попросил слова:

— Господин председатель, хотя мы и должны вынести порицание Джекобу Уэлзу, Фроне Уэлз и барону Курбертэну за их попытку освободить подсудимого и помешать законному ходу правосудия, однако, приняв во внимание все обстоятельства, мы не можем не сочувствовать им. Больше я ничего не скажу. Вы все знаете, что каждый из вас при случае поступил бы точно так же. Поэтому, чтобы не терять времени, предлагаю обезоружить задержанных и отпустить их.

Предложение Билля было принято. Двое из присутствующих обыскали Джекоба Уэлза и Курбертэна, Фрона просто дала слово, что у нее нет никакого оружия. Затем был избран комитет, который должен был взять на себя все приготовления к казни. После этого все присутствующие один за другим покинули хижину.

— Сожалею, что пришлось вас стукнуть, — сказал председатель не то с вызовом, не то извиняясь.

Джекоб Уэлз улыбнулся.

— Вы воспользовались случаем, — ответил он, — я вас не виню. Мне только жаль, что я сам раньше не прикончил вас.

В этот момент в углу хижины раздались взволнованные возгласы: «Эй, ты, пусти!» — «Наступи ему на пальцы, Тим!» — «Разожми его руку!» — «Открой ему рот!»

Фрона увидела, что несколько человек навалились на Сэн Винсента, и бросилась к нему. Он лежал на полу и боролся, как сумасшедший, пустив в ход и зубы и ногти. Тим Дьюган, дюжий ирландец, сцепился с ним, а Сэн Винсент крепко вонзил ему зубы в руку.

— Хвати его, Тим, хвати!

— Разве не видишь, что не могу, дурак ты этакий! Всуньте ему что-нибудь в рот, ребята!

— Позвольте мне, господа.

Все вокруг расступились, и Фрона подошла к лежавшим на полу Сэн Винсенту и Тиму. Она опустилась на колени рядом с ними.

— Пустите его, Грегори. Пустите, говорю я вам.

Он посмотрел на нее каким-то нечеловеческим

взглядом. Он тяжело дышал, и из груди его вырывался какой-то хрип, словно его совсем покидали силы.

— Это я, Грегори.

И девушка ласково провела рукой по его волосам.

— Неужели вы не узнаете меня? Это я, Фрона. Пустите этого человека.

Все мускулы его тела стали понемногу ослабевать, а лицо приняло спокойное выражение. Челюсти разомкнулись, выпустив руку противника.

— А теперь слушайте, Грегори. Ведь вам предстоит умереть…

— Но я не могу, не могу! — простонал он. — Вы говорили, что я должен положиться на вас, что все окончится благополучно.

Фрона хотела было напомнить, что ему была предоставлена возможность спастись, но промолчала.

— О Фрона, Фрона!

Сэн Винсент зарыдал и уткнулся лицом ей в колени.

— Но будьте, по крайней мере, мужчиной. Это единственное, что вам осталось.

— Пойдем! — повелительно объявил Тим Дью-

ган. — Виноват, мисс, но мы должны его увести. Тащите его, ребята! Блэки, и ты, Джонсон, берите его за ноги.

Услышав это приказание, Сэн Винсент как-то весь съежился; проблеск разума, мелькнувший у него во взгляде, снова исчез, и он судорожно уцепился за руку Фроны. Она с мольбой взглянула на его палачей, и у тех опустились руки.

— Оставьте нас вдвоем на минутку, — попросила девушка, — только на минутку.

— Не стоит он этого... — сказал Тим Дьюган, тотчас же отошедший поодаль вместе со своими товарищами. — Полюбуйтесь-ка на него!

— Возмутительно! — присоединился Блэки и искоса взглянул на Фрону. Она нежно гладила Сэн Винсента по голове и шептала ему что-то на ухо.

Что она говорила, никто не мог расслышать, но она заставила его подняться и сделать несколько шагов. Она вела его, а он шел, словно гальванизированный труп. Когда они вышли наружу, он с каким-то удивленным выражением уставился на мутные волны Юкона. У самого берега, вокруг высокой сосны, собралась вся толпа. Какой-то мальчик, влезший на дерево, чтобы перекинуть веревку через толстый сук, быстро соскользнул вниз по стволу. Спустившись на землю, он по-

смотрел на свои ладони и подул на них. Вокруг него раздался хохот. В стороне два волкодава, ощетинившись и оскалив зубы, заворчали друг на друга. Окружающие стали науськивать их. Они сцепились и покатились по земле, но кто-то отпихнул их прочь ногой, чтобы дать дорогу Сэн Винсенту.

Корлис вышел из лодки и подошел к Фроне.

— Что случилось? — спросил он. — Неужели сорвалось?

Она попробовала заговорить, но не могла и только кивнула головой в ответ.

— Сюда, Грегори!

Она взяла Сэн Винсента за руку и подвела его к ящику, над которым болтался конец веревки.

Корлис, шедший рядом с ними, в раздумье поглядел на толпу и нащупал боковой карман куртки.

— Неужели нельзя ничего сделать? — спросил он, нетерпеливо кусая нижнюю губу. — Вам стоит только слово сказать, Фрона. Я сумею удержать толпу.

Фрона посмотрела на него. Ей приятен был вид этого человека. Она знала, что он готов на все ради нее, но в то же время сознавала, что не имеет права рисковать его жизнью. Сэн Винсенту была

дана однажды возможность спастись, но он ею не воспользовался. Несправедливо жертвовать другими ради него.

— Нет, Вэнс, теперь уже поздно. Ничего нельзя сделать.

— Позвольте мне хоть попытаться!

— Нет. Не наша вина, если наш проект не удался… и… и… — Глаза ее наполнились слезами. — Пожалуйста, не просите меня об этом.

— Ну, тогда позвольте мне увести вас отсюда. Вы не можете оставаться здесь.

— Я должна, — ответила она и повернулась к Сэн Винсенту, который, казалось, впал в глубокое раздумье.

Блэки, между тем, уже завязывал веревку петлей, собираясь накинуть ее Сэн Винсенту на шею.

— Поцелуйте меня, Грегори, — сказала Фрона и положила руку на руку приговоренного.

От ее прикосновения несчастный вздрогнул. Словно пробудившись от сна, он посмотрел вокруг и увидел горящие взгляды, устремленные на него, и палача, уже взявшегося за веревку. Он всплеснул руками, словно желая отстранить от себя весь этот ужас, и громко крикнул:

— Нет, нет! Я признаюсь во всем! Дайте мне

рассказать всю правду, и тогда вы узнаете все.

Билль Броун и председатель оттолкнули Блэки в сторону. Вокруг приговоренного собралась толпа. Тут и там раздавались крики и возгласы протеста. «Нет, не уйду! — пищал чей-то детский дискант. — Я влезал на дерево и привязал веревку — я имею право остаться!» — «Ты ребенок, — ответил мужской голос, — тебе нельзя смотреть на такие вещи». — «Я не боюсь, я не маленький. Я… я привык. Кто на дерево влезал? Я! Посмотрите на мои руки!» — «Да пусть остается», — вмешались в спор другие. «Оставь его, Кэрли». — «Не ты тут главное лицо!». — Взрыв смеха встретил эти слова, и все успокоилось.

— Молчать! — крикнул председатель и затем добавил, обращаясь к Сэн Винсенту: — Ну, начинайте, да поживей, а то до вечера не кончите.

— Дайте всем послушать! — раздались возгласы из толпы. — Пусть он станет на ящик.

— На ящик его!

Сэн Винсенту помогли взобраться на ящик. Он тотчас же заговорил, быстро и многословно.

— Я не убивал Борга, но я был очевидцем убийства. Убил его один человек, а не двое. Он убивал, а Белла помогала ему. — Его слова были заглушены взрывом хохота.

— Постойте-ка минуточку, — остановил приговоренного Билль Броун. — Будьте добры объяснить, каким образом могла Белла помочь кому-то убить самое себя. Начните сначала.

— В этот вечер Борг перед тем, как лечь спать, наладил свой сигнал против воров…

— Какой сигнал?

— Я так называл это приспособление. Он привязывал сковородку к задвижке так, что она должна была упасть в случае, если бы кто-нибудь открыл дверь снаружи. Он каждый вечер ее вешал, словно боялся именно того, что случилось. В ночь убийства я проснулся: мне показалось, что кто-то ходит по комнате. Лампа еле светила. У двери стояла Белла. Борг храпел: я ясно различал его дыхание. Белла очень осторожно убрала сковородку и открыла дверь. В хижину бесшумно вошел индеец. Маски на нем не было. Я узнал бы его где угодно: у него на лбу был большой шрам, который доходил до самого глаза.

— Вы, наверное, соскочили с нар и подняли тревогу?

— Нет, — ответил Сэн Винсент, с вызывающим видом закинув назад голову. Он, по-видимому, решил сразу признаться в своем позоре. — Я просто лежал и ждал.

— Что вам пришло в голову?

— Что Белла в сговоре с индейцем и что они хотят убить Борга. Я сразу догадался.

— И вы ничего не сделали?

— Ничего.

Он произнес это чуть слышно и посмотрел на Фрону, которая стояла около ящика, служившего ему пьедесталом: она прислонилась к ящику и следила за тем, чтобы он не качался. Вид у нее был совершенно спокойный.

— Белла подошла ко мне, но я закрыл глаза, стараясь дышать ровно. Она поднесла ко мне лампу, но я так хорошо притворялся, что обманул ее. Вдруг раздался резкий храп: это Борг вздрогнул и проснулся в тревоге. Он громко закричал, и я открыл глаза. Индеец наносил Боргу рану за раной своим ножом, а Борг отбивался от него кулаками и старался схватить его поперек тела. Они сцепились. Но тут Белла подкралась сзади и начала душить мужа. Она уперлась ему в спину коленом и старалась повалить его. Наконец, это удалось ей с помощью индейца.

— А вы-то что же?

— Я смотрел.

— У вас был револьвер?

— Да.

— Тот самый, который вы, по вашим словам, одолжили Боргу?

— Да.

— Джон Борг звал вас на помощь?

— Да.

— Помните ли вы, в каких выражениях?

— Он крикнул: «Сэн Винсент! О Сэн Винсент! Боже! Сэн Винсент, да помогите же мне!» — Говоривший вздрогнул при этом воспоминании и затем добавил: — Это было ужасно!

— Еще бы не ужасно, — пробурчал Броун. — А вы что же сделали?

— Я смотрел, — упрямо повторил Сэн Винсент.

Вся толпа как один человек возмущенно зароптала.

— Боргу, однако, удалось сбросить с себя обоих. Он встал на ноги и хватил Беллу наотмашь кулаком так, что она отлетела к стене. Тогда он накинулся на индейца. Они стали драться. Индеец выронил нож из рук, а Борг колотил его кулаками. Ужасно было слышать эти удары. Я думал, что он тут же убьет индейца. Во время этой драки они и разломали всю мебель в хижине. Они катались по полу, рычали и боролись, словно дикие звери. Я удивился, как Борг не переломал индейцу все ребра своими кулачищами. Но Белла

в это время нашла нож и стала наносить мужу раны. Он сцепился с индейцем, и руки у него были заняты. Он отбивался от нее ногами. По всей вероятности, он сломал ей голень, потому что она упала на пол и закричала. После этого она уже больше не могла встать на ноги, как она ни старалась. Наконец оба они, и Борг, и индеец, свалились прямо на печку.

— Он не звал еще на помощь?

— Он умолял меня подойти к нему.

— А вы?

— Я смотрел. Наконец, ему удалось стряхнуть с себя индейца, и он подошел, шатаясь, ко мне. Он был весь в крови, и я заметил, что он совсем ослабел. «Дайте мне ваш револьвер, — сказал он. — Скорей, скорей!» И он стал шарить руками вокруг меня, словно пьяный. Потом он как будто вдруг пришел в себя. Он протянул руку, снял висевший на стене револьвер и вынул его из кобуры. Индеец снова с ножом накинулся на него, но он даже не пытался защищаться. Он направился к Белле, а индеец повис на нем и не переставая ударял его ножом. Как видно, это раздражало Борга, и он отпихнул своего противника прочь. Он встал на колени около Беллы и повернул ее лицо к свету, но кровь заливала ему глаза и ослепляла

его. Он вытер лицо рукой, видно, боялся промахнуться. Наконец, он приставил Белле револьвер к груди и выстрелил в нее в упор. Тут индеец будто рехнулся. Он накинулся на Борга и вышиб у него револьвер из рук. Этажерка, на которой стояла лампа, свалилась. Борьба продолжалась в темноте. Раздалось еще несколько выстрелов, но кто стрелял, я не знаю. Я сполз с нар, но меня сшибли с ног, и я свалился прямо на Беллу. Вот когда я запачкал в кровь руки. Когда я выбежал, то услышал еще несколько выстрелов. Я встретил Ля Флича и Джона и… Остальное вам известно. Я сказал правду, клянусь, всю правду.

Сэн Винсент снова взглянул на Фрону. Она поправляла неровно стоявший ящик. Лицо у нее было совершенно спокойно. Затем он посмотрел на толпу и прочел недоверие в глазах окружающих.

— Почему вы не рассказали все это сразу? — спросил Билль Броун.

— Потому что… потому что… мне следовало бы прийти Боргу на помощь.

Снова поднялся хохот. Билль Броун отвернулся от приговоренного.

— Господа, — сказал он, — вы слышали фантастический рассказ подсудимого. Это измышление

еще более невероятно, чем первое. Когда начался суд, я обещал доказать вам, что этот человек — лжец. Что я прав, это подтвердил ваш приговор. Но что он сам подтвердит мои слова, и притом так ярко, — вот чего я сам не ожидал. Что это так, сомнений быть не может. Каково ваше мнение об этом человеке? Он преподносил нам ложь за ложью, он лгал все время. Неужели вы поверите этому последнему его измышлению, этой совершенно невозможной истории? Господа, я могу только просить вас снова подтвердить ваш первоначальный приговор. Если есть среди вас кто-то, кто сомневается в том, что он соврал, — впрочем, таких вероятно, очень мало, — позвольте мне сказать им одно: если этот человек сказал сейчас правду, если он, деливший хлеб-соль с Джоном Боргом, на самом деле спокойно лежал на постели в то время, как убивали его товарища, если он мог равнодушно слушать мольбы несчастного о помощи, если он лежал и хладнокровно смотрел, как совершалось это зверское убийство и у него не дрогнуло сердце, — в таком случае, господа, позвольте мне сказать, что он все-таки заслуживает петли. Казнив его, мы не нарушим справедливости. Каково же будет ваше решение?

— Смерть ему!

— Вздернуть его!

— Повесить!

Но как раз в этот момент внимание толпы было вдруг отвлечено в другую сторону: даже Блэки позабыл про свои обязанности. По реке плыл большой плот. На каждом конце его стоял человек: оба они управляли плотом посредством шестов. Плот обогнул Расстанный остров и остановился у берега Рубо. Один из стоявших на плоту бросил канат, который несколько раз обвился вокруг дерева, — как раз вокруг того, под которым стоял Сэн Винсент. Под навесом, сделанным из веток, виднелись большие, разрезанные на части, оленьи туши, мясо было свежее, красное. Вновь прибывшие с гордостью оглядывали свое богатство.

— Хотим до Даусона добраться с грузом, — объявил один из них, — да очень уж сильно солнце печет.

— Нет, — сказал его товарищ в ответ на чей-то вопрос. — Здесь не продадим. Если спустимся ниже по реке, то получим по полтора доллара за фунт. Потому-то мы и торопимся. Но у нас есть тут человек, которого мы хотели бы оставить у вас.

Он повернулся и указал на кучу одеял, под которыми лежало какое-то тело.

— Мы подобрали его сегодня на берегу Реки Стюарт.

— Его надо полечить, — добавил первый, — а у нас мясо портится, и нам некогда возиться с больным. Бедняга все время молчит. Не знает языка. Похоже на то, что его потрепал медведь, очень уж он изувечен. По-видимому, затронуты внутренние органы. Куда его снести?

Фрона, стоявшая рядом с Сэн Винсентом, увидела, как больного внесли на берег и затем пронесли мимо толпы. Из-под одеяла безжизненно свисала рука бронзового цвета. По лицу она увидела, что это индеец. Несшие больного случайно остановились перед ней, ожидая указаний, куда его положить. Вдруг Фрона почувствовала, что кто-то схватил ее за руку.

— Посмотрите! Посмотрите! — Сэн Винсент наклонился и с безумным взглядом указывал рукой на больного. — Посмотрите на этот шрам!

Индеец открыл глаза и посмотрел на Сэн Винсента. По взгляду его было видно, что он узнал этого белого человека.

— Это он! Это он! — воскликнул Сэн Винсент, весь дрожа от возбуждения. — Призываю вас всех в свидетели: этот человек — убийца Джона Борга!

Это заявление не было встречено смехом: уж слишком ясно чувствовалось, что Сэн Винсент на этот раз говорит правду. Билль Броун и председатель подошли к индейцу и попробовали заговорить с ним, но безуспешно. Позвали одного из присутствующих, жившего некогда в Британской Колумбии, но и его жаргон остался непонятен больному. Наконец, пригласили Ля Флича. Красавец-метис наклонился над индейцем и заговорил с ним на непонятном языке. Это были какие-то гортанные, сдавленные звуки; так мог говорить лишь тот, в ком текла индейская кровь. Присутствующие догадались, что он пробует говорить на разных наречиях, хотя для европейцев они все звучали одинаково. Но индеец по-прежнему молчал, и Ля Флич наконец тоже умолк, обескураженный. Вдруг он словно что-то вспомнил и произнес еще какую-то фразу. Глаза индейца заблестели, и он издал в ответ ряд таких же гортанных звуков.

— Это наречие стиксов с верховьев Белой Реки, — пояснил Ля Флич остальным.

Затем он начал задавать вопросы больному, нахмурив брови и часто останавливаясь, чтобы подыскать какое-нибудь забытое им слово. Для присутствующих это была просто пантомима,

так бессмысленны казались эти гортанные звуки, сопровождаемые оживленной жестикуляцией, причем на выразительном лице метиса отражались по очереди то изумление, то недоумение, то, наконец, радостное выражение человека, понявшего, в чем дело. Порой глаза индейца гневно сверкали, а у Ля Флича во взоре мелькало сочувствие. Несколько раз слушатели понимали, что речь идет о Сэн Винсенте, то по взглядам, которые бросали на него разговаривающие, то по их жестам; один раз оба они беззвучно рассмеялись.

— Так. Хорошо, — сказал Ля Флич, когда индеец, закончив свой рассказ, наконец, откинулся назад на подушки. — Этот человек говорит правду. Он с верховьев Белой Реки. Он не может ничего понять. Он очень удивлен, что здесь так много белых людей. Он не думал, что на свете существует столько белых. Он скоро умрет. Его зовут Гоу. Давным-давно, три года тому назад, Джон Борг пришел туда, где жил Гоу. Он ходил на охоту и приносил много мяса, и потому стиксы с Белой Реки любили его. У Гоу была жена, Писк-Ку. Прошло время, и Борг собрался уходить. Он пошел к Гоу и сказал ему: «Дай мне твою бабу. Продай ее. За нее я дам тебе много хороших вещей». Но Гоу ответил: «Нет. Писк-Ку хорошая жена. Ни одна

женщина не умеет так шить мокасины, как она. Она лучше всех выделывает оленью кожу, такую мягкую-мягкую. Гоу любит Писк-Ку». Но Джон Борг сказал, что ему до этого нет дела: он хочет Писк-Ку — и все тут. Тогда у них вышла большая драка; и Джон Борг увел Писк-Ку. Она не хотела идти с ним, но ей пришлось уступить силе. Борг называл ее Беллой и делал ей подарки, но она все время жалела о Гоу. Вот это сделал Борг, — добавил Ля Флич, указывая на шрам, который белел на лбу у индейца. — Долгое время Гоу был при смерти. Потом он поправился, но голова у него осталась не в порядке. Он никого не узнавал. Ни отца, ни мать — никого. Он был как малое дитя. Но в один прекрасный день что-то там у него щелкнуло в голове — клик-клик, — и он сразу выздоровел. Он узнал отца и мать, вспомнил Писк-Ку, вспомнил все. Отец сказал ему, что Джон Борг спустился вниз по реке. Тогда Гоу пошел за ним. Была весна, лед был некрепкий. Он очень боялся, особенно белых людей, которых здесь оказалось так много, а когда он стал подходить сюда, то шел только по ночам. Его никто не видел, но он видел всех. Он, как кошка, видит в темноте. Каким-то образом он пришел прямо к дому Джона Борга. Как это удалось ему, он и сам не знает,

разве потому, что дело его было правое.

Сэн Винсент сжал руку Фроны в своей, но она вырвала ее и отошла в сторону.

— Гоу увидел Писк-Ку, когда она вышла кормить собак. У них был разговор. А ночью он пришел, и она открыла ему дверь. Вы знаете, что случилось потом. Сэн Винсент совсем не виноват. Борг убил Беллу. Гоу убил Борга. Борг убил и Гоу: Гоу недолго осталось жить. У Борга сильные кулаки. У Гоу внутри все разбито. Но Гоу все равно: ведь Писк-Ку умерла. После этого Гоу перешел на другой берег реки по льду. Я ему говорил, что вы все уверяете, будто это невозможно, будто человеку никак не перейти по льду в такое время. Но он смеется и говорит, что раз он перешел, значит, это возможно. Правда, было очень трудно, но он все-таки перебрался, хотя у него все болело внутри. Дальше он уже не мог идти и пополз на четвереньках. Так он добрался до Реки Стюарт. Когда он не мог больше двигаться, то лег на землю, ожидая смерти. Его нашли эти двое белых и привезли сюда. Ему все равно. Он скоро умрет.

Ля Флич кончил, но все кругом молчали. Тогда он добавил:

— По-моему, Гоу очень хороший человек.

Фрона подошла к Джекобу Уэлзу.

— Уведи меня отсюда, отец, — сказала она. — Я так устала.

Глава XXX

На следующее утро Джекоб Уэлз, несмотря на все свои миллионы, принялся, как всегда, колоть дрова, затем он закурил сигару и отправился искать Курбертэна. Фрона после завтрака вымыла посуду, повесила проветриваться одежду и накормила собак. Затем она вытащила из мешка потрепанный томик Вордсворта и отправилась на берег реки. Там она удобно устроилась на двух поваленных ветром соснах. Однако она только раскрыла книгу, но читать не стала: взоры ее устремились на поверхность Юкона, на водоворот у подножия скал на противоположном берегу, на поворот реки и на песчаную отмель, делившую реку пополам. Воспоминания о недавних приключениях все еще ярко вставали перед ней, впрочем, были моменты, которые совершенно исчезли у нее из памяти. Борьба с течением у скалы с расщелиной была воистину титаническая: Фрона не помнила, сколько времени она продолжалась, а про гонку вдоль берегов Расстанного острова она совсем не помнила, лишь рассудком понимала, что это было на самом деле.

Вдруг ей пришла в голову фантазия мысленно

проследить поведение Корлиса за последние три дня. Зато она тщательно избегала всякого воспоминания о другом человеке, имени которого не хотела называть даже самой себе. У нее было смутное сознание, что с этими воспоминаниями связан какой-то ужас, с которым ей рано или поздно придется столкнуться, но ей хотелось отсрочить это мгновение. У нее ныло все тело, и не только тело, но и душа: ей не хотелось ничего делать, даже желаний никаких не было. Легче было вспоминать все равно что, хотя бы Томми, с его злым языком и трусливой душонкой; и Фрона тут же дала себе слово, что, когда Джекоб Уэлз получит дивиденды от Нортлэнд Компани, жена и дети Томми не будут позабыты в своем далеком Торонто.

Вдруг рядом с ней хрустнула сухая ветка; она очнулась и подняла глаза — около нее стоял Сэн Винсент.

— А ведь вы еще не поздравили меня по случаю моего счастливого избавления, — заговорил он весело и самоуверенно. — Но вы наверное вчера устали до смерти. Что касается меня, то я был совсем разбит. К тому же вы провели все утро на реке.

Он искоса поглядывал на девушку, стараясь

угадать, каково ее настроение и как она поведет себя.

— Вы героиня, Фрона, настоящая героиня! — горячо продолжал он. — Вы не только спасли жизнь этому несчастному курьеру, вы и меня спасли. Тем, что заставили отложить суд. Если бы в первый день выступил еще хоть один свидетель, меня повесили бы до появления Гоу. Молодец этот Гоу! Ужасно жаль, что он при смерти.

— Я очень рада, что мне удались помочь вам, — ответила Фрона и умолкла. Она не знала, как ей говорить с этим человеком.

— Разумеется, я могу себя поздравить…

— Поздравлять себя с тем, что вас судили, вам нечего, — быстро перебила его девушка и посмотрела своему собеседнику прямо в глаза. — Я очень рада, что все окончилось благополучно, но поздравить вас я не могу.

— Ого! — протяжно произнес он. — Так вот, в чем дело! — Он добродушно улыбнулся и хотел было усесться рядом с Фроной, но она не двинулась с места, и он остался стоять перед ней. — Я могу все объяснить. Если и были женщины…

Руки Фроны были судорожно сжаты, но при этих словах она расхохоталась.

— Женщины? — спросила она. — Женщины! —

повторила она. — Вы смешны и только, Грегори!

— После того как вы стояли за меня горой во время суда, — начал он, и в тоне его звучал упрек, — после этого, я думал…

— Ах, вам не понять! — с отчаянием произнесла она. — Вы ничего не поняли. Посмотрите на меня, Грегори, и постарайтесь понять. Ваш вид мне неприятен. Мне больно подумать, что вы меня когда-то целовали. Ваши поцелуи словно жгут мне губы, оскверняют меня. Почему? Из-за женщин, вы думаете, из-за романов, которые вы «можете объяснить»? Как вы далеки от истины! Хотите, я скажу вам почему?

С реки донесся звук чьих-то голосов. Фрона посмотрела и увидела, что Дэл Бишоп сидит в лодке, а Корлис, идя по берегу, тащит лодку на бечеве против течения.

— Сказать вам почему, Грегори Сэн Винсент? — повторила девушка. — Почему я чувствую себя оскверненной вашими поцелуями? Потому, что вы нарушили долг товарищества. Потому, что вы водили хлеб-соль с человеком, а затем хладнокровно смотрели, как убийца вонзал этому человеку в грудь нож, а сами пальцем не пошевельнули. Мне легче было бы, если бы вы умерли, защищая его: память о вас была бы тогда для

меня священна. Лучше бы вы сами убили его: это доказало бы, что вы, по крайней мере, настоящий мужчина.

— И это вы называете любовью? — презрительно спросил Сэн Винсент. Вся злоба, таившаяся в нем, вдруг всплыла на поверхность. — Это любовь только до черного дня! Да, нам, мужчинам, часто приходится разочаровываться.

— А я думала, что у вас большой опыт на этот счет, — возразила девушка, — вы забываете, кажется, про многочисленных женщин…

— И как же вы намерены поступить? — спросил Сэн Винсент, пропуская мимо ушей ее замечание. — Я с собой шутить не позволю. Вам не удастся так легко от меня отделаться. Предупреждаю вас, что я этого не потерплю. Вы позволяли себе такие вещи, которые могут совершенно испортить вашу репутацию. Не забудьте, что у меня есть уши, я многое слышу и вижу. Вам нелегко будет объяснить некоторые из ваших поступков. В ваших глазах они, быть может, и являются невинными, но…

Фрона ответила холодной улыбкой, в которой сквозило столько презрительной жалости, что Сэн Винсент окончательно вышел из себя.

— Ах, я, по-вашему, обесславлен, надо мной

можно насмехаться, меня можно только пожалеть! Так вы увидите, что я сумею и вас потопить вместе с собой. Так мои поцелуи осквернили вас! А позвольте вас спросить, как вы себя чувствовали после той ночи, в Счастливом Лагере, на дороге в Дайю?

Словно в ответ на эти слова перед Сэн Винсентом и Фроной вдруг выросла фигура Корлиса, тянувшего бечеву.

Фрона кивком головы подозвала его.

— Вэнс, — сказала она, — оказалось, что спасенный нами курьер привез отцу очень важные известия. Папе придется ехать на юг. Он уезжает сегодня, вместе с Курбертэном. Они едут на «Ля Бижу». А я хочу попросить вас отвезти меня до Даусона. Мне хотелось бы выехать сегодня, как можно скорее. Он, — и Фрона, слегка конфузясь, указала на Сэн Винсента, — он подал мне мысль выбрать в спутники… вас.

СИЛА СИЛЬНЫХ



Сила сильных

Притчи не лгут, но лжецы любят притчи.

Линг-Кинг

Старик Длиннобородый прервал свой рассказ, облизал жирные пальцы и обтер их о голые бедра, едва прикрытые рваной медвежьей шкурой. Вокруг на корточках уселись три его внука: Быстрый Олень, Желтоголовый и Бегущий-от-Мрака. Они были похожи друг на друга. Шкуры диких зверей едва прикрывали их тощие, костлявые тела. Ноги у них были кривые и тонкие, но грудь широкая и руки громадные, тяжелые. Плечи и грудь, руки и ноги покрыты густыми волосами. На голове разросся целый лес косматых, спутанных волос, ниспадавших на глаза, круглые и блестящие, как у птиц. Глаза были поставлены очень близко друг к другу, а нижняя челюсть и скулы сильно выдавались вперед.

Была ясная, светлая звездная ночь, и можно было разглядеть в стороне ряд холмов, покрытых темным лесом. Вдали трепетало алое зарево горящих вулканов. Позади сидевших чернел

зев пещеры, из которого время от времени дул резкий ветер. Перед ними пылал костер. Немного поодаль лежала наполовину съеденная туша медведя, а еще дальше дремали огромные, похожие на волков, косматые псы. Около каждого из сидевших лежали лук, стрелы и тяжелая дубина. Несколько грубых копий стояли прислоненные к скале у входа в пещеру.

— Вот так-то мы и перебрались из пещеры на дерево, — произнес старик по прозванию Длиннобородый.

Внуки заливались веселым смехом, словно большие дети, наслаждаясь смешной историей. Длиннобородый тоже смеялся, а кость, длиной в пять дюймов, воткнутая в его нос, при этом двигалась во все стороны, что придавало его лицу особо свирепое выражение. Разумеется, Длиннобородый произнес не те слова, которые мы привели, а издал звериные крики, выражавшие приблизительно то же самое.

— Это первое, что я помню о Морской Долине, — продолжал Длиннобородый, — мы были тогда глупым сбродом, мы еще не знали тайны силы, и каждая семья жила отдельно и заботилась только о себе. Нас было тридцать семейств, но мы не складывали наших маленьких сил в одну

большую, мы боялись друг друга и никогда не посещали соседей. На вершине нашего дерева мы построили дом из травы и набрали много камней, предназначенных для голов тех, кто вздумал бы приблизиться к нам. У нас были, кроме того, луки и стрелы. Сами мы никогда не проходили мимо деревьев чужих семейств. Однажды мой брат вздумал пройти под деревом, на котором поселился старый Бу-У, и тот проломил ему камнем голову. Таков был конец моего брата.

Старый Бу-У был очень силен, — говорят, он легко мог оторвать голову любому взрослому человеку, — но я никогда не слыхал, чтобы он действительно сделал это, потому что никто не хотел пожертвовать для пробы своей головой. Отец тоже не хотел. Однажды, когда он ушел на берег моря, Бу-У погнался за моей матерью. Она не могла быстро бежать, потому что накануне, когда она в горах собирала ягоды, медведь ободрал ей ногу. Поэтому Бу-У поймал ее и утащил к себе на дерево. Отец никогда не получил ее обратно, так как слишком боялся. Старый Бу-У строил ему рожи, но отец не обращал на него внимания.

Другим силачом был Сильная Рука, один из лучших рыболовов. Но однажды, вскарабкавшись на скалу за яйцами чайки, он сорвался и

с тех пор уж не был сильным человеком. Он все время кашлял, и плечи его сузились. Тогда мой отец отнял у него жену, а когда тот подходил к нашему дереву и звал ее, отец смеялся над ним и кидал в него камнями. Таков был наш обычай. Тогда мы еще не знали, как соединить свои силы, чтобы стать могучими.

— Что же, и брат отнимал жену у брата? — спросил Быстрый Олень.

— Да, если он уходил жить на другое дерево.

— Теперь мы уже не поступаем так, — заметил Бегущий-от-Мрака.

— Это потому, что я научил ваших отцов жить лучше, — ответил Длиннобородый. При этом он запустил руку в медвежью тушу, оторвал большой кусок сала и принялся задумчиво его сосать. Вытерев пальцы о бедра, он продолжал: — Все это было очень давно; это было тогда, когда мы не знали ничего лучшего.

— Вы, стало быть, были настоящими дураками, если не знали ничего лучшего, — заметил Быстрый Олень.

Желтоголовый одобрительно хрюкнул.

— Да, это верно, но впоследствии, как вы сейчас увидите, мы оказались еще глупее, хотя мы шли как будто к лучшему, и вот как это произошло.

Мы, рыбоеды, еще не умели соединять свои отдельные силы в одну общую. Но мясоеды, жившие по ту сторону Большой Долины, всегда держались вместе — вместе охотились, вместе ловили рыбу, вместе воевали. Однажды они пришли в нашу долину. Каждая наша семья тотчас укрылась на своем дереве. Мясоедов было всего десять, но они воевали вместе, а у нас каждая семья воевала только за себя.

Длиннобородый долго и напряженно считал что-то по пальцам.

— Нас было шестьдесят человек, — объяснял он словами и жестами. — Мы были очень сильны, только не понимали этого. Мы с любопытством смотрели, как десять человек атаковали дерево Бу-У. Бу-У прекрасно сражался, но он был обречен на гибель. Когда несколько мясоедов начали взбираться на дерево, Бу-У вынужден был вылезть из гнезда, чтобы кидать камни; тогда остальные пустили в него стрелы — таков был конец Бу-У.

Затем мясоеды напали на того, кого мы звали Кривой Глаз. Кривой Глаз жил в пещере. Они обложили пещеру хворостом, подожгли и выкурили его, как мы теперь выкуриваем медведя; потом они пошли к дереву, на котором жил Шестипалый; и пока они убивали его и его взрослого

сына, мы все бежали. Они взяли у нас несколько женщин, убили двух стариков, которые не могли быстро бежать, и много детей. Женщин они увели с собой в Большую Долину.

После этого мы все возвратились и, очевидно, под влиянием страха стали толковать о происшедшем. Это был наш первый настоящий совет; на этом совете мы впервые почувствовали себя племенем, так как нас хорошо проучили. Из десяти мясоедов каждый обладал силой всех остальных; они сражались все как один, они передавали друг другу свою силу, а у нас все тридцать семейств и все шестьдесят человек владели силой только одного человека, ибо каждый сражался отдельно.

Это был очень важный и очень трудный разговор, так как мы не находили нужных слов… Впоследствии Жук придумал много новых слов, да и все мы время от времени выдумывали слова. Все-таки мы сговорились наконец, как соединить свои силы на тот случай, если бы мясоеды снова пришли похищать наших женщин. Так образовалось наше племя. Мы поставили на границе двух часовых: один стоял ночью, другой — днем, они должны были следить, не идут ли мясоеды. Это были глаза нашего племени. Кроме того, де-

сять человек были постоянно наготове и днем и ночью, чтобы в случае надобности оказать врагу сопротивление. Прежде, когда кто-нибудь отправлялся ловить рыбу или собирать яйца чаек, он непременно брал с собой оружие и боялся, чтобы кто-нибудь не напал на него. Половина времени тратилась на то, чтобы подстерегать друг друга. Теперь все изменилось. Люди ходили без оружия и все свое время посвящали добыванию пищи. Когда женщины шли в горы собирать корни и ягоды, то пятеро из десяти мужчин непременно сопровождали их как стража. В то же время Глаза Племени день и ночь наблюдали за врагом.

Но вскоре начались смуты — по обыкновению, они начались из-за женщин. Мужчины, не имевшие жен, хотели взять чужих жен, и начались постоянные драки. Они очень часто разбивали друг другу головы и протыкали друг друга копьями. Когда один из сторожей стоял на границе, кто-нибудь похищал его жену, и тот бежал защищать ее; тогда другой сторож убегал, боясь, что похитят его жену; так между мужчинами происходили постоянные стычки. Они сражались пять против пяти и все время преследовали друг друга.

Таким образом, племя оставалось без Глаз и без

охраны. У нас не было силы шестидесяти человек. У нас совсем не было силы. Тогда мы созвали совет и придумали свои первые законы. Я был тогда еще щенком, но все это хорошо помню. Мы постановили: для того, чтобы быть сильными, мы не должны драться между собой, а тот, кто будет убивать человека, сам будет убит племенем. Мы постановили убивать и того, кто похитит у другого жену. Мы решили также, что следует убивать того, кто слишком силен, потому что его сила пугала бы остальных, и племя опять стало бы таким же слабым, каким оно было во время первого нашествия мясоедов, убивших Бу-У.

Костлявый Кулак был сильный человек, чрезвычайно сильный человек, и он не хотел признавать закон, он признавал только свою собственную силу. Не зная, куда девать свою силу, он пошел и похитил жену у того, кого мы звали Три Ракушки. Три Ракушки попытался сопротивляться, но Костлявый Кулак вышиб ему мозг. Костлявый Кулак забыл, что все мы сговорились объединять свои силы для того, чтобы заставить каждого уважать закон, и вот мы убили его у подножия его дерева и повесили его тело на этом дереве в доказательство того, что закон сильнее человека. Мы все, вместе взятые, были законом,

и ни один человек не мог нарушить закон.

Но начались новые смуты, ибо знайте, о Быстрый Олень, Желтоголовый и Бегущий-от-Мрака, что не легко образовать племя. Было много мелочей, совсем незначительных мелочей, которые, однако, поселяли среди нас раздор и принуждали созывать совет. Мы должны были созывать совет утром, днем, вечером, поздно ночью. У нас уже не было времени ходить за добычей, потому что всегда надо было решать какую-нибудь мелочь: то назначать новых сторожей, то определять количество пищи для тех, что дежурили с оружием в руках и не могли сами ходить на охоту.

Нам нужен был вождь, который решал бы все эти мелочи и был бы, так сказать, голосом племени. Таким вождем мы избрали Фиф-Фифа. Он был очень сильный человек и когда злился, издавал носом особый звук «фиф-фиф», словно дикая кошка. Тем десятерым, кто охранял племя, было приказано построить каменную ограду в узкой части долины. Женщины и взрослые дети, так же как и некоторые мужчины, помогали им, пока стена не была готова. Затем все семьи покинули свои пещеры и деревья и построили тростниковые хижины у подножия стены. Эти хижины были гораздо больше и лучше старых. Таким

образом, все выиграли от того, что научились передавать друг другу свою силу и образовали племя. Теперь благодаря стене и стражам у нас оказалось гораздо больше времени для собирания корней и ягод; у нас стало намного больше пищи, и пища эта была гораздо лучше, так что никто не был голоден. Три Ноги, прозванный так потому, что в детстве сломал себе ногу и ходил с палкой, — Три Ноги нашел где-то семена дикой пшеницы и посеял их возле своей хижины. Он пробовал также сажать различные корни, которые собирал на горах и в долинах.

В Морской Долине было вполне безопасно жить, так как она была укреплена стеной и окружена сторожами. В ней было много пищи, ради которой не нужно было сражаться, и очень многие семейства, жившие подобно зверям в горах и лесах, стали перебираться в Морскую Долину. Скоро в Морской Долине поселилось великое множество семейств, но прежде чем это случилось, вся земля, бывшая до этого общим достоянием и никому в отдельности не принадлежавшая, была разделена на участки. Три Ноги первый положил этому начало, посеяв пшеницу. Большинство же из нас мало думали о земле. Мы считали большой глупостью огораживать

участки каменными оградами. Я вспоминаю, как мы с отцом строили такую ограду для Три Ноги, и он нам за это платил пшеницей.

Таким образом, не все воспользовались землей. Но Три Ноги забрал себе самый большой участок. Владевшие землей очень часто отдавали ее в обмен на медвежьи шкуры, на корни, на рыбу, которую земледельцы получали от рыбаков за пшеницу. Вскоре мы заметили, что вся земля уже разобрана.

Примерно в это время умер Фиф-Фиф, и вождем стал его сын Собачий Зуб. Он потребовал, чтобы его сделали вождем просто потому, что вождем был его отец. Себя он считал уже важнее своего отца. Сначала он был хорошим вождем и много работал, так что совету почти не приходилось собираться. Но в это время в Морской Долине прозвучал новый голос — голос Кривой Губы. Раньше никто не замечал его, до тех пор, пока он не стал говорить с душами умерших. Мы прозвали его впоследствии Пузатым, потому что он очень много ел, ничего не делал и становился все круглее и круглее. Однажды он вдруг заявил нам, что владеет тайной смерти и умеет слушать голос бога. Он очень подружился с Собачьим Зубом, и Собачий Зуб приказал нам построить для Пузатого боль-

шую хижину. Пузатый наложил на свою хижину табу и утверждал, что в ней поселился бог. Скоро Собачий Зуб перестал созывать совет. А когда совет заявил, что выберет нового вождя, Пузатый побеседовал с богом и сказал, что этого не следует делать. Таким образом, и Три Ноги, и все другие, владевшие землей, должны были подчиниться Собачьему Зубу. Самым сильным человеком в совете был Морской Лев, и все владельцы земли приносили ему в подарок разные злаки. Морской Лев тоже утверждал, что Пузатому нужно повиноваться, так как он вещает волю божию. Вскоре Морской Лев был назван Голосом Собачьего Зуба и по большей части говорил вместо него.

Среди нас жил еще Дохляк, маленький человечек, до того тощий, что казалось — он никогда не ел вдоволь. Возле самого устья реки, на песчаной отмели, он построил большую западню для рыб. Никто из нас и не мечтал ни о какой западне для рыб, но он работал несколько недель, причем жена и сын ему помогали, а мы смеялись над его работой. Когда западня была готова, он поймал в нее за один день больше рыбы, чем могло бы раньше наловить целое племя в течение недели. Мы все очень обрадовались. На реке было еще одно место, где можно было построить вторую

западню, но когда мой отец, я и еще кое-кто из нашего племени стали ее строить, то явились сторожа из той большой хижины, которую мы построили для Собачьего Зуба. Сторожа кололи нас копьями, гнали и говорили, что Дохляк будет здесь строить вторую западню по приказанию Морского Льва, который был Голосом Собачьего Зуба.

Это вызвало большое неудовольствие, и отец мой созвал совет. Но когда он встал и начал говорить, Морской Лев метнул ему в шею копье, и мой отец умер. Собачий Зуб, Дохляк, Три Ноги и все те, кто владел землей, говорили, что Морской Лев поступил правильно, а Пузатый, кроме того, утверждал, что такова была воля божья. После этого все стали бояться говорить в совете, и совет больше не собирался.

Другой человек, по прозванию Свиная Челюсть, вздумал разводить коз. Он наслышался об этом от мясоедов, и скоро у него уже было небольшое стадо. Другие люди, у которых не было ни земли, ни западни для рыбы и которые были обречены на голодание, охотно работала на Свиную Челюсть, сторожили его коз, охраняя от диких собак и тигров, и гоняли их на горные пастбища. Взамен Свиная Челюсть давал им козье мясо и

козьи шкуры, причем они, в свою очередь, часто выменивали это мясо и эти шкуры на рыбу, пшеницу и корни.

В это же время появились деньги. Морской Лев первый придумал их, сговорившись с Собачьим Зубом и Пузатым.

Из всех нас только эти трое брали себе долю от всей добычи в Морской Долине. Они забирали себе одну из каждых трех корзин пшеницы, одну из каждых трех пойманных рыб, одну из каждых трех коз, за это они кормили сторожей и надсмотрщиков, а то, что оставалось, брали себе. Очень часто, после большого улова, они не знали, что делать со своею долей; поэтому Морской Лев велел женщинам делать из раковин деньги — маленькие гладкие кружочки с дырками посредине. Их нанизывали на нитку, и такая связка называлась «деньги». Каждая связка равнялась по ценности тридцати или сорока рыбам, но женщины, делавшие по одной связке в день, получали за это только по две рыбы из доли Собачьего Зуба, Пузатого и Морского Льва, так как те не могли всего съесть. Таким образом, и деньги стали принадлежать им. Затем они объявили Три Ноги и другим землевладельцам, что те должны платить подать не пшеницей и не

корнями, а деньгами. Дохляку они велели тоже платить подать деньгами, а не рыбой, и Свиная Челюсть теперь вместо коз должен был давать им деньги. Таким образом, человек, который ничего не имел, работал на того, кто имел много, и за это получал деньги. На деньги же он покупал пшеницу, рыбу, мясо и сыр. И все стали платить подати деньгами, а Собачий Зуб, Морской Лев и Пузатый, в свою очередь, деньгами платили сторожам, которые на деньги покупали себе пищу. Поскольку деньги доставались очень дешево, Собачий Зуб нанял себе очень много сторожей. Изготавливать деньги было очень просто, и многие пытались делать их сами. Но сторожа за это протыкали их копьями и осыпали стрелами, говоря, что они хотят разрушить благосостояние племени и произвести раскол, а раскалываться мы не могли, ибо тогда пришли бы мясоеды и убили бы нас всех. Пузатый был голосом бога, но он сделал жрецом Сломанное Ребро, который стал Голосом Пузатого и по большей части говорил за него. У обоих в услужении находилось много других людей. И у Три Ноги, и у Дохляка, и у Свиной Челюсти было также много людей, которые валялись на траве перед их хижинами и оказывали им разные мелкие услуги. Люди все больше и больше старались

увильнуть от работы. И те, кому это не удавалось, вынуждены были работать и за себя, и за других. Казалось, что все только и думали о том, чтобы заставить других работать вместо себя. Косой Глаз нашел такой способ. Он первый научился гнать из пшеницы огненную воду. После того он уже ничего другого не делал, так как тайно сговорился с Собачьим Зубом, что ему одному это будет разрешено. Но даже и этого он не делал сам. Он для этой работы нанял людей и платил им деньгами. Сам он продавал огненную воду тоже за деньги, и все ее покупали. Много, много денег пришлось ему заплатить за это Собачьему Зубу и Морскому Льву.

Когда Собачий Зуб взял себе вторую жену, а потом третью, то Пузатый и Сломанное Ребро защищали его. Они говорили, что Собачий Зуб совсем не то, что остальные люди, что он второй после бога, которого Пузатый держит у себя в хижине. Собачий Зуб подтвердил это и сказал, что никому не советует ворчать на него и считать его жен. Собачий Зуб, кроме того, велел сделать большую лодку и нанял много людей, которые целый день валялись на солнце и были заняты только тогда, когда Собачьему Зубу приходила охота покататься на лодке. Он сделал Тигровую

Морду начальником стражи, так что Тигровая Морда стал его правой рукой и убивал всякого, кто почему-нибудь не нравился Собачьему Зубу. Но удивительнее всего было то, что чем больше мы с течением времени работали, тем меньше нам доставалось пищи.

— А козы, а пшеница, а корни, а рыба, — спросил Бегущий-от-Мрака, — куда же все это делось? Разве нельзя было получить пищу в уплату за работу?

— Это так, — ответил Длиннобородый, — три человека с помощью западни налавливали рыбы больше, чем прежде налавливало все племя. Но я уже говорил вам, что мы были дураками: чем больше пищи мы добывали, тем меньше доставалось на нашу долю.

— Но разве вы не понимали, что вся она шла тем, которые не работали? — спросил Желтоголовый.

Длиннобородый печально покачал головой.

— Собаки Собачьего Зуба объедались мясом, люди, которые валялись на солнце и ничего не делали, заплывали жиром, в это время множество младенцев кричали от голода и умирали.

На Быстрого Оленя очень подействовали слова рассказчика о голоде. Он оторвал от медвежьей

туши большой кусок и начал поджаривать его на угольях, затем он его съел, облизываясь от удовольствия.

Длиннобородый между тем продолжал:

— Когда мы роптали, поднимался Пузатый и заявлял, что бог выбрал мудрых людей для управления племенем и что без этих мудрых людей мы бы ничем не отличались от животных, как не отличались в те дни, когда жили на деревьях.

И еще появился один, который начал петь вождю песни. Мы прозвали его Жуком, потому что он был мал и безобразен и совсем не хотел работать. Но он очень любил жирные мозговые кости, хорошую рыбу, парное козье молоко, пшеницу и уютное местечко возле огня; и вот, начав петь песни вождю, он нашел способ быть сытым и ничего не делать. Когда же народ все больше и больше возмущался и многие кидали камни в хижину вождя, Жук пел песню о том, как хорошо быть рыбоедом. В своих песнях он говорил, что рыбоеды — народ, избранный богом, что рыбоеды — лучшие творения бога. Мясоедов он называл свиньями и пел о том, как хорошо и достойно идти войной на мясоедов и убивать их. Его песни разжигали нас, как огонь, и мы хотели идти воевать с мясоедами; мы даже забывали

про свой голод, забывали свое недовольство и были польщены, когда Тигровая Морда, выбрав некоторых из нас, велел нам пойти убивать мясоедов. Но положение в Морской Долине не стало лучше. Единственным способом добыть пищу было работать на Три Ноги, или на Дохляка, или на Свиную Челюсть, так как не осталось земли, которую человек мог возделать для себя. И очень часто искавших работы было больше, чем требовалось Три Ноги и остальным. Эти люди голодали так же, как их жены, дети и старухи-матери. Тигровая Морда нанимал их в сторожа, они охотно шли, и в их обязанности входило укрощать всех недовольных и понукать ленивых.

А когда мы снова бунтовали, Жук пел новые песни; он пел о том, что Свиная Челюсть и Три Ноги — сильные и великие люди и что поэтому им досталось так много; он говорил, что мы должны радоваться, раз среди нас есть такие великие люди, иначе нас бы давно победили мясоеды. Мы должны радоваться, что дали возможность сильным людям владеть всем тем, чем они владеют. Пузатый, Свиная Челюсть и Тигровая Морда подтверждали, что он говорит правду.

«Хорошо, — сказал Длинный Клык, — буду и я сильным человеком», — и он достал пшеницы,

стал гнать и продавать за деньги огненную воду, а когда Косой Глаз жаловался, то Длинный Клык утверждал, что он сильный человек и, если Косой Глаз будет шуметь, он выбьет из него мозг.

Косой Глаз очень испугался и пошел говорить с Три Ноги и со Свиной Челюстью; после этого все они втроем отправились с жалобой к Собачьему Зубу. Собачий Зуб переговорил с Морским Львом, а Морской Лев оповестил об этом Тигровую Морду. Тогда Тигровая Морда послал своих сторожей, и те подожгли дом Длинного Клыка, и дом сгорел вместе с огненной водой. Сторожа убили его и всю его семью. Пузатый сказал, что это очень хорошо, а Жук сложил новую песню о том, сколь необходимо и полезно блюсти закон и какой чудесный край Морская Долина, и что каждый человек, любящий Морскую Долину, должен защищать ее и убивать мясоедов; и опять его песни воспламенили нас, как огонь, и мы забыли свое недовольство.

И вот что было очень странно. Когда Дохляк вытаскивал так много рыбы, что пришлось бы отдавать большое количество ее за незначительную сумму денег, он выбрасывал в море лишнюю рыбу, а за оставшуюся приходилось платить дороже. Три Ноги тоже очень часто не засеивал

всех своих полей, чтобы поднять цену на пшеницу. А так как женщины делали из раковин монет больше, чем на них можно было купить, то Собачий Зуб велел приостановить изготовление денег. Женщины остались без работы, и многие из них стали служить вместо мужчин. Женский труд был дешевле, мы остались без заработка, и Тигровая Морда предложил нам стать сторожами. Но я хромал на одну ногу и Тигровая Морда забраковал меня. Таких калек, как я, было очень много, и мы могли лишь все время бродить в поисках работы или присматривать за детьми, пока женщины работали.

Желтоголовый также проголодался во время рассказа и теперь поджаривал на углях кусочки мяса.

— Но почему же вы не восстали и не прогнали Пузатого, Свиную Челюсть и всю эту компанию? — спросил Бегущий-от-Мрака.

— Потому что мы до этого не додумались, — ответил Длиннобородый, — у нас было слишком много забот; кроме того, сторожа все время грозили нам копьями, Пузатый толковал про бога, а Жук пел новые песни. Если же кто-нибудь и додумывался до этого, то Тигровая Морда тотчас приказывал привязать его во время отлива к уте-

су так, чтобы он захлебнулся во время прилива.

Удивительная вещь деньги: они вроде песен Жука. Все как будто обстояло благополучно, но на самом деле было не так, и мы постепенно стали это понимать. Собачий Зуб начал копить деньги, он сложил их в большие ящики и велел сторожам охранять их днем и ночью. И чем больше он скапливал денег, тем дороже они становились, так что люди вынуждены были больше работать, чтобы заработать ту же сумму. Кроме того, все время ходили слухи о войне с мясоедами, и Собачий Зуб велел Тигровой Морде наполнить хижины кореньями, сушеной рыбой, копченым козьим мясом и сыром. Однако при таких громадных запасах пищи люди голодали. Что же получалось? Если народ роптал чересчур громко, Жук пел новые песни, Пузатый утверждал, что сам бог велел убивать мясоедов, а Тигровая Морда предлагал нам или убивать, или быть убитыми. И хотя я был слишком плох, чтобы быть сторожем и жиреть, лежа на солнце, на войну Тигровая Морда забрал и меня. Когда мы съели все запасы пищи, сложенные в хижинах, мы прекратили войну и вернулись, чтобы сделать новые запасы.

— Значит, вы были все сумасшедшими, — заметил Быстрый Олень.

— Да, сумасшедшими, — согласился Длиннобородый. — Все это выходило очень удивительно. Среди нас был некто, по прозванию Сломанный Нос; он говорил, что все пошло плохо. Он говорил, что в самом деле мы стали сильнее, объединив свои силы и что мы были совершенно правы, когда, образовав племя, постановили убивать тех, кто слишком выделялся своей силой, и тех, кто нападал на своих братьев и похищал их жен; теперь же, по его словам, племя стало не сильнее, а слабее, потому что возвысились люди, сила которых приносила племени вред. Эти люди обладали силой земли, например, Три Ноги; силой западни для рыб, как Дохляк; силой козьих стад — Свиная Челюсть. «Первым делом, — говорил Сломанный Нос, — нам надо лишить этих людей их проклятой силы и вообще не давать есть тому, кто не трудится». И тогда Жук спел песню в честь Сломанного Носа, воспевая людей, которые хотят вернуться и жить на деревьях. Однако Сломанный Нос отрицал это, он утверждал, что хочет идти не назад, а вперед. Он напомнил, что наше племя стало сильным лишь после того, как мы соединили все наши силы. «Но если бы, — говорил он, — рыбоеды соединили свои силы с мясоедами, то не было бы больше никакой войны, не нужно

было бы ни войны, ни сторожей, а пищи было бы так много, что каждому человеку пришлось бы работать не больше двух часов в день».

Тогда Жук снова запел. Он пел, что Сломанный Нос лентяй. А потом сочинил песню о пчелах. Это были странные песни, и слушавшие их становились безумными, точно перепили огненной воды. В песне рассказывалось, как дружно жили пчелы и как к ним явилась разбойница-оса и стала воровать их мед. Оса была ленива и говорила пчелам, что не стоит работать, а, кроме того, советовала им подружиться с медведями, которые, по ее словам, были не ворами меда, а их хорошими друзьями. Все слова Жука были двусмысленны, и слушавшие его песни понимали, что под роем пчел имелась в виду Морская Долина, что медведи — это мясоеды, а ленивой осой был Сломанный Нос. И когда Жук пел, что рой, послушавшись осы, едва не погиб, все мы ворчали и роптали, а когда он запел, что пчелы в конце концов одумались и убили ленивую осу, то мы схватили камни и насмерть побили ими Сломанный Нос, так что вскоре ничего не осталось, кроме насыпанной над ним груды камней. А ведь среди нас были бедняки, которые тяжко трудились, все время голодая, и они тоже участвовали

в избиении Сломанного Носа.

После смерти Сломанного Носа только один еще человек решился поднять свой голос — это Волосатая Морда.

«Где сила сильных? — говорил он, — все мы вместе очень сильны, и мы куда сильнее и Собачьего Зуба, и Тигровой Морды, и Свиной Челюсти, и всех остальных, которые ничего не делают, а только едят и ослабляют нас своей злой силой. Рабы не могут быть сильными. Если бы человек, который научился первый добывать огонь, захотел использовать свою силу, то мы сделались бы его рабами, как теперь мы рабы Дохляка, который сумел первый построить западню для ловли рыбы, рабы того, кто научился первый засевать землю, разводить коз, делать огненную воду. Раньше, когда мы жили на деревьях, никто не чувствовал себя в безопасности. Но теперь мы уже не воюем друг с другом — мы соединили свои силы. Давайте же объединимся с мясоедами, и мы будем действительно сильными. Тогда мы будем все вместе убивать тигров, львов, волков, диких собак, будем пасти своих коз на лугах, сеять пшеницу в горных долинах. Мы станем такими сильными, что все дикие звери убегут от нас или погибнут, и никто не сможет сопротивляться

нам, так как силы отдельных людей сольются в одну всемирную силу», — так сказал Волосатая Морда… И они убили его, называя дикарем, пожелавшим опять жить на дереве. Это было очень странно: только являлся какой-нибудь человек и призывал идти вперед, его тотчас же обвиняли в желании идти назад и убивали. Бедный безумный народ забивал таких людей камнями. Все мы были безумными, за исключением сытых и тех, кто ничего не делал. Дураков называли мудрецами, а мудрецов забивали камнями. Работавшие почти ничего не ели, а бездельники ели слишком много.

Племя стало терять свою силу. Дети были слабы и хилы. От недоедания у нас развивались разные болезни, и мы умирали как мухи. Тогда мясоеды двинулись на нас. Тигровая Морда раньше не раз водил нас против них в бой, теперь они решили отомстить нам за пролитую кровь. Мы были слишком слабы и не могли отстоять Большую Стену. И они убили почти всех нас, за исключением некоторых женщин, которых взяли с собой. Ускользнули еще Жук и я. Я укрылся в дикой местности, стал охотником и больше не голодал. Затем я похитил у мясоедов одну женщину и ушел жить в горы, где мясоеды не могли

меня найти. У нас родилось три сына и каждый из трех сыновей похитил себе жену у мясоедов. Остальное вы знаете, ибо разве вы не сыновья моих сыновей?

— А Жук, — спросил Быстрый Олень, — что с ним сталось?

— Он пошел жить к мясоедам и стал петь песни их вождю. Он теперь уже совсем старик, но поет все те же старые песни, а когда является человек, призывающий идти вперед, то Жук утверждает, что человек этот хочет жить на деревьях.

Длиннобородый запустил руку в медвежью тушу и, вырвав кусок сала, стал сосать его беззубым ртом.

— Когда-нибудь, — сказал он, вытирая пальцы о бедра, — все дураки умрут, а живые люди захотят идти вперед; они поймут, что такое сила сильных, соединят все свои силы, и им не придется воевать друг с другом, не будет ни воинов, ни сторожей, ни стен. Дикие звери будут убиты, и, как предсказывал Волосатая Морда, на всех лугах будут пастись козы, а все поля будут засеяны пшеницей. Все люди станут братьями, и никто не будет в безделье жиреть на солнце. Это будет тогда, когда умрут все дураки и когда не будет больше певцов, поющих песни из жизни пчел.

Ибо пчелы — не люди.

По ту сторону черты

Старый Сан-Франциско — или, иными словами, Сан-Франциско до землетрясения — был разделен пополам чертой. Этой чертой была железная перекладина, шедшая посредине Базарной улицы. К перекладине был прикреплен бесконечный канат, к которому можно было привязывать повозки и тележки и который перетаскивал их с одного конца улицы на другой. В сущности говоря, было две перекладины, но в обиходе их считали как бы за одну и называли просто перекладиной, или чертой. К северу от черты были театры, гостиницы, роскошные магазины, банки, конторы; по другую сторону черты, к югу, были заводы, мрачные притоны, кабаки, прачечные, ремонтные мастерские и дома, где жили рабочие. Таким образом, перекладина, или черта, приобрела как бы некое символическое значение — она означала разделение общества на два класса, и никто не умел так ловко переходить черту, как Фредди Друммонд. Он приспособился жить в обоих мирах и в обоих мирах чувствовал себя превосходно.

Фредди Друммонд был профессором социоло-

гии в Калифорнийском университете, и в первый раз он перешел черту именно как профессор социологии. Он прожил шесть месяцев в рабочем квартале и написал свой труд под названием «Неопытный рабочий» — книгу, которую всюду отметили как ценный вклад в литературу прогресса и как великолепный отпор литературе недовольства. И в политическом, и в экономическом смысле книга была вполне ортодоксальна. Председатели крупных железнодорожных компаний покупали эту книгу целыми изданиями для раздачи своим служащим. Объединение мануфактурных фабрик купило сразу пятьдесят тысяч экземпляров. В некоторых отношениях книга эта была столь же замечательна, как знаменитые «Послания к Гарсиа», хотя по своей проповеди наживы и сытого довольства напоминала «Миссис Вике и огород с капустой».

Вначале Фредди Друммонд никак не мог приноровиться к рабочим. Он не привык к их способам обращения, а они косились на него. Рабочие относились к нему подозрительно. Фредди Друммонд не имел стажа, ничего не мог рассказать о своей прежней работе и вдобавок подавал для пожатия изнеженную руку. Его необыкновенная вежливость тоже была подозрительна. Когда

он впервые решил разыграть роль рабочего, то вообразил, что всякий независимый американец может заниматься чем ему угодно и ни перед кем не отчитываться. Оказалось, не совсем так. Рабочие сочли его за чудака. Спустя некоторое время, немного освоившись с новым положением, он незаметно для самого себя стал разыгрывать более легкую роль человека, опустившегося случайно и временно.

Он понахватал много интересных фактов, и все это послужило ему материалом для «Неопытного рабочего». Его обобщения были не всегда правильны из-за отсталости, свойственной людям его типа, но он ловко вывернулся, назвав свои выводы «попыткой к обобщению». Первые свои опыты он начал на консервном заводе Уильмакса, где ему было поручено сбивать небольшие ящики. На завод присылали готовые части, и нужно было только сколачивать их тонкими гвоздями с помощью легкого молотка. Работа нехитрая, оплачивалась сдельно. Обыкновенный рабочий вырабатывал полтора доллара в день. Фредди Друммонд заметил, что некоторые рабочие, исполнявшие ту же работу, что и он, даже не работая особенно ретиво, вырабатывали один доллар семьдесят пять центов. На третий

день он стал зарабатывать столько же. Но он был самолюбив, не хотел этим ограничиться и на четвертый день заработал два доллара, а еще через день, работая не покладая рук, он заработал даже два с половиной доллара. Его сотоварищи стали ворчать и злобно над ним насмехаться, а кроме того, болтали что-то между собой на непонятном для него рабочем жаргоне. Они говорили, что необходимо прижимать хозяев и по возможности обуздывать свою прыть. Его очень удивило такое отношение к сдельной работе, и он сделал много выводов относительно врожденной лености и непредприимчивости рабочего класса и на следующий день заработал уже три доллара.

Когда он в тот вечер выходил из завода, к нему подошли его товарищи по работе и стали осыпать его гневными и непонятными упреками. Он старался понять, что же руководило ими. Они ожесточенно спорили. И когда он наотрез отказался работать меньше и напомнил им о свободном договоре, о независимости американского гражданина и о достоинстве труда, они решили собственными средствами умерить его пыл. Завязалась жестокая драка. Друммонд был атлет высокого роста. Но толпа в конце концов осилила его; ему изрядно помяли бока, расква-

сили физиономию, вывихнули пальцы, так что пришлось пролежать неделю в постели, прежде чем он оказался способен приняться за другую работу.

Все это он изложил в своей первой книге, в главе «Тирания труда». Через некоторое время, работая в другом отделении того же завода в качестве распределителя фруктов, он однажды попытался нести два ящика вместо одного, за что его тут же упрекнули товарищи по работе. Ему было совсем не трудно нести два ящика, но он решил, что находится здесь не для того, чтобы внедрять свои правила, а для того, чтобы наблюдать уже заведенное. Поэтому он стал носить по одному ящику и вскоре так хорошо изучил искусство отлынивания от работы, что даже написал об этом специальную главу, в которой пытался делать обобщения.

Шесть месяцев он работал, меняя столько заводов, что стал представлять собой довольно удачную пародию на рабочего. Фредди Друммонд был природным лингвистом, всегда носил при себе записную книжку, делал в ней различные пометки и в конце концов довольно удачно научился говорить на рабочем жаргоне. Этот жаргон помог ему лучше вникнуть в ход мыслей

рабочих, что, в свою очередь, дало ему возможность написать исследование под названием «Синтез психологии рабочего класса».

Перед тем как вынырнуть после этого своего «ныряния» на дно, он сделал вывод, что может быть хорошим актером и вдобавок обладает спокойным и уравновешенным характером. Он сам удивлялся своему таланту. Усвоив жаргон и поняв многие незнакомые прежде выражения, он стал входить во все подробности жизни рабочего класса и чувствовал себя там как дома. В предисловии к своей второй книжке «Рабочий» он говорил о том, что пытался поближе познакомиться с жизнью рабочего класса, а единственным средством для этого было работать вместе с ним, есть ту же пищу, забавляться его забавами и чувствовать его чувствами.

Фредди Друммонд не был глубоким мыслителем, он не верил в новые теории, все его нормы и критерии были условны. Его трактат о французской революции был известен в академических кругах не только как очень кропотливое исследование, но главным образом потому, что ничего более сухого, более мертвого и формального еще не было написано на эту тему. Однако способности у него были большие, и волей он обладал

твердой, как сталь. Друзьями он не мог похвастать, так как был необщителен и сух по природе. У него не было никаких пороков, и казалось, он никогда не подвергался никаким искушениям. Он ненавидел табак, презирал пиво, и никто не видел, чтобы он выпил что-нибудь крепче столового белого вина. Когда он начинал свою карьеру, его более горячие товарищи прозвали его Ледником. По окончании университета он стал известен под кличкою Холодильник. Однако в одной области он был просто Фредди — когда играл в университетской футбольной команде, где проявил себя хорошим бэком. Сокращенное имя за ним закрепилось, и это ему не очень нравилось. Он был Фредди, когда не требовалось выступать в официальной роли, и ему часто снилось по ночам, что жизнь его идет под уклон и весь мир называет его Старый Фредди. Он был молод для доктора социологии, ему было всего двадцать семь лет, а на вид и того меньше. Его скорее можно было принять за великовозрастного студента, гладко выбритого, с элегантными манерами — за простодушного здорового малого, известного своей физической силой, спокойного и хладнокровного, как все люди этого типа. Вне стен университета он не говорил на научные

темы до тех пор, пока не сделался известным ученым, снисходительно читающим рефераты в различных литературных и экономических обществах. Все, что он делал, было правильно, даже слишком правильно. Он был корректен и в одежде, и в общении. При этом его нельзя было назвать дэнди. Это был типичный университетский сотрудник, каких за последнее время немало вышло из высших учебных заведений. Его рукопожатие было крепко, голубые глаза довольно холодны и достаточно откровенны. Его голос звучал твердо и мужественно, произношение у него было безукоризненно правильное и приятное на слух. Единственным недостатком Фредди Друммонда была его необычайная сдержанность. Он никогда не распускался. Даже во время футбольных состязаний чем напряженнее складывалась игра, тем он становился хладнокровнее. Он был хорошим боксером. Его называли автоматом: до такой степени точны были все его расчеты при нападении и при защите. Его редко побеждали, но и сам он побеждал редко. Он был слишком умен и осторожен, чтобы позволить себе лишний риск. На каждое состязание он смотрел просто как на хорошую тренировку.

С течением времени Фредди Друммонд стал все

чаще переходить черту и исчезать южнее Базарной улицы. Здесь он проводил летние и зимние праздники. И всегда считал, что провел время приятно и с пользой. А материала для наблюдения там на самом деле доставало. Его третья книга — «Масса и хозяин» — сделалась своего рода евангелием в американских университетах. А сам он в это время уже сидел над своей четвертой книгой — «Уловка бессильного».

Однако он чувствовал в себе странную раздвоенность. Быть может, это было смутным протестом против полученного им воспитания, условностей и привычек, унаследованных от предков. Как бы то ни было, он находил большое удовольствие в своих скитаниях по рабочему кварталу. В своей среде он слыл Холодильником, но среди рабочих он был Верзила Билль Тоттс, который пил и курил, чертыхался, дрался и видел вокруг дружеские улыбки. Все любили Билля, и многие девушки из работниц ласково поглядывали на него. Вначале он был просто хорошим актером, но потом как бы обрел здесь вторую натуру. Он уже не притворялся, что любит, а действительно любил дешевые сосиски и колбасу, хотя в своем родном кругу не переносил этой пищи.

Начав с осуществления определенной поставленной цели, он в конце концов полюбил эту жизнь, и ему уже стало тяжело и неприятно возвращаться в свой чопорный кабинет ученого. Он заметил, что с нетерпением ожидает того момента, когда можно будет снова перейти черту и опять превратиться в компанейского малого. Он вовсе не был повесой, однако как Верзила Билль Тоттс он проделывал тысячи таких вещей, на которые никогда не решился бы Фредди Друммонд. Фредди Друммонду они бы даже никогда не пришли в голову, — это и было самое удивительное. Фредди Друммонд и Билль Тоттс были совершенно различными людьми. Желания, поступки и настроения одного были диаметрально противоположны поступкам и настроениям другого. Билль Тоттс без всяких угрызений совести лодырничал во время работы, тогда как Фредди Друммонд клеймил лодырничанье как величайшее преступление, недостойное американца, и посвящал этому вопросу громоподобные главы. Фредди Друммонд никогда не помышлял о танцах, а Билль Тоттс не упускал случая поплясать в какой-нибудь «Магнолии» или «Западной Звезде». Он даже получил большой серебряный кубок, в тридцать дюймов высотой, за костюм

на одном из клубных маскарадов союза мясников. Кроме того, Билль Тоттс любил поболтать с девушками, и они не отвергали его, тогда как Фредди Друммонд изображал из себя аскета, ненавидел суфражисток и цинически ядовито осуждал совместное образование.

Фредди Друммонд с удивительной легкостью менял свои манеры вместе с платьем. Он входил в маленькую комнатку, в которой обыкновенно переодевался, прямо и чопорно, плечи его были гордо откинуты назад, выражение лица надменное и холодное. Но одевшись в платье Билля Тоттса, он сразу становился другим человеком. Билль Тоттс не распускался, но его манеры делались простыми и изящными, даже звук его голоса изменялся, смех звучал громко и весело, речь становилась более красочной, а с его уст срывалось подчас крепкое ругательство. Билль Тоттс по вечерам любил засиживаться в кабачках, где среди своих товарищей — рабочих — держал себя добродушно, а иногда воинственно, не уклоняясь от потасовок. Возвращаясь с воскресных пикников, он очень непринужденно обнимал за талию своих спутниц, и видно было, что он ухаживает за ними умело, как и подобает веселому парню из рабочей среды.

Билль Тоттс был настоящим рабочим южной части города и был вполне проникнут самосознанием рабочего класса, а штрейкбрехеров ненавидел сильнее, чем кто-либо из членов союза. Во время большой «водяной забастовки» Фредди Друммонд был настроен весьма критически и хладнокровно мог рассуждать о ней, в то время как Билль Тоттс лодырничал и издевался над штрейкбрехерами. Билль Тоттс был преданным членом своего союза и справедливо негодовал на узурпаторов своих прав. Верзила Билль был такой здоровый и такой ловкий малый, что его пускали вперед во время всяких заворушек. Фредди Друммонд в своей новой роли научился понимать реальные обиды и искренне возмущался; но вернувшись в университетскую атмосферу, он начинал все хладнокровно обсуждать и взвешивать, как подобает ученому социологу. Фредди Друммонд отлично понимал, что у Билля Тоттса ограниченный кругозор, отчего он и не может подняться над уровнем своего класса. Билль Тоттс не знал этого. Когда он видел, что штрейкбрехеры отнимают у него работу, он попросту приходил в ярость. Фредди Друммонд, безукоризненно одетый, сидя на кафедре в социологической аудитории, созерцал Билля Тоттса и

окружавшую его среду и хладнокровно рассуждал о союзах и о штрейкбрехерах, сводя все эти вопросы к общей проблеме процветания Соединенных Штатов. Билль Тоттс ничего не видел дальше второго блюда за обедом или следующего состязания боксеров в атлетическом клубе.

Первое предупреждение о грозящей ему опасности Фредди получил, когда собирал материал для своей новой книги «Женщина и труд». В обоих мирах он пользовался слишком большим успехом. Та двойственность, которую он для себя создал, была слишком необычайна, и однажды, сидя у себя в кабинете за работой, он почувствовал, что не может больше этого выносить. Он дошел до такой точки, когда ему во что бы то ни стало нужно было сделать выбор между двумя мирами. Продолжать жить в обоих он уже больше не мог. Созерцая полки, уставленные книгами, среди которых видное место занимали его труды, начиная с диссертации и заканчивая последней книгой «Женщина и труд», он решил, что это и есть мир, для него предназначенный. Билль Тоттс помогал ему, но его дальнейшее участие начинало становиться опасным. Билль Тоттс должен был исчезнуть.

Главной причиной опасений Фредди Друм-

монда была Мэри Кондон, председательница Международного Союза перчаточниц, № 974. Первый раз он ее увидел с галереи для зрителей на ежегодном конгрессе Северо-Западной Федерации Труда. Увидел глазами Билля Тоттса, и на Билля Тоттса она произвела самое благоприятное впечатление. Но она отнюдь не соответствовала вкусу Фредди Друммонда. Для него не имели значения ни ее статная фигура, ни поразительная гибкость, ни прекрасные черные глаза, вспыхивающие подчас огнем, ни заразительный смех. Он ненавидел женщин со слишком ярко выраженным жизнелюбием и с отсутствием… ну, скажем, самообладания. Фредди Друммонд признавал теорию эволюции, поскольку ее признавали все его университетские коллеги. И он допускал, что человек — просто-напросто верхняя ступень в развитии живых организмов, потомок и высший результат длинной вереницы низших существ. Но он стыдился подобной генеалогии и предпочитал не думать о ней. Потому-то, вероятно, он и развил в себе железное самообладание, требовал того же от других и женщин предпочитал таких же, то есть свободных от всего животного и чувственного и сумевших благодаря своей выдержке перейти через бездну, отделявшую их от существ

низшего порядка.

Биллю Тоттсу были не по плечу подобные размышления, он полюбил Мэри Кондон с первого взгляда и тогда же решил узнать, кто она такая. В следующий раз он встретился с ней совершенно случайно, когда занимался перевозкой вещей, управляя фургоном Пата Морриса. Его послали в гостиницу на Посольской улице, чтобы взять оттуда на хранение сундук. Дочь хозяйки провела его в маленькую комнату, обитательницу которой, перчаточницу по профессии, только что отвезли в больницу. Он взвалил себе на плечи тяжелый сундук и повернулся к выходу, как вдруг его остановил женский голос:

— А вы состоите в союзе?

— А вам какое дело, — ответ был невежлив. — Ну-ка, подвиньтесь немножко, а то мне негде повернуться. Живо!..

В следующее мгновение, несмотря на свой рост и силу, он пошатнулся, так как его сильно толкнули, и сундук стукнулся о стену. Билль хотел выругаться, но, обернувшись, увидал сердитые черные глаза Мэри Кондон.

— Ну, разумеется, я принадлежу к союзу, — сказал он. — Я просто хотел подразнить вас.

— Покажите вашу карточку, — проговорила

она деловым тоном.

— Она у меня в кармане, но я не могу достать ее — этот дьявольский сундук мешает. Пойдемте вниз, я вам покажу карточку.

— Поставьте сундук на пол, — приказала она.

— Какого черта! Сказал же вам — у меня есть карточка.

— Говорят вам, поставьте сундук, я не позволю ни одному штрейкбрехеру его касаться. Как вам не стыдно! Здоровый детина отбивает хлеб у честных людей! Почему бы вам самому не записаться в союз и не стать честным человеком?

Краска залила ее лицо, и по всему было видно, что она вне себя от ярости.

— Этакий верзила изменяет своим же братьям. Вы, небось, мечтаете о том, чтобы поступить в милицию и во время следующей забастовки подстрелить кого-нибудь из товарищей-возчиков, а может, вы тайком уже служите в милиции, я вижу это по вашему лицу.

— Да нет же, черт побери! — воскликнул Билль, с грохотом ставя сундук на пол и вытаскивая из кармана карточку. — Я же вам говорил, что я вас только дразнил. Видите…

Это был действительно членский билет союза в полной исправности.

— Ну, ладно, — смягчилась Мэри Кондон. — В следующий раз не дразните.

Ее лицо прояснилось, когда она увидела, с какой легкостью Билль Тоттс взвалил себе на плечи огромный сундук. Загоревшимися глазами она оглядела его могучую, мужественную фигуру, но Билль этого не заметил — он был занят сундуком.

В следующий раз он увидел Мэри Кондон во время забастовки прачек. Прачки, недавно сорганизовавшиеся, были неопытны в этом деле и просили Мэри Кондон руководить забастовкой. Фредди Друммонд заинтересовался ходом забастовки и откомандировал Билля Тоттса на разведку. Билль работал в прачечной, и в одно утро мужчины были мобилизованы для оказания помощи девушкам. Билль случайно оказался возле двери катального помещения, когда Мэри Кондон хотела туда войти. Управляющий — здоровый и плотный человек — загородил ей дорогу. Он вовсе не желал, чтобы его девушек снимали с работы, и хотел отучить ее вмешиваться в чужие дела. Когда Мэри Кондон все-таки хотела проскользнуть в помещение, он оттолкнул ее своими жирными руками. Она обернулась и увидела Билля.

— А, мистер Тоттс, — обратилась она к нему. — Помогите мне войти туда.

Билль был приятно удивлен, что она запомнила его имя по его членскому билету; в следующее мгновение управляющий отлетел в сторону, а прачечная вскоре опустела. На всем протяжении этой короткой и удачной забастовки Билль сопровождал повсюду Мэри Кондон, словно верный адъютант. Но вернувшись в университет, Фредди Друммонд недоумевал, что он мог найти в этой женщине.

Фредди Друммонд был вне опасности, но Билль Тоттс влюбился по уши — факт, с которым нужно было считаться, и он-то послужил Фредди Друммонду первым предостережением. Работа подходила к концу, стало быть, следовало прекратить авантюру, не было больше никакой надобности переходить черту. В книге «Тактика и стратегия труда» оставалось написать две-три главы, но и для них материала было вполне достаточно.

Другим важным соображением оказывалось следующее: чтобы окончательно утвердиться в роли Фредди Друммонда и встать, наконец, на якорь, ему необходимо было теснее сблизиться с людьми его собственного круга. Он решил, что

пора жениться; к тому же он был уверен, что если не женится Фредди Друммонд, то это не замедлит сделать Билль Тоттс, а последствия такого брака будут весьма и весьма плачевны. Так в его жизнь вошла Катерина ван Ворст. Она окончила университет, а ее отец был членом факультета и деканом философского отделения. Брак этот представлялся разумным со всех точек зрения, и Фредди Друммонд был весьма доволен, когда предложение его приняли и была объявлена помолвка. Холодная и сдержанная, аристократически консервативная Катерина ван Ворст не уступала в самообладании самому Фредди Друммонду.

Все как будто обстояло благополучно, но Фредди Друммонд никак не мог отделаться от желания снова пожить той свободной и безответственной жизнью, с которой познакомился по ту сторону черты. Когда приблизилось время свадьбы, он ясно понял, что в нем крепко засели корешки других привычек, и ему снова захотелось хоть на миг превратиться в того веселого малого, прежде чем окончательно погрузиться в кабинетную науку и в спокойную семейную жизнь. Как раз подвернулся и предлог: оставалась незаконченной последняя глава его нового труда, а для нее

требовались кое-какие материалы, которые он не успел собрать.

Поэтому Фредди Друммонд еще раз превратился в Билля Тоттса, собрал все, что ему было нужно, но, к несчастью, встретил Мэри Кондон. Вернувшись снова в свой кабинет, он с неудовольствием вспомнил об этой встрече. Предупреждение было вдвойне знаменательно. Билль Тоттс вел себя предосудительно — он не только встретил Мэри Кондон в Рабочем Совете, но, провожая ее домой, зашел с ней в ресторанчик и угостил ее устрицами, а у двери ее дома крепко обнял ее и несколько раз поцеловал в губы. Ее последние слова прозвучали в его ушах нежно и ласково: «Билль, милый Билль!»

Вспоминая об этом, Фредди Друммонд содрогался и чувствовал, что у ног его разверзается бездна. Он по природе не был многоженцем, и его не на шутку тревожило создавшееся положение. Надо было положить конец раздвоению. А из этого было два выхода. Либо он должен полностью превратиться в Билля Тоттса и жениться на Мэри Кондон, либо ему следует оставаться только Фредди Друммондом и жить в честном браке с Катериной ван Ворст; иначе его поведение было бы ужасно и недостойно порядочного человека.

В течение следующих месяцев Сан-Франциско сотрясали всяческие забастовки. Союзы рабочих и ассоциации предпринимателей вели ожесточенную борьбу и, по-видимому, твердо решили раз навсегда выяснить положение. Но Фредди Друммонд просматривал свои корректуры, читал лекции и ни во что не вмешивался. Он всецело посвятил себя Катерине ван Ворст и с каждым днем восхищался ею все больше и больше — мало того, он начинал любить ее. Забастовка возчиков взволновала его меньше, чем он думал; к стачке мясников он отнесся совершенно равнодушно. Призрак Билля Тоттса окончательно рассеялся, и Фредди Друммонд с новой энергией уселся за давно обдуманную им брошюру «Уменьшающиеся доходы».

До свадьбы оставалось две недели, и вот однажды Катерина ван Ворст заехала за ним и предложила, воспользовавшись хорошей погодой, поехать осмотреть «Клуб для подростков», устроенный Обществом Рабочих Поселков, в котором она принимала деятельное участие.

Автомобиль принадлежал ее брату, но они ехали вдвоем, если не считать шофера. Базарная улица и Джири-стрит при слиянии образуют острый угол в виде V. Они ехали на автомобиле

по Базарной улице, намереваясь завернуть за угол и поехать по Керни-стрит. Но они не знали, что ожидает их на этой улице. Хотя они читали в газетах о забастовке мясников, Фредди Друммонд, по правде говоря, совершенно забыл о ней. Разве мог он помнить об этом, сидя рядом с Катериной? А кроме того, он с увлечением излагал ей свои взгляды на рабочие поселки — взгляды, которые он без помощи Билля Тоттса не сумел бы так ловко формулировать.

Навстречу им двигались шесть фургонов с мясом; рядом с каждым возчиком сидел полицейский, а спереди и сзади шел отряд из сотни полисменов: возчики были штрейкбрехерами. Вслед за полицейскими шла толпа в довольно стройном порядке, но весьма горластая, запрудившая несколько улиц. Мясной Трест пытался снабдить мясом гостиницы и таким образом сорвать забастовку. Отель Ст. — Фрэнсис был уже снабжен, что обошлось в несколько разбитых окон и голов, и теперь экспедиция отправлялась на выручку Палас-отеля.

Фредди Друммонд, не обращая внимания на толпу, продолжал развивать Катерине свои взгляды, а шофер уже собирался заворачивать за угол, как вдруг с Керни-стрит выехал огромный

фургон, нагруженный углем, и загородил им дорогу. Возчик фургона задержал лошадей, и шофер попытался проскочить наперерез фургону, несмотря на окрики полисмена, напоминавшего ему о правилах езды по городу.

Фредди Друммонд вынужден был прервать свою речь; он так ее больше и не возобновил, ибо события помчались с кинематографической быстротой. Он слышал рев толпы и видел блеск касок полисменов, охранявших повозки. В этот самый миг возчик фургона с углем погнал лошадей наперерез подвигавшимся повозкам с углем, затем резко осадил лошадей и затормозил. После этого он привязал вожжи к ручке тормоза и уселся поудобнее, как человек, которому некуда торопиться. Автомобиль тоже вынужден был остановиться.

Не успел шофер дать задний ход, как сзади на автомобиль налетел другой фургон, управляемый старым ирландцем, в котором Фредди Друммонд сразу узнал Пата Морриса. Фредди Друммонд сам не раз управлял этим фургоном. Подъехали новые фургоны, подошел трамвай, и проехать уже не было никакой возможности. Вагоновожатый неистово звонил в колокольчик, мясные фургоны остановились, полиция попала в ловушку. Рев

толпы все усиливался, и толпа в конце концов стала осаждать полисменов, которые пытались расчистить дорогу для фургонов.

— Вот мы и попались, — спокойно заметил Друммонд.

— Да, — столь же хладнокровно ответила его спутница, — какие они дикари!

Он с восхищением смотрел на нее: да, она была вполне в его вкусе; правда, он не стал бы особенно упрекать ее, если бы она даже вскрикнула и прижалась к нему, но такое спокойствие было поистине великолепно. Среди этого бушующего моря голов она сидела так же спокойно, как при разъезде из театра.

Полиция старалась расчистить дорогу. Возчик фургона с углем, здоровенный малый с засученными рукавами, набил трубку и сидел, спокойно покуривая. Он снисходительно слушал, как полицейский капитан осыпал его ругательствами, и в ответ пренебрежительно пожимал плечами. Издали донеслось характерное «трах-та-ра-рах» — удары дубинками по головам, раздались крики, вой, проклятия и стоны. Все возрастающий шум ясно показывал, что толпа наконец прорвала цепь полисменов и теперь стаскивала с козел штрейкбрехеров-возчиков. Полицейский капи-

тан послал туда отряд, который начал теснить толпу. Между тем одно за другим стали открываться окна контор, расположенных в верхних этажах, и клерки, проникнутые массовым сознанием, стали выкидывать на головы полицейских разные предметы, попадавшиеся под руку. Корзины для бумаги, пресс-папье, чернильницы, пишущие машинки — все это летело на улицу.

Один из полисменов, по приказанию капитана, забрался на угольный фургон, чтобы арестовать возчика. Тот спокойно и лениво поднялся, но затем вдруг схватил и швырнул полисмена прямо на капитана. Возчик был молодой гигант, и когда он взял в обе руки по здоровенному куску каменного угля, полицейский, вторично влезавший на фургон, раздумал нападать на него и спрыгнул на землю. Капитан приказал полдюжине полисменов атаковать фургон, но возчик перебегал из стороны в сторону и швырял в них здоровенные куски угля.

Толпа на тротуарах поощряла возчика громкими криками и с восторгом наблюдала борьбу. Вагоновожатый трамвая, колотивший полицейских тормозной рукояткой, был избит до полусмерти и стащен на мостовую. Полицейский капитан, вне себя от ярости, лично распоряжался

осадой угольного фургона. Целая толпа полицейских осаждала эту своеобразную крепость, но возчик действовал с необыкновенной быстротой и энергией. По временам шесть или семь полицейских скатывались с фургона. Занятый отражением атаки с задней стороны, возчик, внезапно обернувшись, увидел, что капитан взбирался на фургон с передней. Капитан висел еще в воздухе в неустойчивом положении, когда возчик запустил в него тридцатифунтовым куском угля. Он попал капитану прямо в грудь, тот полетел кувырком, ударился о колесо и упал возле автомобиля.

Катерина думала, что он убит, но он поднялся и полез обратно. Она протянула свою затянутую в перчатку руку и погладила одну из испуганных лошадей. Друммонд не заметил ее движения. Он весь был поглощен созерцанием осады фургона, а где-то там, в глубине его сложной психики, возникал и возвращался к жизни некий Билль Тоттс. Друммонд признавал необходимость поддержания существующего порядка и верил в закон. Но сидевший в нем дикарь ничего этого не признавал.

Фредди Друммонд в этот критический миг напряг всю свою железную волю, но в писании

сказано, что дом, треснувший внутри, неминуемо должен пасть. И Фредди Друммонд чувствовал, как он расползался внутри и как сейчас распадется на две части, одна из которых звалась Биллем Тоттсом. Фредди Друммонд сидел в автомобиле совершенно спокойно рядом с Катериной ван Ворст, но из глаз Фредди Друммонда уже выглядывал Билль Тоттс, а сам Друммонд наблюдал словно со стороны, как внутри сражаются за обладание его особой спокойный консервативный социолог и Билль Тоттс, сознательный рабочий, охваченный к тому же воинственным пылом. Билль Тоттс предвидел неизбежный исход битвы на угольном фургоне. Он видел, как на фургон забрался сначала один полисмен, затем второй, третий. Он видел, как они спотыкаются на угле и размахивают своими дубинками. Один удар пришелся возчику по голове, от другого удара тот уклонился, но дубинка хватила его по плечу. Его игра была проиграна. Тогда он внезапно бросился, схватил двух полисменов в свои могучие объятия и вместе с ними, уже как пленник, шлепнулся на мостовую.

Катерина ван Ворст едва не упала в обморок при виде крови и грубой драки, но ее волнение было внезапно прервано самым необычайным

и неожиданным образом. Сидевший рядом с ней человек издал дикий, нелепый крик и вскочил со своего места. Она видела, как этот человек перепрыгнул через переднее сиденье, оперся о низкий круп лошади и в мгновение ока очутился на фургоне. Он появился, точно смерч. Прежде чем капитан, стоявший на верху повозки, мог угадать цель появления этого прекрасно одетого, но необычайно возбужденного джентльмена, он уже полетел на мостовую, сшибленный с фургона страшным ударом. Другой полисмен отправился вслед за ним с разбитой физиономией. Тогда трое других бросились на Билля Тоттса, осыпая его ударами дубинок, так что череп его затрещал, а рубашка, пиджак и жилет разлетелись в клочья. Но все три полисмена полетели на мостовую, а Билль Тоттс, стоя на верху фургона, швырял в них углем.

Капитан доблестно кинулся в атаку, но кусок угля полетел в его голову, и он принял черное угольное крещение. Полиции было необходимо оттеснить блокаду спереди, прежде чем толпа прорвет полицейскую цепь сзади, и Билль Тоттс задался целью удержать полицейских. Таким образом, битва у фургона продолжалась.

Толпа узнала своего чемпиона. Верзила Билль,

как всегда, был впереди всех, и Катерина ван Ворст с недоумением слышала крики: «Билль, эй, Билль!», доносившиеся со всех сторон.

Пат Моррисон в неистовом восторге прыгал и плясал на своем фургоне.

— Так их, Билль, так их, лопай их живьем!

Она слышала, как какая-то женщина на тротуаре закричала:

— Смотри, Билль, они сзади!..

Билль принял во внимание это предостережение и, оглянувшись, очистил с помощью угля эту часть фургона. Катерина ван Ворст, быстро обернувшись, увидала на тротуаре женщину, черные пылающие глаза которой с восторгом смотрели на того, кто только что был Фредди Друммондом.

Из окон контор раздался гром аплодисментов. Стулья, столы и другие предметы посыпались на улицу с новой силой. Толпа с одной стороны уже прорвала фронт, и теперь каждый полисмен был центром сражающейся группы. Штрейкбрехеров сбросили с их сидений, постромки лошадей перерезали, и испуганные животные бросились в бегство. Многие полицейские, спасаясь от опасности, забирались под угольный фургон, а другие, вскочив на лошадей, прочищали себе дорогу к Базарной улице.

Катерина ван Ворст снова услыхала голос той женщины. Женщина кричала:

— Улепетывай, Билль! Улепетывай, пора!

В этот миг полиция была оттиснута. Билль Тоттс воспользовался ее замешательством, прыгнул на мостовую и подошел к женщине, которая, к удивлению Катерины ван Ворст, обняла его и поцеловала в губы. Катерина ван Ворст увидела, как он обнял женщину за талию, и оба они пошли вниз по улице, смеясь и разговаривая, причем у него была такая развязная походка, которой Катерина ван Ворст в нем не знала и никак не предполагала.

Полиция возвратилась и очищала баррикады, ожидая прибытия новых лошадей и возчиков. Толпа, сделав свое дело, расходилась, а Катерина ван Ворст все смотрела вслед тому, кого она привыкла звать Фредди Друммонд. Он был на голову выше всех, его рука продолжала обнимать за талию женщину. Сидя в автомобиле, Катерина ван Ворст видела, как эта веселая пара пересекла Базарную улицу, перешла черту и исчезла в лабиринте рабочего квартала.

В течение следующих лет не слышали лекции Фредди Друммонда в Калифорнийском университете. Книги по экономическим вопросам,

носящие имя Фредерика А. Друммонда, также не появлялись. Зато появился новый рабочий лидер Вилльям Тоттс. Это он женился на Мэри Кондон, председательнице Международного Союза Перчаточниц, № 974. Это он организовал знаменитую забастовку поваров и официантов, которая прошла с таким блистательным успехом и вовлекла в забастовку многие другие союзы, имевшие к Союзу Поваров и Официантов лишь косвенное отношение, например Союз Куроводов и Союз Могильщиков.

Неслыханное нашествие

Раздор между Китаем и остальным миром достиг своей высшей точки в 1976 году. Пришлось из-за этого даже отложить празднование двухсотлетия американской свободы. И в других странах по той же причине спутались, смешались и были отложены на неопределенное время различные начинания.

Мир внезапно очнулся и сразу увидел грозящую ему опасность, а между тем уже в течение по крайней мере семидесяти лет все неприметно вело к этой трагической развязке. Корни события, взволновавшего теперь весь мир, уходили в далекое прошлое, к 1904 году.

В 1904 году была русско-японская война, и все историки тогда же отметили как событие первостепенной важности вступление Японии в число великих держав. Но особенно важно было пробуждение Китая. Это долгожданное событие наконец началось. Западные государства давно уже старались пробудить эту таинственную страну, но это им не удавалось. И в конце концов вследствие своего врожденного оптимизма, а также расового самомнения они решили, что

пробудить Китай — задача невыполнимая.

Но они упустили из виду одно очень важное обстоятельство: у них с Китаем не было общего языка; их процесс мышления был совершенно иной, чем у китайцев. Они никак не могли сговориться. Ум западных людей не мог глубоко проникнуть в психику китайцев и запутывался в ней, как в лабиринте. С другой стороны, и китайский ум не мог вполне постигнуть европейские мысли, натыкаясь на какую-то непроницаемую стену. Стеной был язык. Не было никакой возможности втолковать китайцу западные идеи. Китай продолжал крепко спать. Экономические достижения и прогресс Запада были для Китая закрытой книгой, и Запад не мог ему помочь раскрыть эту книгу.

Где-то в глубине сознания какой-нибудь европейской нации — ну, скажем, англичан — была способность возмущаться краткостью и невыразительностью саксонских слов; так же в глубине сознания китайцев таилась способность возмущаться сложностью иероглифов. Но китайский ум был равнодушен к коротким саксонским словам, так же как английский ум — к китайским иероглифам. Ум тех и других был соткан из совершенно различных материалов; потому-то

экономические достижения и прогресс Запада не могли рассеять сон Китая.

Но явилась Япония и в 1904 году победила Россию. Теперь японская раса стала каким-то парадоксом среди восточных народов. Удивительным образом Япония оказалась необычайно восприимчивой к западной культуре. Япония необыкновенно быстро восприняла западные идеи, переварила их и в несколько лет превратилась в могучую мировую державу. Никак нельзя объяснить, почему Япония так легко усвоила европейскую культуру; объяснить это столь же трудно, как биологический процесс в живом организме.

Разбив Великую Российскую Империю, Япония сама решила стать Великой Империей, она превратила Корею в свою житницу и колонию. Благодаря успешному ведению дипломатических переговоров она монополизировала Маньчжурию. Но Япония все еще была не удовлетворена. Она обратила свой взор на Китай — огромную страну с богатейшими залежами железа и каменного угля — этими основами промышленности и цивилизации. Помимо того, там был и другой великий промышленный фактор — труд.

Население Китая достигало четырехсот милли-

онов — четверти населения всего земного шара. Кроме того, китайцы были отличными рабочими, а фатализм их философии (или, если угодно, религии), их крепкие нервы могли сделать из них великолепных солдат, если только умело с ними обращаться. Нечего и говорить, что Япония прекрасно знала, как с ними следовало обращаться.

Но более всего благоприятствовало расовое родство. Извечная тайна Китая, смущавшая западных людей, отнюдь не могла смутить японцев. Японцы понимали китайцев так, как никогда бы не могли научиться понимать их мы. Процесс их мышления был тот же, что у китайцев. Японцы мыслили теми же символами и пользовались для этого такими же мозговыми извилинами. Японцы с легкостью проникали в самую глубь китайского ума, тогда как мы при этом наталкивались на непреодолимые препятствия. Они обходили эти препятствия по неизвестным нам тропинкам и углублялись в такие дебри китайского ума, куда мы никак не могли следовать за ними. Японцы и китайцы были братьями. Много веков назад один из этих народов воспользовался письменностью, изобретенной другим, и когда-то в несказанно древнее время они отошли от одного общего монгольского корня. В них произо-

шли различные перемены, вызванные отчасти изменившимися условиями жизни, отчасти — примесью чужой крови. Но где-то в глубине своих сердец они продолжали носить общерасовое наследие, которое не могло уничтожить даже время. Итак, японцы решили приняться за Китай. В течение нескольких лет непосредственно после русско-японской войны японские агенты наводнили Китай. Они проникали за тысячи верст дальше всяких миссий под видом странствующих торговцев или буддийских проповедников. Эти шпионы, в основном инженеры, тщательно вычисляли и записывали силу каждого водопада, отмечая места для устройства заводов; они изучали горные высоты и ущелья, определяли стратегические преимущества и недостатки местности, записывали количество скота в деревнях, а также количество людей, которых можно было мобилизовать в данном округе для принудительных работ. Никогда и нигде не было такой переписи, и ни один народ не мог ее произвести, кроме упорных, терпеливых и патриотически настроенных японцев.

В скором времени вся эта работа стала производиться явно. Японские офицеры реорганизовали китайскую пехоту. Инструкторы превратили

средневековых воинов в настоящих солдат двадцатого века, привыкших ко всем новейшим достижениям военной техники и во многом даже превосходивших солдат Запада. Японские инженеры развернули в Китае систему каналов, понастроили заводов, снабдили Империю телеграфами и телефонами и приступили к постройке железных дорог. Благодаря их энергии были открыты нефтяные источники Чупсана, железоносные горы Ван-Синга, медные залежи Чинчи; они же вырыли знаменитый газовый колодец в Воу-Вин, который до сих пор остается самым замечательным резервуаром натурального газа.

В Китайском Государственном Совете заседали японские эмиссары. Китайским государственным людям нашептывали в уши японские дипломаты. Им был обязан Китай своей политической реорганизацией. Они лишили влияния класс ученых, настроенный чрезвычайно реакционно, и на место ученых всюду поставили либеральных чиновников. В каждом китайском городе стали выходить газеты, которыми руководили японские редакторы, получавшие инструкции непосредственно из Токио. Благодаря этим газетам стали развиваться и научились либерально мыслить широкие круги китайского населения.

Китай наконец проснулся. То, что не удалось Западу, удалось Японии. Япония сумела преподнести Китаю западную культуру в форме, доступной его пониманию. Япония недавно сама удивила весь мир своим неожиданным пробуждением, но в ней было тогда всего сорок миллионов жителей. Пробуждение Китая с его четырехсотмиллионным населением произвело потрясающее впечатление. Китай был колоссом среди наций, и его голос вскоре стал уверенно и громко раздаваться во всех странах. Япония создала новый Китай, и гордые западные народы вынуждены были почтительно внимать ему.

Быстрый рост и успех Китая объяснялся, главным образом, необыкновенно высоким качеством труда. Китайцы — превосходные работники. Это их исконное качество. Никакие другие работники не могли сравниться с ними в ловкости. Работа для китайцев — как дыхание. Она была им так же необходима, как другим народам необходимы путешествия, войны и всевозможные авантюры. Свободу они понимали как доступ к орудиям производства. Обрабатывать почву и трудиться не покладая рук, — вот все, чего они требовали от жизни и от своих повелителей. И пробуждение Китая не только

открыло его народу свободный доступ к орудиям производства, но и научило его пользоваться этими орудиями наиболее совершенным образом.

Возродившийся Китай! Это было лишь первым шагом к его владычеству. Он проявил вдруг неожиданную гордость и стремление к самоопределению. Он начал волноваться под покровительством Японии, но волнение продолжалось недолго. По совету Японии, он прежде всего изгнал из Империи всех западных эмиссаров, инженеров, офицеров, коммерсантов и учителей. Затем он начал так же поступать и с представителями Японии. Японских государственных людей осыпали почестями и орденами, но отправили домой. Как некогда Япония разделалась с пробудившим ее Западом, так же теперь разделывался с ней Китай. Исполинский воспитанник поблагодарил Японию за все ее заботы и попечения, а затем вышвырнул ее за борт со всем багажом. Западные народы тихонько посмеивались. Радужные мечты японцев разлетелись как дым; Япония злилась, а Китай издевался над ней. Кровь самураев воспламенилась, засверкали мечи, и Япония начала воевать. Это случилось в 1922 году. В течение семи месяцев шли кровавые бои, после чего Япония, потерпев поражение, должна

была уйти на свои маленькие острова, потеряв Маньчжурию, Корею и Формозу (Тайвань). Япония перестала играть роль в мировой трагедии. После этого она стала заниматься только искусством, и весь мир долго восхищался красотой и изяществом ее художественных произведений.

Вопреки всяким опасениям, Китай не оказался воинственным, у него не было никаких наполеоновских амбиций, и он также стал мирно заниматься искусством. В конце концов все сошлись на том, что Китай опасен не как военное, а как торговое государство. Однако, как оказалось впоследствии, никто не предвидел истинной опасности. В Китае продолжала успешно развиваться машинная цивилизация. Вместо регулярной армии там была организована очень сильная и хорошо обученная милиция. Флот Китая был настолько мал, что служил посмешищем для всего мира, но Китай и не думал о расширении своего флота, его военные суда никогда не заходили в иностранные порты.

Настоящая опасность, которую таил в себе Китай, заключалась в его необыкновенной плодовитости. И тревога по этому поводу была поднята впервые в 1970 году. С некоторого времени все прилегавшие к Китаю земли стали

страдать от китайских переселенцев. Оказалось, что население Китая достигло уже пятисот миллионов; таким образом, со времени его пробуждения население возросло на сто миллионов. Бургальтер отметил чрезвычайно важный факт, что китайцев теперь больше, чем белых. Это можно проверить простым арифметическим расчетом. Он сложил количество населения Соединенных Штатов, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Африки, Англии, Франции, Германии, Италии, Австралии, Европейской России, Скандинавии — в сумме получилось четыреста девяносто пять миллионов, и все-таки пятьсот миллионов населения Китая превосходили эту громадную цифру. Данные, собранные Бургальтером, обошли весь мир. И мир содрогнулся. В течение многих веков население Китая было неизменным. Его территория была насыщена людьми; другими словами, на его территории, принимая во внимание примитивные способы жизни и производства, умещалось предельное количество населения. Но после пробуждения его производственное могущество возросло до грандиозных размеров; теперь на той же самой территории могло вместиться гораздо больше населения. Одновременно деторождение стало

увеличиваться, а смертность — уменьшаться. Прежде, когда прирост населения был больше, чем государство могло выдержать, излишек населения просто вымирал от голода, но теперь, благодаря машинной цивилизации, жизнеспособность Китая чрезвычайно возросла, голод прекратился, и число жителей увеличивалось одновременно с ростом средств к существованию.

В этот переходный период своего развития китайцы не мечтали о завоеваниях. Они отнюдь не были империалистами. Они были трудолюбивы, бережливы и очень мирно настроены. На войну они смотрели как на неприятную необходимость, иногда совершенно неизбежную. И вот, пока западные народы дрались между собой и пускались в разные рискованные предприятия, китайцы спокойно работали возле своих машин и развивали промышленность. Но теперь население начинало переливаться, так сказать, через край и «заливать» прилегающие к Империи территории, причем происходило это с медлительностью и упорством движущегося глетчера.

После шума, поднятого книгой Бургальтера, Франция в 1970 году вздумала оказать сопротивление. Французский Индо-Китай был переполнен эмигрантами. Франция сказала: «Довольно», но

поток не останавливался. Тогда Франция сосредоточила на границе своих владений стотысячную армию. Но Китай выслал свою милицию — огромное войско в миллион штыков. За этой армией шли жены, дети и родственники, везя за собою багаж и образуя как бы вторую армию. Французские солдаты разлетелись как мухи. Китайские милиционеры вместе со своими семьями заняли французский Индо-Китай и расположились там с твердым намерением прожить несколько тысяч лет.

Франция схватилась за оружие. Она послала свои военные суда к берегам Китая. У Китая не было флота, он, как улитка, запрятался в свою раковину. Целый год Франция блокировала Китайское побережье и бомбардировала приморские города и селения, но Китай относился к этому равнодушно; он абсолютно не зависел от других стран и ни в чем не нуждался; он спокойно прислушивался к грохоту французских пушек и продолжал работать. Франция плакала, стонала, ломала в бессилии руки и взывала к другим нациям. Наконец она отправила карательную экспедицию, которая должна была пойти на Пекин. Это было отборное войско в двести пятьдесят тысяч человек — цвет французской армии.

Войско высадилось, не встретив никакого сопротивления, и двинулось в глубь страны. И никто его больше уже не увидел. Линия сообщений была прервана на второй день — ни один из солдат не вернулся, чтобы поведать о случившемся. Войско было проглочено огромной пастью Китая.

В течение следующих пяти лет Китай быстро расширялся по всем направлениям. Сиам сделался частью Империи. Несмотря на протесты Англии, китайцы заняли Бирму и Малайский полуостров. То же происходило и на южной границе Сибири, где китайские орды жестоко теснили Россию. Этот процесс был очень прост. Сначала шли китайские переселенцы (вернее, они уже находились здесь, постепенно перейдя границу Империи). Потом раздавался звон оружия, и всякое сопротивление сметалось огромной армией милиционеров, шедших в сопровождении своих семейств и везших за собой имущество. Они делались колонистами покоренных земель. Никогда еще в мире не было такого странного и в то же время действенного способа завоеваний.

Непал и Бутан также наполнились переселенцами, а вся Северная Индия снесена этим страшным живым наводнением. Бухара и Афганистан были также поглощены. Поток этот

чувствовался и в Персии, и в Туркестане, и в Центральной Азии. Как раз в это время Бургальтер проверил свои данные, и оказалось, что он ошибся. В Китае население должно было равняться семистам-восьмистам — никто не знает скольким — миллионам человек, быть может — даже миллиарду. «На каждого белого приходится два китайца», — заявил Бургальтер, и весь мир задрожал от ужаса. Рост народонаселения Китая начался с 1904 года. С тех пор там ни разу не было голода. Если считать, что население возрастало ежегодно на пять миллионов человек, то в течение семидесяти лет оно должно было возрасти на триста пятьдесят миллионов. Но кто мог это знать точно! Может быть, оно увеличивалось еще быстрее. Никто ничего не ведал об этой новой грозе двадцатого века — о старом Китае, возродившемся и ставшем таким плодовитым и воинственным. В 1975 году в Филадельфии был созван конгресс. Все западные страны и даже некоторые восточные послали на него своих представителей. Однако ничего существенного достигнуто не было. Говорили об установлении премии за деторождение. Но математики осмеяли это предложение, доказав, что китайцы слишком опередили всех в этом направлении.

Невозможно было придумать никаких реальных средств для того, чтобы справиться с Китаем. Державы взывали друг к другу и угрожали Китаю. Это было единственным достижением конгресса в Филадельфии. А китайцы смеялись над конгрессом. Вот что соизволил сказать Ли-Танг-Фунг, действительный владыка, скрывавшийся за троном дракона:

— Какое дело Китаю до Комитета Наций, — сказал Ли-Танг-Фунг, — мы — наиболее древняя, наиболее могучая и наиболее царственная нация. Мы должны исполнить свое предназначение. Очень жалко, что наши стремления идут вразрез со стремлениями всего остального мира, но что же делать! Вы много толковали о царственных расах и о наследии земли; на это мы можем ответить только одно — посмотрим! Вы не можете напасть на нас. Какое нам дело до вашего флота; мы знаем, что наш флот мал, но, видите ли, мы им пользуемся только для полицейских целей. Нам не нужно морей. Вся наша сила заключается в нашем населении, которое скоро достигнет миллиарда. Благодаря вам мы снабжены всем современным военным снаряжением. Посылайте ваш флот — мы даже не заметим его. Посылайте свои карательные экспедиции, но не забывай-

те об опыте Франции. Высадить полмиллиона солдат на нашем берегу для вас равносильно разорению, а наши миллионы проглотят такую армию мгновенно. Посылайте миллион, посылайте пять миллионов — мы все равно их проглотим. Пуф! Это маленький кусочек, о котором не стоит разговаривать. Пусть Соединенные Штаты, как вы угрожаете, уничтожат те десять миллионов кули, которых мы высадили на вашем побережье. Ну, что ж, ведь это едва составляет половину нашего ежегодного прироста.

Так говорил Ли-Танг-Фунг. Весь мир был потрясен его речью. Ли-Танг-Фунг говорил правду. Не было никакого способа приостановить рост китайского населения. Теперь это население достигало миллиарда, но при ежегодном приросте в двадцать миллионов через двадцать пять лет оно должно было достигнуть полутора миллиардов — цифры населения всего земного шара в 1904 году.

И ничего нельзя с этим поделать. Не было такой плотины, которая могла бы остановить этот чудовищный поток. Воевать — бесполезно. Китай смеялся над блокадой. Он приветствовал нашествия. В его огромной пасти могли легко уместиться гости из всех стран мира. А между тем

океан желтой жизни заливал почти всю Азию. Китайцы насмехались, читая в газетах мудрые рассуждения западных ученых.

Но был один ученый, по имени Якоб Ланингдаль, на которого Китай не обратил должного внимания. В сущности говоря, он был ученым в самом широком смысле этого слова. Он был очень образован, но совершенно неизвестен и служил профессором в одной из нью-йоркских лабораторий Министерства здравоохранения.

Голова Якоба Ланингдаля мало чем отличалась от голов других людей, но в ней однажды зародилась гениальная идея. Голова эта оказалась также достаточно благоразумной, чтобы сохранить эту идею в секрете. Он не стал излагать ее в журнальной статье. Вместо этого он взял отпуск и 19 сентября 1975 года уехал в Вашингтон. Несмотря на поздний час, он прямо отправился в Белый дом, где ему была обещана аудиенция у президента. Он просидел у президента несколько часов. Содержание их разговора осталось тайной для всего мира. Но, в конце концов, мир вовсе и не интересовался Якобом Ланингдалем. На следующий день президент созвал Совет. На нем присутствовал и Якоб Ланингдаль. Результаты совещания хранились в строжайшей тайне. В тот

же день Рафус Коудери, государственный секретарь Соединенных Штатов, покинул Вашингтон и на следующий день рано утром отплыл в Англию. Тайна стала постепенно распространяться, но распространялась она только среди правителей. Не более шести человек в каждом государстве были посвящены в эту тайну. Тотчас же вслед за распространением тайны началась усиленная работа в доках, арсеналах и корабельных мастерских. Население Франции и Австрии насторожилось, но правительства так искренно уверяли народ, что готовится просто какое-то не подлежащее оглашению мероприятие, что волнения быстро прекратились.

То было время Великого Мира. Все страны сговорились не воевать между собою. Начались мобилизации армий в России, Германии, Италии, в Австрии, Греции и Турции. Затем началось движение на Восток. Все азиатские железные дороги были забиты поездами. Китай оставался спокойным — вот все, что было известно. Через некоторое время началось Великое Движение на морях. Флотилии военных судов двинулись из всех стран. Один флот следовал за другим, и все они группировались у берегов Китая. Во всех странах опустели порты. Приплыли к берегам Ки-

тая и таможенные суда, и буксирные пароходы, и старые крейсеры, и броненосцы. Не довольствуясь этим, нации мобилизовали и торговый флот. По статистическим данным, в Китай было отправлено 58 640 торговых судов, снабженных прожекторами и скорострельными орудиями.

Китай улыбался и ждал. На его границе стояли миллионы европейских солдат и моряков. Китай мобилизовал армию в пять раз больше. То же самое он сделал и на побережье. Однако Китай вскоре призадумался. После всех этих необычайных подготовительных операций никакого нашествия как будто бы и не предполагалось. Китай не мог понять, в чем дело. На Великой Сибирской границе все было спокойно. И никто не бомбардировал приморских городов и селений. Никогда еще в истории не было такого грозного сборища флотов. У берегов Китая собрались флоты всех наций; бесчисленные суда днем и ночью бороздили воды океана, и тем не менее никто ничего не предпринимал. Неужели европейцы предполагали выгнать Китай из его раковины? — Китай улыбался. Неужели они думают взять его измором? — Китай снова улыбался.

Если бы читатель 1 мая 1976 года попал на улицы Пекина — города с населением в одиннадцать

миллионов человек, — он был бы поражен интересным зрелищем. Он увидел бы толпы желтых людей, наводнившие все улицы, причем каждый человек, задрав голову, смотрел на небо. Высоко в воздухе можно было увидеть движущуюся точку, которая, судя по плавности движений, могла быть только аэропланом. С этого аэроплана, в то время как он летал взад и вперед над городом, падали странные, безобидные на вид снаряды, какие-то стеклянные трубки, которые разбивались на тысячи кусков. Но ничего смертоносного, по-видимому, эти трубки в себе не таили. Ничего особенного не произошло. Не было никаких взрывов. Правда, три китайца были убиты этими трубками, упавшими им на голову с такой огромной высоты. Но разве стоило говорить о трех убитых при ежегодном приросте в двадцать миллионов! Одна из трубочек упала перпендикулярно в фонтан, наполненный водой, и не разбилась. Хозяин дома извлек ее из воды. Сам он не решился ее вскрыть и понес ее начальнику квартала. За ним следовала толпа любопытных. Начальник квартала был храбрый человек. На глазах у всех он разбил трубку ударом своего чубука. Опять-таки ничего не произошло. Правда, те, кто стоял совсем близко, утверждали, будто из

трубки вылетело несколько москитов. Толпа со смехом разошлась.

Весь Китай, подобно Пекину, подвергся бомбардировке стеклянными трубочками. Маленькие аэропланы летали по всем направлениям, причем на аэропланах этих помещалось всего двое летчиков. Один правил машиной, а другой разбрасывал трубки. Если бы читатель снова заглянул в Пекин недель через шесть после описанных событий, он напрасно стал бы искать одиннадцатимиллионное население. Он нашел бы лишь жалкие остатки — всего несколько сот тысяч человек, а трупы остальных он увидел бы валяющимися на улицах, в домах, сваленными в груды на погребальные фургоны. Все остальное население ему пришлось бы искать на дорогах, в окрестностях столицы. Но и тут он повстречал бы лишь ничтожное количество живых людей, зато увидел бы горы трупов, — моровая язва, очевидно, успела нагнать убегавших. То, что случилось в Пекине, произошло и во всех остальных китайских городах. Мор свирепствовал повсюду. Это не была одна или две каких-нибудь болезни — это было множество ужасных эпидемий. Все разновидности смертельных заразных болезней носились по стране. Китайское правительство

слишком поздно оценило всю грандиозность и чудовищность этого предприятия, всю опасность этих маленьких аэропланов и безобидных на вид стеклянных трубочек.

Напрасно правительство выпускало воззвание за воззванием. Ничто не могло удержать от бегства одиннадцатимиллионное население Пекина и жителей других городов, стремившихся спастись от эпидемий и заражавших при этом всю страну. Врачи и санитары доблестно погибали на своем посту. Смерть-победительница издевалась над декретами императора и Ли-Танг-Фунга. Она издевалась уже потому, что сам Ли-Танг-Фунг умер на вторую неделю, а император, укрывшийся в своем дворце, умер на четвертую неделю.

Если бы свирепствовала какая-нибудь одна эпидемия, Китай сумел бы с ней справиться. Но что можно было поделать с целыми полчищами болезней? Тот, кто избегал оспы, умирал от скарлатины. Кого щадила желтая лихорадка, того убивала холера. А если иной железный организм оставался невосприимчивым к этим болезням, то его все равно подкашивала Черная Смерть, как принято называть бубонную чуму. Мириады бактерий и бацилл, культивированных в западных лабораториях и заключенных там в стеклянные

трубочки, теперь носились по Китаю.

Организованной жизни больше не было. Правительство распалось. Всякие декреты и воззвания были бесполезны, ибо люди, подписывавшие их, умирали через минуту. Ничто не могло остановить бегство миллионов обезумевших людей. Они бежали из городов, наводняли страну — и всюду распространяли смерть. Было жаркое лето — Якоб Ланингдаль сумел правильно выбрать время года, — и чума, ликуя, распространялась повсюду. О том, что происходило в Китае, можно было только предполагать, хотя кое-что рассказали немногие очевидцы, пережившие все эти ужасы. Всюду бродили одичавшие люди. Огромные армии, сосредоточенные на границах, быстро таяли. Все фермы были разграблены людьми, искавшими себе пропитания; нивы погибали, ибо некому было убирать их. О новых посевах никто и не думал. Замечательнее всего были попытки прорвать цепь и бежать из пределов Китая. Но огромные армии других народов никому не давали возможности спастись. Избиение обезумевших людей на границах носило массовый характер. Иногда иностранным войскам приходилось отступать на двадцать-тридцать миль, чтобы избежать заразы, распространяемой

миллионами гниющих трупов.

Один раз чума вдруг перекинулась на немецкие и австрийские войска, сосредоточенные на границе Туркестана. Европейцы предвидели такой случай и заранее приняли все возможные меры к скорейшему прекращению эпидемии. Правда, погибло около шестидесяти тысяч солдат, но международный корпус врачей превосходно справился со своей задачей, и эпидемия была приостановлена. Примерно в это время ученые высказали предположение, что от смешения бацилл различных болезней зародилась новая бацилла невиданной еще силы. Первый высказал это предположение Вомберг. Он заразился сам и умер. Бацилла эта, наконец, была открыта и изучена Стевенсом, Хаценфельтом, Норманом и Линдерсом.

Таково было неслыханное нашествие на Китай. Для целого миллиарда людей не оставалось никакой надежды на спасение. Заключенные как бы в огромной покойницкой, наполненной гноящимися и разлагающимися трупами, люди могли только умирать. Некуда было бежать. И со стороны суши, и со стороны моря все выходы тщательно охранялись европейскими армиями. Семьдесят пять тысяч судов крейсировали возле

берегов. Днем их дым застилал весь горизонт, а ночью их прожекторы перебегали с места на место и не пропускали самой маленькой джонки. Попытки флотилии джонок прорвать цепь судов были бесполезны. Новейшие огнестрельные орудия удерживали дезорганизованные китайские массы, а чума вершила свое дело.

Старые способы войны теперь казались просто смешными. Все свелось к патрульной службе. Китай смеялся над войной до тех пор, пока с ней не познакомился. Это была война двадцатого века, война ученых и лабораторий, война Якоба Ланингдаля. Громаднейшие орудия весом в сотни тонн были ничто по сравнению с маленькими стеклянными трубочками, которые, подобно злым гениям, налетели на империю с миллиардным населением.

В течение всего лета 1976 года Китай представлял сущий ад. Нигде нельзя было избежать микроскопических снарядов, проникающих в самые сокровенные места. Миллионы трупов оставались непогребенными, а бактерии все размножались; к тому же в стране начал свирепствовать голод. Организмы, ослабев от голода, окончательно потеряли способность сопротивляться болезням. Люди сходили с ума, убивали и

пожирали друг друга. Так погиб Китай.

Только в феврале, при установившейся холодной погоде, первые экспедиции решились проникнуть в глубь мертвой страны. Экспедиции эти были немногочисленны и состояли лишь из ученых и их телохранителей. Экспедиции вошли в Китай с разных сторон. Несмотря на все меры предосторожности, несколько врачей и солдат погибло. Но это не смутило остальных. Они увидели Китай, превратившийся в огромный пустырь, по которому бродили голодные собаки и чудом уцелевшие шайки разбойников. Их немедленно перебили. Никто не должен был остаться в живых. Затем началось оздоровление Китая. На это ушло пять лет и многомиллионные средства. После этого мир двинулся в Китай, но не по национальным зонам, как предлагал барон Альбрехт, а в смешанном порядке, согласно демократической американской программе. Это было грандиозное и очень успешное смешение разных народностей, начавших заселять Китай в 1987 году, — превосходный опыт перекрестного оплодотворения. Мы теперь уже знаем, к каким великим достижениям в области науки и искусства привел этот опыт.

В 1987 году Великий Мир был нарушен Фран-

цией и Германией, снова начавших свой старый спор об Эльзасе и Лотарингии. Надвигалась военная гроза, и 17 апреля в Копенгагене был созван конгресс. Представители всех наций, присутствовавшие на нем, торжественно поклялись друг другу никогда не прибегать к тем способам уничтожения врага, которые были применены при неслыханном нашествии на Китай.

Извлечено из книги *Уолта Мэрвина* «Этюды по всеобщей истории».

Враг всего мира

Это Сайлэс Бэннерман изловил, наконец, Эмиля Глюка, ученого чародея и архиненавистника человеческого рода. Исповедь Эмиля Глюка, которую он сделал прежде чем сесть на электрический стул, проливает свет на многие таинственные события, волновавшие мир от 1933 до 1941 года. Только после опубликования всех этих замечательных документов мир узнал, что между убийствами португальского короля и королевы и убийствами чинов нью-йоркской полиции существовала самая тесная связь. Несмотря на весь ужас деяний Эмиля Глюка, мы не можем не чувствовать жалости к этому несчастному неудачнику и непризнанному гению. Эта сторона его биографии раньше не была известна, но благодаря его исповеди, а также благодаря ряду обнародованных фактов и документальных материалов можно составить ясное представление о его моральном уровне и понять, под влиянием каких факторов превратился он в конце концов в такое ужасное чудовище.

Эмиль Глюк родился в городе Сиракузах штата Нью-Йорк в 1895 году. Его отец — Иосиф Глюк

— был полисменом и ночным сторожем и умер в 1900 году от внезапного удушья. Его жена — мать Эмиля — была кротким и хрупким созданием, до брака она была модисткой. Смерть мужа нанесла ей удар, от которого она уже не могла оправиться и вскоре последовала за ним. Чувствительность матери по наследству передалась сыну, но его она сделала мрачным и озлобленным.

В 1901 году Эмилю (ему было тогда всего шесть лет) пришлось поселиться у своей тетки Анны Бартель. Будучи сестрой его матери, тетка не питала, однако, никаких нежных чувств к племяннику. Это была бессердечная, сухая женщина. Ее угнетала бедность, а муж ее — отъявленный бездельник — ничего не желал делать. Маленький Эмиль был для Анны Бартель лишней обузой, и она сумела дать ему это почувствовать.

Вот один из примеров того, что приходилось переживать несчастному мальчику.

Через год после того, как он поселился у Анны Бартель, мальчик, лазая по крыше, сломал ногу. Лазить по крыше ему, разумеется, строго запрещалось, но ни один мальчишка никогда не считается с подобными запретами. Нога была сломана в бедре. Эмиль, поддерживаемый своими приятелями, кое-как доковылял до крыльца, где

и потерял сознание. Все соседские дети сильно побаивались свирепой тетушки Эмиля, но ввиду серьезности положения они решились позвонить и сообщили ей о происшедшем. Она даже не взглянула на несчастного ребенка, лежавшего на тротуаре, и, захлопнув дверь, продолжала свою стряпню. Пошел дождь, и Эмиль наконец пришел в себя. Ногой следовало заняться немедленно. Из-за промедления нога воспалилась, и дело приняло серьезный оборот. Часа через два возмущенные соседки стали осыпать Анну Бартель упреками. Тогда она вышла посмотреть на мальчика, толкнула его ногой, в то время как он лежал совершенно беспомощный, и с истерическим плачем объявила, что отрекается от него. Она кричала, что это не ее ребенок и что карету скорой помощи может вызывать кто угодно. После этого она снова ушла в дом.

Одна из соседок — Елизавета Чепстоуп — приняла участие в ребенке и положила его на носилки. Она вызвала врача, оттолкнула Анну Бартель и внесла ребенка в его комнатушку. Когда прибыл врач, Анна Бартель тотчас же объявила, что вовсе не намерена платить ему за визиты. В течение двух долгих месяцев маленький Эмиль пролежал в постели, причем весь первый месяц никто не

позаботился повернуть или оправить его при неподвижном лежании на спине. Он лежал одинокий и заброшенный, если не считать редких визитов перегруженного работой врача. У него не было ни одной игрушки, нечем было разогнать скуку медленно текущего времени. За все это время он не слыхал ни одного слова утешения, не видел ни одного ласкового взгляда. Он слышал только грубые упреки и ругательства, которыми осыпала его Анна Бартель, и бесконечные рассуждения на тему о том, что никто не просил его рождаться. Понятно, что несчастный, всеми забытый ребенок за это время накопил много горечи, и неудивительно, что впоследствии он решился на такие поступки, которые заставили содрогнуться весь мир.

Покажется странным, что Анна Бартель дала возможность Эмилю получить хорошее образование, но объяснялось это весьма просто. Ее никудышный муж бросил ее, отправился на золотые прииски в Неваду и скоро вернулся к ней миллионером. Поскольку Анна Бартель ненавидела мальчика, то она немедленно отправила его за сто миль — в Фаррестэдскую академию. Робкий, чуткий, никому не нужный ребенок чувствовал себя совершенно одиноким и в Фаррестэде. На

праздники и на каникулы он никогда не ездил домой, как другие дети. Он бродил по огромному зданию академии или по саду, подружился с не понимавшими его садовниками и служащими и очень много читал. Он проводил целые дни среди полей или перед камином, уткнувшись носом в книгу. Он испортил себе глаза и вынужден был носить очки, которые потом стали известны всему миру по фотографиям, помещенным в журналах 1941 года.

Уже студентом он обратил на себя всеобщее внимание. Он мог быть, когда хотел, необычайно прилежным, но он не нуждался в прилежании. Ему достаточно было перелистать книгу, чтобы сразу извлечь сущность. В результате в течение полугода он перечитал больше, чем обычный студент перечитывает за шесть лет. К четырнадцати годам он был вполне подготовлен — даже, по выражению одного из профессоров, «слишком хорошо подготовлен» — для поступления в какое-нибудь высшее учебное заведение, вроде например Гарвардского университета. Но он был слишком еще молод и в 1909 году он стал слушателем исторического отделения колледжа в Боудойне. В 1913 году он блестяще окончил курс и с профессором Брэддоу уехал в калифорнийский

город Бэркли. Профессор Брэддоу был единственным другом, которого обрел Эмиль Глюк в течение всей своей жизни. Профессор страдал катаром легких и поэтому принял предложение занять кафедру в Калифорнийском университете, так как климат там был гораздо здоровее. В 1914 году Эмиль Глюк слушал в Бэркли специальный курс. В конце этого года две неожиданные смерти сыграли решающую роль во всех его планах и начинаниях. Смерть профессора Брэдлоу лишила его единственного друга. Смерть Анны Бартель оставила его без всяких средств к существованию. Ненавидя до самой своей смерти бедного юношу, она завещала ему всего сто долларов.

В следующем году двадцатилетний Эмиль Глюк стал преподавателем химии в Калифорнийском университете. Годы текли спокойно. Он работал, получал жалованье и одновременно успел снискать себе с полдюжины разных ученых степеней. Он сделался, между прочим, доктором социологии и философии, хотя впоследствии стал известен всему миру просто как профессор Глюк.

Ему было двадцать семь лет, когда в печати появилась его первая книга — «Пол и прогресс». Книга эта и до сих пор не потеряла своего значения как замечательнейшее сочинение по

истории и философии брака. Это был объемистый труд в семьсот страниц, написанный тщательно и умно и свидетельствующий об огромной эрудиции автора. Книга предназначалась только для ученых, и Эмиль Глюк вовсе не собирался произвести ею сенсацию. Но в последней главе автор высказал предположение о желательности заключения пробных браков. Эти три строчки были подхвачены газетами, и двадцатисемилетний профессор в очках был «разнесен на все корки», как тогда говорили, а фотографии его были, как курьез, помещены в иллюстрированных журналах. Над ним всюду смеялись, обвиняли его в проповеди безнравственных идей. Особенно много толковали о нем в женских клубах. Когда правительство решило взять на себя содержание Калифорнийского университета, съезд, созванный для обсуждения связанных с этим вопросов, постановил исключить Эмиля Глюка из состава преподавателей. Только при этом условии правительство принимало в свое лоно Калифорнийский университет. Никто из его коллег не вступился за него, хотя никто из них не читал его книги. Они считали, что достаточно ознакомились с нею по сенсационным газетным статьям. С этого дня Эмиль Глюк возненавидел журнали-

стов. Благодаря им его огромный шестилетний труд был оплеван, осмеян и смешан с грязью. До самой своей смерти, к глубокому их сожалению, он им не мог этого простить.

Следующее несчастье обрушилось на него тоже по вине газет. В течение пяти лет по напечатании своей книги он хранил молчание, а для одинокого человека молчать крайне вредно. Нельзя не посочувствовать тому ужасному одиночеству, в котором пребывал Эмиль Глюк в стенах шумного и многолюдного университета. У него не было друзей, и он не пользовался ничьим расположением. Единственным его утешением были книги, и он читал неимоверно много. Но в 1927 году он согласился выступить в Эмервилле в «Обществе Человеческих Интересов». Он не доверял своим ораторским способностям; когда мы пишем эти строки, перед нами лежит черновик его речи. Это сухой, чисто научный доклад, можно даже сказать — консервативный доклад. Но в одном месте он поместил следующие слова, которые мы приводим буквально: «В обществе назревает промышленная и социальная революция».

Ловкий журналист вырвал из конспекта слово «революция», объяснил его по-своему и выставил Эмиля Глюка непримиримым анархистом. На

другой же день во всех газетах профессора Глюка не называли иначе как анархистом. В первый раз он пробовал возражать, теперь же молчал. Но горечь продолжала накапливаться в его сердце. Университет потребовал, чтобы он написал опровержение; он угрюмо отказался и предпочел уйти из университета. Надо сказать, что на ректора и проректора было произведено очень сильное политическое давление.

Этот человек, никем не понятый и всеми затравленный, не пытался отомстить за себя. В течение всей своей жизни он ото всех видел обиды, причем сам никого не обижал. Потеряв место и оставшись без заработка, он вынужден был искать себе работу. Он поступил в Союз металлистов в Сан-Франциско, где проявил себя как превосходный чертежник. Там он ознакомился впервые с конструкцией военных судов. Но репортеры и тут не оставили его в покое, начав высмеивать его новое призвание. Он сейчас же перешел на другое место. После того как журналисты заставили его переменить с полдюжины мест, он решил больше не обращать на них внимания. Это произошло в то самое время, когда он открыл в Оклэнде свою гальванопластическую мастерскую. В мастерской работало всего лишь

трое взрослых и два мальчика. Глюк сам работал не покладая рук. Полисмен Кэрью утверждал, что в течение нескольких лет Эмиль Глюк ни разу не покидал мастерской раньше часу или двух ночи. За это время он усовершенствовал газовый мотор, взял на него патент и благодаря этому впоследствии стал богатым человеком.

Он открыл свою гальванопластическую мастерскую весной 1928 года. В это же время он неудачно влюбился в Ирину Тэклей. Теперь трудно себе даже представить, что любовь такого человека, как Эмиль Глюк, могла быть обычной любовью. Не надо забывать, что этот гениальный, одинокий и мрачный человек не имел никакого понятия о женщинах. Все его желания носили необычайный характер; он и ухаживал как-то необыкновенно вследствие своей чрезмерной робости. Ирина Тэклей была красива, молода, но пуста и легкомысленна. В то время она служила продавщицей в маленькой кондитерской, находившейся напротив мастерской Глюка. Он часто заходил в кондитерскую, пил прохладительные напитки, поглядывал на нее. Казалось, девушка не обращала на него никакого внимания. Она и не думала с ним кокетничать. Она называла его «чудным». Потом она стала называть его

«чудаком» и рассказывала, как он смотрел на нее сквозь очки и краснел, потупившись, когда она на него взглядывала, и часто, охваченный смущением, поспешно уходил из кондитерской.

Эмиль Глюк делал ей самые невероятные подарки. Он подарил ей серебряный сервиз, кольцо с брильянтом, меховой воротник, театральный бинокль, многотомную «Историю мира» и, наконец, мотоциклет, посеребренный в его мастерской. Но объявился любовник девушки, остался недоволен всей этой историей и велел ей вернуть подарки. Этот любовник — Вильям Шербурн — был здоровенный, грубый малый из рабочей среды, сделавшийся мелким подрядчиком. Глюк ничего не понимал. Он попытался поговорить с девушкой, когда она возвращалась домой со службы. Она пожаловалась Шербурну, и тот на другой вечер отколотил Глюка. Это было очень жестокое избиение, так как в записях местного отделения Красного Креста помечено, что доставленный со следами побоев Эмиль Глюк пробыл в госпитале неделю.

Глюк по-прежнему ничего не понимал. Он продолжал настойчиво требовать у девушки объяснения. Боясь Шербурна, он попросил у начальника полиции разрешения носить при

себе револьвер. Разрешения ему не дали, но журналисты поспешили использовать этот факт для новой сенсации. И вот Ирина Тэклей была найдена убитой за шесть дней до своей свадьбы с Шербурном. Это случилось в ночь с субботы на воскресенье. Она в этот вечер засиделась в магазине до одиннадцати часов ночи и возвращалась со своим недельным жалованьем в кармане. Она проехала на трамвае всю улицу Сан-Пакю и сошла на Тридцать Четвертой улице. До дому ей оставалось пройти всего три квартала. Больше ее никто не видал живой. На следующий день труп ее был найден на одном из пустырей.

Эмиля Глюка немедленно арестовали. Ему было чрезвычайно трудно оправдаться. Собственно говоря, никаких реальных улик против него не было, но зато было очень много улик, состряпанных оклэндской полицией. Нет никакого сомнения в том, что почти все доказательства виновности Глюка были искусственно подтасованы. Показания капитана Шехэна были просто-напросто клеветой, ибо он не только не проходил мимо пустыря в момент совершения убийства, но даже, как выяснилось долго спустя, находился в эту ночь за городом, в Сан-Леандро. Несчастный Глюк был приговорен к пожизнен-

ному заключению, причем газеты и публика единогласно порицали мягкосердие судей и требовали для него смертной казни.

17 апреля 1929 года Глюк был посажен в Сан-Квентинскую тюрьму. Ему было тридцать четыре года. В течение трех с половиной лет, проведенных в одиночном заключении, он мог на свободе поразмыслить о человеческой несправедливости. За это время в его сердце созрела лютая ненависть к человеческому роду. За это же время он написал свой знаменитый трактат о человеческой морали, превосходную книгу под заглавием «Здоровый преступник», а также выработал свой ужасный и чудовищный план мести. На этот план его натолкнул один случай в его гальванопластической мастерской. Как он потом сам рассказывал, в тюрьме ему удалось обдумать все детали, и немедленно по выходе на свободу он мог приступить к осуществлению своего плана.

Его освобождение произвело настоящую сенсацию. Оно преступно оттягивалось бесконечной канцелярской волокитой.

1 февраля 1932 года некий Тим Хэзуэлл был тяжело ранен во время попытки к ограблению одного из жителей Пьедмонт-Хайтс. Тим Хэзуэлл три дня находился в агонии и за это время

признался в убийстве Ирины Тэклей. Он представил веские доказательства. Бэрт Дэкникер, умирающий от чахотки в Фольсомской тюрьме, был его сообщником. Показания обоих совпали. Теперь мы совершенно не можем себе представить, до какой степени медленно совершалось тогда судопроизводство. В феврале была доказана невиновность Эмиля Глюка, но только в октябре его выпустили на свободу. Восемь месяцев этот человек, несправедливо осужденный, должен был продолжать нести свое наказание. Конечно, это не могло смягчить его сердце, и легко себе представить, до какой степени обострилась за это время его вражда к людям.

Вернувшись в мир осенью 1932 года, он сразу сделался излюбленной темой газетных бумагомарателей. Вместо того, чтобы выразить ему сочувствие по поводу незаслуженного наказания, газеты продолжали прежнюю травлю. Особенно постарался «Вестник Сан-Франциско». Издатель газеты Джэк Хартуэлл разработал сложную теорию по этому поводу, из которой выяснилось, что оба преступника дали ложные показания, а убил Ирину Тэклей все тот же Глюк. Хартуэлл умер. Умер и Шербурн, а полисмен Филиппс был ранен в ногу и должен был бросить службу в полиции.

Смерть Хартуэлла долгое время оставалась загадкой. Он сидел один в редакторском кабинете. Мальчик, дежуривший в конторе, услыхал выстрел и, прибежав, увидал Хартуэлла, сидящего неподвижно в своем кресле. Он был мертв. Он был убит из собственного револьвера, лежавшего в ящике его письменного стола; револьвер этот почему-то выстрелил. Пуля пробила стенку ящика и глубоко проникла в тело Хартуэлла. Мысль о самоубийстве была отвергнута, и все обвинения пали на Общество Бездымного Пороха «Эврика». Полиция решила, что патроны в револьвере взорвались сами собой, и потому химики, их изготовлявшие, были привлечены к ответственности. Но полиция не знала, что в момент смерти Хартуэлла в доме, расположенном через улицу, в комнате № 633 находился не кто иной, как Эмиль Глюк.

В то время смерть Хартуэлла не была поставлена в связь со смертью Шербурна. Шербурн продолжал жить в доме, построенном им для Ирины Тэклей; и вот однажды утром, в январе 1933 года его обнаружили мертвым у себя в комнате. Следствие единогласно установило самоубийство, так как его собственный револьвер, из которого был произведен выстрел, валялся тут

же. В тот же самый день был при таинственных обстоятельствах ранен в ногу полисмен Филиппс, стоявший перед домом Шербурна. Полицейский позвонил в полицию и вызвал скорую помощь. Он заявил, что кто-то выстрелил в него сзади. Пуля была тридцать восьмого калибра, в ране началось заражение, и ногу пришлось ампутировать. Но когда выяснилось, что он был ранен из своего собственного револьвера, то все стали над ним смеяться, и утвердилось предположение, что полисмен был просто пьян. Несмотря на его заверения и утверждения, что револьвер находился в кобуре и что он к нему даже пальцем не прикоснулся, его все-таки уволили со службы. Признание Эмиля Глюка, восемь лет спустя, восстановило репутацию бедного полисмена, и он жив до сих пор, причем получает от городского управления ежегодную пенсию. Расправившись со своими ближайшими врагами, Эмиль Глюк стал расширять поле своей деятельности, причем его ненависть к журналистам и полицейским ни на йоту не ослабевала. Его патент на воспламенитель для газовых моторов принес ему огромные доходы, и теперь он получил возможность путешествовать по всему миру и всюду удовлетворять свою чудовищную жажду мести… он сделался

своего рода маньяком-анархистом, но не анархистом-философом, а анархистом-террористом. Может быть, лучше его было бы назвать нигилистом, или даже архинигилистом, хотя он и не был связан ни с одной террористической группой. Он работал в одиночку, но террор, организованный им, был в тысячу раз губительнее, чем это могли бы сделать все объединившиеся группы и партии анархистов-террористов.

Свой отъезд из Калифорнии он ознаменовал взрывом форта Мэзон. В своих последующих показаниях он назвал это «маленьким упражнением», своего рода «пробой пера». В течение восьми лет он путешествовал по миру, и его сопровождал таинственный террор, производя неслыханные разрушения, причиняя убытки в сотни миллионов долларов и уничтожая бесчисленные жизни. Единственным благоприятным следствием ужасной деятельности Глюка стало разрушение в рядах террористов. После каждого его подвига полиция устраивала облаву на местных террористов, и многие из них были казнены. Семнадцать террористов были казнены в одном только Риме после убийства итальянского короля.

Наиболее сенсационным из деяний Глюка было, пожалуй, убийство португальской коро-

левской четы. Это произошло в день их бракосочетания. Против террористов были приняты все возможные меры: улицы, примыкавшие к собору, оцепили двойной линией войск, а двести вооруженных всадников окружали карету. Внезапно произошло удивительное явление. Автоматические винтовки всадников, так же как и ружья пешей стражи, начали сами собой стрелять. Во время суматохи ружья направлялись во все стороны. Последствия были ужасны. Люди, лошади, сам король и королева были изрешечены пулями. В довершение всего, за линией войск у многих террористов, стоявших в толпе, взорвались в карманах ручные бомбы. Эти бомбы они рассчитывали кинуть в короля, если бы представился удобный случай. Но разве можно было ожидать того, что произошло? Взрыв бомб вызвал полную панику; тогда предполагали, что это тоже входило в план нападения. Единственное, чего никак нельзя было объяснить, это поведение солдат и непроизвольные выстрелы их винтовок. Трудно было предполагать, что солдаты принимали участие в заговоре. Однако от их пуль погибли сотни людей, в том числе король и королева. Кроме того — и это уже окончательно запутывало все дело — около семидесяти про-

центов солдат были убиты и ранены теми же пулями. Говорили, будто солдаты, преданные королю, стреляли в изменников. Впрочем, никто из уцелевших не мог ничего сказать на этот счет, хотя многие были даже подвергнуты пыткам. Все они как один утверждали, что никто из них не стрелял и что винтовки стреляли сами собою. Химики с улыбкой говорили, что, пожалуй, мог взорваться случайно один патрон, но что нелепо было предполагать возможность такого множества самопроизвольных взрывов. И так, в конце концов, этому удивительному факту не было дано никаких мало-мальски вероятных объяснений.

Весь мир сошелся на том, что виновата экспансивность южной толпы, которая, испугавшись взрывов двух бомб, произвела всю эту суматоху. По этому поводу вспомнили даже сражение, происшедшее когда-то между русским военным флотом и английскими рыбачьими судами.

А Эмиль Глюк посмеивался и продолжал свое дело. Он-то знал все! Но как остальной мир мог догадаться? Глюк случайно овладел этой тайной еще во время работ в своей гальванопластической мастерской в Оклэнде. Это случилось в то время, когда рядом с его мастерской была установлена станция радиотелеграфа, принадлежащая

Турстонской Компании. Через несколько дней его гальванопластическая ванна вдруг испортилась. Эмиль Глюк тщательно исследовал ванну и нашел несколько спаек, явившихся следствием коротких замыканий. Но что могло вызвать эти короткие замыкания? Глюк сам очень скоро ответил себе на этот вопрос. До установления радиостанции его ванна работала исправно. После установки возникли спайки и короткие замыкания. Но почему? Он понял и это: если электрический разряд мог действовать на расстоянии трех тысяч верст по ту сторону океана, то ничего удивительного в том, что он оказал воздействие на электрическую проводку, находящуюся на расстоянии каких-нибудь четырехсот футов.

Глюк не стал тогда об этом долго раздумывать. Он исправил ванну и продолжал заниматься своей работой. Но впоследствии, уже сидя в тюрьме, он вспомнил этот случай, и в голове его, как молния, блеснула одна мысль. Там, в одиночестве, он изобрел оружие для борьбы со всем миром. Его великое изобретение, умершее вместе с ним, заключалось в умении направлять электрический разряд. В то время это было неразрешенной проблемой радиотелеграфа. Проблема эта не разрешена и теперь. Только Эмиль Глюк

сумел проникнуть в великую тайну. Проникнув в нее, он стал ею пользоваться. Ему ничего не стоило направить разряд в магазин винтовки, в револьверный барабан или в склад снарядов. Он мог не только взрывать, он мог и поджигать на расстоянии. Им был устроен огромный пожар в Бостоне, правда, совершенно случайно. В своей исповеди он назвал это забавным происшествием и прибавил, что не жалел о случившемся.

Эмиль Глюк был истинным виновником ужасной германо-американской войны, которая унесла около восьмисот тысяч жизней и стоила таких огромных денег. Читатели, вероятно, помнят, что в 1937 году отношения между обоими государствами были очень натянутыми вследствие так называемого пиккардского инцидента. Германия, несмотря на свое недовольство, решила поддержать дружеские отношения и отправила эскадру из семи броненосцев под командой кронпринца с визитом в Соединенные Штаты. В ночь на 15 февраля эти броненосцы стояли в Гудзоновом заливе против Нью-Йорка. В ту же ночь Эмиль Глюк выехал в море на своей моторной лодке. При нем находился и ужасный аппарат. Эту лодку, как было установлено впоследствии, он приобрел у «Росс Тернер

Компании», а составные части своего аппарата — на заводе «Колумбия». Но тогда никто этого не знал. И вот броненосцы начали взлетать через правильные чстырехминутные интервалы. Девяносто процентов команды при этом погибло. Погиб и кронпринц. Когда много лет тому назад в Гавайском порту был взорван американский броненосец «Майне», то немедленно началась война с Испанией, хотя не была точно установлена причина взрыва. Можно ли было объяснить случайностью взрыв семи броненосцев в Гудзоновом заливе, да еще вдобавок через такие правильные интервалы? Германия решила, что взрывы произведены подводными лодками, и немедленно объявила войну. Только через шесть месяцев после признания Эмиля Глюка Германия нашла возможным вернуть Соединенным Штатам и Гавайские, и Филиппинские острова.

Между тем Эмиль Глюк — этот страшный чародей и человеконенавистник — продолжал свою разрушительную деятельность. Он не оставлял никаких следов. Он заметал их за собой по строго выработанным научным правилам. Обычно он снимал где-нибудь комнату и устанавливал свой прибор, который был прост и компактен и занимал очень мало места. Сделав свое страшное

дело, он немедленно убирал аппарат. Он намеревался очень долго, в течение всей своей жизни, заниматься этой ужасной деятельностью.

Эпидемия саморанений среди нью-йоркской полиции в свое время вызвала немалую сенсацию. Тогда это стало одной из таинственнейших загадок. За короткий период больше дюжины полисменов были ранены из их же собственных револьверов. Инспектор Джонс не решил загадки, но все-таки ему первому удалось перехитрить Глюка. По его настоянию полисмены перестали носить револьверы, и ранения прекратились.

Весной 1940 года Эмиль Глюк уничтожил морскую верфь Мэр-Айлэнд. Из комнаты, снятой им в Валехо, он послал электрические разряды в Мэр-Айлэндскую верфь. Прежде всего он направил удар на броненосец «Мэрилэнд», который стоял возле одного из минных складов. На палубе у него находилось около сотни мин. Эти мины были предназначены для защиты Голден Гейта.[5] Каждая из этих мин могла взорвать дюжину броненосцев, а таких мин находилось здесь около сотни. Разрушение произошло ужасающее, но это было только начало. Глюк направил свои

[5] notes: 5

Голден Гейт — Золотые Ворота — пролив, ведущий в гавань Сан-Франциско. *(Примеч. ред.).*

огненные стрелы вдоль Мэр-Айлэндского берега, взорвал пять миноносцев и минные склады на восточной стороне острова. Затем, двигаясь в западном направлении, он взорвал и западные склады, и еще пять броненосцев, из которых один стоял в сухом доке. Таким образом, и превосходный док был разрушен.

Катастрофа эта была так ужасна, что паника охватила всю страну. Но и это было ничто в сравнении с тем, что произошло после. Осенью того же года Эмиль Глюк уничтожил все Атлантическое побережье от Мэйна до Флориды. Все было разрушено. Крепости, склады, заводы, минные заграждения — все взлетело на воздух. Через три месяца, зимой, он уничтожил таким же образом северное побережье Средиземного моря от Гибралтара до Дарданелл. Все нации были в ужасе. Ясно было, что все это — дело рук человека. Поскольку все страны страдали одинаково, то, очевидно, нельзя было обвинять в происходящем какое-нибудь одно государство. В такой же мере очевидно, что человеческое существо, производившее все эти разрушения, было равно опасно для всего мира. Ни одно государство не могло считать себя в безопасности. Не было никаких способов защититься от ужасного врага.

Военные приготовления были бесцельны — нет, не только бесцельны, но они-то и были главной опасностью. В продолжение двенадцати месяцев пороховые заводы не работали, армии распались, и все солдаты и матросы распущены. На Гаагской конференции серьезно обсуждался вопрос о всеобщем разоружении.

И вот в это-то время и прославился Сайлэс Бэннерман, агент тайной полиции Соединенных Штатов, вдруг арестовавший Эмиля Глюка. Сначала Бэннермана осмеяли, но ему вскоре удалось тщательно подобрать и сопоставить такие факты, которые убедили в виновности Эмиля Глюка самых отъявленных скептиков. Сайлэс Бэннерман никак не мог, впрочем, объяснить даже самому себе, каким образом у него впервые возникла мысль о виновности Эмиля Глюка. Правда, Бэннерман находился в Валехо во время взрывов на Мэр-Айлэнде, и ему указывали на улице на Эмиля Глюка как на забавного чудака. Но это тогда не произвело на него никакого впечатления. Только много времени спустя, отдыхая на одном из горных курортов и читая в газетах о разрушении Атлантического побережья, Бэннерман вдруг подумал о Глюке. Словно внезапная молния озарила его голову, и он вдруг объединил все эти взрывы

с личностью Эмиля Глюка. Правда, то была лишь гипотеза, но и гипотезы было достаточно. Эта догадка осенила его так же внезапно и без всякой предварительной подготовки, как Ньютона осенила мысль о всемирном тяготении.

Остальное было не так уж трудно. Надо было выяснить, где находился Глюк во время разрушения Атлантического побережья. Этот вопрос больше всего интересовал Бэннермана. Он сам предложил свои услуги по расследованию дела. Ему удалось установить, что осенью 1940 года Глюк путешествовал вдоль Атлантического побережья. Выяснилось также, что Глюк находился в Нью-Йорке во время эпидемии саморанения полицейских. «Где же Глюк теперь?» — спросил себя Бэннерман. И как бы в ответ на этот вопрос пришло известие о взрывах на Средиземном море. Бэннерман знал, что несколько недель назад Глюк уехал в Европу. Бэннерману даже не понадобилось ехать туда самому. По телеграфу он собрал все нужные ему сведения и выяснил, что Глюк ездил вдоль северного побережья Средиземного моря. Он узнал также, что в настоящее время Глюк возвращается в Америку на пароходе «Плутоник», принадлежащем «Грип-Стар-Лайн».

Для Бэннермана дело было вполне ясно. Теперь

оставалось только выяснить некоторые детали. Ему помогал в этом Джордж Броун, телеграфист, работавший на телеграфной станции системы Вуда. Когда «Плутоник» подходил к берегам Америки, Бэннерман выехал ему навстречу на полицейском катере и арестовал Эмиля Глюка. На суде Эмиль Глюк во всем признался. Он только выразил сожаление, что слишком мало успел сделать. По его словам, он никак не подозревал, что его деяния могут быть обнаружены, иначе он вел бы себя осторожнее и действовал бы быстрее, чтобы произвести разрушение в тысячу раз большее. Он унес с собой свою тайну, хотя, говорят, французское правительство предлагало ему за все миллиард франков.

— Что? — сказал в ответ Глюк. — Вы хотите, чтобы я вам продал возможность поработить и мучить бедное человечество?

Все государства пытались открыть его тайну, работали специальные лаборатории, но все оказалось напрасно. 4 декабря 1941 года Эмиль Глюк был казнен на сорок шестом году от рождения. Таким образом, погиб один из несчастнейших гениев, человек огромного ума, великое дарование которого было так извращено, что он сделался страшнейшим преступником вместо того, чтобы

посвятить себя служению человечеству.

Извлечено из книги мистера *А. С. Борнсайда* «Необыкновенные преступники», с любезного разрешения издательства «Холидэй и Уитсэнд».

Морской фермер

— Кажется, карантинный катер, — сказал капитан Мак-Эльрат.

Лоцман бормотал что-то, пока шкипер переводил подзорную трубу с лодки на берег, затем на видневшийся Кингстон, а оттуда на север, ко входу в Хоус-Хэд.

— Ну, что же, прилив хороший, через два часа будем на месте, — заявил лоцман, стараясь казаться веселым.

Шкипер проворчал сердито:

— Гнусный дублинский день!

И еще что-то ворчливо добавил. Он очень устал за эту ночь: ему пришлось не смыкая глаз все время простоять на мостике при сильном ветре, который обычно дует в этой части Ирландского канала. Он вообще очень устал за последнее время. Он мог отсчитать по своему корабельному журналу два года и четыре месяца — восемьсот пятьдесят дней, проведенных в плавании. За все это время он ни разу не был дома.

— Настоящая зимняя погода, — произнес он, помолчав. — Город еле виден. Наверное, весь день будет хлестать дождь!

Капитан Мак-Эльрат был маленького роста, и ему было очень удобно, стоя на мостике, выглядывать из-под брезентового навеса. Лоцман и третий офицер, так же как и рулевой, смотрели через него; рулевой был здоровенный немец, дезертировавший с военного судна, на которое он поступил в Рангуне. Но нехватка нескольких дюймов не мешала капитану быть превосходным моряком. Таково было, по крайней мере, мнение Компании, и, вероятно, так бы думал и сам капитан, если бы ему удалось заглянуть в свой послужной список, хранившийся в секретном архиве. Но Компания никогда даже не намекала капитану на свою уверенность в нем. Это не входило в расчеты Компании, которая очень легко прогоняла своих служащих, но никогда не хвалила и не поощряла их.

В конце концов, капитан Мак-Эльрат был только одним из восьмидесяти шкиперов, обслуживающих восемьдесят транспортных судов Компании, плававших в разных морях.

Внизу два китайца-истопника подавали завтрак на железных ржавых тарелках, которые молчаливо намекали на длинную историю морских испытаний. Один из матросов возился с канатом, тянувшимся к трапу от капитанской

рубки.

— Тяжелое плавание, — подсказал лоцман.

— По временам трепало, но шли не так уж плохо, я терпеть не могу попусту терять время.

Сказав так, капитан Мак-Эльрат повернулся и стал смотреть по сторонам, и лоцман сразу понял немое, но ясное объяснение, на что терялось время.

Дымовая труба, выкрашенная в серую краску, казалась белой от покрывавшего ее слоя морской соли. Узкая труба свистка напоминала кристалл и ярко сверкала на солнце, вдруг выглянувшем из-за туч. Спасательной шлюпки не было, а железные балки, на которых она висела, были заметно согнуты — очевидно, от удара или толчка, который пришелся на долю старого «Триапсика». Отсутствовала шлюпка и на правам борту; ее осколки лежали возле брезентового навеса, заменившего стеклянную крышу над машинным отделением. Дверь в кают-компанию была тоже разбита и наскоро заколочена досками для защиты от страшных волн.

— Я два раза говорил владельцам об этой мерзкой двери, — пожаловался капитан Мак-Эльрат, — они отвечали, что и так сойдет. Но на этот раз разразилась такая бешеная буря, что дверь

слетела с петель и упала прямо нам на обеденный стол, а заодно ветер разбил и каюту механика. Ему было досадно.

— Да, видно, было дело, — сочувственно заметил лоцман.

— Да еще какое! Пришлось нам повозиться. От этого и погиб мой помощник. Я не был вполне уверен в люке номер первый и велел ему осмотреть клинья. Я считал, что надо было поправить люк. В этот миг на нас обрушилась здоровенная волна; даже нам на мостике досталось. Я сначала и не заметил исчезновения помощника, потому что был очень занят снесенной дверью и прилаживанием брезента вместо разбитых стекол над машинным отделением, но затем мы нигде не могли его найти. По словам рулевого, он подошел к трапу в тот самый миг, когда волна покрыла нас. Мы искали его и в каютах, и в машинном отделении, и наконец нашли его труп на нижней палубе. Его разрезало пополам щитом паровой трубы. Он лежал по обе стороны трубы и щита.

Лоцман вздрогнул от ужаса и громко выругался.

— Да, — утомленно продолжал шкипер, — так он и лежал по обеим сторонам трубы, разрезанный, как селедка. Очевидно, волна подхватила

его на верхней палубе, пронесла через машинное отделение и двинула башкой прямо о щит. Он так и разъехался, словно кусок масла. Как раз между глаз и во всю длину, так что одна его рука с потрохами валялась по одну сторону, а другая — по другую. Неприятно было на это смотреть. Мы сложили его, завернули в брезент и бросили в море.

Лоцман снова ругнулся.

— Ничего, — успокоительно сказал Мак-Эльрат, — большой потери нет. Это был никудышный моряк, из него бы вышел хороший свинопас, но зря он полез в море! Туда ему и дорога.

Существует три рода ирландцев: католики, протестанты и северные ирландцы; последние — те же шотландцы, только пересаженные на другую почву. Капитан Мак-Эльрат был родом из Северной Ирландии, и хотя он был в душе настоящим шотландцем, тем не менее всегда приходил в ярость, когда его называли шотландцем. Он родился в Ирландии и намеревался до конца дней оставаться настоящим ирландцем, хотя нередко отзывался о жителях Южной Ирландии так же иронически, как о каких-нибудь гражданах Оранжевой Республики. Он был пресвитерианцем, хотя в той общине, где он жил, в церковь ходили

всего пятеро. Он родился на острове Мак-Джилле, население которого из семи тысяч человек отличалось такой необычайной трезвостью, что на острове был всего лишь один полицейский и совсем не было кабаков.

Капитан Мак-Эльрат не любил моря. Однако ему пришлось всю жизнь зарабатывать себе хлеб морской службой, и море было для него своего рода мастерской, где он честно работал, подобно тому как другие работают на заводе, в лавке или в конторе. Романтика не волновала его своим голосом сирены. Воображение у него отсутствовало, ничего таинственного для него не существовало. Бури, ураганы и шквалы были для него просто препятствиями, которые необходимо преодолеть, больше они для него ничего не значили. Стоя на своем мостике, он чувствовал себя полным хозяином положения. Во время плавания ему встречались разные диковинки и чудеса, но он, в сущности говоря, ничего не видел. Перед ним мелькали яркие красоты тропических морей и ледяные туманы Крайнего Юга и Крайнего Севера, но он вспоминал о них постольку, поскольку они портили ему двери и палубу, и помнил одно: сколько лишнего угля пришлось ему истратить на эти длинные переходы и сколько краски было

смыто неожиданными шквалами и ливнями.

— Я свое дело знаю, — обычно говорил он.

Все, что выходило за пределы его профессии, абсолютно его не интересовало. И хотя его глаза видели очень много чудесного, он все же не подозревал, что это существует на белом свете.

Директора Компании были уверены в том, что он знает свое дело, потому-то они и назначили его, хотя ему было всего сорок лет, капитаном «Триапсика», парохода, зарегистрированного в три тысячи тонн, а фактически грузоподъемностью в девять тысяч, и оцениваемого в пятьдесят тысяч фунтов. Ему пришлось выбрать морскую профессию не потому, что он любил ее, а потому, что был младшим, а не старшим сыном своего отца. Остров Мак-Джилль был очень мал, и пахотной земли хватало только на определенное количество жителей. Излишек населения, а он был довольно значительный, вынужден был добывать себе пропитание морским промыслом. Так было заведено уже несколькими поколениями. Старшие сыновья обычно наследовали землю и ферму, а младшие отправлялись в море и скитались по всему миру. Поэтому Дональд Мак-Эльрат, сын фермера, был оторван от земли, которую любил, и заброшен судьбою в море, ко-

торое он ненавидел и которое стало как бы его фермой. Он обрабатывал его в течение долгих двадцати лет. Трезвый, хладнокровный, прилежный и упорный, он прошел долгий путь от юнги до капитана парусного судна, а затем, перейдя на пароход, служил сперва младшим офицером, потом старшим и наконец капитаном, сначала маленьких судов, а затем постепенно дошел до рубки старого «Триапсика», правда, ветхого, но зато оцениваемого в пятьдесят тысяч фунтов и выдерживающего в бурю девять тысяч тонн груза.

И вот, стоя на мостике «Триапсика», он с этого высокого поста, достигнутого многолетним трудом и усердием, озирал лежавший перед ним Дублинский порт, окутанный туманом город и бесконечные мачты стоящих в гавани судов. Он возвращался домой после двух кругосветных путешествий и множества мелких рейсов, возвращался к своей жене, которую он не видел двадцать восемь месяцев, и к своему ребенку, которого он вовсе не видел, хотя тот уже ходил и говорил.

Внизу выстроились кочегары и палубная прислуга; все они толпились у дверей бака, как кролики в садке, в ожидании вызова доктора для

осмотра. Это были по большей части китайцы, с плоскими, как у сфинксов, лицами и с неуклюжей походкой, словно башмаки были слишком тяжелы для их тощих ног.

Он смотрел на них, совершенно их не замечая, и, держа руки у козырька фуражки, машинально играл прядью своих седых волос. Не видел он их потому, что они представляли лишь задний план сцены, на которой возникали совсем другие, мирные видения; эти картины все время носились перед ним в те долгие теплые ночи, когда старый «Триапсик» рассекал воды океана, заливавшего водой его палубу, гонимый ветрами, окутанный туманом и поливаемый беспрестанными ливнями. Он всегда видел перед собой маленькую ферму — дом с прилегающими к нему крытыми соломой строениями; он видел детей, весело играющих на пороге, и свою добрую жену, которая или доила корову, или кормила кур; он слышал, как в соседней конюшне, принадлежащей его отцу, стучали копытами и ржали лошади, видел кругом поля, тщательно возделанные, простирающиеся до самого горизонта. Это была его любимая греза, его роман, его приключение, венец всех его мечтаний, высшая награда за бесконечные морские скитания, за то, что он

исходил все моря, избороздил все воды своим пароходом-плугом.

Этот человек по своей простоте и по своим природным склонностям был настоящим земледельцем; его отец в свой семьдесят один год за всю свою жизнь ни разу не спал нигде, кроме своего родного дома на острове Мак-Джилле. Для капитана Мак-Эльрата эта жизнь казалась идеалом, и он удивлялся, как могут другие без всякого принуждения, по собственной воле бросать фермы и пускаться в плавание. Сам он так много путешествовал, что весь мир представлялся ему деревней, а сам он чувствовал себя вроде деревенского башмачника, сидящего в своей лавчонке. Перед его мысленным взором расстилались улицы в сотни миль длиной, пожалуй, даже еще длиннее; он видел повороты, огибавшие опасные места или ведущие в тихие заливы и бухты; видел перекрестки, от которых одна дорога вела в страну цветов, в теплые моря, другая — к вечным туманам, страшным бурям, гибельным подводным рифам. Большие освещенные города представлялись ему как бы магазинами на этих улицах — магазинами, где можно было возобновить запас угля, сдать груз, получить привет от лондонских хозяев, направиться еще

куда-нибудь в поисках груза. Но вспоминать все это капитану было очень скучно, и если бы оно не служило для него источником существования, то не представляло бы решительно никакого интереса.

В последний раз капитан виделся со своей женой в Кардифе, двадцать восемь месяцев назад, он тогда отплыл в Вальпараисо с грузом угля в девять тысяч тонн, который и доставил благополучно до места назначения. Из Вальпараисо ему пришлось порожняком плыть в Австралию: шесть тысяч миль при бурной погоде — не шуточное плавание. Оттуда он махнул — опять с углем — в Орегон — семь тысяч миль; потом с разным грузом — в Японию и Китай. Из Китая путь лежал на Яву, где погрузили сахар, предназначавшийся для Марселя. Из Марселя направились на восток и зашли в Черное море; затем с грузом марганца — в Балтимор; по дороге задержали бури, и, чтобы пополнить запас иссякшего угля, понадобилось завернуть на Бермуды; затем — срочный фрахт в Норфолк, Виргинию, где он погрузил тайком контрабандный уголь, после чего отплыл в южную часть Африки под наблюдением германского надсмотрщика, приставленного к нему по каким-то таинственным соображениям. Из Южной Африки

он поплыл на Мадагаскар. При этом надсмотрщик высказал опасение, что русскому флоту может понадобиться уголь, и приказал делать не более четырех узлов в час. Бесконечная путаница, задержки; остановки, дипломатические осложнения и толки во всем мире о контрабанде старого «Триапсика». Затем — в японский военный порт Сасебо; оттуда — снова в Австралию; еще один срочный фрахт и смешанный груз, забранный в Сиднее, Мельбурне для доставки на остров Св. Маврикия, Лорензо-Маркез, Дурбэн, в бухту Алгоа и Капштадт. Оттуда — на Цейлон за распоряжениями, потом — в Рангун за грузом риса для Рио-де-Жанейро. Затем — в Буэнос-Айрес за маисом, который надлежало доставить в Великобританию или на континент, с остановкой в Сан-Висенте, где он получил приказ идти в Дублин. И вот два года и четыре месяца — восемьсот пятьдесят дней согласно корабельному журналу он беспрерывно плавал взад и вперед по бесконечным морским улицам. Теперь он опять приплыл в Дублин. Усталость давала себя знать.

К «Триапсику» подошел маленький катер, и под громкие крики команды старый морской скиталец был введен в порт. Канаты, брошенные с кормы и с носа, шлепнулись на берег. Судно

причалило, и уже группа веселых зевак толпилась на берегу.

— Стоп машина! — скомандовал капитан Мак-Эльрат тихим голосом. Третий помощник передал его команду в машинное отделение.

— Давай сходни! — приказал второй помощник и, когда это было исполнено, произнес: — Готово!

Это «готово» означало роспуск команды — поставить сходни было последней задачей. Путешествие окончилось. Весь экипаж с нетерпением бросился к своему, уже приготовленному багажу. Все люди давно мечтали о твердой земле, как и капитан. Мак-Эльрат простился с лоцманом и направился к своей каюте. На палубе уже стояли таможенные чиновники, инспектор, конторские служащие, полицейские агенты.

— Вы дали знать моей жене? — спросил капитан агента вместо того, чтобы поздороваться.

— Мы послали ей телеграмму, как только узнали о вашем прибытии.

— По всей вероятности, она приехала с утренним поездом, — заключил капитан и вошел в свою каюту, чтобы умыться и переодеться.

Он в последний раз поглядел вокруг, и его взгляд остановился на двух фотографиях — жены

и ребенка, которого он еще не видел. Он заглянул и в кают-компанию, со стенами, украшенными кедровыми панелями, и вспомнил, как во все продолжение этого скучного путешествия он обедал здесь за этим длинным столом, за которым умещались десять человек. За столом никогда не было ни смеха, ни споров, ни оживленных бесед. Капитан обычно ел быстро и молча. Он был еще молчаливее, чем прислуживавшие ему азиаты. Капитану вдруг стало невыносимо жутко при мысли, как одинок он был за эти два года и четыре месяца. Он ни с кем не делился своими тревогами. Его помощники были слишком молоды и легкомысленны, а штурман отличался глупостью. Не с кем было даже посоветоваться. Его единственной спутницей за все это время была ответственность. С ней он сидел рядом за ужином, с ней разгуливал по палубе, с ней ложился спать.

— Ну, — пробормотал он своей страшной компаньонке, — теперь я с тобой разделался! По крайней мере, на некоторое время.

Отпустив на берег матросов, нагруженных мешками, он с обычной своей медлительностью передал все дела в агентстве. От предложения выпить вина он отказался, а попросил себе молока

с содовой водой.

— Я хоть и не член общества трезвости, — заметил он, — но всю жизнь терпеть не мог ни пива, ни виски.

После полудня, выплатив жалованье своей команде, он пошел в частную контору, где, как он знал, ожидала его жена.

Он прежде всего глянул на нее, хотя ему очень хотелось хорошенько рассмотреть сидевшего рядом с ней ребенка. Он крепко обнял ее и поцеловал, а потом долго смотрел ей в лицо, удивляясь, как мало она изменилась за это время. По мнению жены, капитан Мак-Эльрат был очень добр и чуток, хотя офицеры и матросы считали его раздражительным и желчным.

— Ну, Анни, как дела? — спросил он, привлекая ее к себе.

И опять он невольно отстранился от нее, от этой почти незнакомой женщины, которая в течение уже десяти лет была его женой. Она была для него почти чужой — более чужой, чем его китайская прислуга. Его помощники, с которыми он виделся ежедневно в продолжение восьмисот пятидесяти дней, были ему гораздо ближе, чем жена. За десять лет супружества капитан провел с женой всего лишь девять недель. Возвращаясь

домой, он каждый раз как бы заново знакомился с нею. Такова была участь всех людей, призванных вспахивать соленые поля морей. Все они очень мало знали своих жен и почти совсем не знали своих детей. Близорукий Мак-Ферсон, старший механик, рассказывал, как однажды его прогнал из дому собственный четырехлетний сын, ни разу в жизни не видевший отца.

— Вот какой у нас малютка, — произнес капитан, не совсем уверенно протягивая руку, чтобы потрепать ребенка по щеке. Но мальчик отстранился от него и потянулся к матери, как бы ища защиты.

— Ах, — воскликнула она, — он совсем не знает своего папы!

— И я его тоже. Не знаю, сумел бы я узнать его в толпе ребятишек, хотя, мне кажется, у него твой нос.

— И твои глаза, Дональд! Посмотри на них!.. Детка, это твой папа. Ну-ка, поцелуй его как следует!

Но ребенок еще крепче прижался к ней, причем выражение страха и недоверия ясно отражалось на его лице, а когда отец попытался взять его на руки, ребенок чуть не раскричался.

Капитан встал и посмотрел на часы, желая

скрыть свое невольное огорчение.

— Пора ехать, Анни, — сказал он. — Поезд скоро отходит.

Сидя в поезде, он сначала молчал. Он смотрел на жену, державшую на руках дремавшего ребенка, смотрел на засеянные поля и холмы, смутно выделявшиеся сквозь сетку мелкого, частого дождика. Они сидели в отдельном купе, ребенок уснул, мать уложила его и укутала платком. Расспросив жену о здоровье родных, о видах на урожай, о ценах на землю, капитан решил, что пора рассказать ей о себе. Он начал рассказывать, но его рассказ отнюдь не был похож на волшебную сказку о прекрасных цветущих странах или о таинственных восточных городах.

— Что это за остров Ява? — спросила она.

— Сплошные лихорадки. Почти все матросы заболели, невозможно было работать. Все только и делали, что глотали хинин. По утрам всей команде натощак раздавали хину и джин. Ну, конечно, после этого и здоровые притворялись больными.

В другой раз она спросила, хорошо ли в Ньюкасле.

— Уголь и черная пыль, больше ничего. Пакостный городишко! У меня там удрали два китайца-истопника. Владельцам пришлось за-

платить правительству штраф по сто фунтов за каждого. Я потом получил от владельцев письмо в Орегоне. «Мы очень сожалеем, — писали они мне, — что из состава вашей команды бежали двое китайцев. Советуем вам впредь быть внимательнее». Внимательнее! Я и так смотрел за ними в оба. Каждому причиталось по сорок пять фунтов стерлингов жалованья. Я никак не мог подозревать, что они удерут. Это обычная их манера писать: «мы рекомендуем», да «мы советуем», да «нам кажется странным». Проклятая старая лохань! Они воображают, что на ней можно идти, как на какой-нибудь «Лукании», и вдобавок не тратя угля. А потом — сколько крови я себе перепортил с этим проклятым винтом. Старый был железный, погнутый по краям, мы не могли развивать с ним нужную скорость. Поставили новый из бронзы. Он обошелся в девятьсот фунтов, и владельцы решили во что бы то ни стало окупить его. А у меня был этот проклятый рейс, и мы все время ползли, как черепаха. «К нашему крайнему сожалению, мы должны указать вам, что ваш переход из Вальпараисо в Сидней был очень продолжителен, вы шли в день со средней скоростью лишь в сто шестьдесят семь миль. Мы предполагали, что вы сумеете лучше использовать новый

винт. Вы должны были делать по крайней мере двести шестнадцать». А ведь это было в разгар зимы. Дождь лил как из ведра, свирепствовали бури и ураганы, вдобавок у нас не хватило угля, и нам пришлось шесть дней скитаться по ветру с застопоренными машинами. А этот болван штурман не мог по ночам смотреть спокойно на сигнальные огни встречных пароходов и всегда вызывал меня на мостик. Я все это им написал. А они мне в ответ: «Наш консультант по навигации находит, что вы слишком отклонились на юг», и «мы впредь ожидаем от нового винта лучших результатов». Консультант по навигации! Сухопутный лоцман! Подумаешь! Это была самая нормальная скорость для зимнего перехода от Вальпараисо до Сиднея. Затем я отправился в Оклэнд, потому что у нас не хватило угля. Желая возместить убытки, вызванные потерей времени, я решил не нанимать лоцмана и сам ввел судно в порт. Там не было обязательным нанимать лоцмана. Потом отправляюсь в Йокохаму и встречаю там капитана Робинзона с «Диапсика». Мы начали с ним толковать о разных портах по дороге в Австралию, и он вдруг меня спрашивает:

«Скажите, пожалуйста, капитан, вы были когда-нибудь в Оклэнде?»

«Был, — говорю, — и даже очень недавно».

Тогда он посмотрел на меня не особенно дружелюбно.

«Значит, это я вам обязан получением от владельцев этого письма: „Вы поставили нам в счет пятнадцать фунтов за лоцмана в Оклэнде; недавно одно из наших судов заходило в Оклэндский порт, но не производило этого расхода. Считаем долгом вам заметить, что так как в расходе этом не встречалось и не встречается необходимости, то рекомендуем вам не делать таких напрасных трат в будущем“».

А меня они не поблагодарили за то, что я сэкономил для них пятнадцать фунтов. Ни звука. Вместо этого они посылают капитану Робинзону письмо, упрекая его в расточительности, а мне пишут: «Вы ставите в вашем счете: „две гинеи доктору, приглашенному для команды“, будьте любезны объяснить подробнее этот непредвиденный расход».

Я приглашал доктора для двух китайцев, ибо думал, что у них «бери-бери». Через неделю мне пришлось их похоронить в море, а они еще пишут: «будьте любезны объяснить подробнее этот непредвиденный расход». А капитану Робинзону: «так как в расходе этом не встречалось необхо-

димости». А потом, разве я не телеграфировал им из Ньюкасла, что мое старое корыто так прогнило, что его необходимо ввести в сухой док? Просидеть семь месяцев в сухом доке на западном побережье! Поганое место, где легче всего издохнуть. Но у них, изволите ли видеть, был угольный фрахт на Портланд. «Аррата», один из пароходов Вур-Линии, вышел одновременно с нами и тоже отправился в Портланд. Старый «Триапсик» делал шесть узлов, максимум семь. И что же, в Комаксе, где грузили уголь, я получил от владельцев письмо. Оно было подписано главным директором, и в конце он приписал собственноручно: «„Аррата“ обогнала вас на четыре с половиной дня, весьма разочарован». Разочарован! Разве я им не телеграфировал из Ньюкасла? Когда «Триапсик» поставили в портландский сухой док, так у него на днище торчали усы в фут длиной. Он весь был облеплен раковинами величиной с мой кулак и устрицами с тарелку. После него два дня пришлось выгребать из дока всякий мусор. А потом началась эта знаменитая история с колосниками в Ньюкасле. Их сделали тяжелее, чем указано в смете инженера, но завод забыл поставить в счет разницу в весе. И вот, когда я уже собирался покинуть берег, ко мне прибегают

со счетом: «Тут произошла маленькая ошибка, вы должны доплатить шесть фунтов». Они успели побывать на судне и сказали мне, будто Мак-Ферсон пометил на счете: «правильно». Мне это показалось странным, и я не хотел платить.

«Неужели вы сомневаетесь в вашем старшем механике?» — спросили они.

«Я не сомневаюсь, — отвечал я, — но я не могу подписать этот счет. Поезжайте со мной на судно. Лодка вас доставит обратно, и это вам ничего не будет стоить. Мне надо поговорить с Мак-Ферсоном».

Но они не хотели отправляться на судно. Они мне прислали в Портланд счет по почте. Я не обратил на него никакого внимания. В Гонконге я получил письмо от хозяев. Счет был послан им. С Явы я им написал, в чем дело. В Марселе я опять получил от них письмо: «За дополнительные работы по машинному отделению шесть фунтов. Старший механик подписал этот счет, а вы не заплатили. Вы, стало быть, сомневаетесь в его честности». Я написал, что не сомневаюсь, что это был счет за излишний вес колосников и что все это правильно. И что же — они не подумали заплатить, а сказали, что сперва разберут дело. А тут какой-то конторщик заболел. Счет потеряли,

и началась бесконечная переписка. Пришлось завести особое дело по доплате шести фунтов за колосники. Я получал по этому поводу письма и в Балтиморе, и в бухте Делагоа, и в Можи, и в Рангуне, и в Рио, и в Монтевидео. Дело и до сих пор не закончилось. Да, Анни, трудно угодить хозяевам.

Капитан задумался и затем негодующе пробормотал:

— Дело по доплате шести фунтов за колосники.

— Слыхал ли ты что-нибудь о Джимми? — спросила его жена после короткого молчания.

Капитан Мак-Эльрат отрицательно покачал головой.

— Его слизнуло с кормы вместе с тремя матросами.

— Где?

— У мыса Горн. Это случилось на «Торнсби».

— Они уже возвращались домой?

— Да, — сказала она. — Мы получили об этом известие только три дня назад. Его жена в полном отчаянии.

— Джимми был хороший парень, — заметил он, — только иногда любил выпить лишнее. Мы служили с ним вместе на «Абблоне» младшими помощниками. Стало быть, бедный Джимми

погиб.

Наступило молчание, которое опять нарушила жена.

— А ты ничего не слыхал о «Банкшайре»? Мак-Дугель потерпел на нем крушение в Магеллановом проливе. Об этом вчера писали в газетах.

— Магелланов пролив — скверное место, меня там едва не посадил на мель мой помощник, чтобы его черт побрал. Вот был идиот! Вот дурак! Я его потом не пускал на мостик. Когда мы подходили к Нэрро-Рич, был здоровенный туман и валил густой снег. Я сидел у себя в каюте над картой и дал ему измененный курс. Я ему сказал: «Зюйд-ост-ост». — «Зюйд-ост-ост, сэр», — ответил он. Через четверть часа поднимаюсь на мостик.

«Удивительное дело, — говорит мне помощник, — совсем не помню, чтобы при входе в Нэрро-Рич были острова».

Я только посмотрел на острова и заорал рулевому:

«Клади руль на штирборт».

Тут старый «Триапсик» сделал такой поворот, какого он не делал еще ни разу в жизни. Я выждал, пока перестал идти снег, и что же оказалось! Нэрро-Рич был к востоку от нас, а остров

при входе в Ложную Бухту — к югу.

«Какой курс ты держал?» — спросил я рулевого.

«Зюйд-ост, сэр», — ответил он.

Я посмотрел на помощника. Что я мог ему сказать? Удивляюсь, как я не убил его на месте. Разница на четыре пункта! Еще пять минут — и старому «Триапсику» была бы крышка. Когда мы шли обратно на восток, случилось то же самое. Если бы была ясная погода, нам бы потребовалось на переход не более четырех часов, а тут мне пришлось провести на мостике сорок часов подряд. Я дал помощнику курс и указал ему, что Асктарский маяк должен быть все время за кормой и не заходить больше чем до норд-веста. Затем я пошел к себе в каюту и решил вздремнуть. Но я так беспокоился, что никак не мог заснуть. В конце концов, проторчав на мостике сорок часов, можно проторчать и еще четыре, а ведь в эти четыре часа помощник мог погубить судно. Я умылся, выпил чашку крепкого кофе и пошел на мостик. Я чуть не умер от ужаса, взглянув на положение Асктарского маяка, — он был на норд-вест-вест, и старый «Триапсик» почти налез на мель. Ну, не болван ли мой помощник! Можно было уже различить дно сквозь воду. «Триапсик»

едва не погиб! Этот дурак в течение тридцати часов дважды едва не посадил его на мель.

Капитан Мак-Эльрат своими добрыми синими глазами посмотрел на ребенка, а жена, желая его развлечь, спросила:

— Помнишь Джимми Мак-Кауля? Вы вместе ходили в школу, когда были мальчиками, ферма старого Мак-Кауля находится позади дома доктора Хэйторна.

— А что с ним случилось? Он умер?

— Нет, когда ты в последний раз уехал в Вальпараисо, он пришел к твоему отцу и спросил его, бывал ли ты раньше в Вальпараисо. Твой отец ответил, что нет. Джимми очень удивился и сказал:

«А как же он найдет туда дорогу?»

Твой отец ответил на это: «Это очень просто, Джимми: предположи, что ты пошел к кому-нибудь, кто живет в Белфасте. Белфаст большой город, там много улиц, а все-таки ты бы ведь нашел то, что тебе нужно».

«Это другое дело, — сказал Джимми. — Я бы всех спрашивал по дороге».

«Ну, что ж, и тут то же самое, — отвечал твой отец, — так же и Дональд найдет дорогу в Вальпараисо. Он будет спрашивать каждое судно,

которое попадется ему навстречу, до тех пор, пока не повстречает такое, которое успело уже побывать в Вальпараисо. Капитан этого судна и укажет ему дорогу».

Джимми почесал у себя за ухом и нашел, что это в самом деле очень просто.

Капитан расхохотался этой шутке, и его усталые глаза на секунду оживились.

— Этот младший помощник был удивительно странный малый. Он был такой же странный, как мы, когда мы бываем вместе, — заметил он, улыбаясь, но улыбка тотчас же исчезла с его губ, а глаза стали усталыми и тусклыми.

— Вообрази, что он выкинул в Вальпараисо. Выгрузил шестьсот фатомов стального троса, не взяв с приемщика расписки. Я как раз в это время получал документы. Уже когда мы были в море, я стал искать расписку и не нашел ее. «Стало быть, вы не взяли расписки», — сказал я.

«А зачем же брать, — возразил он мне, — ведь трос пошел прямо нашим агентам».

«Вы плаваете по морю столько лет, — воскликнул я, — и до сих пор не знаете, что младший помощник обязан сдавать каждый груз под расписку, в особенности на Западном побережье. А что, если грузчики стянут несколько фатомов?»

Так и случилось, как я сказал. Выгружено было шестьсот фатомов, а наши агенты получили всего четыреста девяносто пять. Грузчики клялись, что больше там и не было. В Портланде я получил по этому поводу письмо от хозяев. Доставалось, разумеется, не моему помощнику, а мне, за то, что я находился на берегу во время разгрузки. Точно я мог бы быть одновременно в двух местах! И хозяева, и агенты до сих пор пишут мне письма.

Да, мой помощник вовсе не был моряком и не годился для настоящей работы. Он хотел пожаловаться на меня торговой инспекции за то, что я взял слишком много груза. Он говорил это боцману и потом отрапортовал мне прямо в глаза, что судно сидит на полдюйма ниже ватерлинии. Это было в Портланде, когда мы брали пресную воду и шли в Комакс за углем. Дело в том, Анни, что я действительно сидел на полдюйма ниже. Но это строго между нами. А эта скотина хотел донести на меня торговой инспекции и все время только и думал об этом, пока его не разрезало пополам на щите паровой трубы.

Он был просто болван! Когда мы уходили из Портланда, мне пришлось взять еще шестьдесят тонн угля, чтобы хватило до Комакса. Платить за

лихтер[6] я не собирался, а места свободного около дока не было. Там стояла французская барка. Капитан ее согласился уступить мне на несколько часов место, после того как он окончит свою дневную работу. Я спросил, сколько он возьмет с меня за это. «Двадцать долларов», — ответил он. Для владельцев это было все-таки выгоднее, чем брать лихтер, и я согласился. В ту же ночь, в темноте, я пристал и взял уголь. Я начал потом отходить под парами, чтобы стать далее на якорь. У нас что-то не ладилось в машине, а приходилось идти кормой вперед. Старый Мак-Ферсон заявил, что двигаться придется ручным ходом и очень тихо. Мы двинулись. Лоцман находился на борту. Навстречу нам было очень сильное течение, а невдалеке стояло на якоре судно; по обе стороны судна находились лихтеры, но на них не было сигнальных огней. Двигать в темноте такое большое судно было очень трудно, да вдобавок еще Мак-Ферсон давал обратный ход. Мы ткнулись в лихтер кормою в тот самый миг, когда я кричал Мак-Ферсону, указывая направление.

«Что это?» — спросил лоцман, когда мы наткнулись на лихтер.

---

[6] notes: 6

Лихтер — вспомогательное судно для перевозки грузов. *(Примеч. ред.)*

«Не знаю, — ответил я. — Я сам удивляюсь».

Из этого ты можешь заключить, что лоцман был не очень опытный. Мы пришли к месту стоянки, бросили якорь, и все бы обошлось благополучно, если бы не этот дурак помощник.

«Мы разбили вдребезги тот лихтер», — объявил он, взбираясь на мостик.

«Какой лихтер?» — спросил я.

«Тот, рядом с судном!»

Лоцман, конечно, начал прислушиваться.

«Я не видал никакого лихтера», — сказал я и одновременно крепко наступил ему на ногу.

Когда лоцман ушел, я сказал помощнику:

«Если уж вы ни черта не понимаете, лучше не разевайте пасти».

«Да ведь мы же разбили лихтер».

«Ну и что ж? — сказал я. — Не ваше дело сообщать об этом лоцману, хотя, по-моему, там никакого лихтера и не было».

На следующее утро, не успел я одеться, приходит матрос и докладывает, что какой-то человек желает меня видеть.

«Давай его сюда», — говорю я.

Является этот самый человек.

«Садитесь!» — говорю.

Он садится.

Оказывается, это владелец лихтера. Когда он рассказал мне всю историю, я заявил ему, что не видел никакого лихтера.

«Как! — воскликнул он. — Вы не видели двухсоттонного лихтера у борта того судна? Да ведь он по крайней мере с дом величиной».

«Я руководствовался сигнальными огнями судна, — возразил я. — Судна я не задел, в этом я уверен».

«Да, но вы задели лихтер, — возразил он, — вы его разбили вдребезги. Вы наделали мне убытку на тысячу долларов, и вам придется его возместить».

«Вот что, сударь, — заявил я. — Согласно правилам я по ночам обязан руководствоваться сигнальными огнями. На вашем лихтере их не было, а стало быть, я и не должен был замечать его».

«Но ваш помощник говорит...» — начал он.

«Пошлите к черту моего помощника, — отрезал я. — Вы мне скажите, были на вашем лихтере сигнальные огни?»

«Нет, — ответил он, — но ведь была ясная лунная ночь».

«Я вижу, что вы человек с головой, — сказал я. — Но позвольте вам доложить, что и у меня

есть тут кое-что. Я не обязан замечать лихтеры, на которых нет сигнальных огней. Если вы хотите судиться, сделайте одолжение. Добрый день. Палубный вас проводит...»

К счастью, дело на этом и кончилось. Но видишь, какая стерва был этот помощник! Ей-богу, все капитаны должны благодарить небо за то, что его разрезало пополам у паровой трубы! Его держали только потому, что у него была в конторе протекция.

— Наши агенты сказали мне, — проговорила жена, — что ферма Веслей скоро будет продаваться.

Она украдкой взглянула на него, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут на него ее слова.

Глаза капитана радостно блеснули, и он выпрямился, как человек, преисполнившийся внезапной бодрости. Эта ферма была предметом его мечтаний. Она находилась рядом с фермой его отца и на расстоянии полумили от фермы его тестя.

— Ладно, мы ее купим, — сказал он. — Только будем держать это в секрете, пока не выплатим за нее полностью. Я сколотил кое-что за это время, хотя теперь заработок и становится все хуже

и хуже. У нас будет, наконец, свое собственное гнездо. Я поговорю с отцом и оставлю ему деньги, чтобы он мог купить ферму, даже если я в это время буду в море.

Капитан протер запотевшее изнутри окно и стал глядеть на равнины, окутанные непроницаемой пеленой дождя.

— В молодости я всегда боялся, что хозяева прогонят меня. Откровенно говоря, я и до сих пор этого побаиваюсь. Но когда у меня будет своя ферма, я больше не буду этого бояться. Да, быть морским фермером — это трудное занятие. Я работаю на всех морях, подвергаюсь всевозможным опасностям на судне, которое стоит пятьдесят тысяч фунтов, с грузом, который стоит иногда сто тысяч фунтов, — полмиллиона долларов, как говорят янки. И что ж? За всю эту ответственную работу я получаю какие-нибудь двадцать фунтов в месяц. Разве на суше кто-нибудь согласился бы управлять имением, стоящим сотни тысяч, и получать за это двадцать фунтов? А сколько у меня хозяев! И владельцы, и фрахтовщики, и всякие там торговые инспекции. Владельцы требуют быстрых переходов и не желают знать никаких опасностей. Фрахтовщики требуют безопасных переходов и не считаются со временем.

Торговая инспекция взывает к осторожности. А осторожность всегда ведет к разным задержкам. Три хозяина — и все готовы накостылять тебе шею, если ты их не ублажишь.

Почувствовав, что поезд замедляет ход, капитан опять подошел к запотевшему окну. Затем, подняв воротник и застегнув пальто, он неловко взял на руки спавшего ребенка.

— Я передам отцу деньги, — сказал он, — чтобы земля была куплена при первой возможности, на случай, если я буду в это время в плавании. Старик, я знаю, не даст маху. А тогда пусть хозяева прогоняют меня, когда им угодно. Мне будет на это наплевать! Я буду с тобой, Анни, а море может провалиться в тартарары.

При этой мысли лица их прояснились, а перед глазами у обоих одновременно возникло желанное мирное видение. Анни наклонилась к нему, и когда поезд остановился, он нежно поцеловал ее, стараясь не разбудить мирно спавшего младенца.

КОММЕНТАРИИ

«Дочь снегов»

По устойчивой традиции и общепринятому мнению, настоящий роман должен повествовать о любви. И главной его героиней положено выступить женщине, причем современной, американизированной, отличающейся от представительниц прекрасного пола у других народов своей самостоятельностью, пренебрежением к трудностям и почти ничем в критических обстоятельствах не уступающей мужчинам, а то и превосходящей их. Конечно, у нее должна быть и достойная биография.

Такой героиней стала Фрона Уэлз, выросшая без матери и по сути среди индейцев, еще до времен «золотой лихорадки». Это милая босоногая девчонка, которой индейцы в ту пору дали имя Тенас Хи-Хи (Маленькая Хохотушка), — дочь богатого промышленного магната, известного во всей Аляске мистера Уэлза, владельца крупной пароходной компании, фактории, некоронованного северного короля. Одно его имя заставляет трепетать здесь каждого и оказывать услуги его

дочери, которая, впрочем, и сама не промах.

Сюжет романа прост: двадцатилетняя девушка, получившая хорошее образование в Англии и в Америке, приезжает на побывку к отцу, которого не видела три года, как раз в разгар «золотой лихорадки». Старожилы Даусона (в их числе и белые) и без того недолюбливали этих бестолковых и нагловатых искателей приключений и золота: мало того, что они внесли сумятицу в более-менее налаженную жизнь края, взвинтили цены на продукты и собак, но и по сути подорвали экономику Клондайка — возникла проблема с пропитанием в этих краях. Кое-кто готов был нажиться на всех этих вполне предсказуемых трудностях. Однако кому-то надо было разрешать кризисное положение. И одним из таких по-государственному мыслящих людей, с невероятными экономическими и административными возможностями, оказывается отец Фроны — Джекоб Уэлз. Поступает он отнюдь не филантропически: наложив руку на запасы продовольствия, магнат организует отъезд тысяч людей, которые ему кажутся здесь балластом, с Аляски на Юг — на собственных пароходах. Иллюзии и надежды многих на скорое обогащение теперь похоронены навеки. В нравственно-психологическом

плане влияние приезжих выразилось не только в пробуждении в завоевателях Севера самых низменных чувств и инстинктов, но и в развращении ими коренных индейцев, которые непомерно взвинтили цены за переноску или перевоз грузов. Молодые же индейцы — охотники и рыболовы — не понесли в дом нажитое богатство, а стали проигрывать его в салунах, закупать невероятное количество виски, добиваться успеха у женщин легкого поведения, не обращая внимания на своих серых «сивашек», пренебрегая запретами и даже проклятиями отцов, вождей, шаманов. Потому в романе весьма сильна социальная струя, хотя это как бы побочная линия — зато некий ощутимый фон развития действия, где наряду с суровой природой и традициями (хорошо знакомой писателю обстановкой) начинает заявлять о себе и мощный отрицательный общественный фактор. Волевого Джекоба Уэлза можно понять. Он добился-таки своего.

Однако генеральная линия романа — любовная. Сам писатель полуиронически постулирует свой любовный треугольник: «Двое мужчин и одна женщина! В их отношениях — источник человеческих страданий и трагедий! Так было всегда, с тех пор как наш далекий предок спустил-

ся с дерева и перестал ходить на четвереньках. Так было и в Даусоне».

В романе есть и сентиментальные эпизоды, написанные по образцам европейской прозы XIX, а порой и XVIII века. Мы можем найти в повествовании, следуя за логикой отношений с поклонниками Фроны Уэлз, даже черты современного «дамского романа», не говоря уж о романах приключенческих — действительных и мнимых (последние в изрядном количестве выдуманы претендентом на руку героини Сэн Винсентом, журналистом по профессии и дамским угодником).

И, наконец, еще одна составляющая романа — уголовно-детективная, связанная с убийством некоего Джона Борга и скоропалительным смертным приговором импровизированного и самозваного суда, вынесенным подозреваемому в тяжком преступлении Сэн Винсенту.

Поскольку роман все же преимущественно светский, в нем больше рассказывается о «покорителях Севера», чем об экзотике.

Каков же высокий смысл писательского повествования?

Хорошо изучив трафареты традиционного европейского романа, писатель пытается ответить

на им же самим поставленный вопрос: каковы должны быть в идеале американские женщины и их мужчины? Здесь ребром поставлен вопрос о типе современной для той поры новой культуры.

Самой Фроне не нравится мужчина, который обладает высоким интеллектом, но лишен мужественности. По этой причине она и отвергнет Грегори. Настоящий мужчина должен быть и физически крепким, и духом силен.

Она гордится своей расой: «Но в конце концов одна из причин того, что мы соль земли, и кроется в том, что мы имеем смелость высказывать это».

Она сама отнюдь не салонная героиня, хотя с большим вдохновением играет Нору в любительском спектакле («Кукольный дом» Г. Ибсена). Золотоискателям, таким как ее отец Джекоб или друг семьи и защитник девочки Фроны Мэт Маккарти, катастрофически недостает элементарной культуры. Чуть что, они готовы хвататься за кольт — для разрешения пустяковых противоречий. Недаром в одном из самых откровенных диалогов отца с дочерью тот признается, что ничего не смыслит в искусстве, поэзии, музыке.

Подобно будущему булгаковскому герою владелец рудников, пароходных компаний однозначно

осуждает мужскую трусость и тут же высказывает несколько непривычные для нас сентенции: «Масса — ничто; личность — всё; индивидуум всегда управляет массой и диктует ей свои законы». В другом месте он советует барону Курбертэну стрелять, «если у вас ружье». Это единственный для него весомый аргумент. С дочерью, конечно, отец Уэлз более деликатен, ведь женщины, по его мнению, сделаны из другого теста, чем мужчины. Отец не советует дочери выходить замуж за человека, по его мнению, пустого. Лучше уж быть «матерью-одиночкой», как у нас принято выражаться. Однако на деле Фрона не такая уж нежная и любящая ближних девушка. Достаточно припомнить, как она едва не огрела плетью своего возлюбленного, когда их собачьи упряжки поравнялись, — за то, что тот напомнил ей о правилах приличия.

Хотя в разных эпизодах и совмещенных, синтетических формах романа Фрона неодинакова, но это уже тип новой женщины XX века, который сродни и нашей пулеметчице Анке, и всякого рода партийно-руководящим дамам, как бы читатель или читательница к такого рода женщинам ни относились. Эмансипация и безалаберность общественной жизни сделали свое дело. Тут есть

немало и положительных моментов, особенно в освещении Джека Лондона. Писатель идеализирует свою героиню. При всех своих достоинствах и социальном весе она исповедует примитивную индейскую мораль — священную «веру в пищу и кров». Это значительно утепляет образ. Все великие истины просты.

Участие активной личности в общественном процессе, в том числе и женщины, — с ее тонкостью чувств, интуицией, культурой, опирающейся на образованность, на почтительное отношение к собственным предкам и семейным традициям, — вот проблемы романа Джека Лондона, его мораль и идеалы. А если к этому еще добавить рискованные передвижения по бесконечной и безмолвной пустыне, трагические происшествия с покорителями Клондайка, экзотическое окружение и ситуации (ведь отбившаяся от своих Фрона знакомится с инженером Вэнсом Корлисом в его промокшей палатке в тундре, куда строгий хозяин пустил ее обсушиться и переночевать) — вот слагаемые «Дочери снегов».

Увлекательное повествование и неясное беспокойство «в гуще бурного потока» «обезумевших от жажды золота людей», томительное и не

всегда безопасное ожидание встречи со своими близкими, прекрасные северные пейзажи с неизменным полярным сиянием, враждебность индейцев, особенно к белым женщинам, грубость и наглость собственных соотечественников, разрушающие всякие привычные романные клише, — все это подчеркивает необычность романа. Многие приемы и находки этого произведения будут применены в киносценарии, а затем и в романе «Сердца трех». Конечно, «Дочь снегов» — менее цельна и менее реалистична, чем «Мартин Иден», но в этом произведении уже немало ценных художественных находок и открытых автором повествовательных возможностей, порой даже впечатляющих ситуаций, знаменующих обретение собственного стиля и переход автора к произведениям другого масштаба и качества.

Сила сильных

«Сила сильных» — сборник «разрозненных» и существенно отличающихся один от другого по тематике рассказов, написанных в конце 900-х и в начале 10-х годов XX века и вышедших отдельным сборником в канун Первой мировой войны (1914). Здесь нет единого хронотопа (пространственно-временного единства),

но цикл рассказов выглядит крепко сбитым и сцементированным единством проблематики, выраженной не слишком изящным крылатым индейским тавтологическим выражением — «сила сильных». Это также своеобразный бренд, лозунг, призыв к выживанию в нашем противоречивом и небезопасном мире.

Первое произведение, давшее название всему циклу, — полуаллегорический рассказ одного «живого» индейца, который представляет здесь свою жизнь и пережитое им самим и его племенем рыбоедов как краткую историю всего человечества. Люди его племени сперва жили на деревьях, потом перебрались в пещеры, питались исключительно честно выловленной рыбой — без всяких хитростей и приспособлений, затем занялись разведением коз — по примеру своих кровных врагов мясоедов, наконец, обзавелись семенами пшеницы и стали выпекать не только хлеб, но и гнать из нее огненную воду.

Наряду с такими технико-экономическими достижениями начинается неминуемое расслоение племени, из него выделяются вожди, воины-охранники, шаманы-предсказатели, богатеющие Жирные, изобретатели всяких новшеств и даже собственный певец — самый ничтожный

из соплеменников по прозвищу Жук. Долгий конфликт с мясоедами из-за женщин, из-за съестных продуктов еще больше усиливает дифференциацию среди соплеменников. Но проиграв несколько раз своим соседям, рыбоеды учатся побеждать. Их сила — в единстве, в согласованности действий, в неминуемом процессе разделения видов труда и общественных функций. Тут же появляются уже и самобытные характеры, определяемые с поэтической наивностью полудикого племени очень точно и по одному признаку. У героев — говорящие прозвища, иногда прозвища-характеры.

Внешне перестройка образа жизни и сознания рыбоедов закончилась как будто неудачей, их победили более сильные и с большим опытом мясоеды. Образовалось одно племя, но певец рыбоедов — уродливый и плюгавый Жук — уже перестроился и стал воспевать подвиги своих недавних врагов за кусок солонины и чашку маиса. И объединенное даже таким беспардонным образом племя стало все же намного сильнее.

Такова и большая человеческая история, представленная в конкретном и веселом миниатюрном изложении.

Рассказ «По ту сторону черты» (1909) переносит

нас уже в начало XX века.

Джек Лондон тонко представляет эволюцию подкупленного защитника существующего общественно-экономического строя. Фредди Друммонд — ортодоксальный профессор социологии в Калифорнийском университете, осуждающий несознательность рабочих и, в конце концов, переходящий к ним через черту — на другую сторону разделительного для богатства и нищеты рва.

В персонаже осуществляется весьма симптоматичное раздвоение личности. Здесь полуиронически, а порой и издевательски, излагается история собственной социалистической борьбы писателя за американскую революцию.

Помимо общественных переворотов и мятежей, существует еще и тихое, индивидуальное террористическое безумие маньяков, для которых жажда мести и собственное черное самоутверждение выше каких-либо нравственных ограничителей. Таким безумцем и «врагом всего мира» оказался герой одноименного рассказа Эмиль Глюк (1908). Общество поступило с ним несправедливо. Глюк в 1929 году попал в тюрьму Сан-Квентин (штат Нью-Йорк) за убийство собственной невесты Ирины Тэклей, которая

ушла, собственно, от него и дала согласие на брак другому. Глюк оказался первым подозреваемым в таком неприятном деле. Одиночная камера, требование на суде прокурором смертной казни. Психика явно нарушилась.

Но через несколько лет в убийстве девушки признался смертельно раненный бандит Тим Хэзуэлл. Глюка, отсидевшего уже три года в одиночке, еще более полугода держали в грязной камере, пока ни решили, наконец, освободить. За это время в его душе, обиженной человеческой несправедливостью и судебно-полицейской жестокостью, созрел коварный и жуткий план мести, который ему удалось осуществить, хотя, по его мнению, не до конца. Действие из прошлого перенесено в будущее, даже в 1941 год, причем фантазия писателя переплетается почти с пророчеством, связанным с проникновением внутрь исторических событий.

Действительность и художественная реальность в рассказе переплелись и слились. На этой основе создано немало самых суперсовременных фильмов-боевиков — со всеми их похищенными матрицами, дискетами и пр. Атмосфера страха, обычно сопровождающая эти фильмы, прекрасно передана и в рассказе Джека Лондона.

Конечно, «силе сильных» должна быть противопоставлена и их «слабость».

О ней хорошо рассказано в произведении под названием «Морской фермер». Здесь невзрачный с виду, невысокого роста капитан судна «Триапсик» — на самом деле незаурядная личность. Он ирландский фермер с острова Мак-Джилль, не любивший моря с детства. Но своим упорным трудом, хладнокровием капитан заслужил уважение матросов и начальства. Не раз ему приходилось с честью выходить из трудных ситуаций. От романтики не остается и следа. Шутка сказать: его помощника однажды разрезало кожухом паровой трубы пополам, как селедку…

Никому и в голову не приходит, что мечтает суровый капитан об одном: вернуться на родину к отцу, купить ферму на родном острове и жить нормально, как все люди, с любящей женой и сыном, который его сторонится и побаивается, ибо видит впервые. Надоела вся эта романтика, вечные опасности, скитания, надоело «перепахивать море». Такова обратная сторона демонстративной и неукротимой «силы сильных». Без этого второго плана не было бы Джека Лондона.

Таким образом, писатель осветил свою проблему с разных сторон, побывав вместе с читателем

в разных странах и на разных континентах. Это не только художественный, но и научный подход к изображаемому. Ему интересны и научные достижения, и дремучие вроде бы предрассудки, а также противоречия сильных личностей и парапсихология — желание заглянуть в будущее, что порой автору великолепно удается. В общественной истории нет однозначных и одномерных явлений. Как мы убедились, фантазия писателя опирается на действительные факты современной ему жизни, и автор пытается разглядеть в туманной дали неясное будущее современного человечества.